This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

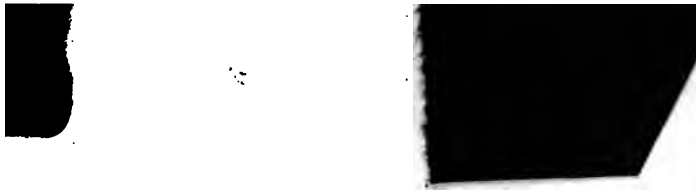
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

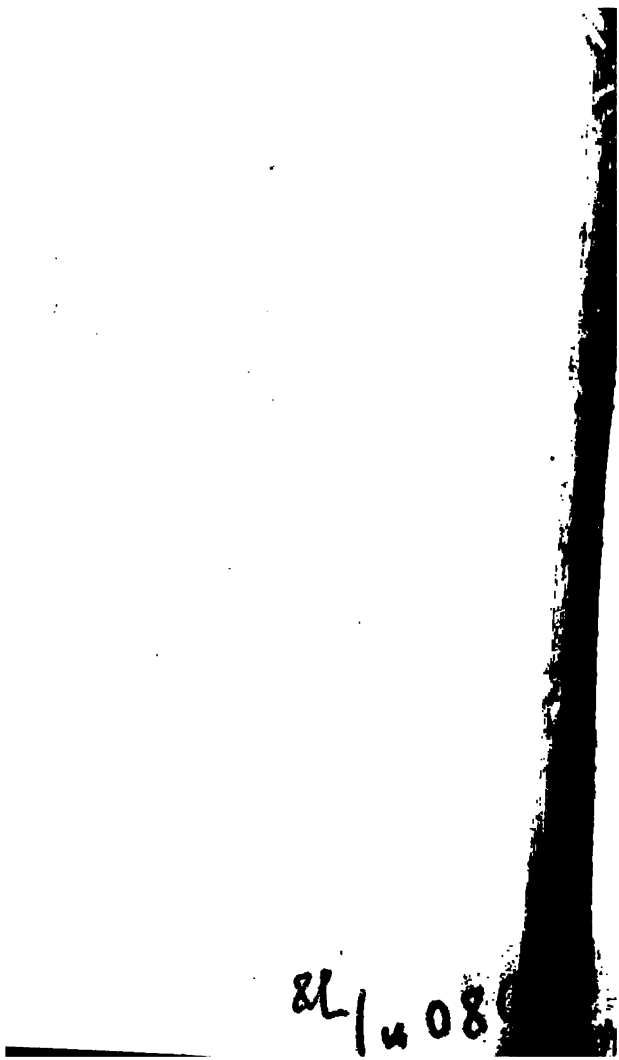
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



80 n|78

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА В. А. СОЛЛОГУБА.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

СОЧИНЕНІЯ

Соллогубъ, В. А.

СОЧИНЕНІЯ

ГРАФА

В. А. СОЛЛОГУБА.

ТОМЪ III.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ПРИДВОРНАГО КНИГОПРОДАВЦА
А. СМИРДИНА (сына).
1856.

PG 3361
.P7
1855
v.3

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено б Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземп. С. Петербургъ, 17 іюня 1855 года.

Ценсоръ *В. Бекеп*

Въ типографіи Юліуса Штауфа.

СИМБИРСКІЙ ТЕАТРЪ.

За Петербургомъ есть довольно-обширное пространство земли, именуемое Россіей. Это пространство раздѣляется на значительное количество губерній; въ каждой губерніи находится по одному губернскому городу. Въ числѣ губернскихъ городовъ, городъ Симбирскъ отличается своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ, но вмѣстѣ и некрасивостью своихъ зданій. Нѣкоторые петербургскіе жители, исключительно ограничивающіе свою жизненную дѣятельность однимъ Петербургомъ, не знаютъ, можетъ-быть, этихъ подробностей, и потому, по правиламъ строгой послѣдовательности, я объясняю сперва о существованіи города Симбирска, а потомъ и разскажу, пожалуй, какъ въ одно прекрасное утро я пріѣхалъ въ Симбирскъ.

Я пріѣхалъ въ Симбирскъ—да будетъ вамъ извѣстно, не въ первый разъ, и потому съ пріятнымъ удивленіемъ замѣтилъ на улицахъ двойную кайму лощатыхъ троттуаровъ—роскошь, до того времени въ Симбирскѣ небывалую. Прежде симбирскій годъ простодушно раздѣлялся на двѣ отдѣльныя эпохи: на эпоху грязи и на эпоху пыли. Полгода симбирскіе жители тонули въ различныхъ грязяхъ, отнюдь нецѣлительныхъ, а полгода протирали глаза, засоренные летучими песчинками. Теперь троттуары благодѣтельно охраняютъ симбирское здоровье и симбирскую обувь, и, кромѣ *того*, учрежденіе на улицахъ

шоссе, какъ пріятная мечта, улыбается въ будущемъ городскимъ обывателямъ и обѣщаетъ имъ совершенное уничтоженіе главныхъ неудобствъ ихъ мирнаго существованія. Однако мѣра эта только начала приводиться въ исполненіе, и потому я пріѣхалъ въ Симбирскъ еще въ самый разгулъ пыльной эпохи. Пріѣхавъ, я тотчасъ пошелъ шагать по троттуарамъ и вцѣпился въ перваго знакомаго человѣка, котораго могъ распознать подъ сѣроватымъ слоемъ, облѣпившимъ его съ ногъ до головы. Мы, какъ водится, другъ другу обрадовались. Онъ сталъ меня разспрашивать, что у насъ новаго, въ Петербургѣ; я сталъ у него разспрашивать, что у нихъ стараго, въ Симбирскѣ? гдѣ мои старые знакомые и пріятели? потому-что, будь сказано между нами, симбирскіе пріятели едва-ли не понадежнѣе петербургскихъ. Отвѣты получилъ я довольно-неудовлетворительные: иные въ деревнѣ, другіе за границей, третьи переѣхали за такую границу, изъ-за которой и возврата не бываетъ. Все это было довольно-грустно.

—Ну, какъ же вы поживаете? спросилъ я.

—Да четыре дня въ недѣлю въ клубѣ—и что за клубъ, еслибъ вы знали! Въ Петербургѣ нѣтъ такого клуба, разумѣется, кромѣ Дворянскаго Собранія.

—Ну, а остальное время?

—Остальное время у кого-нибудь изъ насъ собираемся...

—И что жь?

—Извѣстное дѣло: козыряемъ.

При этомъ словѣ мой собесѣдникъ громко засмѣялся.

—Въ преферансъ, замѣтилъ я.

—Да въ какой преферансъ! съ котломъ, съ оборотнымъ приглашеніемъ и съ консоляціями. Представьте, какой я вчера ремизъ поставилъ. Тузъ, король самъ-пятъ червей; тузъ, дама...

—Это что́ такое, прервалъ я его, указывая на неизвѣстное мнѣ строеніе, появившееся въ концѣ широкой улицы, посреди которой предположено сдѣлать современемъ бульваръ.

—Это? сказалъ онъ.—Это нашъ театръ. Его недавно выстроилъ кондитеръ. Порядочное зданьеце.

Зданіе, дѣйствительно, весьма порядочное, деревянное, съ лицевой стороны обшитое тёсомъ и къ тому же украшенное навѣсомъ для въѣзда экипажей.

—И актёры есть? спросилъ я.

—Какъ же, теперь есть. Изъ Саратова пріѣхали.

—И часто играютъ?

—Почти каждый день. Я, впрочемъ, не бываю.

—Плоховаты, видно.

—Разумѣется, дрянь.

—И смотрѣть не стоитъ?

—Помилуйте, какъ можно, особенно вамъ, послѣ Петербурга! Кстати, хотите я запишу васъ сегодня вечеромъ въ клубъ.

—Сдѣлайте одолженіе.

Мы разстались. Вечеромъ я былъ въ клубѣ, игралъ по 10 коп. въ преферансъ, выигралъ три съ полтиной и ушелъ съ головной болью спать къ одному знакомому, потому-что, за неимѣніемъ возможной гостинницы, въ Симбирскѣ еще сохраняется священное преданіе гостепріимства.

Не стану описывать здѣсь симбирской жизн
сосредоточившей съ нѣкотораго времени все с
свободное время въ любимомъ клубѣ или Благор
номъ Собраніи, которое убранствомъ своимъ, ве
колѣпной залой и общественнымъ тономъ дѣйст
тельно заслуживаетъ всякой похвалы. Не стану о
сывать быстраго развитія просвѣщенія въ наш
краяхъ. Не объ этой великолѣпной драмѣ на нео
зримомъ театрѣ нашей родины взялся говорить
сегодня, а о томъ смиренномъ театрѣ, котор
въ концѣ широкой улицы, ожидающей бульвара, с
ренно приглашаетъ посѣтителей. Часто проход
я мимо него, и всякій разъ мнѣ казалось, что
изъ-подъ навѣса, какъ исподлобья, поглядыв
на меня съ какимъ-то тайнымъ упрекомъ. И въ-
момъ-дѣлѣ, какъ было мнѣ—что они тамъ себѣ
говори и ни печатай—все-таки русскому литерато
отвернуться хладнокровно и презрительно отъ «х
ма музъ», сооруженнаго кондитеромъ посреди п
волжскихъ степей? Не долгъ ли мой былъ взгляну
какъ процвѣтаетъ искусство на той плодоносной
вѣ, которая такъ обильно даритъ насъ пшеницей
наконецъ, не святая ли обязанность всякаго худ
ника протянуть руку товарищамъ своимъ, на
комъ бы театрѣ и въ какой бы трущобѣ они ни
ли? Признаюсь чистосердечно: всѣ эти прекрас
разсужденія пришли мнѣ на мысль ровно три мѣс
послѣ прибытія моего въ Симбирскъ—такъ упр
бываетъ наша природа къ воспріятію началъ исти
и справедливости. Къ тому же, если говорить
правду, погода становилась несносная: на у

цѣ шелъ осенній снѣгъ, дулъ низовый вѣтеръ. Эпоха грязи рѣшительно наступала. Томимый тяжкимъ угрызеніемъ совѣсти, я отправился въ театръ и подалъ Аполлону цѣлковый рубль, въ дань своего раскаянія. Аполлонъ, принявшій на этотъ разъ черты стараго кассира, взглянулъ на меня съ тѣмъ удивленіемъ, которымъ вообще удостоиваютъ въ провинціи незнакомыхъ людей, и подалъ мнѣ на выборъ цѣлую груду билетовъ, изъ чего и заключилъ я, весьма основательно, что сборъ долженъ быть незначителенъ. Я вошелъ въ залу. Театръ не великъ, но выстроенъ умно; два ряда ложъ, партеръ, мѣста за креслами— все это чистенько. Видно, кондитеръ мастеръ своего дѣла. Въ партерѣ сидѣло два человѣка въ шубахъ; въ мѣстахъ за креслами терпѣливо дожидался татаринъ; кромѣ того, кое-гдѣ пестрѣли еще двѣ или три дамы, съ накинутыми на голову платками. Нѣсколько тусклыхъ лампъ сонно освѣщали эту новую степь, воздвигнутую посреди симбирской степи. Въ оркестрѣ дремало человѣкъ пять музыкантовъ, при слабомъ мерцаніи нагорѣвшихъ сальныхъ огарковъ. На душу ложилось какое-то непріязненное чувство бѣдности, грусти и пустоты. Сердце мое сжалось; я искренно пожелалъ, чтобъ актёры были изъ рукъ вонъ плохи.

Въ это время капельмейстеръ снялъ со свѣчей и подалъ знакъ: скрипка взвизгнула, альтъ ошибся, віолончель опоздалъ. Это обозначало аккордъ. Я былъ очень доволенъ, но, не знаю почему, мнѣ смѣяться не хотѣлось; оркестръ, прихрамывая на всѣ пять инструментовъ, продолжалъ такимъ образомъ какую-то

непостижимую симфонію, отъ которой у Бетговена вѣрно бы сдѣлалась горячка. Лучше и быть не должно, думалъ я. Поднялся занавѣсъ и громкій здоровый голосъ суфлёра началъ потрясать своды театра. Я былъ въ восхищеніи.

Но тутъ восхищенью моему скоро былъ конецъ. Первую пьесу съиграли порядочно. Мнѣ стало совѣстно; мнѣ хотѣлось-было остановить актёровъ, попросить ихъ не церемониться, не терять напрасно голоса и времени, а сказать что-нибудь, что̀ имъ угодно, на скорую руку, да и отпустить насъ съ миромъ по домамъ. Не тутъ-то было. За первой пьесой послѣдовалъ водевиль, передѣланный, кажется, съ французскаго, подъ заглавіемъ «Зятюшка». Вообразите мой ужасъ, мое отчаяніе! Его съиграли не то что посредственно, не то что порядочно; его съиграли превосходно; его съиграли такъ, какъ развѣ играютъ въ Александринскомъ Театрѣ, въ бенефисный день, когда зала трещитъ подъ зрителями, а кассиръ начинаетъ ужь отвѣчать неохотно на напрасныя требованія билетовъ. Въ пьесѣ участвовали четыре лица, и всѣ играли не только удовлетворительно, но замѣчательно-хорошо. Въ особенности актриса, исполнявшая роль тёщи, поразила меня естественностью и свободой своихъ движеній, благородствомъ голоса, что̀ для русской актрисы не маловажно, и глубокимъ комизмомъ, живо напоминавшимъ мнѣ нашу незабвенную m-me Bras. Я схватилъ афишку и отыскалъ имя г-жи *Ершовой*. Слыхали ли вы, читатель, когда-нибудь про г-жу *Ершову*? Я по-крайней-мѣрѣ, *грѣшный* человѣкъ, и не подозрѣвалъ ея существо-

вания. Г-жа *Ершова* женщина не молодая, не велика ростомъ, наружности, не смѣю сказать комической (во-первыхъ, изъ уваженія къ прекрасному полу, во-вторыхъ, потому, что обвиненіе мое было бы несправедливо), но наружности, возбуждающей то веселое расположеніе духа, которое внушаютъ появленія *Арналя*, m-le Flore, *Щепкина* или *Мартынова*. Взглядъ г-жи *Ершовой* остроуменъ, какъ взглядъ всякаго дарованья. Лицо ея передаетъ всѣ малѣйшіе оттѣнки, невыразимые въ словахъ. Она не говоритъ то, что̀ играетъ, а играетъ то, что̀ говоритъ. На петербургской сценѣ для ея ролей нѣтъ рѣшительно никого, и признаюсь, грустно мнѣ было видѣть такое блестящее дарованіе въ темномъ сараѣ, гдѣ судьями сидѣли двѣ шубы, татаринъ да я, зашедшій случайно въ театръ.

Надо по всей справедливости прибавить, что г-жѣ *Ершовой* усердно содѣйствовали двое молодыхъ актеровъ, г-нъ *Михайловъ* и г-нъ *Зальскій*. У обоихъ есть неподдѣльное призваніе; но скажите, ради Бога, какое призваніе можетъ окрѣпнуть и развиться предъ этимъ мертвящимъ равнодушіемъ публики? И зачѣмъ имъ трудиться, съ какою цѣлью? Что̀ у нихъ впереди и чѣмъ живутъ они? и что̀ такое театръ въ провинціи? Есть ли у него какое-нибудь значеніе и кому онъ нуженъ, скажите изъ милости.

Я невольно взглянулъ на шубы. Енотъ задѣлъ меня рукавомъ, извинился и завязалъ разговоръ.

—Вы недавно, кажется, изволили пріѣхать?

—Нѣтъ, около ужь трехъ мѣсяцевъ.

—Какъ вамъ нравится нашъ театръ?

—Да очень нравится, слишкомъ нравится. Я рѣшительно не понимаю, отчего такъ мало посѣтителей.

—Холеры боятся, отвѣчала молчаливая дотолѣ шуба, съ явнымъ желаніемъ оправдать своихъ сограждан передъ чужимъ человѣкомъ.

—Нѣтъ, сказала, вздохнувъ, первая шуба:—главная у насъ холера—карты, вторая у насъ холера—лѣнь, третья холера не что иное, какъ совершенное отсутствіе въ насъ драматической стихіи и, слѣдовательно, совершенное равнодушіе къ драматическому искусству.

—Помилуйте! воскликнулъ я:—да это страшное обвиненіе. Повторите пожалуйста. Вы говорите, что въ нашей жизни нѣтъ драматическаго элемента.

—Такъ точно!

—Вы говорите обо всемъ русскомъ народѣ?

—Такъ точно!

—Безъ исключенія?

—Безъ всякаго исключенія?

—Такъ позвольте же васъ остановить съ перваго слова: развѣ вы не знаете, что въ русскомъ народѣ есть два народа: одинъ бритый, а другой небритый; одинъ ходитъ во фракѣ, а другой въ зипунѣ; одинъ гибнетъ отъ запада, а другой сохраняетъ неприкосновенную народность.

Шуба нетерпѣливо пожала своимъ мѣховымъ воротникомъ.

—Всѣ эти подраздѣленія, продолжала она:—ничего не доказываютъ. Въ каждомъ народѣ вы видите

особый, свойственный его физіономіи типъ, или, если вамъ угодно, первообразъ. То же самое найдете вы и въ психологическомъ отношеніи, какъ потрудитесь только отбросить все, что зависитъ отъ наружныхъ привычекъ, отъ образа жизни и условій достатка. Повѣрьте, русскій баринъ гораздо ближе къ русскому мужику, чѣмъ къ иностранному аристократу. Франтъ, весело проматывающій имѣніе за границей, мужикъ, пропивающій шапку въ кабакѣ, дѣйствуютъ по одному началу. Въ каждомъ народѣ, или въ каждомъ человѣкѣ два начала: начало чувственное, начало духовное. Начнемъ съ темной стороны и будемъ говорить правду, Что омрачаетъ нашъ народный характеръ? Что порождается въ насъ чувственностью? — безпечность, лѣнь, пьянство, корысть посреди расточительности, карты, лихоимство и воровство. Всѣ эти грустныя свойства болѣе или менѣе отражаются во всѣхъ слояхъ нашего общества. Такъ, напримѣръ, вы часто видите, что богачъ утопаетъ въ долгахъ, купецъ обмѣриваетъ въ лавкѣ, чиновникъ продаетъ совѣсть; мужикъ рубитъ чужой лѣсъ. Всѣ родные братья въ разныхъ нарядахъ. Въ другихъ народахъ безнравственность ведетъ къ чувственности; у насъ безпечная чувственность ведетъ иногда къ безнравственности. Самая же безнравственность — стихія для насъ чуждая, и этимъ мы обязаны нашему святому духовному началу. Въ немъ наша сила и крѣпость, въ немъ наша твердая, непоколебимая вѣра, безъ которой нѣтъ благодати. Отъ него наша храбрость, наша веселость, наша щедрость и широкій размѣръ русской отваги, и здоро-

вый умъ нашъ, сметливый, рѣзкій и, слѣдовательно, слегка насмѣшливый. Эти свойства, или зачатокъ этихъ свойствъ, вы найдете почти въ каждомъ русскомъ, какъ бы онъ ни былъ одѣтъ и какою кличкой бы ни назывался. Не вѣрьте, ради Бога тѣмъ, которые станутъ вамъ говорить, что мы распались на части, что русскій народъ раздѣлился на славянъ, нѣмцевъ, французовъ и многія еще небывалыя племена. Мы, какъ во времена оныя, все тѣ же русскіе — и слава Богу! Иной и слова роднаго не знаетъ сказать правильно, а по складу ума своего, природнымъ привычкамъ и душевнымъ потребностямъ, такой же россіянинъ, какъ любой симбирскій помѣщикъ, вѣкъ невыползавшій изъ своей берлоги. «Поскоблите русскаго (говорилъ Наполеонъ), вы найдете татарина». По-моему, и скоблить нѣчего: русскій въ степи, русскій въ Лондонѣ—все тотъ же русскій; русскій за сохой, русскій за перомъ, русскій въ французской кадрилѣ—все тотъ же русскій. Называйте это силой породы, или народнымъ характеромъ, или, наконецъ, народностью—какъ вамъ угодно, но, по моему убѣжденію, о тождествѣ и духовномъ единствѣ всѣхъ различно-наряженныхъ нашихъ сословій и говорить нечего.

—Ну, положимъ, замѣтилъ я:—что вы нѣкоторымъ образомъ и правы. Да что́ жь этимъ доказывается?

—Этимъ ничего не доказывается, а опровергается только мнѣніе ваше относительно раздробленія нашей народности. Теперь мнѣ остается доказать, что въ этой сплошной народности ощущается недостатокъ драматизма— не такъ ли?

—Такъ точно. Объясните же, пожалуйста, любопытно послушать.

Шуба высморкалась и начала довольно-важнымъ тономъ:

—Начнемъ съ языка. Что поражаетъ васъ въ русскомъ языкѣ?—обиліе буквъ, обиліе звуковъ, неимовѣрная полнота, роскошная картинность, т. е. описательность, въ самомъ механизмѣ слова — не такъ ли? Отъ буквъ перейдемъ къ складу рѣчи: та же картинность, то же звукоподраженіе — не правда ли? — Безпрерывные синонимы, безпрерывныя прилагательныя, уменьшительныя, увеличительныя. Все это невольно приводитъ къ тому скромному ряду картинъ, живыхъ и граціозныхъ, которыя чарующъ насъвъ нашей народной поэзіи, въ преданіяхъ и пѣсняхъ нашего народа. Въ этихъ безсомнѣнно-лучшихъ произведеніяхъ нашего роднаго генія выражается не борьба, не страсть—нѣтъ, отъ нихъ такъ и вѣетъ тихимъ спокойствіемъ, теплымъ чувствомъ вѣры и покорности. Въ нихъ вполнѣ выражается начало семейное. Семья, община, монархія — вотъ основа нашего политическаго образованія. Вы, надѣюсь, въ этомъ не сомнѣваетесь.

—Сохрани меня Богъ! воскликнулъ я.

— Очень хорошо. При такихъ понятіяхъ личность, разумѣется, исчезаетъ. Съ личностью исчезаютъ борьба, требованіе, страсть, однимъ словомъ, драма. Начало семейное обнаруживаетъ, несомнѣнно, чувство долга, чувство обязанности, чувство безусловной покорности жизни и Провидѣнію. Свѣтлая, прекрасная сторона русской народности! Она нетре-

вожна, не драматична, какъ понятіе о личномъ дом гательствѣ, вѣчно требующемъ прогресса, въ тѣ ныхъ условіяхъ человѣческой силы. Она отражает вѣру въ самой жизни, и уже одной покорностью вл дычествуетъ и торжествуетъ надъ людской гордыне Признаюсь вамъ, въ нашей мнимой бѣдности я ви жу источникъ неисчерпаемаго богатства. Въ недо статкѣ драматизма и заключается, можетъ-быть, та на настоящаго величія русскаго народа, залогъ е высокаго, несомнѣннаго призванія.

— А литература? замѣтилъ я едва-внятнымъ го лосомъ:—а искусство?

— Литература можетъ и у насъ процвѣтать въ особенности если мы обратимся къ возможным источникамъ, къ родникамъ отечественнымъ. Да и чт такое литература вездѣ? — слабый отголосокъ на роднаго голоса, иногда даже просто звукъ фальшивы и ненужный въ стройномъ концертѣ. Извините... в тоже, кажется, литераторъ?

—Не знаю, право; да вы этимъ не смущайтесь.

— Наша, или, лучше сказать, ваша литератур только можетъ подтвердить мои слова. Въ не нѣтъ ни рѣзкаго вымысла, ни новаго художественна го созданія—вотъ вамъ лучшее доказательство, чт народность воплощается въ жизни. Мой мужикъ цѣ лыя сутки, говоритъ у меня староста, а все дёгтем пахнетъ. Ужь вы ли, скажите, не кидались в всѣ стороны? Ужь вы ли не перелаживали чужія по гудки на свой ладъ? Вы доходили до высокаго ли ризма, вы щеголяли вкусомъ и формой, наконецъ вы дошли до неимовѣрной вѣрности, до описательно

дагерротипности. Вы все подмѣтили, все списали мѣтко, ловко, умно, насмѣшливо, иногда даже съ горячимъ чувствомъ, съ свѣтлой восторженностью; но вы ничего не выдумали, ничего не изобрѣли. У насъ преобладаетъ наглядность — слѣдствіе нашего спокойствія, и нѣтъ вымысла, плода тревоги. У насъ могутъ быть отличные актёры, чему вы и ныне видите примѣръ, но не будетъ самобытной драмы — и слава Богу! Наша словесность, наше слово выше личности, выше страсти, выше драмы. Когда народы устанутъ отъ борьбы и драмы, они обратятся къ намъ. И наше слово — слово народное, слово знаменательное, будетъ словомъ примиренья. Итакъ утѣшьтесь, что водевили наши скучны, что въ театрѣ никого нѣтъ. Въ Петербургѣ посѣщаютъ театръ отъ лишняго времени, отъ лишнихъ денегъ, да изъ любопытства, да изъ моды. Въ Москвѣ театръ почти всегда пустъ. Въ провинціи — вы сами видите. Меня это ни мало не удивляетъ, потому-что театръ не соотвѣтствуетъ никакому изъ нашихъ духовныхъ требованій. Совсѣмъ тѣмъ г-жа *Ершова* женщина съ большимъ дарованіемъ, и жаль, что ее не цѣнятъ по достоинству. Однако пора, кажется, и по домамъ.

Дѣйствительно, послѣдняя пьеса кончилась. Татаринъ мирно спалъ на скамейкѣ. Дамы, съ накинутыми на голову платками, исчезли. Капельмейстеръ надѣлъ бережно что-то похожее на тулупъ, погасилъ сальные огарки, понюхалъ табаку и вышелъ. Мы безмолвно за ними послѣдовали.

—

ЧЕРТЫ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

1847 ГОДА.

—

I.

МАСКАРАДЪ ВЪ БОЛЬШОМЪ ТЕАТРѢ.

(Литературный блинъ).

Теперь, когда Петербургъ весе́лится съ утра вечера и съ вечера до утра, когда все гуляетъ и к тается, когда блинамъ нѣтъ счета и маскарада нѣтъ конца—слово веселое, расказъ шуточный, к жется, во́-время и къ мѣсту.

Впрочемъ, не читайте, пожалуй, если вамъ нед сугъ, если вы званы на блинный завтракъ или длинный обѣдъ, въ особенности, если вы надѣете встрѣтить кого-нибудь задушевнаго—что́ вамъ печатнаго мертваго вздора, когда вы заняты живым прелестнымъ вздоромъ? Ступайте-себѣ куда серд глядитъ и не думайте о насъ, бѣдныхъ, принявши на себя нелёгкую обязанность: подчивать васъ во вс кое время фёльетонными блинами.

А мы раскажемъ пока, не оттого, чтобъ разск зывать хотѣлось, а оттого, что расказывать над одинъ маскарадный случай, довольно-забавный и то же время довольно-грустный. Забавенъ онъ потом что дѣло идетъ о носѣ, въ которомъ, неизвѣстно к

чему, есть всегда что-то смѣшное, грустенъ потому, что онъ сопряженъ съ великолѣпной глупостью, а во всякой глупости, какъ вамъ извѣстно, есть что-то трогательное, обидное и безотрадное.

Этотъ случай, прошу думать, былъ не съ нами, писавшими эти строки, а съ однимъ изъ нашихъ литературныхъ товарищей, котораго никто здѣсь не узнаетъ. Почему же не узнаетъ, то объяснится въ концѣ нашего разсказа. Товарищъ нашъ, промышляющій обыкновенно прозой, но падкій, однакожь, и на стихи, человѣкъ неглупый, довольно-мечтательный, добрый малый, съ славянскимъ воображеніемъ, недоходящимъ до драматической силы, но достигающимъ нѣкоторой угарной теплоты. Учился онъ довольно-плохо и потому, можетъ-быть, сдѣлался поэтомъ, и, что́ хуже—присяжнымъ литерато́ромъ, и что́ еще хуже—критикомъ. Зовутъ его Максимъ Ивановичъ. Наружность его порядочная. Одѣтъ онъ всегда въ черное, вѣроятно, въ ознаменованіе того, что мы привыкли держать литературу въ черномъ тѣлѣ. Наклонности Максима Ивановича довольно-аристократическія, хотя онъ не сознается въ томъ; но намъ съ достовѣрностью извѣстно, что онъ не безъ душевнаго волненія смотритъ въ театрѣ на первый рядъ ложъ, гдѣ такъ пышно красуются оживленные цвѣты нашего дамскаго разсадника.

Мы даже замѣтили, что́ въ одной ложѣ особенно всегда привлекаетъ вниманіе Максима Ивановича извѣстная петербургская красавица, высокая, стройная съ черкесскимъ профилемъ, княгиня по званію, совершенство по красотѣ. Максимъ Ивановичъ съ ней незнакомъ, но *частенько* и съ чувствомъ погля-

дываетъ на ея ложу, да и золотой лорнетъ княгини нерѣдко останавливается на Максимѣ Ивановичѣ, вѣроятно, изъ невиннаго любопытства посмотрѣть, что́ за звѣрь русскій поэтъ, а, можетъ быть, и такъ-себѣ, невзначай. Въ этихъ случаяхъ Максимъ Ивановичъ принимаетъ видъ задумчивый и восторженный, а княгиня смотритъ тотчасъ равнодушно въ другую сторону.

Впрочемъ, въ сочиненіяхъ своихъ Максимъ Ивановичъ немилосердо казнитъ современные нравы, очень краснорѣчиво говоритъ о пустотѣ большаго свѣта, ему неизвѣстнаго, и проклинаетъ безчувственность свѣтскихъ дамъ, съ которыми смертельно хотѣлъ бы познакомиться.

Вы, вѣрно, желали бы узнать, кто именно этотъ Максимъ Ивановичъ, кто именно эта княгиня. Извольте... но нѣтъ, ничего не скажу обстоятельнѣе, а если вы догадливы, то изъ заключенія анекдота вы поймете, почему я ограничился одними намеками.

Въ первомъ маскарадѣ нынѣшняго года Максимъ Ивановичъ скучалъ, по общему обыкновенію. Нѣсколько незавидныхъ домино, съ брильянтами на головѣ, атаковали его мимоходомъ безсмысленными привѣтствіями и вопросами о здоровьѣ. Нѣкоторыя спросили его даже вѣжливо, не подаритъ ли онъ скоро публику новымъ произведеніемъ своего пера. Максимъ Ивановичъ отвернулся къ нимъ спиной и, взявъ одного журналиста за руку, принесъ ему горькую жалобу на то, что печатать статьи въ газетахъ бѣдовое дѣло: наборщики набираютъ опечатки. Журналистъ отвѣчалъ, что виноваты сами авторы, слиш-

комъ поздно присылающіе оригиналъ и не провѣривающіе исправно корректуры, что за ними не угонишься, а газета вещь срочная, на томъ и держится, какъ блинъ должна быть тутъ. На это Максимъ Ивановичъ хотѣлъ еще что-то отвѣчать, но разговоръ былъ прерванъ миловиднымъ появленіемъ граціозной и щегольской маски, которая, коснувшись букетомъ руки Максима Ивановича, увлекла обрадованнаго литератора въ ряды кочующихъ маскарадныхъ паръ.

—Мнѣ давно хотѣлось съ тобой познакомиться, сказала маска мягкимъ, металлическимъ голосомъ.

—И мнѣ тоже, отвѣчалъ довольно удачно Максимъ Ивановичъ.

—Какъ, тебѣ? да ты не знаешь кто я...

—Все равно... Я чувствую, что ты хороша, я вижу, что ты граціозна, я надѣюсь, что ты умна. Вотъ почему мнѣ такъ давно хотѣлось съ тобой познакомиться.

Маска разсмѣялась. Видно было, что выходка Максима Ивановича ей понравилась.

—А если вы ошибаетесь, сказала она.—Если я дурна какъ смертный грѣхъ?..

—Во-первыхъ, это неправда, прервалъ Максимъ Ивановичъ.—А если бы и въ самомъ дѣлѣ, такъ что жъ? Нѣтъ женщины, которая не имѣла бы своей красоты. Мы, люди эксцентричные, тѣмъ хороши, что не любимъ ничего условнаго и находимъ прелесть именно тамъ, гдѣ прочіе люди ничего не замѣчаютъ.

—Такъ вы могли бы любить женщину съ отвратительнымъ лицомъ?

—Женщинъ съ отвратительнымъ лицомъ я не видывалъ и не вѣрю, чтобъ такія быть могли. Нахожу даже, что въ женщинѣ, обиженной природою, есть что-то возбуждающее участіе и трогательное, а въ гордой самонадѣянности красавицы—что-то досадное и даже неучтивое.

—И къ тому же, замѣтила маска:—красота проходитъ скоро, а безобразіе никогда. Напротивъ того, красота уменьшается, а безобразіе увеличивается, что̀ гораздо вѣрнѣе.

—Смѣйся пожалуй. Посмѣемся вмѣстѣ, а я-все-таки останусь правъ. Зачѣмъ любить красавицу, которая и безъ того избалована природой и людьми, которая слишкомъ собой довольна, чтобъ имѣть время пожалѣть о комъ-нибудь, которая, наконецъ, всегда будетъ взыскательна, потому-что не найдетъ подобнаго себѣ? Нѣтъ. Въ любви я предполагаю равенство. Я не хочу любить женщины, недорожащей моей привязанностью. Я не хочу насмѣшки и презрѣнія за всю мою задушевную преданность. Я самъ гордъ, хотя не избалованъ судьбой. Я самъ богатъ, хотя только одними душевными не казистыми сокровищами. Я одинокъ, неловокъ, дуренъ... но я могу любить такъ, какъ ни одинъ изъ этихъ распомаженныхъ щеголей.

—Право? сказала съ нѣкоторымъ волненіемъ маска.—Сядемте. Я устала.

Они сѣли. Разговоръ продолжался.

Они говорили, разумѣется, о любви, о томъ, что въ Петербургѣ не умѣютъ любить, не привыкли *любить*, нельзя любить. Маска вполнѣ раздѣляла это

мнѣніе и, отъ разсѣянности, вѣроятно, оставила свою крошечную ручку въ широкой рукѣ литератора. Максимъ Ивановичъ съ чувствомъ продолжалъ свою благородную защиту женскаго безобразія, но въ то же время глядѣлъ съ наслажденіемъ на узенькую ножку, на тростниковую талію, на чудный складъ своей собесѣдницы. Нескромнымъ взоромъ онъ проникъ даже за несносную маску и увидѣлъ — счастливый человѣкъ!—за черной, кружевной оборкой, розовый подбородокъ, коралловыя уста и рядъ сверкающихъ жемчужинъ. Литераторъ воспламенился не на шутку и понесъ страшный вздоръ; но этотъ вздоръ именно потому и понравился, что былъ вздоромъ, то есть невольной данью признаннаго ума сокрушительному вліянію женской власти. Максимъ Ивановичъ заговорилъ о какихъ-то звѣздахъ, о какихъ-то лучахъ, о какомъ-то невольномъ родствѣ и повторилъ съ смущеніемъ всѣ извѣстныя метафоры мечтательныхъ школьниковъ. Къ оправданію его надо присовокупить, что онъ чувствовалъ, что всѣ слова его выходили неловки и грубы; но, привыкнувъ играть словами и не уважать слова, онъ не находилъ выраженій, могущихъ передать то, что́ чувствовалъ въ-самомъ-дѣлѣ въ эту минуту. Онъ внутренно бѣсился, мѣшался, робѣлъ и проклиналъ свое тупоуміе, неизобрѣтающее внезапно ничего новаго, ничего оригинальнаго, ничего эффектнаго. Но чѣмъ болѣе онъ завирался, тѣмъ съ бо́льшимъ вниманіемъ слушала его маска. Быть-можетъ, лихорадочные порывы истиннаго волненія задѣвали ея любопытство; быть-можетъ, *она* находила въ отрывистой

рѣчи поэта что-то сходное съ своей вѣчно-непонятой и вѣчно-стѣсненной судьбой.

—Прощайте, сказала она вдругъ.—Вы странный человѣкъ! Въ будущемъ маскарадѣ мы увидимся. А теперь пора ѣхать: пріятельница моя меня дожидается. Прощайте!

—Какъ, не-уже-ли вы ужь ѣдете? печально сказалъ литераторъ. — И я не узнаю васъ? не увижу васъ?

—Я вамъ сказала, что я дурна.

—Все-равно... я хотѣлъ бы только узнать, какія черты я долженъ носить въ душѣ? кому я долженъ сохранить любовь и благодарность за лучшія, можетъ-быть, минуты, которыя я провелъ въ жизни.

Маска протянула ему руку.

—До будущаго маскарада, сказала она и, въ сопровожденіи безмолвной пріятельницы, поспѣшно скрылась въ корридорахъ Большаго Театра.

Максимъ Ивановичъ задумчиво отправился домой. Онъ провелъ цѣлую недѣлю въ какомъ-то радостномъ безпокойствѣ. Литература собственнаго издѣлія надоѣла ему до невѣроятія. Какъ ни принимался онъ писать стансы и октавы къ ней, къ незнакомой, къ тремъ звѣздочкамъ, къ черному домино—все выходило изъ рукъ вонъ плохо. Онъ бросилъ перо и схватился за книгу, разумѣется, за «Новую Элоизу», за этотъ чудный романъ, въ которомъ такъ энергически выражается вся исторія человѣческаго сердца, и читая жгучія посланія восторженной любви, онъ невольно негодовалъ на свою обыкновенную дюжинную натуру, неумѣющую воспрянуть изъ омута

обыкновенной жизни, чтобъ возвыситься до полнаго упоенія, до словъ, соотвѣтствующихъ душевной тревогѣ. Однакожь, онъ сдѣлался другимъ человѣкомъ. Въ теченіе цѣлой недѣли онъ ни на кого не сердился, никому не завидовалъ, никого не задѣвалъ и не хотѣлъ задѣвать, не подвизался вовсе на полѣ литературной брани и сдѣлался до того тихъ и скроменъ, что даже почти разочаровался насчетъ собственнаго дарованія. Онъ ходилъ по улицамъ съ таинственной улыбкой и смиреннымъ видомъ. Онъ заказалъ себѣ новый фракъ, выбралъ два жилета и обстригся по послѣдней модѣ.

Недѣля прошла, какъ проходятъ всѣ недѣли. Наступилъ день, или, что правильнѣе, наступила ночь втораго маскарада.

Максимъ Ивановичъ, въ новой шляпѣ, въ новомъ фракѣ и даже слегка раздушеный, изъ первыхъ явился въ Большой Театръ. Долго прохаживался онъ среди возраставшей толпы, осматривая тщательно всякую входящую маску и отвѣчая довольно-грубо любопытствующимъ знать, скоро ли онъ подаритъ публику новымъ произведеніемъ своего пера. Наконецъ въ боковой двери мелькнуло черное атласное домино съ кружевами, съ букетомъ, отсвѣчивая тѣмъ магическимъ отблескомъ, который всегда озаряетъ любимую женщину. Не оглядываясь, не вступая ни съ кѣмъ въ предварительные разговоры, маска подошла прямо къ поэту.

Итакъ въ-самомъ-дѣлѣ ожиданіе его не было напрасно: она пріѣхала для него, единственно для

него. Она никого другаго не ожидаетъ и не ищетъ; она думала о немъ.

—Я сдержала слово, сказала она, подавая ему руку.

—Я въ этомъ былъ увѣренъ, отвѣчалъ онъ.—Мнѣ что-то говорило, что вы меня не обманете. Обманъ былъ бы слишкомъ жестокъ: я не заслужилъ его.

—Итакъ, вы думали обо мнѣ, желали меня видѣть?

—Спросите у осужденнаго на казнь: думаетъ ли онъ о помилованіи? спросите у умирающаго: желаетъ ли онъ исцѣленія?

Говоря это, они непримѣтнымъ образомъ поднялись по извѣстной маскарадным посѣтителямъ деревянной лѣстницѣ и очутились въ театральныхъ залахъ. Сидѣвшія тамъ пары, озабоченныя собственными дѣлами, не обратили на нихъ вниманія. Они уединились въ уголку.

—Вы мнѣ нравитесь, сказала вдругъ маска нѣжнымъ голосомъ.—Кто знаетъ, можетъ-быть, я найду въ васъ ту чистую, безкорыстную любовь, которой я напрасно ожидала отъ другихъ. Я сама странная женщина. Докажите мнѣ, что вы любите меня, а не идеалъ вашей сочинительской фантазіи, и я чувствую, что я готова васъ полюбить.

—Это значитъ, что вы меня не любите.

—Намедни я начинала васъ любить.

—А теперь?

—Теперь не знаю. Мужчины такіе гадкіе!

—Не сравнивайте меня съ прочими мужчинами: я не похожъ на нихъ. Жизнь уединенная, любовь къ

природѣ, наконецъ, самыя мои занятія выработали изъ меня человѣка страннаго, можетъ-быть, смѣшнаго, но за то твердаго и самобытнаго.

Говоря это, онъ патетически провелъ рукой по завитой прическѣ. Маска была дѣйствительно взволнована. Она начала разспрашивать разнѣженнаго литератора: о комъ онъ думалъ, когда писалъ, сколько разъ былъ влюбленъ, и въ кого именно. Максимъ Ивановичъ отвѣчалъ, что онъ никогда истинно влюбленъ не былъ. Правда, увлекался иногда обманчивыми сіяніями нашихъ холодныхъ метеоровъ, но что трудно разогрѣться на морозѣ: онъ скоро былъ разочарованъ и потому вѣчно сиротѣлъ думой, вѣчно былъ несчастливъ и недоволенъ.

Все это разсказывалось очень долго, но говорилось отъ душевнаго убѣжденія и слушалось съ сердечнымъ участіемъ.

—Счастлива будетъ та женщина, сказала маска: —которая васъ утѣшитъ и пойметъ.

—Зачѣмъ же вы меня дразните? воскликнулъ поэтъ.—Развѣ вы не видите, что вы меня съума свели, что вы безотлучно зажили въ моемъ сердцѣ и въ моей головѣ, что вы заставляете меня говорить такой смѣшной для васъ бредъ, что мнѣ самому странно его слышать? Развѣ вы не чувствуете, наконецъ, что я полюбилъ васъ какъ безумный?

—Да вы меня никогда не видали.

—Все-равно, я васъ угадываю. Я люблю звукъ вашего голоса, я люблю ваши движенья, я люблю вашу поступь... Ну, я люблю васъ просто, такъ, безъ причины, потому-что мнѣ надо васъ любить.

Маска нѣжно пожала его руку.

—И за всю мою преданность, продолжалъ нл менно Максимъ Ивановичъ—за всю любовь мою, про шу васъ, умоляю васъ, не откажите мнѣ въ мое усердной, единственной мольбѣ: дайте мнѣ взглянут на васъ, приподымите вашу маску.

—Какъ можно! воскликнула она.

—На одно мгновеніе, на одну секунду, чтобъ об лечь только въ форму мою любовь, чтобъ доказат мнѣ только, что я не совсѣмъ вамъ чужой.

—Берегитесь! сказала маска: — я предварил васъ: я дурна собой, очень дурна.

—Будьте вы безобразнѣе любой модной пѣвицы я повторяю вамъ: мнѣ все-равно. Не откажите толь ко. Заставьте несчастнаго быть счастливымъ хот на одну минуту; повѣрьте, и минута хорошее дѣло

—Извольте, сказала она рѣшительно, встава съ мѣста:—только пѣняйте ужь на себя.

Обрадованный литераторъ предложилъ ей поспѣш но руку и они отправились въ корридоръ второг яруса. Тамъ все было по обыкновенному. Двѣ, тр пары сидѣли по уголкамъ, углубившись въ занима тельные разговоры. Сѣдой капельдинеръ дремалъ н креслахъ, по обязанности службы.

Маска остановилась.

—Вы этого хотите?

Максимъ Ивановичъ умоляющимъ образомъ сло жилъ руки.

Таинственная незнакомка отступила на два шага поспѣшно сдернула маску и тотъ же часъ надѣла е на лицо, но этого мгновенія было достаточно. Мак

симъ Ивановичъ стоялъ какъ пораженный громомъ. Въ глаза ему бросился носъ, но такой носъ, какого онъ не видывалъ и не предполагалъ въ природѣ: носъ малиноваго цвѣта, съ посторонними украшеніями, нѣчто среднее между апельсиномъ и клубникою, нѣчто поражающее, невиданное, страшное, убійственное.

—Я исполнила ваше желаніе, скромно сказалъ носъ, обратившись снова въ обворожительную маску.

—Я очень благодаренъ, уныло отвѣчалъ литераторъ въ совершенномъ замѣшательствѣ. — Конечно-съ... Теперь я васъ знаю... Мнѣ пріятно... то есть... я очень счастливъ... Не правда ли, какъ здѣсь жарко?.. Не сойдти ли намъ внизъ?.. Какъ вы думаете?..

Они молча возвратились въ залу. Максимъ Ивановичъ хотѣлъ поддержать разговоръ, но рѣшительно не могъ: этотъ носъ такъ и плясалъ передъ его глазами. Печально обходили они залу, замѣчая, что тѣсно, что жарко, что много пустыхъ ложъ, что становится поздно и маскарадъ подходилъ уже къ концу. При одномъ поворотѣ Максимъ Ивановичъ потихоньку высвободилъ руку свою отъ руки маски и пустился бѣжать не оглядываясь. Прибѣжавъ въ боковую залу, гдѣ, среди густаго табачнаго дыма, проголодавшіеся искатели приключеній терзали, въ видѣ ужина, изсохшихъ рябчиковъ, Максимъ Ивановичъ закричалъ «шампанскаго!» такимъ дикимъ голосомъ, что четверо служителей бросились къ нему, какъ къ утопающему, а всѣ ужинавшіе оборотились.

Максимъ Ивановичъ упалъ на кресла передъ столомъ, облитымъ различными винами. У стола сидѣли двѣ худенькія маски съ весьма толстымъ господиномъ, нѣсколько молодыхъ людей во фракахъ и два адъютанта, которые привѣтствовали литератора извѣстнымъ вопросомъ: скоро ли онъ подаритъ публику новымъ произведеніемъ своего пера. Одинъ собесѣдникъ прибавилъ даже, что, неизвѣстно почему, онъ ничего не читалъ изъ сочиненій Максима Ивановича, хотя, впрочемъ, всѣ очень хвалятъ. Но Максиму Ивановичу было не до этого. Онъ выпилъ залпомъ два стакана шампанскаго и съ ожесточеніемъ принялся за какой-то мыльный майонезъ самаго двусмысленнаго произведенія. Не успѣлъ онъ поморщиться отъ перваго глотка, какъ вдругъ кто-то слегка коснулся его новаго фрака. Максимъ Ивановичъ обернулся: за нимъ стояла неотвязчивая маска, граціозно опираясь на спинку его стула.

Адъютанты взглянули не нее съ удивленіемъ.

—Не правду ли я тебѣ говорила, сказала маска своимъ очаровательнымъ голосомъ:—ты не лучше прочихъ.

—Хочешь шампанскаго? грубо спросилъ подгулявшій писатель.

—Нѣтъ, отвѣчала она, обидясь:—я пришла проститься съ тобой, навсегда проститься.

Максимъ Ивановичъ привсталъ-было, чтобъ извиниться, но снова упалъ на стулъ. Этотъ ужасный носъ тяготѣлъ надъ нимъ, какъ семипудовая гиря. Онъ давилъ ему спину и плечи страшною тяжестью,

не давалъ ему простора, не позволялъ вздохнуть свободно.

—Прощай, сказалъ онъ съ досадой.—Ступай-себѣ на всѣ четыре стороны: скатертью дорога. Я не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно морочить. Меня не легко водить за носъ... не то, что тебя, прибавилъ онъ сквозь зубы.

Сказавъ это, Максимъ Ивановичъ опомнился. Хитль его прошелъ разомъ. Онъ показался самъ себѣ грубымъ, глупымъ, низкимъ, отвратительнымъ. Онъ хотѣлъ воротить сказанное, но ничто въ жизни не возвращается.

—Прощай, сказала звонко, разсмѣявшись, молодая женщина.—Береги это на память... и, поспѣшно снявъ изъ-подъ маски красный картонный носъ, она презрительно бросила его на тарелку одурѣвшаго литератора.

—Жоржъ! сказала она потомъ, обращаясь къ адъютанту:—отведите меня до моей кареты.

Адъютантъ поспѣшно вскочилъ съ мѣста, почтительно предложилъ маскѣ руку и оба скрылись въ дверяхъ.

Другой адъютантъ, взявшись за бока, хохоталъ какъ сумасшедшій.

—Что съ вами? спросилъ оторопѣвшій Максимъ Ивановичъ:—что тутъ смѣшнаго?

—Вы давно знакомы съ княгиней?

—Съ княгиней?.. съ какой княгиней?.. Гдѣ вы тутъ видѣли княгиню?

—Ну, да вотъ съ княгиней, которая, кажется, оставила *васъ съ носомъ*, двоюродная сестра Жор-

жа. Какая оригинальная женщина! Вообразите, нынче утромъ разсказалъ маленькую испанскую вѣсть, подъ названіемъ: «Носъ», а она вздумала реложить ее на петербургскіе нравы. Вѣдь это, жется, частенько дѣлается у васъ, въ вашей л ратурѣ?

—Княгиня... Она!.. Это была она! судоро закричалъ Максимъ Ивановичъ и бросился-было жать за ней въ погоню, но служитель останов его порывъ учтивой просьбой расплатиться сп за ужинъ.

А между-тѣмъ маскарадъ кончился.

II.

ГИМНАСТИКА. — МАСКАРАДЪ БЛАГОРОДНАГО ТАНЦОВАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.—ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ БАЗАРЪ.

Вы, можетъ-быть, нездоровы: у васъ кашель, насморкъ, лихорадка, воспаленіе. Вы, чего добраго, пошлете за докторомъ. Докторъ пропишетъ вамъ лекарство. Вы полежите въ постели, посидите въ комнатѣ, поскучаете порядкомъ, да, пожалуй, еще и выздоровѣете. Но я васъ долженъ предварить: вы провинціалъ, помѣщикъ, пріѣзжій изъ Саратова. Вы отстали отъ вѣка, вы погрязли въ заблужденіяхъ и просто жалки; вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о нашихъ современныхъ прогрессахъ. Вы даже и того не знаете, что медицины уже нѣтъ теперь на свѣтѣ: долго жить приказала, погибла, уничтожена, въ прахъ разбита. Да и что въ ней, негодной, въ-самомъ-дѣлѣ? Вѣчные опыты, вѣчныя изученія, а люди все-таки умираютъ. Прочь съ этой медициной! Теперь такой вѣкъ, что все можно знать, ничему не учившись. Кому угодно быть докторомъ — сдѣлайте одолженіе, попросту, безъ церемоніи, я докторъ, вы докторъ, онъ докторъ, мы всѣ доктора: стоитъ только встать въ хорошемъ расположеніи духа, или прибить кого-нибудь *хорошенько*.

Этотъ нескромный, хотя сильный способъ, і
пріятно отзывается въ вашемъ слухѣ. Какъ пр
бить? говорите вы. Кого прибить? Что за выраз
ніе! Будто мы въ-самомъ-дѣлѣ такъ уже отъ вс
отстали, что насъ можно морочить всякими пуст
ками. Старая медицина исчезаетъ — это мы са
знаемъ. Присницъ смылъ ее водою; Ганнеманъ
ратилъ въ пылинку; Распайль выкурилъ, а маг
тизмъ усыпилъ навѣки. Но драться... это у
что-то черезчуръ. Развѣ у насъ любовь къ нау
до того воспламенила умы, что вызываетъ приве
женцевъ различныхъ мнѣній на кровавыя побои
на запрещенные поединки? Успокойтесь: наука і
детъ себя въ Петербургѣ такъ смирно и добропо
дочно, что никто даже о ней и не слышитъ. Н
говорили не о грубой, простонародной дракѣ, а
дракѣ въ отношеніяхъ эстетическомъ, гимнасти
ческомъ и медицинскомъ, о дракѣ щегольской и м
ной, о рукопашномъ боѣ на англійскій манеръ,
русскіе кулаки. Хотите быть щеголемъ, хотите, п
сто, быть здоровымъ—учитесь гимнастикѣ. У в
больной пріятель, вы безпокоитесь за него: дум
тутъ нечего—ударьте его хорошенько: онъ не ос
нется равнодушенъ къ этому доказательству ва
дружбы; онъ вамъ отплатитъ тѣмъ же. Вы е
онъ васъ, кто кого — и пошла потѣха. Глядь
больному лучше. Бѣда небольшая, что глазъ
него подбитъ, или нога у васъ вывихнута; глав
дѣло — вы направили друга на истинный путь;
доказали ему, что вся медицина у него въ собств
ныхъ рукахъ.

Отчего предки наши были здоровы?—отъ правильной жизни, что ли? вовсе нѣтъ; оттого, что они тѣшились кулачными боями. Нынѣче это не въ модѣ и оттого современное поколѣніе совершенно развинтилось. У кого голова болитъ, у кого бокъ; каждый лечится отъ какой-нибудь хронической болѣзни. Еще бы немного—и весь Петербургъ захворалъ бы. На здоровыхъ стали бы указывать пальцами, какъ на уродовъ, какъ на странныя исключенія изъ общаго правила. Болѣзнь называлась бы здоровьемъ, а здоровье—болѣзнью. И все это отъ сидячей жизни отъ недостатка движенія, отъ незнанія гимнастики. Къ тому же, при неповоротливомъ образѣ жизни, кровь сгущается, нервы ослабѣваютъ, воображеніе гаснетъ, умъ тупѣетъ. Отчего, напримѣръ, говоримъ мы такъ много пустяковъ? отчего мы печатаемъ такъ много вздора? отчего намъ скучно? отчего мы жалуемся на дурную погоду? Единственно оттого, что мы не знаемъ гимнастики. Гимнастика не только вылечиваетъ отъ всѣхъ тѣлесныхъ недуговъ, но, въ добавокъ, ободряетъ духъ, оживляетъ и веселитъ сердце. Васъ обманула любимая женщина, васъ предалъ вашъ лучшій другъ, васъ обошли на службѣ, васъ разбранили въ журналахъ, вы написали плохую статью, вы сказали глупость, вамъ скучно, досадно или грустно, вы упадаете духомъ, вы изнемогаете, вы близки къ отчаянію—и вотъ васъ надоумилъ добрый человѣкъ. Взыгравъ воинственнымъ духомъ, вы машете руками, топаете ногой, скачете, прыгаете, вертитесь, деретесь и пляшете; вамъ вдругъ все кажется смѣшнымъ, на-

чиная съ васъ самихъ. Кровь ваша разыгралась.. вамъ любо и весело, вы отряхнулись—и пошли гого лемъ. Чорту не братъ! Печаль забыта. Просто какъ съ гуся вода. Но этого мало: гимнастика сама по-себѣ наука полная глубокаго значенія. Она раздѣляется, какъ вамъ, можетъ-быть, извѣстно, на двѣ отдѣльныя части: пассивную или страдательную, активную или дѣйствующую. Въ первой васъ бьютъ; во второй вы бьете другихъ. Въ промежуткахъ же васъ заставляютъ носить разныя тяжести. На этихъ простыхъ началахъ основана вся философія жизни. Этимъ нехитрымъ символомъ выражается весь европейскій бытъ XIX-го вѣка, съ его политическими задачами, литературными знаменитостями и желаніемъ обогатиться во что́ бы ни стало.

И потому неудивительно, что гимнастика, какъ начало всѣхъ свѣтскихъ началъ, какъ наука всѣхъ важныхъ наукъ, съ недавняго времени укоренилась въ Петербургѣ для обученія желающихъ сдѣлаться сильными. Мы слыхали даже, не безъ удовольствія, что у насъ основана въ большой Морской Гимнастическая Академія, передъ которой всѣ прочія ученыя академіи, разумѣется, нѣсколько блѣдны и слабоваты. Тутъ преподается въ формулахъ несложныхъ и весьма удобопонятныхъ послѣднее слово всѣхъ житейскихъ вопросовъ, ultima ratio, das Faustrecht, какъ говорятъ нѣмцы.

Вы думаете, можетъ-быть, что этимъ головоломнымъ предметомъ занимаются у насъ исключительно одни наши мужчины, вѣчно-жаждущіе прочнаго образованія. Опять я долженъ назвать васъ помѣщикомъ,

пріѣзжимъ изъ Саратова, совершеннымъ невѣждой въ дѣлѣ общаго усовершенствованія. Развѣ вы не читали Санда? Развѣ вы не знаете, что женская слабость не что иное какъ предразсудокъ? Не-уже-ли вы еще думаете, что призваніе женщины только въ томъ и заключается, чтобъ быть матерью своихъ дѣтей, хозяйкой своего дома, женою своего мужа? Вѣдь это мы все сами выдумали; мы, эгоисты-мужчины отстранили, для бо́льшаго простора, цѣлую половину человѣчества. Чѣмъ женщины насъ хуже? Отчего не раздѣлять бы имъ съ нами нашихъ гражданскихъ обязанностей? Всякому по способностямъ. Нашъ міръ, какъ ни старъ, а вотъ только теперь догадался. Женщина можетъ быть чиновникомъ, судьей, воиномъ, не хуже насъ грѣшныхъ. Да еще вотъ какъ: жена ваша можетъ возсѣдать въ департаментѣ, а вы можете нянчиться дома съ грудным ребенкомъ, или стряпать на кухнѣ, если чувствуете къ тому призваніе. Супруга ваша можетъ гарцовать на конѣ передъ эскадрономъ, а вы вяжите себѣ чулокъ, или вышивайте попугая на канвѣ, коли любите поэтическую тишину домашняго крова. Женщина теперь опомнилась и требуетъ новыхъ правъ, новой дѣятельности, новаго значенія. Одного недостаетъ ей еще до сего времени для осуществленія опасныхъ замысловъ, а именно: силы, этого орудія, которое составляло до-сихъ-поръ нѣсколько-грубое, но несомнѣнное преимущество мужчинъ. Но въ такой бѣдѣ пособить можно. Развѣ нѣтъ у насъ гимнастики?

Гимнастика даетъ силу слабому, увѣренность нерѣшительному; съ гимнастикой и женщина можетъ

сдѣлаться богатыремъ. Безъ гимнастики и мужчин часто не что иное, какъ баба.

Не знаю, вѣрить ли слухамъ, а намъ съ достовѣрностью утверждали, что и наши петербургскія дам начали тихомолкомъ заниматься гимнастическими уп ражненіями, въ тотъ ранній часъ, когда нѣтъ еще доступа въ цвѣтистые кабинеты. Прибывшій недавно изъ за границы извѣстный силачъ, который подымаетъ в шутку до пятидесяти пудовъ, является къ нимъ с гирями, лѣстницами и гимнастическими снарядами и тутъ начинается любопытная церемонія. Сѣверны красавицы носятся по комнатѣ гимнастическими ша гами, розовыми пальчиками подымаютъ съ трудомъ ле гонькія гири и разводятъ руками, служившими до толѣ только блаженной цѣлью немногихъ избранныхъ. Не знаю, придастъ ли гимнастика новую силу петер бургскимъ дамамъ, но во всякомъ случаѣ, и шутки в сторону, она не можетъ не придать имъ нужнаго здо ровья, столь часто разстроеннаго искусственной на шей жизнью, гостиными кочеваньями, бальными вол неніями, ночами безсонными и сонными днями. Тепер въ особенности здоровье нужно: свѣтскія удоволь ствія грянули на Петербургъ со всѣхъ сторонъ ра зомъ. Бальные оркестры усердно настроиваютъ сво скрипки.

Поутру базары, концерты Вьётана, выстав русскихъ издѣлій требуютъ нашего присутствія Послѣ обѣда мы ѣдемъ въ театръ наудачу, не встрѣ тимъ ли кого въ итальянской оперѣ, или ѣдемъ по дивиться, какъ рѣдко падаютъ съ лошадей искусны волтижеры. Потомъ мы ѣдемъ на вечеръ, которы

такъ еще просто, а ужь того и гляди, сдѣлается балонъ; а вечеромъ мы завернемъ еще въ маскарадъ, въ Большой Театръ; въ Дворянское Собраніе, или въ Благородное Танцовальное.

Послѣднее общество въ нынѣшнемъ году озарилось новымъ блескомъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ клубы существуютъ, вѣрно, никакой клубъ не былъ помѣщенъ въ столь великолѣпныхъ чертогахъ.

Вообразите въ-самомъ-дѣлѣ: вы пріѣзжаете въ настоящій дворецъ; васъ поражаютъ широкая лѣстница, мозаичные паркеты, художественно вызолоченные лѣпные потолки, пропорціи колоссальныя. Вотъ гостиная во вкусѣ Лудовика XIV; вотъ комната во вкусѣ древнихъ норманновъ; вотъ большая зала, воздушная и легкая, какъ бальныя видѣнія юности, зала, отъ которой такъ и вѣетъ мазурками и вальсомъ; вотъ цѣлый рядъ роскошно-убранныхъ покоевъ. И все это некопчено... вокругъ себя не смотрите... Вы ожидаете шелковыхъ ковровъ, славныхъ картинъ, бронзовыхъ гигантовъ, всѣхъ чудесъ искусства, всѣхъ щегольскихъ изобрѣтеній причудливой моды, а главное, вы спрашиваете: гдѣ же привѣтливый взглядъ хозяйки? гдѣ волшебница, которая должна обитать въ этой чудной, хоть неоконченной храминѣ? Увы! эта волшебница не что иное, какъ прожерансъ. Эта хозяйки—цѣлое общество мирныхъ гражданъ, хорошихъ, можетъ-быть, отцовъ семействъ, но вовсе несоотвѣтствующихъ тому идеалу обворожительной хозяйки, который, при видѣ чудной обители, создало ваше воображеніе. Вы пріѣхали во дворецъ, а попали въ клубъ, въ мирный кругъ,

гдѣ играютъ въ лото, въ бильярдъ и карты, гдѣ б
мятежно засыпаютъ надъ газетой, гдѣ можно уз
нать по порціямъ, гдѣ платятъ штрафъ и гдѣ у
да дожидаются извощики. Не спрашивайте же р
кошной обстановки цвѣтовъ, бархата, золота и бл
ска: все это ненужно для клуба, хоть и нужно, м
жетъ-быть, для вашей прихотливой фантазіи, кот
рая всегда желаетъ лучшаго и которой кажется, ч
домъ неотдѣланный все-равно, что́ красавица,
одномъ корсетѣ, гостиная безъ цвѣтовъ, жизнь бе
очарованья.

За-то художественный базаръ въ пользу призр
ваемыхъ Обществомъ Посѣщенія Бѣдныхъ остави
вечатлѣніе совершенно удовлетворительное. Д
рое дѣло явилось въ Петербургѣ въ видѣ весел
свѣтскаго праздника.

Благотворительность надѣла бѣлый галстухъ
желтыя перчатки. Искусство, которое, къ сожалѣні
не часто встрѣчается въ нашихъ гостиныхъ, ту
распоряжалось совершеннымъ хозяиномъ, и хоз
номъ веселымъ, сметливымъ и поражающимъ в
ры роскошнымъ и артистическимъ безпорядко
Вообразите длинную комнату, обращенную въ ар
рочную палатку съ длинцымъ навѣсомъ, надъ
торымъ возвышалась вырѣзанная огромная фигу
старика, держащаго въ рукахъ листъ бумаги съ н
писью: «всякое даяніе благо». Подъ навѣсомъ,
малиновомъ фонѣ и на алыхъ столахъ, представи
себѣ всевозможные предметы искусства, исп
стрившіе базаръ своими щедрыми даяніями. Ту
все было, отъ лубочныхъ крестьянскихъ картинок

отъ дюжинныхъ литографій, до произведеній нашихъ лучшихъ художниковъ Орловскаго, Айвазовскаго, Брюни, Майкова, Соколова, Гр. Федро, Чернышева и многихъ другихъ, отъ бутылокъ простыхъ чернилъ, до рукописныхъ произведеній нашихъ извѣстныхъ музыкантовъ и литераторовъ, отъ мелкихъ сигарныхъ фигурокъ, до драгоцѣнныхъ золотыхъ вещей съ искусной рѣзьбой и дорогими камнями. Прибавьте къ этому бездну всякихъ модныхъ игрушекъ, дамскихъ издѣлій, цвѣтовъ, чернильницъ, бронзовыхъ, фарфоровыхъ, гипсовыхъ, гальванопластическихъ предметовъ и всякой щегольской всячины. Посреди комнаты, въ пирамидѣ цвѣтовъ и растеній, красовались двѣ картины: одна пожертвованная, а другая написанная двумя высокими особами, которыхъ языкъ не смѣетъ назвать, но которыхъ сердце навѣрное отгадываетъ.

Базаръ начался шумно и весело. Тутъ веселились за свои деньги. Товары предлагались дамами, которымъ прислуживали молодые люди, избранные изъ Общества Посѣщенія Бѣдныхъ. Во всемъ былъ замѣтенъ свѣтскій щегольской безпорядокъ. Дорогія вещи отдавались за безцѣнокъ, за безцѣнныя платили черезчуръ дорого. Потомъ начался концертъ. О немъ довольно сказать, что въ немъ участвовали: г-жи де-Джули-Борси и Марра, гг. Сальви, Гуаско, Тамбурини, Колини, Росси, Нигри, Оноре, Фракманъ и наконецъ нашъ неподражаемый Вьётанъ. Въ антрактѣ, базаръ снова оживился и, кромѣ того, было продано съ аукціона нѣсколько вещей, которымъ не было назначено цѣны.

Праздникъ благотворительности кончился за полночь.

Отъ него намъ слѣдовало бы перейдти къ прочимъ городскимъ новостямъ, а именно: къ нашей литературѣ и къ нашимъ журналамъ, но теперь нѣтъ ни мѣста, ни времени, ни охоты. Мы поговоримъ объ этой гимнастикѣ особаго рода когда-нибудь въ другой разъ.

III.

КАЛЬНЫЯ УТРА ВЪЕТАНА.— НАШЕСТВІЕ ЖУРНАЛОВЪ.

есть въ жизни наслажденіе полное, безъ ра-
нія и досады, безъ преимущества для этой не-
молодости, безъ денежнаго вліянія, безъ свѣт-
достей, безъ мелочныхъ житейскихъ усло-
оно, безъ сомнѣнія, заключается въ музыкѣ.
разумѣется, не говоримъ о томъ гремучемъ
, которое кувыркаетъ нотами для удивленія
; мы отъ души ненавидимъ музыкальныя не-
ости, варьяціи на одной струнѣ, блестящіе
униженнаго искусства, невольно напоминаю-
ь индійцевъ, глотающихъ шпаги, и эквили-
ь со стуломъ на носу.

ой причинѣ мы не любимъ концертовъ. Въ
артистъ долженъ выказаться въ что бы
; музыка тутъ на второмъ планѣ, средство,
ъ, принадлежность, а не святыня. Главный
ересъ сама личность того обыкновенно но-
каго господина, о которомъ уже протрубили
ахъ. Его публика ожидаетъ съ нетерпѣніемъ.
онъ, молодъ или старъ, хорошъ ли собой
енъ, причесанный или растрепанный, задум-
дный или восторженно-сердитый? Подавай-
юда! Вотъ ему пукъ ассигнацій. Мы по-

смотримъ на него сперва а потомъ послушаемъ да разскажемъ своимъ пріятелямъ, напишемъ къ своимъ родственникамъ, что слышали знаменитость. И вотъ знаменитость въ бѣломъ галстукѣ, съ скромнымъ видомъ, почтительно кланяется своимъ цѣнителямъ и судьямъ, а сама внутренно, можетъ-быть, надъ ними посмѣивается. Но дѣлать нечего; тутъ не музыка, а представленіе. Знаменитность становится молодцомъ или садится героемъ и начинаетъ на скрипкѣ, на дудкѣ, или на фортепьяно легкую интродукцію, а потомъ ужъ, навѣрно, беллиніевскій мотивъ съ самымъ дребезжащимъ и вычурно-плаксивымъ выраженіемъ. Дамы смотрятъ другъ на друга съ улыбкой удовольствія, мужчины значительно киваютъ головою. Вдругъ знаменитность напрягаетъ силы и начинаетъ скакать на своемъ инструментѣ общепринятымъ прогрессивнымъ порядкомъ, то есть такимъ образомъ, что скачки все становятся труднѣе и невозможнѣе и доходятъ наконецъ до бѣшенаго изступленія, къ счастью, уже неслышнаго за крикомъ и рукоплесканьями слушателей. Иной, артистъ въ душѣ, самъ приходитъ въ отчаяніе, что пляшетъ на натянутой струнѣ какъ на натянутомъ канатѣ, что унижаетъ искусство до ремесла, и до какого ремесла! а не въ силахъ противостоять общей модѣ, требованіямъ толпы, разѣвающей ротъ передъ всякой удалью. Что значитъ въ нашемъ вѣкѣ чистое эстетическое наслажденіе передъ признаками извѣстности, значенія и денегъ? Тутъ скромность не у мѣста. Чтобъ быть замѣченнымъ, надо поставить себя выше другихъ; чтобъ быть услышаннымъ, надо всѣхъ перекричать. Вотъ, дескать, я ка-

ковъ! Вотъ, дескать, я какія дѣлаю штуки! Соперникъ мой только становится вверхъ ногами, а я бѣгаю колесомъ. Унего только дамы плачутъ, а у меня мужчины падаютъ въ обморокъ. Гдѣ ему со мной тягаться! Ко мнѣ, господа! берите билеты, сейчасъ начнется; въ послѣдній разъ предъ отѣздомъ; больше ужь не будетъ. Останетесь довольны, не то, деньги возвратятъ.

Бѣдная музыка! что изъ тебя сдѣлали! Ты бросила намъ свыше, какъ отдаленный лучъ неземной жизни, какъ тайный отголосокъ предугаданнаго міра, а мы ругаемся надъ тобой на балаганныхъ игрищахъ. Не-уже-ли потеряна твоя чудная власть, успокоивающая страсти, примиряющая душу съ обидными разочарованіями? Не-уже-ли не внушаешь ты болѣе тѣхъ грустно-отрадныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ смиряется сердце и человѣкъ становится лучше? Не-уже-ли поэзія погибла навѣки и на ея холодномъ трупѣ ты разбила съ негодованіемъ свою лиру и, заплакавъ, отлетѣла на свою таинственную родину?..

Нѣтъ, ты не рѣшилась бы оставить немногихъ избранныхъ, сохранившихъ къ тебѣ чистую, безкорыстную любовь въ своемъ душевномъ святилищѣ. Нѣтъ, ты не покинешь насъ изъ привязанности къ твоимъ баованнымъ дѣтямъ, которыхъ ты все-таки посѣщаешь украдкой не какъ царица, въ полномъ блескѣ, а какъ осужденная изгнанница, боязливо требующая, чтобъ всѣ двери были заперты, чтобъ никого не впускали, кромѣ короткихъ друзей, чтобъ равнодушнымъ и непосвященымъ не говорили даже о твоемъ существованіи.

Не часто бываютъ въ Петербургѣ тихіе праздни ки, на которые сзываются въ родственный кружок всѣ разрозненные поклонники гармоніи. Въ двух или трехъ домахъ—которыхъ называть здѣсь ненадо потому-что каждый ихъ знаетъ—собираются, правда каждую недѣлю нѣкоторые правовѣрные, чтобъ по дивиться Моцарту, Гайдну, Бетговену и Мендель сону, но это бываетъ только въ частныхъ общест вахъ, въ кругу знакомыхъ, не всѣмъ доступномъ. Многіе достойные не входятъ въ составъ дружескаг круга и сиротствуютъ въ одиночествѣ. Г-ну Вьёта ну пришла счастливая мысль пригласить всѣхъ лю бителей искусства, знакомыхъ и незнакомыхъ меж ду собой, но родныхъ по чувству, для нешумной радо сти, для высокаго наслажденія, для слушанія настоя щей музыки, въ залу Петропавловской Школы. Не многіе, какъ и ожидать было должно, отозвались на братскій призывъ искусства, но собравшіеся были похожи на родственниковъ, которые давно не ви дали другъ друга, потому-что разошлись по разным стезямъ жизни. Тутъ были артисты и свѣтскія да мы, посланники и актёры, офицеры и лица духов наго званія, модные щеголи и старые профессоры, люди знающіе по чувству и чувствующіе по знанію.

Три утра, три воскресенья уже прошло. Мы слы шали два квартета Гайдна, два квартета Бетговена, квартетъ Спора, квинтетъ Моцарта, два тріо, одно Бетговена, другое Мендельсона, и сонату Вьётана для скрипки и фортепьяно. Все это было превос ходно исполнено г. *Вьётаномъ*, братьями *Альб рехтъ*, *Гроссомъ* и молодымъ, недавно пріѣхав-

нимъ піанистомъ *Оноре*, который участіемъ своимъ въ этихъ утрахъ составилъ себѣ уже прочную извѣстность въ петербургскомъ музыкальномъ мірѣ. Сегодня мы услышимъ квартетъ Мендельсона (re majeur), сонату Бетговена для скрипки и фортепьяно, квартетъ Бетговена (ut majeur) и затѣмъ конецъ. Хорошаго понемногу, говоритъ русская мудрость. Вьётанъ ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ будетъ, бѣдный, давать настоящіе концерты и, чего добраго, играть венеціанскій карнавалъ, потому-что онъ на все мастеръ.

И точно, Вьётанъ, безъ сомнѣнія, одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій нашего вѣка, и именно потому, что онъ достигъ высокаго требованія искусства, простоты и истины. Вьётанъ порѣшилъ, по нашему мнѣнію, старинную борьбу классиковъ и романтиковъ; онъ сдружилъ итальянскую широкую манеру Віотти съ капризами фантастическаго Паганини и исполнилъ то, что́ началъ Беріо. Онъ соединилъ качества обѣихъ методъ, отбросивъ ихъ погрѣшности, и доказалъ, что искусство не раздѣляется, не раздвоивается, а что оно едино и совершенно для человѣка, могущаго его себѣ усвоить.

Нельзя не пожелать невольно, чтобъ и въ живописи и въ литературѣ появились бы Вьётаны, которые бы примѣромъ своимъ осуществили согласованіе различныхъ мнимыхъ началъ, враждующихъ будто-бы между собой, но возникшихъ единственно отъ недостатка въ художникахъ полной художнической силы.

Собственно объ игрѣ Вьётана мы распространяться не будемъ. Намъ некстати и нелюбо разоб-

лачать поэзію звуковъ въ технической скеле
математическія формулы. По-нашему, разсмат
музыку по составчикамъ и частицамъ то же
что говорить о картинѣ, что въ нее пошло ст
то красокъ, о красавицѣ, что она хороша, п
что носъ у нея во столько-то дюймовъ, а
такого-то объёма. Конечно, наука необходи
искусствѣ, но она должна прятаться, какъ старь
ный на бесѣдѣ разгульной молодёжи, имъ руг
мой. Наука—дѣло ума. Искусство—дѣло чу
Наука доказываетъ; искусство заставляетъ в
Мы сами видѣли на квартетахъ *Вьётана*, ка
зыкальные анатомики принимались разлагат
шанныя ими творенія, и вдругъ, поникнувъ го
мало-по-малу начинали забывать свои сухіе р
ты, чтобъ окунуть душу въ море живописны
ковъ, чтобъ насладиться сладкимъ самозабве
ножить не на землѣ.

И нельзя не поблагодарить Вьётана за ег
красныя утра, за эту публичную торжест
дань искусству въ то время, когда онъ мо
давать выгодные концерты, когда мода и сне
всѣми завладѣли, со всего берется барышъ. І
ржѣ недавно продавали съ кладбища кости ве
людей. Чего же, кажется, больше? Прежде
ли за убѣжденія, за чувства, теперь спор
подписчиковъ, за акціонеровъ, за зрителей,
дей въ видѣ дохода, или оброчной статьи.
льститъ и кланяется покупателю, все старает
шевелить его довѣрчивость и переманить
свою сторону. Посмотрите новыя французскі

ни: дѣльнаго, оригинальнаго, своебытнаго куда какъ маловато, но за-то какъ старое перекроено и передѣлано искусно, какъ все прилажено, какъ все въ глаза бросается, какъ все ярко и мило, какія заглавія, какія виньетки! Вотъ что называется товаръ лицомъ продать.

Мы далеко отстали еще отъ этого выгоднаго ученья, хотя неловко стараемся ему подражать. И въ русской литературѣ... Но мы не будемъ выносить сора изъ нашей развалившейся литературной избы. Мы гнушаемся всякой обидной личности, унижающей только писавшаго ее. И въ этомъ Парижъ насъ далеко перещеголялъ. Тамъ печатно передаютъ объ извѣстныхъ лицахъ, даже о женщинахъ, которыя не могутъ защищать себя, самыя глупыя клеветы, самые соблазнительные анекдоты. Послѣ этого прискорбно браться за фёльетонъ. Не-уже-ли не можетъ быть расправы съ журнальнымъ негодяемъ? не-уже-ли общество не вступится наконецъ за такое ежедневное оскорбленіе личнаго права? По-нашему, ужь лучше просто воровать, чѣмъ идти на такія продѣлки.

Въ числѣ подражаній Парижу мы должны упомянуть о новой музыкальной газетѣ, которая съ новаго года появилась въ Петербургѣ, подъ заглавіемъ «La Russie musicale». Каждый подписчикъ получитъ, кромѣ пятидесяти-двухъ нумеровъ текста, пятьдесятъ-два приложенія, въ видѣ нотъ или портретовъ музыкальныхъ знаменитостей, восемь билетовъ на предполагаемые концерты и еще, кажется, что то въ видѣ преміи. Отъ этихъ заманчивыхъ

условій такъ и вѣетъ Палероялемъ и бульварн
дѣятельностью.

Впрочемъ, журналъ, говорятъ, очень хорошъ.

«L'artiste Russe» тоже будетъ выходить въ нын
немъ году съ дагерротипными снимками съ нов
шихъ произведеній русскаго художества.

А теперь посторонитесь, господа, берегитес
задавятъ.

На насъ нагрянуло цѣлое ополченіе журналовъ. «
gros de l'armée» «Отечественныя Записки» шест
етъ впереди литературной фаланги; за нимъ «Совр
менникъ» съ двумя адъютантами, съ цѣлымъ зап
сомъ блестящихъ надеждъ и обѣщаній. «Библіоте
для Чтенія», съ которой на пути случилось несч
стіе, идетъ за ними съ обыкновенной своей остр
умной сардонической улыбкой. Шествіе замыкаю
юный «Финскій Вѣстникъ» и выздоравливающ
«Сынъ Отечества». Съ новымъ годомъ, съ новы
счастьемъ! Всѣмъ рѣшительно желаемъ счасть
а себѣ удовольствія, что́ тоже въ порядкѣ вещей.

Чѣмъ же вы насъ порадуете или утомите? П
звольте посмотрѣть, какіе вы принесли намъ гости
цы. Спасибо, вы пришли не съ пустыми руками
Но зачѣмъ же все это въ разныхъ обверткахъ? з
чѣмъ они недружно соединились въ одну книгу? з
чѣмъ у насъ такъ много полуплохихъ журналов
а не одинъ хорошій журналъ, что́, право, было-б
возможно?

Зачѣмъ... Затѣмъ, что и для музыки изобр
тены концерты, а журналъ не что иное, какъ лит
ратурный концертъ.

IV.

КОНЦЕРТЫ, КОНЦЕРТЫ И КОНЦЕРТЫ.

Въ великопостное время Петербургъ дѣлается добычей артистовъ всѣхъ возрастовъ и видовъ. Нѣтъ спасенья и убѣжища отъ этого звучнаго нашествія. Со всѣхъ сторонъ, во всѣ заставы въѣзжаютъ торопливо въ него варьяціи на итальянскія тэмы, andante, andantino, capricioso, melancolico, apassianato. Всѣ суетятся, хлопочутъ, бѣгаютъ по городу; всѣ кошлосердо терзаютъ исхудалую Лучію, эту бѣдную Лучію, которая давно ли была такъ счастлива и здорова, когда проклинадъ ее нашъ незабвенный берганскій помѣщикъ. Куда вы ни выйдете теперь, вы навѣрно натолкнетесь на похороны или на концертъ, который, по сущности своей, часто не что иное, какъ похороны настоящей музыки. Концертные билеты сыплятся какъ градъ, и нѣтъ зонтиковъ, чтобъ защититься отъ нихъ. Въ великій постъ, какъ нарочно, коварство людское становится еще безпощаднѣе. Если другъ вашъ бѣжитъ къ вамъ съ распростертыми объятіями, будьте увѣрены, что у злодѣя полонъ карманъ концертныхъ билетовъ. Если милая женщина вамъ привѣтливо улыбнулась и съ видомъ сердечнаго участія слушаетъ вашу смущенную рѣчь— не радуйтесь неосторожный молодой человѣкъ: подъ цвѣтами таится змѣя, и добро бы еще одна змѣя, а

то цѣлая коллекція змѣй, цѣлый десятокъ картонныхъ безцѣнныхъ кусочковъ въ замѣнъ вашихъ весьма цѣнныхъ бумажекъ. Тайна улыбки и вниманія разоблачается передъ вами въ своей рублевой наготѣ. Вы понимаете, повѣсивъ голову, что они были извиненіемъ и процентомъ, а отнюдь не тѣмъ, что вы желали, и, съ горемъ и съ досадой пополамъ, вы идете въ ту душную комнату, гдѣ, подъ предлогомъ домашняго вечера, такъ жестоко клевещутъ на музыку, и безотрадно дремлете вы подъ скрипъ неизбѣжныхъ варьяцій, подъ вялые, жалкіе вопли Лучіи Ламермурской.

Однакожь, надо сказать правду: концерты не то ужь, что бывали встарину. Итальянская опера нанесла имъ ударъ, отъ котораго имъ нескоро оправиться. Мы еще далеки отъ музыкальнаго сознанія; мы еще плохо цѣнимъ искусство, но ужь прошло то время, когда мы всякій разсчитанный шумъ принимали за музыку и всякій крикъ за пѣніе. Мы даже впали въ другую крайность: стали черезчуръ осторожны, черезчуръ недовѣрчивы. Мы даже боимся своихъ воспоминаній, отворачиваемся отъ старыхъ своихъ знакомыхъ, какъ-бы въ доказательство того, что ни на какомъ поприщѣ люди не перестаютъ быть людьми. Пріѣхалъ къ намъ *Бореръ*, посѣтившій насъ за десять лѣтъ назадъ. *Бореръ*, безъ сомнѣнія, самый безукоризненный віолончелистъ нашего времени. Всѣ трудности и невозможности современнаго техническаго искусства для него не что иное, какъ ловкая шутка, а віолончель его поетъ мягко и звучно, какъ человѣческій голосъ. Увы

этотъ голосъ былъ голосъ вопіющій въ пустынѣ. *Бореру* въ его концертѣ апплодировалъ оркестръ; за немногіемъ прочихъ слушателей, сбѣжавшихся въ этотъ день на какой-то бенефисъ моднаго коннаго ристалища, и *Бореръ* уѣхалъ въ Москву, городъ гостепріимства, гдѣ, вѣрно, достойнымъ пріемомъ артисту пристыдятъ нашу петербургскую публику за ея равнодушіе и забывчивость.

Даже *Эрнсту*, фантастическій *Эрнстъ*, романтическій *Эрнстъ*, наслѣдникъ и подражатель Паганини, былъ встрѣченъ если не холодно, то безлюдно. Не скоро втолковали нашей публикѣ, что *Эрнстъ*, непросто современная знаменитость, а гораздо болѣе: модная знаменитость, нѣчто въ родѣ *Листа* на скрипкѣ. Тогда, наконецъ, публика наша, разумѣется, зашевелилась и въ послѣдній концертъ *Эрнста* театръ былъ полонъ, чему способствовало, можетъ-быть, впрочемъ, и то, что въ этотъ день у *Лежара* не было бенефиса. Многіе не шли прежде слушать *Эрнста* по простодушной причинѣ, что слышали *Вьётана*. Такимъ-образомъ я не стану читать *Пушкина*, потому-что читалъ *Жуковскаго*, не буду восхищаться *Викторомъ Гюго*, потому-что знакомъ съ *Ламартиномъ*.

Это напоминаетъ невольно наивный отвѣтъ одного господина, у котораго спрашивали: не служитъ ли съ нимъ нѣкто *Петровъ*.

—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, подумавъ немного.—*Петрова* у насъ нѣтъ, а есть *Циммерманъ*.

Концерты *Блаза* и *Оноре* прошли довольно-удачно; ихъ успѣху содѣйствовали не одни ихъ признан-

ные таланты, но и чувство личной симпатіи, кот
рую они умѣли внушить къ себѣ, а въ добавокъ
содѣйствіе прекрасныхъ голосовъ и прекрасной на
ружности (что никогда ничему не мѣшаетъ) г-н
Блазъ и г-жи Dupectiaux.

А теперь, господа пьянисты, господа солисты, го
спода артисты, прощайте на-время. На васъ повис
ла грозная туча съ громовымъ боемъ и бурей ин
струментовъ; на васъ несется вдохновенный *Бер
ліозъ* въ сопровожденіи цѣлаго легіона фантасти
ческихъ призраковъ. Прочь съ дороги! Гдѣ ваше
голой, тощей варьяціи, вашему едва-слышному инси
устоять противъ этого сокрушительнаго напора, по
среди этой потрясающей борьбы всѣхъ разъяренных
стихій! Но не причтесь, однакожь, добрые пріяте
ли, слишкомъ далеко; не думайте, что вамъ послѣ
ній день пришелъ. Конечно, въ грозѣ есть высока
поэзія, слышатся чудные голоса и истерзанные, и
мученные звуки, возмущающіе душу... но не все ж
сверкать молніи, не все же раскатываться грому
прійдетъ время—и небо прояснится, весенній вѣт
рокъ освѣжитъ удушливый воздухъ и ласточка поле
титъ на свободѣ, и жаворонокъ и соловей запоют
свои пѣсни. Примолкните же на-время, не отчаяв
ясь, и пойдемте вмѣстѣ полюбоваться на звучны
картины, наслушаться живописныхъ звуковъ. Послу
шаемъ вмѣстѣ, а потомъ и поспоримъ, потому-что в
судите по правиламъ знанія, а мы—по чутью бе
условнаго впечатлѣнія.

Намъ кажется, и это мы выговариваемъ съ тр
петомъ и смиреніемъ, что музыка г. *Берліоза* сво

бытна, оригинальна, съ намѣреніемъ даже нѣсколько изысканна въ своихъ эффектахъ, особенно въ окончательныхъ фразахъ. Это доказываетъ совершенное знаніе искусства и неменьшее знаніе публики, которую при концѣ каждой пьесы надо всегда удивить чѣмъ-нибудь нежданнымъ. Но какой силой воли можетъ художникъ направить свое вдохновеніе на извѣстное мѣсто своего произведенія? Это остается для насъ неразгаданнымъ вопросомъ. Вообще, намъ кажется, повторяемъ мы, что музыка г. *Берліоза* говоритъ болѣе уму, нежели сердцу, внушаетъ болѣе смущеннаго удивленія, чѣмъ свѣтлаго восторга. Это музыка XIX-го столѣтія, это-энергическое, мощное олицетвореніе въ звукахъ нашего взволнованнаго времени, съ его страданіями безъ вѣрованій, съ его стремленіями безъ цѣли, съ его печалями безъ покорности, съ его радостями безъ веселья. Въ этомъ смыслѣ въ музыкѣ *Берліоза* есть что-то глубокозначительное, что-то титановское, что-то невольно поражающее страхомъ и недоумѣніемъ. Тутъ вѣчная, непрерывная борьба, но нѣтъ ни грустнаго заточенія, ни восторженнаго крика освобожденной души. Тутъ нѣтъ ни побѣдителя, ни побѣжденнаго; нѣтъ въ осеннюю той трогательной стихіи примиренія, которая свѣтитъ и успокоиваетъ въ твореніяхъ великихъ музыкальныхъ поэтовъ; нѣтъ той дѣтской свѣжести, той сердечной простоты, которыя выливаются такими естественными, стройно-текучими напѣвами, что всякій, кажется, могъ бы ихъ сочинить и что всякій ими невольно убаюкиваетъ и ласкаетъ душу. Какъ ни грустно это выговорить, но нельзя не со-

знаться, что современное искусство хотя и достиг. самой усовершенствованной пластической отдѣлк однако въ то же время отуманено отъ недостат той живительной искры, которой источникъ не з землѣ. Въ мелкихъ произведеніяхъ мелкихъ худо никовъ это свойство обнаруживаетъ безсиліе и вы зываетъ сожалѣніе; но когда художникъ называетс *Байрономъ* или *Берліозомъ*, оно невольно остана ливаетъ вниманіе всего мыслящаго человѣчества, если не приводитъ къ отраднымъ заключеніямъ, т все-таки заставляетъ преклонить задумчиво голо передъ могучими дарованіями.

Г. *Берліозъ* не могъ, по нашему мнѣнію, выбра лучшаго сюжета, какъ «Фаустъ». Жаль, что мы н слыхали полнаго сочиненія, а одни только отрывк По отрывкамъ нельзя судить объ общей мысли, соразмѣрности отдѣльныхъ частей, о полнотѣ выш сла, составляющей такъ-сказать душу художниче ского произведенія. Но и въ слышанныхъ нами от рывкахъ нельзя не признать блестящихъ слѣдо неоспориваемаго дарованія и глубокаго мастерска умѣнья управлять и распоряжаться оркестромъ. Ве герскій маршъ и балетъ Сильфовъ, легкій и возду ный, какъ едва-внятный звонъ золовой арфы от прикосновенія мотылька, восхитили слушателей, н много запуганныхъ въ началѣ концерта громомъ суматохой римскаго карнавала. Въ римскомъ ка навалѣ каждый ожидалъ веселаго, распашнаго при волья итальянской игривости, а не ученой мозаи звуковъ по правиламъ очень немногимъ понятн науки.

Но за-то въ отрывкѣ изъ «Ромео и Джульетта» васъ поразила одна счастливая черта, полная истины и поэзіи. Ромео одинъ въ саду думаетъ о любимой. Нѣжная его задумчивость обозначается въ оркестрѣ пѣніемъ гобоя, которое какъ-бы вылетаетъ отдѣльно подъ таинственный говоръ прочихъ инструментовъ. Но вотъ готовится праздникъ. Вотъ сходятся званые на пиръ. Прощай скромное уединеніе, гдѣ о ней такъ привольно думалось. Раздаются шумные звуки бала; и что жь? среди тревожнаго торжества душа не разстается съ своей завѣтной мечтой. Пускай раздаются клики веселья, пускай волнуются пестрыми толпами непонятливые люди: одна любимая живитъ это мертвое сборище, и робкая пѣснь любви вдругъ становится сильна и могуча, и громомъ трубныхъ голосовъ покрываетъ бальныя рѣчи, привычныя пляски и весь безсмысленный хаосъ толпы, непонимающей чуднаго присутствія всепокоряющаго чувства.

Концертъ заключился оглушительнымъ маршемъ на два оркестра съ широкой, грандіозной темой, невольно потрясающей всѣ нервы слушателя, и затѣмъ всѣ разошлись по домамъ; но многимъ не спалось въ эту ночь отъ волненія и какого-то томительнаго чувства. Многіе спрашивали себя: достаточно ли одной страсти и знанія для искусства, и не должно ли оно не возмущать, а скорѣе успокоивать душу; не должно ли оно отрывать насъ отъ нашихъ ежедневныхъ привычныхъ житейскихъ бореній и переносить въ лучшій свѣтлый міръ, гдѣ сердцу можно освѣжиться и отдохнуть?

Г. *Берліозъ* былъ, конечно, въ-правѣ ожидать от
насъ одной безусловной похвалы. Но да обвиняет
онъ самого себя за нашу осмотрительность и отче
ливость въ сужденіяхъ. Занявъ, по привычкѣ, и
фельетонномъ поприщѣ первое мѣсто, г. *Берліо*
выучилъ насъ тому, что въ дѣлѣ критики не на
руководиться жаромъ перваго увлеченія, а холод
повѣрять разсудкомъ чужой трудъ и собственны
чувства. Г. *Берліозу* извѣстно, болѣе чѣмъ ком
нибудь, что критика старуха, сомнительно качающ
головой посреди свѣжихъ порывовъ молодости. Кр
тика слушаетъ со вниманіемъ и слушаетъ не хуя
молодыхъ, согрѣвшись прошедшимъ жаромъ, но гов
ритъ она съ осторожностью и гордится своей бе
страстной справедливостью.

И потому, отдавая полную справедливость геніал
ной фантазіи г. *Берліоза*, мы должны упомянуть с
благодарностью и объ исполнителяхъ. Около тре
сотъ человѣкъ повиновались волшебному жезлу ч
родѣя, и повиновались какъ одинъ человѣкъ. Мы н
когда ничего подобнаго въ Петербургѣ не слыхив
ли. Откуда этотъ огонь, эта точность, эти непзв
стные дотолѣ у насъ оттѣнки? Странное дѣйств
увѣренности и силы воли! Въ нихъ заключается н
сомнѣнное вліяніе невольнаго электричества. Въ ко
цертѣ *Берліоза* нельзя было узнать нашихъ стары
знакомыхъ здѣшнихъ артистовъ. Повиснувъ душ
къ жезлу своего начальника, съ лихорадочной мол
достью въ глазахъ, они переобразовались подъ м
гическимъ вліяніемъ въ рѣшительныхъ энергич
скихъ переводчиковъ исполинскихъ мыслей; сам

находили въ томъ неиспытанное наслажденіе и потомъ, бросивъ свои инструменты, рукоплескали съ увлеченіемъ юношей, радуясь чужому успѣху и собственной въ томъ радости.

Эта невольная дань людей, посвятившихъ себя искусству, вѣроятно, лестнѣе для г. *Берліоза*, чѣмъ несовсѣмъ сознательное хлопанье публики и шумные вызовы, къ сожалѣнію, у насъ ничего недоказывающіе, кромѣ охоты пошумѣть.

Послѣ концерта г. *Берліоза*, желая отдохнуть отъ тревожныхъ впечатлѣній и отъ напряженія слуха и ума... мы отправились... но какъ сказать это, какъ сознаться въ томъ... мы отправились тоже въ концертъ, потому-что куда теперь ни поѣдешь, все-таки пріѣдешь въ какой-нибудь концертъ... Но въ какой концертъ?—вотъ что трудно выговорить. Мы скажемъ вамъ это на ухо, не говорите только никому: мы поѣхали слушать музыку вокальную. Какъ? Да итальянцы разъѣхались... Слушайте же нашу исповѣдь. Мы поѣхали на музыку любителей. Вы глядите на насъ съ ужасомъ. На музыку любительницъ, молодыхъ любительницъ, ученицъ учителя пѣнія *Давида*, который прощается съ Россіей и уѣзжаетъ на родину. Вы улыбнулись и, можетъ-быть, ужь завидуете намъ. Поэзія молодости и красоты будетъ всегда лучше дикой поэзіи г. *Берліоза*.

Концертъ г. *Давида* раздѣлялся, нехуже современной мелодрамы, на двои сутки и нѣсколько картинъ, или, правильнѣе, на цѣлое собраніе картинокъ въ родѣ Грёза и Греведона. Вообразите, цѣлый разсадникъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя стоятъ передъ

вами съ потупленными глазами, въ ужасномъ испу
и которыхъ свѣжіе, звонкіе голоса пріятно удив
ютъ вашъ слухъ, утомленный отъ барабановъ. Н
будемъ говорить, что одна пѣла лучше другой. В
равно хорошо пѣли, потому-что этотъ концертъ бы
не простымъ концертомъ, а милымъ дѣломъ, дан
благодарности отъѣзжающему учителю, чѣмъ-то
родѣ свободнаго семейнаго праздника, въ которо
и незнакомый человѣкъ готовъ былъ принять съ р
достью признательное участіе.

V.

Э. И. ГУБЕРЪ.

Опять однимъ меньше въ сиротствующей семьѣ русскихъ литераторовъ! Скончался нашъ добрый сотрудникъ и товарищъ Э. И. Губеръ, на 32 году отъ рожденія, въ ту пору жизни, когда дарованіе мужаетъ и опредѣляется яснѣе, когда поэтъ не увлеченъ болѣе одними порывистыми тревогами юности, а ужь руководствуется въ своихъ твореніяхъ зрѣлою обдуманностью и сознательными понятіями объ искусствѣ и жизни. И вотъ опять новая утрата! Опять однимъ меньше въ сиротствующей семьѣ русскихъ литераторовъ!

Бѣдный Губеръ! бѣдный поэтъ! или, лучше сказать, бѣдные его товарищи! бѣдные мы! Онъ заставилъ насъ пережить его и внести новое незабвенное имя въ вѣчно-возростающій списокъ нашихъ утратъ. Онъ никого уже не будетъ ни терять, ни оплакивать, а мы, пока не дойдетъ и до насъ очередь, все будемъ не досчитываться его въ нашемъ тѣсномъ кругу. Мы все будемъ помнить это добродушное пушкинское лицо, эту разумную улыбку, эту грустную веселость, которыя были въ немъ такъ привлекательны. Не забудемъ мы тоже его благородныя чувства, его сердечную неиспорченность посреди столичныхъ искушеній, его счастливую вѣру въ друж-

бу, его дѣтскую душевную простоту, которая даруется свыше поэтамъ въ вознагражденіе за невѣдомыя прочимъ людямъ скорби. Отчужденный отъ семейства и небогатый, онъ нажилъ въ Петербургѣ цѣлую семью горячихъ друзей, которые лишились въ немъ болѣе, чѣмъ роднаго. Этимъ однимъ ужь опредѣляется вся его жизнь.

Губеръ родился въ Саратовѣ, 1 мая 1815 года, и съ самаго дѣтства обнаружилъ блестящія способности. Онъ основательно изучалъ древніе языки подъ руководствомъ отца своего (нынѣ супер-интенданта реформатской церкви въ Москвѣ), когда судьба свела его съ однимъ необыкновенно замѣчательнымъ человѣкомъ. Въ то время жилъ въ Саратовской Губерніи супер-интендентъ протестантской церкви Фесслеръ, перебывавшій въ теченіе своей странной жизни католическимъ монахомъ, домашнимъ учителемъ, профессоромъ восточныхъ языковъ, преобразователемъ масонскихъ ложъ, сочинителемъ трагедій, романовъ и весьма уважаемой венгерской исторіи, сотрудникомъ при составленіи общаго собранія россійскихъ законовъ, учредителемъ филантропическихъ колоній и наконецъ предсѣдателемъ Протестантской Консисторіи. Фесслеръ, человѣкъ ума проницательнаго и учености изумительной, былъ пораженъ способностями молодаго Губера, писавшаго уже на семилѣтнемъ возрастѣ латинскіе и нѣмецкіе стихи и обучавшагося въ Саратовской Гимназіи. Старый ученый нашелъ въ привязанности своей къ молодому даровитому мальчику отдохновеніе отъ тревожной жизни, началъ руководствовать его занятіями

и привезъ его наконецъ съ собой, въ 1830 году, въ Петербургъ. Замѣчательно, что тогда только Губеръ началъ учиться русскому языку и, кромѣ того, былъ обязанъ Фесслеру тѣмъ основательнымъ образованіемъ, которое было залогомъ нашихъ надеждъ на поэта въ будущемъ. Минутная теплота души безъ прочнаго основанія въ жизни простываетъ скоро и невозвратно. Юноша высказывается съ перваго слова и нечего ожидать отъ него болѣе. Но когда человѣкъ приготовленъ наукой, укрѣпленъ знаніемъ, онъ не ослабѣетъ на первомъ шагу, не испугается перваго препятствія; онъ все будетъ идти впередъ и все будетъ совершенствоваться.

Вотъ почему послѣднія произведенія Губера были гораздо лучше, полнѣе и художественнѣе первыхъ. Прологъ «Вѣчнаго Жида», оконченный имъ незадолго передъ смертью, превосходитъ, безъ сомнѣнія, всѣ прочія его произведенія, какъ по изяществу стиха, такъ и по обдуманности плана, по картинности изображеній.

Къ общимъ познаніямъ, внушеннымъ ему Фесслеромъ, Губеръ присовокупилъ болѣе спеціальныя, по случаю вступленія его въ корпусъ Путей Сообщенія, изъ котораго онъ выпущенъ въ 1834 г. офицеромъ. Въ 1839 году, чувствуя непреодолимую наклонность къ литературнымъ занятіямъ, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана.

Первая попытка Губера въ непривѣтливомъ дѣлѣ словесности была, какъ то обыкновенно бываетъ, неудачна. Онъ перевелъ подъ глазами Фесслера почти непереводимаго «Фауста»; но, встрѣтивъ затруд-

нія въ напечатаніи перевода, огорчился, какъ мо
лодой человѣкъ, и безпощадно сжегъ свой трудъ. В
то время, возвратившись однажды домой, узналъ он
отъ своего человѣка, что къ нему приходилъ съ ви
зитомъ какой-то господинъ, называвшій себя Алек
сандромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ. Губеръ, не ос
тавшись, побѣжалъ къ новому покровителю, кото
рый встрѣтилъ его радушно, и спрашивалъ про пе
реводъ, о которомъ уже слышалъ; узнавъ, что пе
реводъ сожженъ, Пушкинъ началъ упрекать въ том
молодаго поэта и прибавилъ, что если Губеръ до
рожитъ его пріязнью и хочетъ къ нему ходить, т
онъ приглашаетъ его не иначе, какъ всякій разъ с
продолженіемъ новаго перевода «Фауста».

Ободренный такимъ участіемъ, Губеръ ревности
принялся за работу. Переводъ былъ посвященъ Пуш
кину и вышелъ въ печати въ 1838 году, но Пушкин
ужь не было въ живыхъ.

Послѣ этого Губеръ ужь исключительно посвя
тилъ себя литературѣ и поэзіи, участвовалъ во мно
гихъ современныхъ изданіяхъ и въ особенности в
редакціи «Библіотеки для Чтенія». Въ послѣдніе мѣ
сяцы своего существованія онъ принималъ дѣятель
ное участіе въ нашей газетѣ. *

Какъ поэтъ, Губеръ не оцѣненъ еще достаточн
своими соотечественниками. Небольшая книга ег
стихотвореній, вышедшая въ 1845 году, хотя и доста
вила ему общую извѣстность, но не могла удовлетво
рительно опредѣлить его дарованія. Его фантазія

* С. Пет. Вѣд.

слога оттѣненной мрачной болѣзненностью и навыкомъ къ фесслеровской философіи, нуженъ былъ широкій полетъ. Въ часы отдохновенія отъ довольносухихъ журнальныхъ трудовъ, Губеръ чертилъ планы огромныхъ зданій, глубокихъ поэмъ, выражавшихъ всю исторію человѣчества. Такъ набросанъ былъ «Вѣчный Жидъ», котораго одинъ прологъ превосходная поэма. Такъ написаны были поэма «Прометей», шесть главъ изъ поэмы «Антоній» и многія неизданныя стихотворенія. Губеръ писалъ съ любовью, не торопясь, писалъ не для печати, не для приманки авторства, а для собственнаго наслажденія, по внутреннему призыву. Вотъ отчего онъ неоцѣненъ еще достаточно и надолго еще останется въ полутѣни, пока серьёзныя его произведенія не сдѣлаются гласными. Характеръ его поэзіи неподдѣльно-мраченъ, но въ немъ выражается скорѣе голосъ грустнаго примиренія, чѣмъ отчаянія и упрековъ жизни. Чистая, незлобная душа поэта просвѣчиваетъ въ каждомъ его словѣ, и слова эти звучны, мягки, округлены, пластически отдѣланы съ рѣдкимъ искусствомъ. Мы не хотимъ и не можемъ писать здѣсь критическаго разбора сочиненій покойника. Мы не въ силахъ выговорить слова холоднаго сужденія, хотя и съ заслуженной похвалой надъ свѣжей, только-что закрывшейся могилой товарища. Поблагодаримъ лучше его за то, что онъ искусство любилъ для искусства, въ жизни вѣрилъ всему свѣтлому и былъ не только хорошимъ поэтомъ, но—что рѣже, еще чѣмъ хорошій поэтъ—отличнымъ, неукоризненнымъ человѣкомъ.

Будучи еще самъ молодъ, онъ имѣлъ надъ всѣми

своими молодыми пріятелями какое-то неоспорим
наставническое вліяніе—такъ сильно было то уваж
ніе, которое онъ внушалъ къ себѣ. Въ обыкнове
ной жизни онъ былъ скроменъ и довѣрчивъ, снис
дителенъ къ другимъ и строгъ къ самому себѣ;
запятналъ своей совѣсти ни умышленнымъ оскор
леніемъ ближняго, ни сомнительнымъ дѣломъ,
даже унизительнымъ помысломъ. Оттого и жиз
его была прекрасная; оттого и смерть его была пр
мѣрная.

Онъ давно страдалъ отъ хронической болѣзни
сердцѣ, которая осуждала его на мучительныя бе
сонницы и предвѣщала ранній конецъ; но онъ
унывалъ духомъ и бодрствовалъ до-тѣхъ-поръ, по
силы не измѣнили ему. 5-го апрѣля онъ занемогъ
одномъ домѣ, гдѣ былъ принятъ съ давняго време
какъ родной, и подъ этимъ гостепріимнымъ кровом
столько разъ пріютившимъ его одинокую жизнь, т
хо скончался въ кругу своихъ друзей. Болѣзнь е
была сопряжена съ тяжкими страданіями, но коне
его былъ свѣтелъ и тихъ. Онъ умеръ, 11-го апрѣл
не только спокойно и твердо, но съ какой-то вдохн
венной, истинно-поэтической радостью, благода
друзей за дружбу, говоря, что онъ умираетъ споко
но и что сладко умирать.

Если что-нибудь можетъ утѣшить насъ въ е
кончинѣ, то это самая его смерть, то это новое, в
сокое и послѣднее поученіе, которое онъ остави
своимъ друзьямъ.

Въ прошедшій вторникъ, 15-го числа, Губера оп
стили въ могилу на Волковомъ Кладбищѣ. Серд

сжимается при мысли, что его не будетъ уже болѣе между нами, что онъ не отзовется болѣе на нашъ голосъ, не улыбнется болѣе на нашу улыбку.

Не смерть страшна. Смерть—законъ природы, Страшно то, что надо умирать поодиночкѣ, поочередно, другъ за другомъ, отрываться каждый день отъ живыхъ привязанностей и хоронить себя въ другихъ.

Страшно то, что мы не можемъ пріучиться къ мысли о нашей бренности и все чего-то ждемъ и ищемъ, когда смерть стоитъ у нашего порога, гробовщикъ обтесалъ нашу послѣднюю обитель и таящійся въ насъ недугъ уже отсчиталъ часы нашего существованія.

Блаженъ тотъ, кто встрѣтитъ великое испытаніе съ спокойнымъ взоромъ и скажетъ въ тотъ роковой часъ, когда ложь невозможна, что онъ умираетъ спокойно и что сладко умирать.

VI.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ Э. И. ГУБЕРѢ.

Въ жизни каждаго литератора встрѣчаются нечаян
но добрыя минуты, вознаграждающія съ излишкомъ
за безчисленныя неудовольствія, которыми въ осо
бенности, кажется, изобилуетъ шероховатое поприщ
нашей отечественной словесности. Я удостоился на
дняхъ такой отрадной минуты и принялъ ее, как
принимаю все хорошее въ жизни, съ удивленіемъ
благодарностью. Не знаю, помнятъ ли еще читател
небольшую статью, посвященную мной въ листах
нашей газеты незабвенной памяти нашего добраг
товарища и сотрудника Э. И. Губера. Одинъ чел
вѣкъ не забылъ ее и не забудетъ, вѣрно: это—отец
покойника. Онъ пишетъ ко мнѣ—и въ словахъ пла
чущаго отца не можетъ быть обмана—что стать
моя была лучшимъ ему утѣшеніемъ въ тягостном
испытаніи, въ незамѣнимой утратѣ. Онъ благодарит
меня за дружбу къ сыну, какъ-будто не мнѣ над
быть благодарнымъ за нея. Не ей ли я обязанъ тѣм
отрадными бесѣдами, которыми, во время моего слиш
комъ кратковременнаго сближенія съ покойникомъ,
отводилъ усталую душу, любуясь сердечной чистото
и высокой довѣрчивостью поэта? И нынѣче даже, в
часы сомнѣнья о своемъ призваніи, въ часы унын
о своемъ безсиліи, не ей ли я обязанъ тѣмъ успокое

тельнымъ сознаньемъ, что не даромъ принялся за перо? и если не произвелъ ничего достойнаго вниманія потомства, то могъ принести по-крайней-мѣрѣ хоть тѣнь утѣшенія скорбящему семейству.

Къ полученному мною письму приложена біографія покойника, написанная его отцомъ. Моему произволу предоставляетъ онъ выборъ того, что̀ можетъ быть напечатано изъ написаннаго имъ. Но у кого достанетъ духа, чтобъ выкинуть хоть одно слово изъ надгробнаго сѣтованья старца надъ ранней могилой сына? И какой памятникъ, какая эпитафія могутъ лучше прославить жизнь усопшаго, какъ не слова признательности къ нему въ устахъ духовнаго сановника, не только оплакивающаго съ твердостью христіанина близкаго къ сердцу, но уважающаго въ немъ память примѣрнаго человѣка?

Итакъ передаю читателямъ полный переводъ полученной мною статьи, писанной на нѣмецкомъ языкѣ. Тѣ, которые знали Губера лично, не найдутъ ее слишкомъ длинною. Тѣ, которые знали его только по сочиненіямъ, познакомятся съ нимъ ближе и полюбятъ его по смерти, какъ мы любили его при жизни.

Біографическія замѣтки.

Москва 1847, 15 мая.

Эдуардъ Губеръ, сынъ евангелическо-лютеранскаго генерал-супер-интенданта Губера, въ Москвѣ, родился въ Саратовской Губерніи, 1-го мая 1814, а не 1815 года. У родителей его было уже трое до него родившихся дѣтей, которыхъ сама мать учила

читать и писать. Отецъ помогалъ ей, часто ч
своимъ дѣтямъ сочиненія, приноровленныя къ и
нятіямъ, разсказывалъ краткія повѣсти, пара
басни, и декламировалъ имъ пѣсни и стихотво
Съ четвертаго года своего возраста Эдуардъ
малъ участіе въ этихъ семейныхъ занятіяхъ
вольно, безъ всякаго побужденія со стороны р
лей. Необыкновенно-легко и скоро выучился о
тать и любилъ читать вслухъ. Особенно нра
ему риѳмы. Напримѣръ, когда ему читали «За
ваннаго Принца», то при слѣдующемъ стихѣ:

«Er sitzt im Thurm
Und blässt in's Horn»

онъ невольно и досадуя на то, что тутъ нѣтъ р
исправлялъ этотъ стихъ и говорилъ:

«Er sitzt im Thorn
Und blässt in's Horn.»

На четвертомъ уже году сталъ онъ учить
сать и вскорѣ сталъ писать довольно-красиво,
и вѣрно; съ особеннымъ удовольствіемъ и *mai*
записывалъ онъ для себя выученные стихи; но,
вольствуясь этимъ, онъ вскорѣ сталъ самъ со
стихи; которые записывалъ въ особую тет
Отецъ его, говорившій въ то время по-латини,
охотно, и даже почти лучше, нежели по-нѣм
старался передать старшему брату покойнаго
свои познанія въ латинскомъ языкѣ, представл
не какъ мертвое, но какъ живое нарѣчіе. И въ
урокахъ Эдуардъ принималъ добровольное и о
участіе. Слушая чтеніе латинскихъ стиховъ

спросилъ однажды, когда ему только-что минуло пять лѣтъ:

—Папенька, развѣ это тоже стихи?

—Конечно, и даже прекрасные.

—Отчего же риѳмы нѣтъ?

—Латиняне и, преимущественно Виргилій, избѣгали риѳмъ.

—А кто это Виргилій?

—Это человѣкъ, съ раннихъ лѣтъ говорившій уже стихами и написавшій впослѣдствіи прекраснѣйшія и благозвучнѣйшія стихотворенія.

—Вотъ какъ!.. возразилъ Эдуардъ серьёзно и задумался.

Прилежаніемъ, склонностью и охотою дошелъ онъ вскорѣ до того, что, по желанію его, я могъ читать и объяснять ему латинскихъ и греческихъ классиковъ, указывать какъ на грамматическія правила, такъ и на стопосложеніе, на красоты и благозвучіе языка, на содержаніе стихотвореній, на направленіе и духъ поэта. Онъ слушалъ охотно и радостно восклицалъ:

—Вотъ это гораздо пріятнѣе глупыхъ склоненій и спряженій!

—Конечно, возразилъ я, но и склоненія необходимы.

Онъ соглашался съ этимъ, однакожь во время уроковъ прыгалъ съ братомъ своимъ по стульямъ и скамьямъ, былъ то подъ столомъ, то на столѣ, и рѣзвился тѣмъ смѣлѣе, что отецъ самъ смѣялся ихъ прыжкамъ, лишь бы они внимательно слушали его. Эдуарда рѣшительно ни къ чему не принуждали; онъ

самъ напрашивался на ученье, и его нужно было скорѣе удерживать, нежели понуждать. И въ гимнастическихъ упражненіяхъ не было недостатка, потому-что отецъ самъ охотно возился съ дѣтьми и дома и на открытомъ воздухѣ. Эдуардъ былъ, подобно братьямъ и сестрамъ своимъ, здоровъ и силенъ; только цвѣтъ лица у него былъ блѣдный; не было никакихъ признаковъ ни слабаго сложенія, ни страшной болѣзни сердца, развившейся впослѣдствіи. До шестнадцатилѣтняго возраста Эдуардъ жилъ въ родительскомъ домѣ, жилъ беззаботно, радостно, былъ всегда здоровъ и никогда не терпѣлъ какого-либо принужденія. Съ 1830 года разстался онъ съ своими, но всегда оставался съ ними въ тѣсной связи, писалъ часто и всегда съ такою сердечною, искреннею привязанностью и такъ занимательно, что письма его, сохраненныя матерью, останутся какъ истинная святыня въ нашемъ семействѣ.

Въ началѣ 1823 года, когда отецъ Губера былъ переведенъ изъ деревни въ городъ Саратовъ, въ званіи пастора и ассессора Евангелическо-Лютеранской Консисторіи, Эдуарду было восемь лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, и только въ это время познакомился онъ съ *Фесслеромъ*, который удивлялся способностямъ ребенка и охотно занимался имъ.

Однакожь особеннаго вліянія Фесслеръ не могъ имѣть на него, потому-что въ лѣтніе мѣсяцы находился въ отсутствіи, а ребенокъ съ утра до вечера оставался въ гимназіи, вечеромъ же занимался съ отцомъ латинскимъ и греческимъ языками, или же работалъ одинъ для себя, читалъ, писалъ и *сочинялъ*.

До десяти-лѣтняго возраста Эдуардъ не зналъ по-русски. Чтобъ поступить въ Саратовскую Гимназію, гдѣ всѣ науки преподавались на русскомъ языкѣ, онъ бралъ впродолженіе полутора года приватные уроки русскаго языка. Въ августѣ 1824 года былъ онъ принятъ и, живя въ родительскомъ домѣ, до 1830 года посѣщалъ гимназію, гдѣ оказалъ большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ, такъ-что на публичномъ экзаменѣ 1830 года читалъ стихи своего сочиненія, въ которыхъ прощался съ своими любимыми товарищами и уважаемыми наставниками. Но только въ Петербургѣ сроднился онъ совершенно съ русскимъ языкомъ и полюбилъ его. Уже съ 1826 года *Фесслеръ* былъ отозванъ въ Петербургъ и съ-тѣхъ-поръ не возвращался въ Саратовъ. Въ 1830 году Эдуардъ пожелалъ ѣхать въ Петербургъ, чтобъ вступить въ Инженерный Корпусъ. Я никогда не принуждалъ ни къ чему моихъ дѣтей, однакожь въ этомъ случаѣ замѣтилъ Эдуарду:

—На счастье, будь чѣмъ хочешь, но человѣкомъ полезнымъ и полезнымъ. Однакожь мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ ты избралъ какое-нибудь прямо ученое званіе.

Впослѣдствіи онъ отвѣчалъ мнѣ:

—Вы знали меня лучше, нежели я самъ себя.

Когда Эдуардъ прибылъ, въ 1830 году, въ Петербургъ, у него сначала не было другихъ знакомыхъ, кромѣ тётки его съ материнской стороны и ея мужа, которые любили его какъ сына и *теперь* еще называютъ «своимъ любезнымъ, незабвеннымъ Эдуардомъ». Отецъ его бѣденъ, а потому не могъ помогать сыну.

Эдуардъ зналъ это, никогда не просилъ ничего своихъ родителей и съ 1830 года не получалъ от нихъ ни гроша; онъ же самъ содержалъ почти одни своего младшаго брата въ бытность послѣдняго в Дерптѣ.

Слѣдовательно только въ Петербургѣ, съ полови-ны 1830 года, Эдуардъ Губеръ могъ ближе познакомиться съ Фесслеромъ, который не могъ оказывать ему денежнаго пособія, но сердечно привязался к нему, занимался съ нимъ и ближе ознакомилъ его с философіею гётева «Фауста» и вообще съ языком Гёте. Несмотря на то, что Фесслеръ самъ не зналъ ни слова по-русски, онъ, однакожь, много способство-валъ образованію Эдуарда Губера, въ чемъ послѣдній всегда съ признательностью сознавался.

Вотъ нѣсколько словъ о латинскихъ и нѣмецкихъ стихотвореніяхъ, которыя Эдуардъ Губеръ писалъ уже на седьмомъ году своего возраста. Когда онъ рас-стался, въ 1830 году, съ своими родителями, послѣ-ніе нашли между его бумагами множество отдѣль-ныхъ листковъ, исписанныхъ стихами, и, между про-чимъ, довольно-толстую тетрадь съ надписью:

«*Полное собраніе сочиненій Эдуарда Губера* Издать послѣ его смерти.»

Эта тетрадь, начатая въ 1821 и конченная в 1824 году (съ-тѣхъ-поръ онъ былъ слишкомъ занятъ въ гимназіи), была наполнена ребяческими разсказ-ми, стихами, баснями, комедіями, трагедіями, и т. п. Когда Эдуардъ Губеръ навѣстилъ въ первый разъ своихъ родныхъ въ Москвѣ, братья его, желая по-шутить надъ нимъ, стали ему читать отрывки из

полнаго собранія его сочиненій. Онъ смѣялся съ нами; мы же болѣе всего надъ нимъ и надъ его критиками собственныхъ издѣлій. Онъ безпрестанно восклицалъ:

«Это безтолково! Это нелѣпо! Какъ можно думать такія вещи, не только что писать ихъ! Нѣтъ, ужь это слишкомъ глупо!» и т. п.

Однакожь не все было глупо; такъ, напримѣръ, замѣчательны стихотворенія: «Оселъ и Левъ», «Скучность», «Бѣдность» и др.

Эдуардъ Губеръ всегда былъ очень трудолюбивъ и серьёзенъ. Родителей, братьевъ и сестеръ онъ уважалъ и любилъ, часто навѣщалъ ихъ въ Москвѣ, и былъ особенно привязанъ къ той, которую онъ называлъ своею безподобною матерью. Послѣднее письмо къ ней, отъ 5 марта 1847 года, заключаетъ онъ слѣдующими словами:

«...Надѣюсь, что мы проведемъ это лѣто счастливо и весело, если къ намъ пріѣдетъ моя любезная сестра. Но еще бы лучше было, еслибъ и вы, любезная матушка, собрались въ дорогу къ намъ; хоть это мысль нашей доброй тётушки, но я вполнѣ одобряю ее. Примите это хорошенько къ сердцу, потому-что я былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибъ могъ обнять васъ здѣсь. Спѣшу кончить письмо. Пріймите еще тысячу поклоновъ, большихъ и малыхъ, и сердечный поцалуй мой батюшкѣ, въ котораго я попрежнему влюбленъ какъ безумный,» и пр.

Отцу своему писалъ онъ 20 іюля 1837 года:

«...Душа моя радуется, когда я получаю нѣсколько строкъ отъ васъ; все въ нихъ имѣетъ вѣсъ и такъ

самобытно, сильно! «Философія, говорите вы, объ
сняющая мнѣ мое знаніе и опредѣляющая, такъ ска
зать, мое знаніе, заслуживаетъ, чтобъ я вникъ в
нее и полюбилъ ее; но отвратительна та философ
фія, которая отнимаетъ у меня вѣру въ Бога и в
личное безсмертіе. Я не хочу, подобно Иксіону, об
нять пустое облако вмѣсто небесной царицы (рели
гіи)». Въ этомъ я совершенно согласенъ съ вами. И
то, что̀ вы нѣкогда говорили мнѣ: «Мнѣ было бы
пріятнѣе, еслибъ ты избралъ какое-нибудь прямо
ученое званіе», совершенная истина; однакожь чего
нѣтъ, то можно еще сдѣлать. Я самъ избралъ и
теперь кончилъ изученіе математики, которую про
шелъ съ ревностью, хотя и безъ особенной любви, и
вмѣстѣ съ тѣмъ я не пренебрегалъ и другими наука
ми. Одностороннее образованіе не можетъ удовлетво
рить духовному началу человѣка; а потому, рядом
съ ученіемъ по долгу, я разъѣзжалъ съ любовью в
конѣ своего произвола! Но пока я живу въ настоя
щихъ обстоятельствахъ, я не дамъ застояться ни
охрамѣть коню моей обязанности. Надѣюсь, что скор
прійдетъ время, когда я буду въ состояніи пересѣдлат
коня моего произвола въ коня долга, и тогда буд
разъѣзжать на немъ con amore» и т. д.

Матери онъ писалъ въ томъ же году:

«...Благодарю, тысячу разъ благодарю за ваш
прекрасную, нѣжную любовь! Я прочиталъ ваши по
слѣднія строки съ истинно-сладостнымъ чувствомъ
Ваша заботливость вызвала слезы на глаза мои, а и
право, неплаксивой натуры. Много сокровищъ хр
нитъ человѣческая память; но самое прекрасное, с

мое драгоцѣнное изъ этихъ сокровищъ — воспоминаніе о добрыхъ родителяхъ. Я наслаждаюсь этимъ счастьемъ въ высшей полнотѣ его. Я жажду обнять васъ, и если Господу будетъ угодно, то въ нынѣшнюю зиму лучшее изъ моихъ желаній исполнится...» и пр.

Онъ пріѣхалъ къ намъ чистый душою и тѣломъ, здоровый и веселый...Полтора года спустя,онъ опять навѣстилъ насъ; но тогда ужь онъ страдалъ безсонницею и я устрашился за жизнь его!

Въ 1836 году старшая (четырьмя годами) сестра хотѣла навѣстить его, но не могла исполнить своего желанія, а потому писала къ нему и получила слѣдующій отвѣтъ:

«Любезная, добрая сестра!

«Право, мнѣ болѣе тебя жаль, что обстоятельства заставили тебя отказаться отъ прекраснаго намѣренія провести съ нами нѣсколько дней. Съ какою радостью увидѣлся бъ я съ тобою, моя добрая сестра, и обнялъ бы въ тебѣ всѣхъ нашихъ! Правда, мы удалены другъ отъ друга, несмотря на то, мы близки сердцемъ! Именно тѣ два, три года, которые служатъ переходомъ отъ нѣжной юности къ зрѣлому возрасту, производятъ почти въ каждомъ человѣкѣ величайшую перемѣну: они разрушаютъ не одну сладкую мечту; они срываютъ листокъ за листкомъ съ зеленой рощи надеждъ, такъ-что подъ-конецъ роща превращается въ обнаженную лозу; они показываютъ намъ холодную, дѣйствительную сторону жизни и разрушаютъ отважное зданіе дѣтскихъ иллюзій. Благо тому, кто спасаетъ тогда отъ кораблекрушенія дѣт-

ства лучшее сокровище строгаго, серьёзнаг
жалаго возраста—Вѣру и молитву! Тогда
смотря на всѣ земныя потери, не теряетъ
ствія жизни; въ борьбѣ и грозѣ ему остает
дый, вѣрный якорь, связывающій его съ
ромъ. Въ твоемъ письмѣ я нахожу нѣкотор
щанія, читаю ихъ охотно и вижу, что вы
нѣкоторое сомнѣніе на счетъ здравія моей ду
между-тѣмъ я твердо храню вѣру, внушен
моимъ отцомъ, и молюсь тому же Богу, молю
но и тепло въ минуту нужды. Если жь я с
иное слово съ другой стороны, то вѣдь слова
лены людьми; а какъ часто людямъ недоста
личнаго выраженія, про то я, бѣдный по
знаю слишкомъ хорошо. Никогда не касаюсь
товъ религіи, ибо тамъ грань человѣческаго
эту грань онъ не долженъ переступать. Я
и нигдѣ не теряю лишнихъ словъ объ этих
кихъ предметахъ, ибо вѣрую тихо про-себя
такъ, какъ и молюсь тихо, про-себя. Если
звалъ нашу милую кузину необычайно-бого
ною, то это, право, не была насмѣшка надъ
ско-чистой душой очаровательной дѣвушки;
одно неудачное выраженіе, вырвавшееся у
сравненіи ея со мною самимъ. Кланяйся ей
разъ отъ меня; она, по внутреннему достоинс
му, стоитъ высоко надъ нашимъ падшимъ
Любезная Эмилія, пиши мнѣ чаще; ты не по
какъ благодѣтельно дѣйствуютъ на меня твои
Наставь на путь истинный твоего безбожна

который охотно готовъ слушать твои увѣщанія, потому-что всею душою любитъ тебя,» и пр.

Въ 1840 году, 10 іюля писалъ онъ намъ:

«...Я попрежнему работаю безъ устали и не выпускаю изъ виду своей цѣли. Я радуюсь, что могу уже нѣсколько быть полезенъ. Вы знаете, любезный братишка, что любимѣйшею моею мечтою было сдѣлаться вашей подпорой съ помощью моихъ слабыхъ силъ. Итакъ я начну теперь съ Іосифа и надѣюсь, что вы не лишите меня этого гордаго удовольствія. У васъ такъ много трудныхъ обязанностей, которыя превышаютъ даже ваши силы (у меня было въ то время на рукахъ, кромѣ моихъ дѣтей, пять сиротъ), то мнѣ было бы стыдно думать иначе. Съ сердечнымъ убѣжденіемъ говорю, что горжусь моими родителями и душевно благодарю Господа, даровавшаго мнѣ такого отца и такую мать. Дѣти составляютъ радость родителей; дѣти должны гордиться родителями,» и пр.

Но онъ скончался. Мать, столько радовавшаяся скорому свиданію съ нимъ, можетъ теперь ѣхать съ сестрою къ нему и поплакать на его могилѣ!..

Иванъ Губеръ генералъ-суперинтендентъ.

Къ такимъ словамъ, къ такой некрологіи прибавлять, кажется, нечего.

VII.

ВЕСНА.—ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО РАЙКУ.—НЕВСКІЯ КАРЕТЫ.—НОВОСТИ.—НЕВЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Наконецъ явилась къ намъ эта неблагодарная, неповоротливая весна, которую мы такъ любимъ и которая насъ такъ не любитъ. Петербургу лучше. Правда, кое-гдѣ еще покашливаютъ, кое-гдѣ еще охаютъ, кое-гдѣ еще и умираютъ, но общая повальная болѣзнь миновалась. Нева сбросила наконецъ свой твердый саванъ и заплескала обновленной жизнью. На насъ пахнуло свѣжимъ весеннимъ вѣтеркомъ. Всѣ петербургскіе жители пріободрились и помолодѣли. Всѣ улицы закипѣли людьми, вдыхающими радостно весенній воздухъ.

Въ Лѣтнемъ Саду щегольской и щеголяющій міръ запестрѣлъ весенними нарядами, лихими конями, открытыми экипажами. Окрестныя дачи начинаютъ также наряжаться и готовиться къ пріему столичныхъ гостей. Весна, весна! Какое славное слово! какое отрадное чувство! Весна—молодость природы, пора любви и пѣсенъ, время свѣтлыхъ надеждъ и юношеской силы. Кто не любитъ весны? кто не радуется веснѣ?..

И какъ хорошъ нашъ Петербургъ весной, какъ чистъ, какъ гордъ, какъ благообразенъ, многолюденъ и могучъ! Какъ величественна наша Нева съ

ея гранитной каймой! Какъ привѣтливы всѣ лица послѣ безконечныхъ морозовъ, послѣ нахмуренной зимы!

И какую сказать тебѣ еще лучшую новость, читатель, и чѣмъ тебя еще болѣе порадовать? Все, что занимало насъ въ холодные досуги, въ ненастные дни, теперь до насъ уже не касается. Концерты умолкаютъ передъ чудной гармоніей природы. Больной свѣтъ разъѣзжается. Свѣтская жизнь отложена до будущаго года. Визиты покончены, театръ пустѣетъ, раутъ невозможенъ и конченъ балъ. Наша словесность, назѣвавшись вдоволь, заснула жертвой собственной бездарности, и утомленная наша критика тихо опочила подъ бременемъ своего вѣчнаго недоброжелательства. Даже преферансъ, эта довольно-мутная душа нашего общества, даже преферансъ разстроился, теперь, когда уже близко время настоящей малины.

Два музыкальныя событія, два прощальные концерта Эрнста и Берліоза не разбудили Петербурга отъ общей весенней дремоты. Несмотря на прекрасную цѣль перваго концерта, несмотря на заманчивый выборъ пьесъ втораго, театръ былъ почти пустъ. Въ партерѣ можно было сосчитать слушателей. Въ первыхъ ярусахъ и считать было некого. Слѣдовательно у насъ любятъ искусство по временамъ года, по принятому обыкновенію, по условіямъ моды; любятъ не искусство, однимъ словомъ, а модное, нарядное препровожденіе времени. Мы давно въ этомъ подозрѣвали своихъ согражданъ; но вотъ тутъ и доказательство на-лицо, или, правиль-

нѣе, отъ недостатка лицъ. Гдѣ же любятъ у насъ прекрасное? подумали мы и тяжело вздохнули, и вздохнувъ подняли глаза къ небу. Представьте наше удивленіе... Тамъ, наверху, на высотахъ баснословныхъ, подъ самой крышей, нанизанныя, нагроможденныя, сколоченныя въ густую массу, кивали радостно несчетныя головы, рукоплещутъ безчисленныя руки. И всегда во́-время, въ-попадъ, съ той необъяснимой догадливостью, которая одушевляетъ народныя сборища. Такъ вотъ на этотъ разъ наше высшее общество, и не для простой игры словъ, а въ-самомъ-дѣлѣ, по дани почтенія къ великимъ талантамъ, по внутреннему призыву къ высокому эстетическому наслажденію!

Смиренно винимся передъ вами, горніе жители душнаго рая: мы не питали къ вамъ должнаго уваженія: мы думали, что вамъ нужны площадныя шутки, неистовые вопли, гаерство въ видѣ искусства, и что нѣтъ въ васъ сочувствія къ настоящему искусству, которое всегда просто, какъ истина. Съ радостью признаемъ свою ошибку. Съ гордостью благодаримъ васъ за то, что вы оцѣнили великихъ художниковъ и проводили ихъ своимъ шумнымъ и даже сознательнымъ одобреніемъ.

А теперь ступайте на гулянье перваго мая, послушайте свои народныя пѣсни, полюбуйтесь на нарядные экипажи и на сидящихъ въ нихъ, но не завидуйте чуждому богатству. Вы ходите въ раёкъ, а не въ дорогую ложу, но ваши впечатлѣнія неподдѣльны, неиспорчены. Вы обладаете, сами того не зная, такими сокровищами, какихъ ни на какія деньги ку-

пить нельзя. Ступайте, добрые люди, къ своимъ невиннымъ удовольствіямъ, а мы пойдемъ вмѣсто васъ посмотрѣть въ Дворянское Собраніе, какъ большой свѣтъ торжественно прощается съ зимою; мы подслушаемъ маскарадныя тайны, подкараулимъ свѣтскія тревоги, и ничего вамъ о томъ не скажемъ, чтобъ не возмутить вашихъ чистыхъ радостей и благословеннаго спокойствія.

Прощайте же покуда. Живите высоко и счастливо. Не поминайте насъ лихомъ, какъ поминаютъ насъ наши собратья. Спасибо вамъ, что, во время нашей погони за современностью, вы заставили насъ натолкнуться на отрадное явленіе. Теперь мы продолжаемъ свой утренній путь... Спѣшимъ сами не знаемъ куда. Въ Лѣтній Садъ, что ли? Нѣтъ, на насъ старое пальто, а знатоки по этой части будутъ къ намъ неумолимы. Пойдемъ просто на Невскій Проспектъ: тамъ вѣчно есть что-нибудь. И точно. Вотъ между каретъ намъ знакомыхъ, съ англійской новомодной упряжью, тянется маленькій дилижансъ, украшенный надписью: «невская карета»... Это что такое? Нововведеніе, прогресъ. Стой! Дайте фёльетонисту прокатиться по Невскому: авось ли онъ поймаетъ въ новой каретѣ неуловимый въ Петербургѣ фёльетонъ. Карета остановилась. Съ фёльетониста, какъ съ простаго смертнаго, берутъ гривенникъ, и фёльетонистъ сидитъ, притаившись въ уголокъ кареты и вглядывается въ окружающія его лица, вслушивается въ отрывистые разговоры. Во-первыхъ, тутъ чинно сидитъ чиновникъ съ крестомъ, потомъ другой, безъ креста, но,

можетъ-быть, представленный къ кресту. Рядомъ
ними сидятъ двѣ женщины непозволительно бе
образныя, подалѣе купецъ съ весьма краснымъ н
сомъ и такой длинной бородой, что ее хватило бы
по краснорѣчивому выраженію одного мастеровог
по-крайней-мѣрѣ драки на три; подлѣ бородача по
прыгиваетъ на своемъ мѣстѣ господинъ неопред
леннаго сословія, неизвѣстнаго имени, но котор
вездѣ вамъ встрѣчается куда бы вы ни вошли. Е
въ театрѣ, онъ сидитъ съ вами рядомъ; вы на би
жу, онъ ужь похваливаетъ тамъ устрицы; вы
свадьбу, онъ втерся въ церковь; вы на похорон
онъ и на похоронахъ проиелькнетъ какъ неизбѣжн
принадлежность Петербурга. Съ нимъ никто незн
комъ, но онъ всѣхъ знаетъ по имени и отчеств
по подробностямъ жизни, по всѣмъ извѣстнымъ
тайнымъ отношеніямъ. Подлѣ этого фантастическ
го господина важно развалились два франта въ п
стрыхъ галстухахъ, съ шляпами на носу, въ б
лыхъ пальто и отчаянныхъ клѣтчатыхъ панталонах
Они смѣются и говорятъ громко, давая чувствова
своимъ сотоварищамъ, что если они ѣдутъ въ дил
жансѣ, то это такъ, не по бѣдности, а для оригинал
ности, для шутки. Они толкуютъ вовсеуслыша
о своихъ рысакахъ и экипажахъ, называютъ свѣ
скихъ красавицъ уменьшительными именами и та
и подчуютъ другъ друга аристократическими р
ственниками и знакомыми.

Былъ ты въ концертѣ Берліоза? спрашивае
одинъ изъ нихъ.

—Нѣтъ, я былъ у князя... А ты былъ?

—Былъ.

—Что жь, хорошо?...

—Да́, хорошо!...

—Что́ жь тебѣ понравилось?

—Да мнѣ понравилось маленькое голосное шерцо для тенора.

—А!... еще что̀?

—Инструментальное шерцо «Царица Мабъ».

—А скажи пожалуйста, mon cher, кто же тебѣ больше нравится, Берліозъ или Эрнстъ?

—Это, братъ, трудно рѣшить. Берліозъ мастеръ своего дѣла, ну да и Эрнстъ молодецъ.

—Не изволили слышать? спросилъ, вмѣшиваясь въ разговоръ, фантастическій господинъ:—правда ли, что Лежаръ остается въ Петербургѣ?

—Не знаю, сухо отвѣчалъ одинъ изъ франтовъ и, слегка улыбнувшись, продолжалъ разговоръ съ товарищемъ:

—Что̀ ты, дѣлаешь лѣтомъ? Ѣдешь за границу?

—Не знаю еще. А ты?

—Я поѣду въ деревню на шесть недѣль, а тамъ буду жить на островахъ.

—Нанялъ дачу?

—Нанялъ; немного дорого, правда, шесть тысячъ.

Фантастическій господинъ улыбнулся въ свою очередь и шепнулъ на ухо купцу:

—Слышите, какъ вретъ? Онъ думаетъ, что я его не знаю. У него шести алтынъ нѣтъ за душой.

Купецъ погладилъ бороду и не отвѣчалъ ни слова.

Франты продолжали свой разговоръ.

—Скажи пожалуйста, mon cher... ты членъ и
выхъ Жокей-клуба и Яхтъ-клуба?

—Нѣтъ... а ты?

—Тоже нѣтъ. Предлагали мнѣ, да некогда. Ч
ты нынче дѣлаешь?

—Пойду поѣсть устрицъ у Смурова, потом
пойду обѣдать къ Сен-Жоржу, а оттуда въ театръ

—Во французскій?

—Разумѣется. Ты держалъ пари за Неву?

—Какъ же; выигралъ пять тысячъ:

Фантастическій господинъ разсмѣялся.

Франты примолкли, и вмѣсто ихъ разговора по
слышался говоръ чиновническихъ голосовъ.

—Скажите пожалуйста, Дмитрій Петровичъ
вѣдь онъ, кажется, ужь надворный совѣтникъ?

—Чего! къ празднику будетъ коллежскимъ.

—Вотъ ужь можно сказать, что везетъ. Он
тремя годами меня моложе, въ моемъ столѣ был
простымъ письмоводителемъ, а теперь смотри куд
ушелъ!

—И что въ немъ такого находятъ, не знаю пра
во. Добро бы способности какія-нибудь необыкно
венныя, а то просто пустой человѣкъ... и безъ пр
текціи, такъ-себѣ, лбомъ взялъ.

—Нѣтъ-съ, замѣтилъ фантастическій господин
который уже зналъ о комъ идетъ рѣчь:—онъ оче
достойный человѣкъ; его самъ министръ отл
чаетъ.

Чиновники недовѣрчиво взглянули на незвана
собесѣдника и поспѣшно перемѣнили разговоръ.

—Читали вы сегодняшнюю «Пчелу»?

—Какъ же-съ, съ удовольствіемъ пробѣжалъ.

—Замѣтили вы, какъ лихо отдѣлали тамъ какого-то литератора?

—Да, по-дѣломъ ему: зачѣмъ пустяки пишетъ. Признаться, Дмитрій Петровичъ, я самъ не пишу, а люблю-таки иногда книжку почитать. Вотъ и журналы просматриваю въ кондитерской. Скажите изъ милости, что это у насъ пишутъ? Ни слога, ни содержанія... ничего нѣтъ. Такъ-себѣ пишутъ, чтобъ писать. Спорятъ, бранятся, а путнаго ничего не выходитъ. По-мнѣ всего лучше Губернскія Вѣдомости; по-крайней-мѣрѣ тутъ дѣло: пойманъ бродяга, продается имѣніе; пріѣхалъ такой-то господинъ. Оно, можетъ-быть, и невесело, да за-то дѣльно.

—А изволили вы читать въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» замѣчательную статью о Языковѣ и Гоголѣ? спросилъ фантастическій господинъ.—Сколько правды, чувства и ума въ этой статьѣ!

—Не читалъ, отрывисто отвѣчалъ чиновникъ безъ креста и потомъ снова обратился къ своему товарищу:

—Вообразите, а я былъ вчера у Семена Петровича...

—Сражались?

—Шесть пулекъ съиграли. Случай вышелъ довольно-странный. Тузъ, король самъ-пять пикъ и четыре трефы отъ короля—семь, кажется?

—Не въ рукѣ?

—Въ томъ-то и дѣло, что въ рукѣ.

—Что жь, безъ двухъ?

—Безъ трехъ. Напалъ на даму пикъ самъ-т тей и туза трефъ самъ-четвертъ.

—Ну, это ужь несчастіе... а играть эту иг всегда надо, форсѐ, разумѣется.

Въ это время дилижансъ остановился. Кондук торъ отворилъ дверцы и пассажиры разошлись в разныя стороны. Фантастическій господинъ броси ся, какъ угорѣлый, рыскать по улицамъ. Франты взявшись за руку, отправились къ парикмахеру. Чи новники отправились въ департаментъ. Купецъ в шелъ въ заведеніе. Дамы исчезли неизвѣстно куд Фёльетонистъ принялся грустно шагать по шир кимъ плитамъ Невскаго Проспекта и призадумалс

«Не вся ли петербургская жизнь выразилась, (п думалъ онъ) въ этомъ пустомъ и несвязномъ разг ворѣ, который довелось мнѣ услышать? Отъ мен требуютъ живаго слова о живыхъ интересахъ жизненной дѣятельности, а мнѣ едва удается ул вить въ моихъ согражданахъ минутное вниманіе к всякому нововведенію, какъ бы оно полезно ни бы ло. Теперь ѣздятъ въ «невскихъ каретахъ» изъ лю бопытства. Пройдетъ недѣля—о каретахъ заб дутъ; кареты опустѣютъ. Публика найдетъ сно какую-нибудь игрушку на нѣсколько дней, а потом ее же разбранитъ и сломаетъ. А если вникнуть в подробности вашей жизни, если безпристрастно оц нить все, что́ насъ окружаетъ, все, что̀ живетъ с нами и чѣмъ мы живемъ, если разсмотрѣть хор шенько и друзей и знакомыхъ и самихъ себя, нак нецъ, что́ обнаружится передъ нами? Длинная с мрачная зима подъ разными наименованіями и

VIII.

НѢЧТО О ПѢТУХѢ и, КСТАТИ О КРИТИКѢ.—Д ХОВЪ-ДЕНЬ.—ПОСЛѢДНІЙ МАСКАРАДЪ.

Сегодня мы, къ вашему удовольствію, не буде говорить ни о погодѣ, ни о томъ, что говорить ва нечего. Эти вѣчныя жалобы вамъ надоѣли и на тоже, повѣрьте, хотя мы менѣе всѣхъ въ нихъ в новаты. Нынѣче мы поговоримъ о занимательны предметахъ, о предметахъ нешуточныхъ, о наши критикѣ, напримѣръ.

Вамъ, можетъ-быть, неизвѣстно, что въ нашем литературномъ мірѣ случилось чрезвычайное пр исшествіе. Всѣ фѣльетонисты взбудоражились и п реполошились по случаю отзыва одной газеты, н звавшей ихъ пѣтухами. Можете представить сколько толковъ, сколько опасеній, сколько угр зеній совѣсти, сколько поздняго раскаянія! Бо мой! ужь не пѣтухъ ли я? «Любезный другъ, ска мнѣ откровенно, ты писалъ что-то, не-уже-ли ты ч что̀ иное, какъ пѣтухъ?»—«Милостивый государ вы мнѣ казались подозрительными, вы, вѣрно, п тухъ». Кому тутъ обижаться, пѣтухамъ или литер торамъ? Если хорошъ пѣтухъ, пѣтуху досадно; е ли литераторъ съ дарованіемъ, оскорбительно д литератора. Журнальный міръ дѣйствительно ра пѣтушился на этотъ разъ. Всѣ величаютъ другъ др

птичьими наименованіями. Хорошъ вы гусь! «говоритъ иной; «А вы, мокрая курица», возражаетъ его соперникъ. «Что вы расхорохорились индѣйкой?» подхватываетъ третій. «Запоете вы у меня пѣтухомъ! Ай да пастушеская простота, аркадійская невинность! Это ужь не цвѣтистое, а птичье краснорѣчіе. Оперилась наша критика, и пора бы, кажется. Но вотъ что́ странно отъ птичника до скотнаго двора недалеко. Еще немного, и мы доживемъ до той просвѣщенной эпохи, когда литераторы будутъ печатно величать другъ друга телятиной, ослами, а публику во всякомъ случаѣ дойной коровой.

И не-уже-ли, скажите изъ милости, мы никогда не постигнемъ значенія и достоинства критики и то, что́ мы нетолько въ-правѣ ожидать, но даже въ-правѣ требовать отъ нея? Если критика такъ взыскательна къ литераторамъ, то отчего же литераторамъ не быть взыскательнымъ къ критикѣ?

Мы благоговѣемъ передъ отвлеченнымъ понятіемъ безпристрастной оцѣнки каждаго произведенія искусства. Мы убѣждены, что такая оцѣнка необходима въ дѣлѣ художническаго усовершенствованія. Мы даже несогласны съ тѣми изъ нашихъ собратій, которые насмѣшливо спрашиваютъ у своихъ судей отчета въ ихъ собственныхъ произведеніяхъ. Мало того, мы готовы выслушать почтительно несправедливое и даже пристрастное мнѣніе, высказанное только вѣжливо, потому-что вѣжливость намъ кажется неизбѣжнымъ условіемъ европейскаго общежитія; но мы торжественно отвергаемъ безусловные и самонадѣянные приговоры недоброжелательной

личности. Но мы рѣшительно не смѣшиваемъ п
нятія о критикѣ съ лицомъ, обращающимъ крити
въ ремесло. Критикъ—это тотъ, кто пожелаетъ, т
кой же господинъ, какъ вы и я, это всякій, кто н
жетъ взяться за перо; это человѣкъ, дурно-пообѣ
давшій, невыспавшійся, сердитый на что-нибу
или на кого-нибудь. А критика часто не имѣетъ н
чего общаго съ вопіющими во имя ея. Критика
это спокойная оцѣнка всѣхъ жизненныхъ вопросов
эссенція мудрости и, слѣдовательно, никто не въ-пра
присвоить себѣ повелительно и самовольно ея в
щаго глагола, потому-что никто изъ насъ недост
инъ того.

Пробѣгая въ досужные часы библіографическ
хроники и рецензіи на новыя произведенія наш
тощей литературы, мы всегда сожалѣли о той стра
ной бранчивости, которая замѣняетъ у насъ крит
ку. Къ чему эта обыкновенная недоброжелательност
къ чему этотъ рѣшительный тонъ, ничѣмъ неопра
данный? къ чему наконецъ, это отсутствіе всѣ
приличій, заставляющее всякаго неприсяжнаго л
тератора ретироваться съ поля словесности, ка
человѣка, попавшаго въ двусмысленное общество?
что́ за радость, въ-самомъ-дѣлѣ, вмѣшиваться
странное побоище, гдѣ бойцы задремали, а су
бранятся? Что́ за удовольствіе сдѣлаться мишен
неудачныхъ остротъ и мелкой ненависти? Въ кр
людей образованныхъ всякій знаетъ имъ цѣну; о
образованныхъ и думать нечего. Но жалко
что отъ этого литература падаетъ въ грязь и в
шаетъ отвращеніе къ себѣ въ тѣхъ юныхъ дар

ніяхъ, которыя могли бы развиться и окрѣпнуть для чести и пользы русскаго слова.

Объ этомъ предметѣ можно было бы написать длинную и печальную статью. Но зачѣмъ? Истины защищать не слѣдуетъ. Истина сама себѣ лучшій защитникъ.

Намъ остается только ожидать съ терпѣніемъ того счастливаго пѣтуха, который возвѣститъ Россіи зарю дѣятельной словесности и пристойной критики.

Вотъ что́ мы хотѣли высказать однажды навсегда, и мы увѣрены, что слова наши найдутъ отголосокъ во многихъ убѣжденіяхъ. Съ своей стороны, мы литераторовъ будемъ всегда называть литераторами, а не какою иною живностью, и всегда готовы признавать ихъ настоящія заслуги. О достоинствѣ же, сходныхъ съ нашей по цѣли и содержанію, мы говорить, разумѣется, не станемъ. Мы не можемъ и не должны ничего сказать имъ, кромѣ радушнаго, учтиваго привѣтствія, которымъ размѣниваются путники, идущіе случайно по одной дорогѣ.

А теперь отъ нашего критическаго дѣла перейдемъ, читатель, къ нашей общественной жизни, къ нашимъ блѣднымъ удовольствіямъ. Былъ ли ты въ духовъ-день на гуляньѣ въ Лѣтнемъ Саду? Мы надѣемся, что не былъ. Вообрази себѣ, погода... но, виноваты, мы забыли, что о погодѣ мы обѣщались не говорить. Погоды слѣдовательно не было, было Богъ знаетъ что́, весьма непріятное. Между остовами сухихъ деревъ двигались чинно и медленно забнувшія, худыя, блѣдныя, больныя, лихорадочныя лица. И что́ за женщины, другъ мой, читатель! по-

думать даже страшно! Гдѣ родятся онѣ? Кого ка знятъ онѣ своимъ присутствіемъ? Намъ сказали в утѣшеніе, что такъ-какъ гулянье это назначаетс для ловли женіховъ, благовидныя невѣсты, убѣж денныя, что ихъ самихъ отъищутъ, гордо и самоувѣ ренно сидятъ въ этотъ день дома. Можетъ-быть; н ужь тѣ, которыя пустились въ погоню, вѣрно, нико го не поймаютъ. Вообще гулянье Лѣтняго Сада про извело на насъ грустное впечатлѣніе. Мастеровые разряженныя и сморщенныя горничныя, на всѣх нѣмецкія платья, и кое-гдѣ двѣ-три штофныя душе грѣйки, которыя стыдливо мелькаютъ въ сторонѣ кое-гдѣ два-три выходца изъ аристократическаг міра, которые насмѣшливо поглядываютъ на эту тол пу; шумъ разныхъ оркестровъ, наигрывающихъ Лучію Ламермурскую—все это, признайтесь, скуч но, дико, непріязненно и какъ-то досадно.

Не такъ бываетъ въ Москвѣ, когда, въ солнеч ный майскій день, православный народецъ выйдет за городъ погулять и подышать воздухомъ. Любо-до рого взглянуть. Повсюду жизнь и веселье. Со всѣх сторонъ разбиты палатки, кипятъ самовары, разда ются народныя пѣсни, цыганскіе припѣвы. Тутъ вс Москва, и малъ и великъ, старшіе братья и мень шіе братья огромнаго семейства. Тутъ вся Москва в всемъ своемъ разгулѣ, во всей своей красотѣ. Тут русскій человѣкъ у себя дома, хозяинъ, тутъ раз дается народный смѣхъ; тутъ слышится добродуш но-колкая прибаутка; тутъ сарафанъ и не въ дико винѣ; тутъ подчуютъ и угощаютъ другъ друга; тут *разливное* море и гулянье на-славу.

Москва насъ не любитъ, и въ этомъ ее слишкомъ винить нельзя. Но мы любимъ Москву, потому-что нѣтъ русскаго человѣка, который бы не любилъ Москву. Есть у нея, правда, свои раскольничьи слабости, но эти слабости и служатъ доказательствомъ того, что она поняла свое значеніе и хранитъ свято свое сокровище, наслѣдіе отцовъ—русскую народность.

Мы также русскіе—въ томъ никто не сомнѣвается; только отечественное чувство заглушено въ насъ безпрестаннымъ соприкосновеніемъ съ иностранцами, непрерывными заботами служебной дѣятельности, столичной роскоши и вещественныхъ выгодъ. Намъ предстоитъ трудная загадка идти впереди своего народа и выбирать для него лучшее въ современномъ просвѣщеніи. Исполняемъ ли мы свою обязанность?—это другой вопросъ, вопросъ, который разрѣшитъ Россія, а во всякомъ случаѣ не скромный фѣльетонистъ, повѣствующій только о столичныхъ удовольствіяхъ и мелкихъ событіяхъ каждой недѣли.

Итакъ скорѣе въ маскарадъ Дворянскаго Собранія, въ послѣдній маскарадъ, которымъ, въ ожиданіи весны, заключилась зима! На этотъ маскарадъ, между прочими посѣтителями, появилось солнце, которое, какъ извѣстно, встаетъ теперь рано; не безъ удивленія посматривало оно, вѣроятно, на толпы масокъ и ихъ поклонниковъ, шопотомъ и пискомъ встрѣчающихъ появленіе свѣтозарнаго свѣтила. Настоящіе пѣтухи давно уже пропѣли, на улицахъ бы-

ло свѣтло и тихо, а въ Дворянскомъ Собраніи вс
еще продолжались страстные разговоры, откровен
ныя признанія и немного черезчуръ откровенны
танцы.

IX.

ОБЩИНА СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ.

ь то время, когда Западъ, жертва своей мнимой
ованности, терзается въ судорогахъ разрушенія,
мотримъ съ грустью и негодованіемъ на свирѣ-
разметъ человѣческаго высокомѣрія и граждан-
разбоя; но, довольные своей совѣстью, но, ог-
енные своими убѣжденіями, но, вѣрные своимъ
ніямъ, мы тихо пожимаемъ плечами и только
у не гордимся своимъ величіемъ, что оно со-
ждается чужимъ униженіемъ.

къ въ бурную ночь, когда гроза вздымаетъ
ренныя волны, когда молнія бороздитъ морскую
ну, когда вѣтеръ ломитъ корабельныя снасти и
женныя суда тонутъ среди воплей отчаянія и
та испуганной природы, прибрежные жители
ются на берегъ и молча смотрятъ на страшныя
ія Божьяго гнѣва. Поздно подать руку утопаю-
; поздно спасти ихъ отъ гибели. Остается
ѣть только о нихъ и благодарить Небо за себя.
якій вспомнитъ тогда, по-неволѣ, въ виду не-
гимой непогоды, что онъ, благодаря Бога, на
ой землѣ, что кровъ его надеженъ, что всѣ
ie, всѣ милые его сердцу въ безопасности, и
ый, сотворивъ молитву о спасеніи погибающихъ,

задумается въ нѣмой благодарности и благословитъ свою судьбу.

Такъ и мы теперь, мирные жители могучаго Сѣвера, мы видимъ издали крушеніе Запада—и грустное раздумье ложится намъ на душу. Кто, русскій человѣкъ, не перекрестится во время грозы? Кому прійдетъ на умъ веселье, чьи уста оживитъ улыбка, когда сосѣдніе люди гибнутъ жертвами собственныхъ страстей, когда чернь всѣхъ сословій возмутительно проповѣдуетъ грабительство и дерзко грозитъ всѣмъ святынямъ? Нѣтъ, не до веселья теперь намъ, а до грустныхъ размышленій. Когда бразды правленія брошены, когда желаніе отнять чужое нагло торжествуетъ, когда собственность, первая основа общества, колеблется и неимущій не проситъ достатка, какъ награду, за трудъ, а требуетъ его какъ право сильнаго—чего можно ожидать, какъ не кровопролитія и разрушенія? Напрасны будутъ всѣ восклицанія о водвореніи небывалаго порядка, всѣ нелѣпые толки объ образованіи общаго труда. Трудъ не образуется, какъ не образуется добродѣтель. Трудъ не можетъ быть послѣдствіемъ нахальнаго домогательства. Онъ—благословенный плодъ правильнаго воспитанія, твердаго образа жизни, покорности Провидѣнію и настоящаго чувства гражданской и семейной обязанности. Въ трудѣ и заключается весь вопросъ просвѣщенія, вопросъ тѣмъ болѣе важный, что нынѣ, при видѣ современныхъ событій, невольно рождается сомнѣніе въ пользѣ просвѣщенія. Но да сохранитъ насъ Богъ отъ такой мысли! Не просвѣще-

ніе пагубно, а личина просвѣщенія, безразсудность полузнанія. Полузнаніе ведетъ къ самонадѣянности, непокорности и злобнымъ умысламъ. Главное въ святомъ дѣлѣ образованія — направленіе, которое совершается медленно, подъ благимъ руководствомъ правительствъ, при содѣйствіи всѣхъ благомыслящихъ и благонамѣренныхъ людей. Теперь ужь доказано, что если предосудительно быть льстецомъ сильныхъ, то еще стыднѣе потворствовать низшимъ сословіямъ, поощрять ихъ слабости и скрывать отъ нихъ истину; а къ тому есть, къ-сожалѣнію, много средствъ. Главное изъ нихъ—слѣпая благотворительность, которая составляетъ постоянное звѣно между людьми образованными и необразованными, богатыми и бѣдными. Черезъ благотворительность можно или вкоренять развратъ, или внушать спасительныя начала нравственности и трудолюбія. И потому нельзя повторять довольно, что слѣпое, небрежное подаяніе, раздувая пороки, ведетъ къ гибели, порождаетъ ненасытныя и вѣчно-возрастающія требованія, тогда-какъ подаяніе разборчивое, подаяніе, сближающее съ мыслью о необходимости личнаго труда, становится въ одно время заслугой и государству и человѣчеству.

Въ Петербургѣ есть мирная обитель скромныхъ женщинъ, посвятившихъ себя на такое высокое и прекрасное дѣло. Община Сестеръ Милосердія немногимъ извѣстна, потому-что она тихо и смиренно совершаетъ въ тѣни своей благословенный подвигъ. Кроткими мѣрами, путемъ убѣжденія и

примѣра, словами ученія Христова дѣйствуетъ он и не кидаетъ надменной милостыни, не поощряет тунеядства, не потворствуетъ вредному тщеславію, а посѣщаетъ больнаго на одрѣ страданія, призрѣва етъ сироту, навѣщаетъ, руководствуетъ, учитъ, пре охраняетъ. И когда бѣдная жертва земной суетности падаетъ въ омутъ разврата, то и тутъ она не отвра чивается отъ нея презрительно, а подаетъ ей, не тупивъ взоры, руку помощи и указываетъ ей снова на истинный путь. Улыбкой небесной любви очища етъ она ея отуманенную совѣсть, тихо призываетъ ее къ молитвѣ и труду, и сама трудится и молится съ ней. И какая за-то побѣда можетъ сравниться съ побѣдой милосердія, исторгшаго безсмертную душу изъ смертоносныхъ объятій порока!

Община существуетъ только четвертый годъ; но въ это короткое время она много ужь успѣла сдѣ лать. Со времени своего основанія она призрѣла лицъ

въ своей больницѣ	860
въ богадельнѣ.	11
въ пансіонѣ	71
въ пріютѣ	186
въ Дѣтскомъ Исправительномъ Отдѣленіи .	23
въ Отдѣленіи Магдалинъ.	556

Кромѣ того, снабжены медикаментами по домам до 3188 человѣкъ.

Эти числа краснорѣчивѣе словъ. Нужно ли при бавлять, что община имѣетъ счастье находиться под высокимъ покровительствомъ Царскаго Дома? Кт не знаетъ, что въ Россіи положено твердое нача

всѣмъ истинно-благотворительнымъ дѣламъ, благословенной памяти Императрицей Маріей Ѳеодоровной, и что, по ея прекрасному примѣру, по Ея святому завѣщанію, утѣшеніе страдальцевъ сдѣлалось лучшей принадлежностью, любимымъ занятіемъ русскихъ Царицъ и Царевенъ. Памятникъ, воздвигнутый благочестивою Родительницей нашего Государя, разросся по всей Россіи. Это живой, нетлѣнный памятникъ благословеній и вѣчно-обновленной признательности къ виновницѣ отрады скорбящимъ и къ тѣмъ, которыя продолжаютъ Ея великое дѣло.

Нынѣ, съ соизволенія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны, здѣшніе художники, музыканты, живописцы и скульпторы, соединились въ общемъ согласіи, чтобъ принести дань своего уваженія къ Общинѣ Сестеръ Милосердія и доставить ей средства развить еще болѣе полезную ея дѣятельность. Такимъ образомъ составился концертъ, въ Петербургѣ еще небывалый, въ которомъ музыка, на ряду съ ваяніемъ и живописью, протягиваютъ руку во имя бѣдныхъ, призрѣваемыхъ общиной благочестивыхъ женщинъ. И подлинно, кому помогать, какъ не женщинамъ? И какимъ женщинамъ помогать, какъ не тѣмъ, которыя посвятили всю жизнь свою на разумную помощь ближнему?

Особыя объявленія объяснятъ подробнѣе этотъ новый праздникъ благотворительности, праздникъ, который, кажется, вполнѣ выразитъ наше настоящее положеніе. По нашей безопасности среди европейскихъ смутъ, мы можемъ давать праздники; но, по

сокрушенію нашему при видѣ чужихъ бѣдствій, мы хотимъ, чтобъ наши праздники имѣли отпечатокъ особаго значенія, чтобъ они соединяли роскошь и свѣтъ, искусство и благотворительность, всѣ наши благороднѣйшія чувства въ единодушномъ изъявленіи нашего непоколебимаго спокойствія и нашей неизмѣнной готовности на всякое полезное и доброе дѣло.

X.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Если ты улыбнулся, другъ-читатель, прочитавъ мимъ «Сотрудниковъ», если ты не забылъ еще статеекъ, которыми я, въ сердечной простотѣ, подчивалъ твои досуги, ты не посѣтуешь на меня за то, что я, на прощанье, передъ долгой, можетъ-быть, вѣчной разлукой, вздумалъ поговорить съ тобой о моемъ портретѣ. Какой писатель устоялъ противъ искушенія поговорить съ публикой о себѣ? Шатобріанъ изъ-за могилы даритъ насъ безконечной автобіографіей. Ламартинъ каждому шепчетъ на-ухо про свои непонятые подвиги. Кто не написалъ, хоть немно—скромнаго предисловія? Какой писатель не подѣлился съ читателями своими воспоминаніями, своей личностью? Какой человѣкъ не тщеславенъ? Какой литераторъ не человѣкъ, и какъ отказаться отъ удовольствія поговорить о себѣ, когда не-нечаянно о себѣ думаешь, а иногда даже такъ много о себѣ думаешь?

Однакожь, другъ-читатель, успокойся: я не намѣренъ занимать тебя исповѣдью моей жизни, длинной повѣстью обманутыхъ ожиданій, неудачныхъ стремленій, литературныхъ попытокъ и разочарованій; я освобождаю тебя на-вѣки-вѣковъ отъ этой новой «Демьяновой Ухи» нашего времени. Вызвав-

шись говорить съ тобой о моемъ портретѣ, я не д
малъ посвящать тебя насильственно въ непостижи
мыя тайны человѣческой духовной жизни. Цѣль мо
другая: я хотѣлъ повѣдать тебѣ о моей наруж
ности.

И не думай, чтобъ наружность моя отличалас
какой-нибудь рѣзкой уродливостью, или сверхъесте
ственной красотой; наружность моя, какъ слѣду
етъ быть наружности русскаго литератора, самы
обыкновенная и не только мнѣ, но и многимъ, я ду
маю, приглядѣлась; слѣдовательно не о наружности
собственно рѣчь, а о томъ рѣдкомъ искусствѣ, бла
годаря которому, она перешла живьемъ на полотно, об
разуя тотъ единственный портретъ, о которомъ
позволю себѣ разсказать друзьямъ и недругамъ, то
есть читающей публикѣ.

Этотъ портретъ, какъ говорится, живой и обл
даетъ тѣмъ преимуществомъ, что, вѣчно-полный да
рованья, онъ не можетъ состарѣться, не нажет
ничего, а самъ мастерски написанъ. Писанъ онъ в
человѣческій ростъ, пастельными красками, неу
тупающими ни въ чемъ въ отношеніи прочности
колорита, масляными, но превышающими живопис
масляными красками нѣжностью полутоновъ и ма
костью рисунка.

Многимъ изъ читателей, вѣроятно, извѣстно, чт
секретъ живописи пастелью былъ долгое время у
раченъ. Время изобрѣтенія ея, кажется, опред
лить невозможно. Способъ былъ, вѣроятно, откры
прежде, но художникъ явился только при Лудови
XV. То былъ извѣстный Латуръ, который, неси

тра на истинное дарованіе, вошелъ до того въ моду, что всѣ при пышномъ дворѣ французскаго короля заказывали ему свои портреты. Этому обязаны мы тѣми превосходными произведеніями, которыя увѣковѣчили имя Латура. Лѣтопись сохранила о немъ довольно-забавный анекдотъ. Какъ всѣ люди, исключительно-преданные спеціальному занятію, онъ былъ порядочнымъ оригиналомъ и не зналъ и не понималъ ничего, кромѣ любимыхъ своихъ карандашей. Госпожа Помпадуръ, слѣдуя общему стремленію, вздумала однажды заказать ему свой портретъ, для чего и пригласила его къ себѣ въ домъ. Но Латуръ не любилъ выходить изъ своей квартиры, гдѣ все было придумано и подъ-рукой; онъ отвѣчалъ, что на домъ никуда не ходитъ, а если угодно, чтобъ пожаловали къ нему въ мастерскую. Друзья его, испуганные такой дерзостью, уговорили его, однакожь, измѣнить принятому правилу. Послѣ долгаго сопротивленія, онъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ никто не присутствовалъ при сеансѣ и не мѣшалъ ему во время работы. Условіе было принято, и въ назначенный часъ Латуръ является во дворецъ знаменитой красавицы. Въ комнатѣ, по условію, никого не было посторонняго. Латуръ, успокоенный, располагаетъ свой мольбертъ и, слегка извинившись, отстегиваетъ пряжки на башмакахъ, развязываетъ подвязки, снимаетъ галстухъ и парикъ, и живо надѣваетъ на голову колпакъ. Приготовившись такимъ образомъ, онъ принимается, улыбаясь, за работу. Но въ эту самую минуту въ комнату входитъ Людовикъ XV. Встревоженный художникъ ки-

дaетъ колпакъ на полъ, поспѣшно подбираетъ ра
бросанные свои доспѣхи и безъ оглядки убѣгает
несмотря на ласковое съ нимъ обращеніе короля. «Мы
обѣщали» говоритъ онъ, «что никто не будет
намъ мѣшать. Условіе не сдержано, я писать боль
не могу». Затѣмъ, взявъ парикъ, подвязки и ша
стухъ подъ-мышку, обиженный Латуръ торжествен
но возвращается въ свою мастерскую.

Конечно, художникъ не отличился тутъ знаніем
самыхъ обыкновенныхъ приличій, но этотъ анекдот
служитъ доказательствомъ, какъ высоко цѣнилос
его дарованіе, и въ какомъ почетѣ была живопис
пастелью. Извѣстнѣйшія произведенія Латура: пор
треты маршала де-Саксъ, путешественника Шарда
на (въ парижскомъ музеумѣ) и двѣ головы, изо
бражающія каноника и парламентскаго совѣтник
(въ Дижонѣ) донынѣ возбуждаютъ справедливое вос
хищеніе знатоковъ.

Съ Латуромъ погибло его искусство; даже се
кретъ состава карандашей былъ потерянъ. Немно
гія попытки, сдѣланныя послѣ него, выходили как
то блѣдно, вяло, какой-то симетрической пылью
которая исчезала при первомъ прикосновеніи отъ ма
лѣйшаго, даже петербургскаго солнечнаго луча.

И вотъ недавно, года три назадъ, живопис
пастелью, столько времени загнанная и забытая
снова потребовала мѣста своего посреди прочих
признанныхъ родовъ живописи и рисованія. Она сно
ва не страшится соперничества, снова получила у
раченное право гражданства въ мірѣ искусства. Он
перешла изъ мастерской брюзгливаго Латура путем

долгаго труда и соображенія — и куда же, вы думаете? въ третій этажъ дома Эрнста, что на Мойкѣ. Тамъ скромно живутъ два брата-художника. Младшій изъ нихъ, котораго всѣ читатели, любящіе искусство, уже назвали *Ипполитомъ Робильяръ*, можетъ, безспорно, назваться возсоздателемъ, вторымъ изобрѣтателемъ живописи пастелью. Какъ древній Ипполитъ, сынъ слишкомъ-извѣстнаго Тезея, онъ чуждается общества, довольствуясь тѣснымъ кругомъ друзей, и живетъ только для своего искусства, которое въ то же время можетъ почитаться его произведеніемъ.

Чтобъ оцѣнить заслуги его, надо вникнуть сперва въ тѣ практическія затрудненія, которыя останавливали его на каждомъ шагу и которыя вовсе неизвѣстны прочимъ живописцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, у каждаго полотно и бумага, краски и карандаши — давай только Богъ дарованье. У *Робильяра* дарованье-то было, да не было первоначальныхъ орудій, не было ни чѣмъ писать, ни на чемъ писать. Секретъ Латура былъ потерянъ. Надо было его найдти и усовершенствовать. Дѣло, какъ видите, самое легкое. Стóило только заняться химическими процесами; чтó до того времени для живописца считалось совершенно-лишнимъ. И вотъ неутомимый, неугомонный художникъ принялся за химію и изобрѣлъ собственные карандаши всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ, подобные прежнимъ утраченнымъ лозанскимъ, вовсе не столь грубые и рѣзкіе, какъ тѣ, которые пускаетъ въ ходъ новѣйшая фабрикація. Затѣмъ оставалось укрѣпить эти краски

на бумагѣ, или на полотнѣ, такъ, чтобъ придать и прочность и продолжительность масляной живопис И тутъ новая работа, новыя соображенія. Послѣ мн гихъ опытовъ, *Робильяръ* изобрѣлъ наконецъ с ставъ, въ который входитъ стекло, удерживающ плотно въ себѣ краску. Такимъ образомъ технич свое дѣло было окончено, оставалось широкое по художнику. Но тутъ художникъ былъ ужь у себ дома, хозяинъ своего дѣла, и портреты его, по треты, поражающіе сходствомъ, силою колорита прелестью рисунка, украшаютъ уже многія роскоп ныя гостиныя Петербурга.

Въ число этихъ знатныхъ портретовъ замѣшал и портретъ русскаго литератора, который такъ и хожъ, что только-что не говоритъ. Мнѣ остаетс слѣдовательно, дополнить этотъ, впрочемъ, незнач тельный недостатокъ, и выразить художнику дол ную дань уваженія къ его рѣдкому трудолюбію, к его замѣчательному таланту.

А портретъ пускай останется вмѣсто меня, шумной столицѣ, и напомнитъ немногимъ мои друзьямъ о дружбѣ нашей, которая, какъ произвед нія г. *Робильяра*, не должна ни блекнуть, ни м мѣняться отъ времени.

III.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

МѢСТНИКИ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

—

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мнѣ всегда казалось крайне-неловкимъ быть ходатаемъ въ собственномъ дѣлѣ. Я даже не понималъ никогда, какъ можно рѣшиться печатно говорить о своей книгѣ, скромно выхвалять ея достоинства и просить снисхожденія у безпристрастно-зѣвающей публики. Теперь я вижу, что эта крайность бываетъ иногда слѣдствіемъ необходимости. Разсматривая съ понятной многимъ сочинителямъ грустью недостатки моей драмы, я не могъ не убѣдиться, что едва-ли не главный изъ нихъ заключается въ томъ, что она требуетъ объясненій. Въ ней настоящій вымыселъ такъ перепутанъ съ былой дѣйствительностью, что человѣку, непосвятившему себя исключительно историческимъ изслѣдованіямъ, трудно будетъ отличить ихъ другъ отъ друга. Причина тому, можетъ-быть, безсиліе автора, можетъ-быть, и самая сущность избраннаго имъ предмета, быть-можетъ, и условія драмы, такъ-какъ онъ ее понимаетъ. Ему кажется, что въ драматическомъ сочиненіи строгая историческая точность должна занимать мѣсто второстепенное; что

достаточно, когда главныя извѣстныя событія не и
кажены, а незначительныя сохранили правдоподоб
и не вовлекли въ грубые анахронизмы.

Подобное мнѣніе можетъ быть ошибочно, но он
составляетъ право автора, право, такъ-сказать, соб
ственнаго воззрѣнія. Другое дѣло, какъ выполнилъ
какъ олицетворилъ художникъ избранную по личном
произволу, по направленію своихъ понятій данну
или мысль. Тутъ дѣло общаго суда.

Старина наша исчезаетъ... Прежній русскій быт
становится съ каждымъ днемъ отдаленнѣе и заг
дочнѣе. Оттого и возникаютъ между нами та стран
ная, какая-то идеальная любовь къ отжитому врем
ни, то совершенное къ нему пренебреженіе и непро
стительная ненависть. Прислушиваясь къ такии
разнороднымъ мнѣніямъ, я остановился на мысли
что любопытно было бы съ возможной истиной и без
пристрастіемъ перенести на сцену отрывокъ русско
старины, въ полномъ ея нарядѣ, съ ея обычаями
предразсудками, заботами, страстями—словомъ, с
всей ея былой жизнью. Очевидно, что точнаго воз
созданія и требовать нельзя, ужь по самой скудност
источниковъ ; но все-таки представлялась возмож
ность составить, по сохранившимся преданіямъ, хот
неполную картину отжитыхъ нравовъ. Такова цѣл
моей драмы, которую я не опредѣлилъ никакимъ при
лагательнымъ. Исторической назвать ее нельзя,
скорѣе—*историко-нравоописательной*, на что
по безконечности названья , я не могъ рѣшиться
Представляю ее какъ опытъ, кажется, довольно-но
вый въ нашей литературѣ.

Отъ драмы требуются условія, въ совокупности образующія почти непобѣдимыя затрудненія. Отъ нея требуются основная мысль, нравственная цѣль, удачный вымыселъ, завязка, занимательность, развитіе, движеніе, вѣрность характеровъ и слога, если лица, выведенныя на сцену, извѣстны въ исторіи—истина, или, по-крайней-мѣрѣ, возможность истины въ ихъ поступкахъ и строжайшая точность въ изображеніи духа времени, его колорита и подробностей.

Художественную часть моего сочиненія я передаю безусловно на судъ читателей и въ добычу критики. Предоставляю только себѣ нѣсколько словъ въ защиту плана драмы въ историческомъ отношеніи и касательно изученія изображеннаго мною времени.

Каждый, вѣроятно, согласится, что мѣстничество между лицами, сословіями и городами составляло одну изъ самыхъ драматическихъ стихій русской старины. Къ сожалѣнію, о немъ подробныхъ данныхъ немного. Нѣкоторыя уцѣлѣвшія дѣла, изданныя преимущественно господами Ивановымъ и Погодинымъ, нѣкоторыя указанія въ Собраніи Законовъ и въ спасенныхъ отъ огня разрядныхъ книгахъ — вотъ все, что, кажется, осталось для любознательности ученаго, для усвоенія художнику. Замѣчательная, по совѣстливости изслѣдованія, статья молодаго Валуева, слишкомъ рано похищеннаго смертью у науки, безъ сомнѣнія, самое лучшее разсужденіе о мѣстническихъ обычаяхъ, составлявшихъ одно изъ самыхъ рѣзкихъ выраженій до-петровскаго времени. Но полнаго обозрѣнія всѣхъ возникшихъ отъ мѣстничества пагубныхъ послѣдствій въ государственныхъ дѣлахъ и въ

частной жизни, но отчетливой исторіи, систематі
ческаго разрѣшенія исчезнувшихъ вопросовъ, у нас
нѣтъ и врядъ ли когда будетъ.

Въ драмѣ, то-есть въ отдѣльной картинѣ, я н
могъ, а, можетъ-быть, и не умѣлъ обнять всѣхъ сто
ронъ бѣдствія, такъ долго тяготѣвшаго надъ Россіей
Мнѣ, слѣдовательно, нужно было избрать ту эпоху
когда это бѣдствіе дошло ужь до того, что Самодер
жавная власть была вынуждена положить ему ко
нецъ. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничє
ства само-по-себѣ ничто иное, какъ развязка вѣково
драмы, взволновавшей всю русскую землю. Сам
сущность предмета указывала мнѣ на выборъ вр
мени, тѣмъ-болѣе, что въ это же самое время, сл
жащее какъ-бы предисловіемъ къ общему преобра
зованію, уже приготовлялось упорное, въ высш
степени драматическое сопротивленіе непреложны
требованіямъ вѣка, сопротивленіе, которое выраз
лось въ одно время и положительно и отрицательн
стрѣлецкими смутами и распространеніемъ расколов
Тѣ и другія слѣпыя и безсознательныя орудія упр
маго невѣжества тѣсно связаны съ упадкомъ мѣс
ничества, выражавшаго, какъ сказано выше, отл
чительный характеръ старинныхъ предубѣжденій
Кто вникалъ въ странное свойство стрѣлецкихъ бу
товъ, всегда прикрытыхъ мнимой законностью, по
руководствомъ личнаго честолюбія; кто изучалъ ру
скіе расколы, основанные бо́льшей частью на нару
номъ отпаденіи отъ Церкви и вкоренившіеся впервы
постоянно въ Россіи, когда исправленіе книгъ нач
ло угрожать просвѣщеніемъ, тотъ согласится, чт

всѣ таковыя событія происходили отъ одного начала—старовѣрческаго обскурантизма...

Само-собой разумѣется, что въ своей драмѣ я только бѣгло могъ указать на тайную связь погибающаго мѣстничества, политическихъ ересей и стрѣлецкаго возмущенія. Подобный предметъ слишкомъ значителенъ, слишкомъ многостороненъ для тѣсной рамы драматическаго сочиненія.

Теперь же, отъ общей исторической основы избраннаго мною предмета, обращаюсь къ самому изложенію его.

Вражда между Ромодановскими и Бутурлиными не вымышлена. Въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, окольничій князь Иванъ Ивановичъ Ромодановскій, будучи приглашенъ къ царскому столу, не хотѣлъ сѣсть ниже окольничаго Василія Васильевича Бутурлина, за что и былъ посаженъ въ тюрьму на два дня. Несмотря на это наказаніе, споръ возобновился спустя шесть дней, за столомъ у натріарха. Ромодановскаго привели и посадили силою, но онъ упалъ со скамьи, и его принуждены были поднять и держать подъ-руки. Вслѣдствіе этого, царскимъ указомъ, сохраненнымъ въ «ОбщемъСобраніи Законовъ», приговоренъ Ромодановскій къ выдачѣ Бутурлину головой, что и было исполнено. Несмотря на то, меньшой братъ князя Ивана, князь Василій, спустя менѣе года, билъ челомъ государю въ отчествѣ на того же Бутурлина и былъ приговоренъ къ уплатѣ послѣднему за безчестіе трехсотъ-пятидесяти рублей.

Бутурлинъ, вскорѣ послѣ того пожалованный

въ бояре, былъ, какъ извѣстно, достойнымъ царскимъ любимцемъ, и быстрымъ своимъ возвышеніемъ не могъ, въ особенности по понятіямъ того времени не навлечь на себя явныхъ завистниковъ и враговъ.

Впрочемъ (пишетъ Берхъ), по актамъ, современнымъ царю Алексѣю Михайловичу, видно, что родъ Ромодановскихъ превосходилъ необузданной своей гордостью всю мѣру приличій, преданности къ монарху и уваженія къ родству.

Такимъ образомъ мы видимъ, что князь Григорій Григорьевичъ, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Михаломъ, во время украинскихъ войнъ погибшій отъ стрѣлецкаго бунта, мѣстничалъ съ роднымъ племянникомъ, и, чтобъ не уступить ему, ослушался царской воли.

Этотъ сынъ князя Григорія, князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій, избранъ однимъ изъ главныхъ двигателей въ предлагаемой драмѣ. Тридцать лѣтъ послѣ униженія своихъ двоюродныхъ братьевъ передъ Бутурлиными, онъ подписалъ Соборное Дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества рядомъ съ Иваномъ Васильевичемъ Бутурлинымъ, но ниже его одним мѣстомъ. Равнымъ образомъ на бывшихъ потомъ при дворѣ печальныхъ церемоніяхъ князь Михаилъ Ромодановскій вездѣ поставленъ ниже Бутурлина. Въ спискѣ же бояръ, подписавшихъ Соборное Дѣяніе, князь Григорій Григорьевичъ Ромодановскій записанъ 13, князь Ѳедоръ Григорьевичъ Ромодановскій 31, Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ 32, а князь Михаилъ Григорьевичъ Ромодановскій 33. Разумѣется, это происходило отъ старшинства въ производствѣ

но это самое сближеніе, при предшествовавшихъ обстоятельствахъ, не доказываетъ ли, что князь Михаилъ Ромодановскій долженъ былъ почитать себя обиженнымъ Бутурлинымъ, если не по разрядной, то по родовой чести.

Многіе весьма ошибочно полагаютъ, что мѣстничество основывалось на одномъ служебномъ отличіи и вовсе не на родовомъ. Напротивъ, оставшіеся акты явно показываютъ, что въ мѣстническихъ актахъ мѣсто было только предлогомъ, основаніемъ же было отечество или отчество, что́ ужь по одному названію изобличаетъ начало чисто-генеалогическое. Такимъ образомъ тотъ же окольничій князь Иванъ Ромодановскій, о которомъ упомянуто выше, билъ челомъ въ отечествѣ на боярина Салтыкова, тогда-какъ званіе боярина, безспорно, было выше окольничаго. Любопытно, что во всѣхъ дѣлахъ подобнаго рода сужденіе или отстраняется какой-нибудь отговоркой, или если производится въ чью-нибудь невыгоду, то сопровождается всегда объясненіемъ, что домогательство было неосновательно по самымъ понятіямъ родоваго старшинства, тогда-какъ довольно было бы, кажется, упомянуть объ ослушаніи противъ царской воли. Такое снисхожденіе не доказываетъ ли явно всю вкоренившуюся силу, все неистребимое вліяніе родоваго начала. Не будь этого, къ чему объясненія? Да и самыя наказанія были, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, обыкновенно незначительны, не сопровождались никакимъ понятіемъ о безчестіи и не лишали ни дальнѣйшихъ повышеній, ни даже царской милости.

Но если нельзя отвергать кичливости породы, т
есть аристократическаго духа русской старины, нел
зя въ то же время не скорбѣть о жалкомъ, даже пр
ступномъ примѣненіи этого духа, который подде
живался не полезнымъ соревнованіемъ, не гордел
вой увѣренностью въ дѣйствительно-оказанныхъ у
лугахъ, а малодушною мнительностью и ложны
честолюбіемъ. Русское боярство, впавъ въ саму
жалкую крайность аристократизма, лишило себя н
только высокаго значенія въ необразованномъ ев
обществѣ, но даже отъ ничтожности своихъ дѣ
ствій заставило сомнѣваться въ своемъ существо
ваніи.

Этотъ заслуженый упрекъ хотѣлъ я высказать
и можно ли было не высказать его въ сочиненіи
посвященномъ мѣстничеству?

Представителемъ нынѣ, къ счастью, совершенн
исчезнувшихъ понятій, типомъ неизбѣжнымъ въ дра
мѣ, относящейся до того времени, выбралъ я кня
Михаила Григорьевича, къ чему побудила меня ещ
другая важная причина, а именно та, что онъ был
замѣшанъ въ стрѣлецкихъ смутахъ—явленіи, имѣ
шемъ тайную связь съ мѣстничествомъ. Князь Ми
хаилъ Григорьевичъ хотя и находился во время Со
борнаго Дѣянія въ Москвѣ, но бо́льшую часть свое
жизни провелъ на Украйнѣ со стрѣльцами, чѣмъ
оправдываются его отношенія съ ними въ моей дра
мѣ. Онъ вездѣ упоминается въ походахъ В. Ѳ. Г
лицына, въ товарищахъ къ отцу своему князю Гр
горію Григорьевичу, сперва стольникомъ, а потов
бояриномъ. Въ 1675 году велѣно ему быть п

прежнему съ Сѣвскимъ Полкомъ. Жизнь его была преимущественно военная, что̀ доказывается и тѣмъ, что еще въ 1698 году шедшіе для бунта изъ Торопца въ Москву стрѣльцы были его полка. Въ этомъ бунтѣ Ромодановскій участвовалъ, хотя, можетъ-быть, и не прямымъ образомъ. Въ запискахъ Желябужскаго сказано, стр. 71: «и на Воронежѣ былъ гнѣвъ и опала на боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго съ солдатами въ деревню свою, что̀ на Князьмѣ», а стр. 73: «а боярина князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго взяли изъ деревни въ Семеновское *для розыска и очныхъ ставокъ съ достальными стрѣльцами, и очныя ставки у него съ ними были.*

Въ спискѣ бояръ, составленномъ Берхомъ, годъ смерти князя Михаила Ромодановскаго не отмѣченъ. Вѣроятно, онъ умеръ въ своей деревнѣ подъ царскою опалою, за преступное участіе въ стрѣлецкихъ замыслахъ.

Какая же причина побудила Ромодановскаго принять участіе въ смутахъ, жертвой которыхъ былъ отецъ его—неизвѣстно. Но, зная характеръ рода его и духъ времени, нельзя не полагать съ достовѣрностью, что эта причина была нечто иное, какъ какое-нибудь неудовольствіе, относящееся до мѣстническаго тщеславія, долго сохранившагося въ нравахъ, несмотря даже на самое уничтоженіе счета о мѣстахъ. Если же предположеніе это покажется основательнымъ, то съ кѣмъ же и было мѣстничаться Ромодановскому какъ не съ Бутурлинымъ, который всегда становился выше его однимъ мѣстомъ,

тогда-какъ вражда между обоими родами и безъ то
есть ужь фактъ, исторически-доказанный?

Я воспользовался этими данными для завязки сво
ей драмы и набавилъ только произвольно нѣсколь
годовъ Ромодановскому, который въ 1681 году н
могъ еще быть дряхлымъ старикомъ. Въ томъ пре
ступленіи каюсь откровенно.

Строгіе знатоки замѣтятъ мнѣ, можетъ-быть, еще
что между боярами не было извѣстныхъ случаевъ
выдачи головой въ царствованіе Ѳедора Алексѣеви
ча. На это представляю слѣдующее оправданіе
Многое и, къ сожалѣнію, слишкомъ многое, изъ то
го времени или еще не найдено, или утрачено бе
возвратно. Что мѣстничество было при царѣ Ѳеод
рѣ Алексѣевичѣ въ полномъ разгарѣ, то доказы
зывается, не говоря уже о самомъ Соборномъ Дѣ
ніи, указомъ 1679 года, которымъ повелѣно не сч
таться отчествомъ и не ставить никому въ оскор
леніе и укоризну назначеніе въ крестные ходы д
препровожденія святыхъ иконъ, такъ-какъ бояре, д
же при освященіи воды и церковныхъ обрядахъ, н
чали считаться между собою мѣстами и тутъ нах
дили новые поводы къ ссорамъ и враждамъ. Сами
же мѣстническія событія того времени тщатель
истреблены сожженіемъ тогдашнихъ обрядныхъ сл
чаевъ. Но въ запискахъ къ сибирской исторіи
отъискалъ, что, въ 1681 году, по государевой гра
матѣ въ Тобольскѣ приведенъ былъ и головой отда
преосвященному Павлу, митрополиту сибирскому
тобольскому, тобольскій воевода стольникъ Михаи
Приклонскій. Слѣдовательно, выдача головой д

пускалась царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ какъ мѣра наказанія. Такимъ-образомъ, если я и переставилъ выдачу головой Ромодановскихъ Бутурлинымъ на 30 лѣтъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ изображенную мною эпоху такая выдача *могла* случиться. Большаго и требовать нельзя. Утверждающимъ противное я могу отвѣчать, что она *могла быть*, а *можетъ-быть*, *и была въ-самомъ-дѣлѣ*.

Обращаюсь еще къ важнѣйшему предмету, а именно, къ стрѣлецкимъ безпорядкамъ, которые начинаются у меня еще при жизни царя Ѳеодора Алексѣевича, тогда-какъ исторія обыкновенно записываетъ ихъ послѣ его кончины.

Но и на то представляю оправданіе.

Изъ четырехъ актовъ, напечатанныхъ Археографическою Коммиссіею (1672—1682), видно, что для содержанія стрѣльцовъ были сдѣланы новые оклады, причинившіе недоимки и недодачи—поводъ къ сильному негодованію.

Къ тому же притѣсненія отъ полковниковъ, притѣсненія, подробно-описанныя въ актахъ того времени, превосходили дѣйствительно всякую мѣру. Первое челобитье было подано царю Ѳеодору Алексѣевичу на Богдана Пыжова. Розыскъ по челобитью былъ порученъ Языкову, который обвинилъ стрѣльцовъ, стрѣльцы были преданы жестокому наказанію, но, несмотря на то, принесли вторично жалобу на Семена Грибоѣдова. Грибоѣдовъ былъ посаженъ въ тюрьму на одинъ день. Впослѣдствіи онъ былъ разжалованъ и наказанъ, а въ читанномъ ему указѣ прописаны всѣ чинимыя имъ неправды.

«Стрѣльцы же (пишетъ Медвѣдевъ въ своихъ записках) не только той расправой (то есть, заключеніемъ Грибоѣдова на одинъ день въ тюрьму) не были удовольствованы, но наипаче на ярость подвигошася и начаху себѣ такожде за праведное свое челобитіе неправеднаго наказанія и ссылки чаяти и того ради во всѣхъ полкахъ тайно начаша мыслити, какъ бы того бѣдства избыти».

Но этого мало.

Одного стрѣльца, взятаго въ Приказъ и приговореннаго къ казни, стрѣльцы отбили силой и увели съ собой.

Въ то же время повсемѣстно случались въ Москвѣ пожары. Зажигателями, по всему вѣроятію, были стрѣльцы, начинавшіе свои буйства.

Неудовольствія же ихъ на бояръ ясно изображены въ челобитной, поданной имъ въ оправданіе мятежа совершившагося уже по кончинѣ царя Ѳеодора Алексѣевича. Но самый мятежъ былъ только послѣдствіемъ взрыва, приготовленнаго во время самаго Соборнаго Дѣянія, то есть, за три мѣсяца передъ событіемъ.

На этихъ данныхъ основана моя драма.

Одно назначеніе въ полковники Лаврентія Сухарева можетъ быть слишкомъ преждевременно, но точнаго опредѣленія его въ эту должность я нигдѣ не отыскалъ, а потому, по принятому мною правилу, и воспользовался возможностью, которой ничто очевидно не противилось. Впрочемъ, говоря о стрѣльцахъ, можно ли было не упомянуть о Сухаревскомъ Полкѣ, который, благодаря твердости своего полков

ника и одного пятидесятника, не увлекся кровавымъ безумiемъ своихъ товарищей?

Наконецъ Соборное Дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества, какъ фактъ важнѣйшій въ цѣлой драмѣ, сохранено мною въ-точности. Указъ, читанный съ Постельнаго Крыльца, сокращенъ изъ самаго акта.

Относительно же подробностей, разбросанныхъ въ драмѣ, я могъ бы прибавить къ ней цѣлый томъ приложеній, съ указаніемъ ихъ источниковъ; но такъ-какъ трудъ мой, собственно трудъ не исторический, а литературный, то я рѣшился не прибѣгать къ этому извѣстному способу выказывать дѣвичью ученость.

Укажу, однакожь, на одну статью изъ Кошихина, въ которой оправдывается странное и, слава Богу, нынѣ непонятное обвиненіе стрѣльца, составляющее сущность моего втораго дѣйствія.

Стр. 23: «А который бы человѣкъ, кромѣ вахты на Москвѣ и въ селахъ, пошелъ черезъ царскій дворъ съ ружьемъ, саблею, или пистольми, тайнымъ обычаемъ, съ простоты, а не умысломъ злымъ, а такого бъ человѣка увидѣвъ, или бъ кто на него указалъ, поймавъ, пытали бъ, для чего онъ черезъ царскій дворъ шелъ съ ружьемъ, не на царя или на его домъ или на бояръ и на думныхъ и на ближнихъ людей, и не по наученію ль чьему, отъ кого, отъ бояръ и думныхъ и ближныхъ людей, или отъ посадскихъ и отъ гуляющихъ людей и отъ крестьянъ; а далѣе, или не по наученію какого иного патентата».

Само-собою разумѣется, что любовь молодаго Бу-

турлина и лицо Петрова совершенно вымышлен
но этого драмѣ, кажется, въ укоръ ставить нель

Бо́льшая же часть дѣйствующихъ въ драмѣ лиц
существовала дѣйствительно, какъ-то: бояре и стрѣл
цы. Даже Алёшка палачъ, Тараска дура́къ, дья
Калина Патрикѣевъ упоминаются въ лѣтописяхъ т
го времени.

Почему, спросятъ, можетъ-быть снова, сжа́ть
такой широкій предметъ въ такую тѣсную раму; по
чему не представилъ я полнаго развитія гордой дра
мы русскаго мѣстничества? почему привелъ я къ об
ному знаменателю столько разбросанныхъ данныхъ
которыя могли бы обнять не нѣсколько дней, а цѣлы
десятки лѣтъ русской жизни? На эти вопросы я
отвѣчать не умѣю. У каждаго свои понятія и спо
способности. Не признавая вполнѣ правила трех
единствъ, я не могу отстать отъ мысли, что въ дра
матическомъ дѣлѣ частыя перемѣны декорацій
времени охлаждаютъ ходъ дѣйствія. Шекспиръ н
обращалъ вниманія на подобныя мелочи. Но за-
онъ былъ Шекспиръ. Одной сценой, однимъ сл
вомъ онъ вознаграждалъ за довольно-скучныя явл
нія и утомительное ожиданіе. Намъ же пренебре
гать правилами искусства и всѣми уловками теа
ральныхъ эффектовъ нельзя, потому-что слишком
будетъ надменна мысль о вознагражденіи ихъ болѣ
цѣнными красотами. Я писалъ пьесу свою собствен
но для театра, даже для нѣкоторыхъ актёровъ и н
пренебрегалъ ничѣмъ, что́ относится до сценическа
го впечатлѣнія. Для иныхъ это можетъ показаться
достоинствомъ, для другихъ—недостаткомъ. Спорит

не стану. Одно могу сказать: трудъ мой исполненъ добросовѣстно; я старался изучить обычаи избраннаго мною времени и передать ихъ по возможности тогдашнимъ языкомъ. Впрочемъ, и тутъ остерегался педантства и заботился болѣе, чтобъ рѣчь моя, по излишней вѣрности, не дѣлалась утомительною для всѣхъ и непонятною для нѣкоторыхъ...

Пора остановиться. На поприщѣ литературнаго самохвальства лиха бѣда начать. Когда драма сама себя не защититъ, мнѣ защищать ее нечего. Какая бы ни была ея участь, я обязанъ ей сближеніемъ съ русской стариной и тихимъ занятіемъ. Въ грустныя минуты одиночества оно едва-ли не самый надежный успѣхъ всякаго труда.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ГРИГОРЬИЧЪ РОМОДАНОВ
ИВАНЪ ВАСИЛЬИЧЪ БУТУРЛИНЪ.
КНЯЗЬ НИКИТА ИВАНЫЧЪ ОДОЕВСКІЙ.
ПЕТРЪ ВАСИЛЬИЧЪ ШЕРЕМЕТЕВЪ.
ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПРОНСКІЙ.
КНЯЗЬ ЮРІЙ АЛЕКСѢИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ.
ВАСИЛІЙ ИВАНЫЧЪ БУТУРЛИНЪ.
ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.
ТОЛСТОЙ.
СУББОТА ПЕТРОВИЧЪ БЕЗДОМНЫЙ, знакомец Ромодановскаго.
АННА ВАСИЛЬЕВНА БУТУРЛИНА, боярыня, су Ивана Васильича.
Золовка ея.
Свояченица ея.
КСЕНІЯ.
МАША.
ПРАСКОВЬЯ.
ЕВДОКІЯ.
ПЕТРОВЪ, стрѣлецъ.
ОЛЬГА, дочь его.
КАЛИНЫЧЪ, дворецкій Бутурлина.
ДЬЯКЪ КАЛИНА ПАТРИКѢЕВЪ.
ТАРАСКА, дуракъ.
АѲАНАСЬЕВЪ, стрѣлецъ.
КУЗЬМА ЧЕРНЫЙ.
БОРЬКА ОДИНЦОВЪ.
ДОРОСЬКА ПЕТРОВЪ.
Стрѣльцы.
Бояре.
Слуги.
Подъячіе.
Простолюдины.
Народъ.

(Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ, въ 1681 год

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ныя боярскія палаты Ивана Васильича Бутурлина, нныя арабесками по карнизу и около оконъ. По- столбъ, поддерживающій своды и украшенный по- ъ съ серебряной посудой. Кругомъ лавки и скамьи, ыя коврами. Слуги суетятся, носятъ тарелки и пр. полуотворенную дверь видно приготовленіе къ тву; болѣе всѣхъ суетится Калинычъ, дворецкій.

ЯВЛЕНІЕ I.

КАЛИНЫЧЪ и СЛУГИ.

Калинычъ.

ну, пошевеливайтесь же! Того гляди, гости утъ, а у насъ еще ничего не припасено. Пога- кой будетъ, что прости Господи... Ромода- е люди узнаютъ—на смѣхъ подымутъ. Смо- ь, солоницы-то поставьте въ средину, судки- сторонамъ—слышите? Да гляди, не разбейте ицъ! Вина-то все дорогія: ренское, фряжское, , романея. Шутка сказать! рублевъ на пять ъ будетъ. Вы это что несете?

Первый слуга.

гу мартовскую.

Калинычъ.

ладно. Серебряные ковши положь туда. Руч- о узорчатые разложи вокругъ стола, да повид- гакъ. Что жь вы выпучили глаза, дармоѣды ? мало васъ, что ли?! Слава Богу, триста ъ на боярскихъ животахъ, а все толку отъ е видать. Да смотрите, не зѣвать, блюда-

то подавать по порядку, не торопися и не мѣшкая. Сперва перепечь и холодное, потомъ похлёбку, потомъ куря во щахъ богатыхъ, потомъ пироги кислые съ сыромъ, пироги подовые на торговое дѣло, блины тонкіе... да не забудьте—слышите ли?

Первый слуга.

Какъ не слыхать!

Калинычъ.

А тамъ кашу въ горшечкахъ фарфорныхъ, что изъ Нѣмечины, а тамъ блюдо баранины съ карасями, а тамъ папорокъ лебединъ подъ шафраннымъ взваромъ, а тамъ рябъ окрашиванъ подъ лимонъ, а тамъ блюдо жаворонковъ, а тамъ поросенка и жаркое, а тамъ ужь верченое, да овощи, да сахары нарядные. Да смотрѣть у меня въ оба! Гостямъ кланяться да подливать, сколько душѣ угодно. Пей не хочу!... Ты съ чѣмъ?

Второй слуга.

Да вотъ городъ сахарный, Кремль съ башнями.

Калинычъ (*улыбаясь*).

Ну, молодецъ Ванька поваръ. Экое взгромоздилъ подобіе! Ну, ступай, ставь же на столъ. Да пересчитай, всѣ ли тамъ серебряныя лощатыя братины, ковши да кубки. Серебра, слава Богу, довольно.

Первый слуга.

А что, Иванъ Калинычъ, чай, Ромодановскимъ вѣкъ не задать такого пира?

Калинычъ.

Гдѣ имъ, собакамъ! Только-что лаяться умѣютъ.

Первый слуга.

А ономнясь ихній дворецкій Парамонъ Семенычъ

і, что ему не чета съ тобой знакомство ве-
Іоруха будетъ моей чести» говоритъ «мы-де
дамъ выше ихъ стоимъ семью мѣстами».

Калинычъ.

онъ окаянный! Я бы ему всю бороду выщи-
разрядамъ. Мало учили мы ихъ, что́ ли?
и же ихъ намъ головой при батюшкѣ царѣ
ъ Михайловичѣ—нѣтъ, опять-таки туда лѣ-
отъ знаешь ли, братъ, когда... Ну, такъ и
вотъ и гость пожаловалъ. Да не важная пти-
юдановскихъ знакомецъ. Этотъ и подождать

(*Слуги и Калинычъ низко кланяются:*
ъ Суббота Петровичъ Бездомный, съ
бородой, въ полупольскомъ костюмѣ).

ЯВЛЕНІЕ II.

БЕЗДОМНЫЙ и ТѢ ЖЕ.

Бездомный.

дорогаго именинника еще нѣтъ дома?

Калинычъ.

къ нѣтъ еще, батюшка; во дворецъ поѣхалъ,
имъ величествамъ, съ именинными кала-
поклонъ.

Бездомный.

такъ и думалъ. Ну да ничего, и подождать
время досужее. Зашелъ-было къ спѣвакамъ
ть кантату, на партесный голосъ, да Во-
не засталъ. Ушелъ, говорятъ, на казенный
армозинновыя рукавицы получать. Ну, ну-

маю спозаранку заберусь къ именинникy... первый поздравлю.

Калинычъ (*всторону*).

Вретъ онъ, злочинецъ: провѣдывать пришелъ... отъ Ромодановскихъ лазутничать. Ужь не будь онъ гостемъ, сказалъ бы я ему непригожее слово. (*Вслухъ*) Нашъ Василій Иванычъ дома, батюшка; коли прикажешь, пойду доложу о твоемъ приходѣ (*уходитъ*).

Бездомный (*одинъ*).

Экія богатства! ткани аскамитныя, ковры кизылбашскіе, бархаты черевчаты, а посуды-то посуды!.. Нечего сказать, добра много. Да какъ-то самимъ сдобровать съ Ромодановскимъ нашимъ, съ Михайломъ Григорьичемъ. А досадно, что Воробьева не засталъ. Какъ-бишь хвалебный-то стихъ они разучиваютъ?... (*Поетъ*).

Ты, Ѳеодоръ царь,
Наипаче аще свѣтъ намъ явиша
Наукъ и Россія вся да просвѣтиша,
Да не тому намъ странніе смѣются,
Яко безъ свѣта сущихъ ругаются.

ЯВЛЕНІЕ III.

ВАС. ИВ. БУТУРЛИНЪ и ПРЕЖНІЕ.

Калинычъ.

Ну, что́ вы тутъ глазѣете? Ступайте по мѣстамъ (*Уходитъ со слугами*).

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Виноватъ... что не встрѣтилъ. Прошу извинить. *Вы, кажется, пѣньемъ занимались.*

Бездонный.

à; Медвѣдевъ Сильвестръ сложилъ новую кан-
. Да вотъ никакъ затвердить не могу.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

а зачѣмъ же вамъ?

Бездонный.

а какъ же... Теперь всѣ придворные поютъ
ѣвчими дьяками на клиросѣ, да и такъ просто
алатахъ всякіе строчные и демественные боль-
стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія ве-
Ну, оно-таки и понятно (*шопотомъ*): ре-
онъ, чаю, сами знаете теперь кто?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

'жь не думаете ли вы идти въ духовное званіе?

Бездонный (*смѣется*).

[то́ вы!.. нѣтъ. Это я такъ, по обычаю... для
тности старшимъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

акъ это, такъ-сказать, для лицемѣрства.

Бездонный.

[а кто жь и не лицетворитъ теперь, Василій
ычъ? Иной съ виду и Богъ знаетъ какой сми-
икъ, а развѣдай хорошенько, такъ и узнаешь
что̀.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

ываетъ, Суббота Петровичъ.

Бездонный.

ываетъ, Василій Иванычъ. Да вотъ хоть я ска-
Я знаю сына одного важнаго у насъ боярина...
-бишь его?.. забылъ прозвище. Живетъ, ка-
я, въ страхѣ Господнемъ, всенощной не про-

пустить, словно красная дѣвица; водой не
тить...

Вас. Ив. Бутурлинъ (*встор*

Къ чему это онъ рѣчь ведетъ?

Бездонный.

День и проходитъ благочестиво, а вечеръ,
люди спать полягутъ... Онъ, мой голубчикъ
тритъ на одежду Ивана Васильевича)
метъ съ себя алый полукафтанчикъ, отложи
сторонку мѣха дорогіе, жемчужныя вышивки,
дѣнетъ простой армячокъ, а тамъ потихоньку
бирается... и знаете ли куда? за Крымскій
въ Стрѣлецкую Слободу.

Вас. Ив. Бутурлинъ (*вспыль*

Кто тебѣ сказалъ это?

Бездонный.

Слухомъ земля полнится... А въ Стрѣлецкой
бодѣ живетъ стрѣлецъ Петровъ... да это бы
ничего. У стрѣльца-то дочка... Ольга, кад
Ольга, что́ ли, заглядѣнье дѣвка, маковъ ц
Немудрено, что и полюбилась красавица добро
лодцу... Да у насъ эти-то дѣла какъ-то плохо
вуютъ. Такъ вотъ какія бываютъ лицемѣрства
силій Иванычъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Да... да... Грѣха тамъ нечего. Сгубила
буйная молодость. Такъ слушай же...

Бездонный.

Что́ тутъ слушать? Наше вѣдь дѣло холо
Въ Патріаршій Приказъ на покаяніе отда
Хуже не будетъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

ь, выслушай правду. Дѣло вотъ какъ было:
гроицына-дня шелъ я для прогулки на По-
і Горѣ, поприщахъ въ двухъ, нинакъ, отъ
і, вижу, на встрѣчу мнѣ идетъ стрѣлецъ, за-
ый весь, видно, съ дальней дороги. Рядомъ
ь телега въ одну лошадку; на телегѣ дѣвуш-
янулъ я да и отвернулся. Ну, самъ посуди,
ѣлъ весь, сердце замерло. Хотѣлъ уйдти
бе отъ грѣха... Такъ что жь?... Она, дѣ-
заговариваетъ со мной, не запинаясь, не
ь вовсе, словно съ роднымъ братомъ; раз-
ваетъ, гдѣ путь-дорога къ Стрѣлецкой Сло-
Испугался я, правду сказать, сперва, да по-
глянулъ — загляделся. Откуда взялась смѣ-
Самъ сталъ развѣдывать. Узналъ, что отецъ
на службу изъ Сѣвска; что у нихъ тамъ не
ычай, что у насъ: женщины не стыдятся,
ютъ людей, не прячутся, не то, что у насъ...
о оно, а полюбилось мнѣ.

Бездонный.

ь не полюбиться!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

ь—то я провѣдалъ, что они за люди, гдѣ они
танутъ, а тамъ—грѣха не утаишь—не на-
себя именемъ, чтобъ, знаешь, не напугать
перва странно было, совѣстно, стыдно, а по-
стыдъ забылъ. Теперь одно у меня на душѣ:
ть на нее.

Бездонный.

го же! Берегитесь Патріаршаго Приказа.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Да нѣтъ, не то!.. Клянусь всемъ святымъ, меня и помысла нѣтъ грѣховнаго, глядя на нее. Только бы наслушаться да наглядѣться.

Бездонный.

Ну, а что же батюшка-то вашъ на это скажетъ?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка не знаетъ. Сохрани Богъ, какъ дойдет до него: быть бѣдѣ... Ну, да какъ Богу угодно.. Только смотри, не говори чего знаешь, слезно пр шу. Не то... мнѣ терять нечего... я не въ умѣ сн емъ, я все забуду, я совершу, пожалуй, злодѣяніе Я наложу на себя руки, да ужь и тебѣ тогда не сд бровать.

Бездонный.

Нѣтъ, нѣтъ! Спасибо за угощенье. Живите с своей стрѣльчихой. Видите, коли говорить правду дѣвка-то и мнѣ приглянулась. Да какъ узналъ я пр васъ, такъ я и на попятный. Гдѣ же мнѣ съ такимъ молодцомъ тягаться!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Такъ ты никому не скажешь?

Бездонный.

Никому, никому, видитъ Богъ, убей меня громъ.. (*Встороиу*) благо ужь разсказано.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Смотри же.

Бездонный.

Слушаю, слушаю... А, гости идутъ. Слава Бог Напугалъ онъ меня совсѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ТОЛСТОЙ и ЖЕЛЯБУЖСКІЙ.

Толстой.

Неслыханная милость...

Желябужский.

Кто бы могъ подумать?

Толстой.

Въ наше время...

Желябужский.

Послѣ всего сказаннаго...

Толстой.

Не въ примѣръ другимъ.

Желябужский.

Ужь подлинно счастье.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Андрей Иванычъ, Иванъ Аѳанасьичъ, прошу извинить. Батюшка сейчасъ будетъ, въ Кремль поѣхалъ.

Толстой.

Знаемъ, Василій Иванычъ, знаемъ. Мы сами сейчасъ оттуда, да и поспѣшили поздравить его въ домѣ съ царской милостью: съ боярскимъ приговоромъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Съ милостью?

Бездомный.

Съ какой милостью?

Толстой.

Какъ, вы еще не знаете? дѣло-то его по отчеству

съ Ромодановскимъ, съ Михайломъ Григорьичемъ, порѣшено сегодня.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Какъ же порѣшено, по обычаю, что́ ли?... отказано обоимъ...

Жилбулский.

То-то что нѣтъ. Приговорено, что Михаилъ Григорьичъ билъ челомъ не по своей мѣрѣ, не своимъ дѣломъ, а за безчестье твоему батюшкѣ государь не приказалъ наказывать Ромодановскаго ни тюрьмой, ни батогами. Приказалъ лучше: выдать его головой.

Бездонный.

Ахъ ты, Боже мой!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Великая милость!

Толстой.

Да такая милость, что люди не запомнятъ. Гдѣ же-то онъ, нашъ голубчикъ, дорогой нашъ именинникъ?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, КАЛИНЫЧЪ, а потомъ БОЯРИНЪ ИВАНЪ ВАСИЛЬИЧЪ БУТУРЛИНЪ.

Калинычъ.

Бояринъ пріѣхалъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*обнимая гостей*)

А, Иванъ Аѳанасьичъ, Андрей Иванычъ, Суббота Петровичъ! Просимъ извиненія, простите

ликодушно, что не встрѣтилъ у воротъ съ должнымъ почетомъ.

Толстой.

Съ именинами, Иванъ Васильичъ.

Милославский.

Съ царской милостью.

Бездонный.

Съ боярскимъ приговоромъ.

Толстой.

Много лѣтъ тебѣ здравствовать.

Милославский.

Въ полномъ удовольствіи.

Бездонный.

Въ почетѣ и радости.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Спасибо, спасибо, родные. Ну, угостилъ ли ты, Василій, нашихъ дорогихъ гостей? Что́ жь не подчивалъ, не усадилъ? Извините, молодъ еще, зеленъ, робокъ. Эй, Калинычъ! все ли, братъ, у тебя готово?

Калинычъ.

По твоему, батюшка, приказанью.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ну, смотри, чтобъ дорогіе наши гости не помянули насъ лихомъ, не осмѣяли нашу скаредность... Чѣмъ Богъ послалъ... Да знаешь ли что́, братъ? къ намъ пожалуетъ неожиданный гость... князь Михаилъ Григорьичъ.

Калинычъ (*шопотомъ*).

Слышалъ, батюшка, слышалъ. Теперь насъ не

трогай. Ужь я теперь дамъ себѣ знать этому
мону.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Недостоинъ, истинно недостоинъ великой
сти. Да что́ жь, дорогіе гости, не поло́жите в
шихъ шапокъ? Отбирай же шапки... что ты с
какъ вкопаный?

Бездонный.

Не безпокойтесь, пожалуйста.

Толстой.

Сами положимъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да садитесь же, пожалуйста; ну, окажите мил
Не охáйте моего дома.

Бездонный.

И постоять можемъ.

Толстой.

Мы не устали.

Жилбумский.

Все сидѣли.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да окажите мнѣ одолженіе: лавчонки нарочи
васъ покрылъ рухлядишкой, нарочно купилъ у
зылбаша. Да кланяйся же, Василій. Экой непов
ливый, братецъ! точно въ чужомъ домѣ.

Жилбумский.

А мы слышали, Иванъ Васильичъ, что теб
можно поздравить съ третьей радостью.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

А съ какою же, батюшка?

Жилбужский.

говорятъ, что будто вы своего Василья Ива- говорили съ княжной Долгоруковой.

Бездомный (*на ухо Вас. Ив.*).

вда, что́ ли? Вотъ тебѣ и Стрѣлецкая Сло-

Вас. Ив. Бутурлинъ.

ижись отъ меня.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*улыбаясь*).

.. ну, это дѣло еще темное. Были, сказать о томъ рѣчи у насъ съ Юрьемъ Алексѣи- да еще время не ушло. Парень молодъ еще, итъ; а впрочемъ, кто знаетъ, Богъ милостивъ, , и онъ найдетъ свое счастье.

Калинычъ.

ошка, Иванъ Васильичъ, бояре у околицы сейчасъ у воротъ будутъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

, бѣги проворнѣе на встрѣчу. Ну, извиненія гости честные! сами знаете .. бояръ-то ужь не встрѣтить. Вотъ-вотъ сейчасъ же вер- Да садитесь же, пожалуйста. Будьте какъ себя.

Жилбужский.

одаримъ за честь. Просимъ не безпокоиться.

Вас. поспѣшно уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЯБУЖСКІЙ, ТОЛСТОЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

Бездомный.

, можно сказать, достойному и счастье.

Толстой.

Настоящій бояринъ.

Жилябужскій.

Русскій человѣкъ, добродѣющій, хлѣбосольный.

Бездонный.

Коли правду сказать, вѣдь и удачи много.

Жилябужскій.

Это такъ.

Толстой.

Объ этомъ и рѣчи нѣтъ.

Бездонный.

Ну, вотъ хоть съ Ромодановскимъ. Вѣдь знаемо дѣло, что Ромодановскій его старше семью мѣстами.

Толстой.

Да вѣдь не доказалъ онъ этого, голубчикъ.

Бездонный.

Въ томъ-то и счастье все. Бояре требуютъ: положите передъ нами наказы и граматы... У Ромодановскаго-то онѣ всѣ на подворьи. Что же... бѣда случилась. Пожаръ. Граммату-то онъ представилъ, да не сполна. Припись и скрѣпа невѣдомо чьи, и дѣтъ не написано и исподній столбецъ отодранъ. Ну, говорятъ, не годится... Бутурлинъ-то и правъ.

Толстой.

А всякій знаетъ, что ни дѣдъ, ни прадѣдъ Ромодановскаго ниже Бутурлиныхъ не были.

Жилябужскій.

А при царѣ-то Алексѣѣ Михайловичѣ.

Толстой.

Ну, то дѣло особое. Царская была воля.

Жидяпунский.

гъ хоть въ муромскомъ разрядѣ значится,
ь семи тысячахъ пятидесятыхъ годахъ, вое-
Муромѣ князь Ѳедоръ Борисычъ Ромодановъ-
передовомъ полку... А Бутурлины гдѣ бы-
ь что въ сторожевомъ... Такъ вотъ что...

Толстой.

і былъ же такой примѣръ при царѣ Михаи-
ровичѣ. Какъ подавали Новосильцовъ на
, Волынскій на Бутурлина, а князь Алексѣй
ь на князя Ивана Ромодановскаго. Что же
Велѣно идти имъ по росписи къ князю Ро-
ому большому воеводѣ, и впредь о томъ
не бить челомъ. А теперь иначе сдѣлано.
удьба, видно.

Жидяпунский.

і, вѣдь и Бутурлины не изъ простыхъ лю-

Бездонный.

ровезло порядкомъ.

Толстой.

ь мнѣ Ромодановскаго. Да, чай, безъ ме-
тавитъ... что ты смѣешься?

Бездонный.

ь увидимъ. Берегитесь, идутъ никакъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ояре: КНЯЗЬ НИКИТА ИВАНЫЧЪ ОДОЕВ-
ВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ПРОНСКІЙ, ПЕТРЪ ВА-
Ь ШЕРЕМЕТЕВЪ, князь ЮРІЙ АЛЕКСѢ-

ИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ и нѣсколько другихъ. Съ ними и оба БУТУРЛИНЫ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Покорнѣйше прошу, осчастливьте мой домишко. Князь Никита Иванычъ, пожалуй, братъ, сюда, садись-ка въ уголку. Князь Юрій Алексѣичъ, Иванъ Петровичъ милости просимъ. Спасибо вамъ, отцы родные, что не побрезгали моимъ убожествомъ. А гдѣ же Козловскій князь?

Мирмитивъ.

Да онъ извиниться велѣлъ: не будетъ. Охотно бы пошелъ, говоритъ, къ дорогому имениннику, да боюсь попасть на недруга своего, Нарышкина.

Пронскій.

Вотъ какъ! а Кирилъ Полуектовичъ просилъ меня повиниться за него: тоже бы пріѣхалъ, да боялся встрѣчи съ Козловскимъ. (*Бояре смѣются*).

Одоевскій.

Грустно, бояре, слушать эти рѣчи. Таковое ли боярское дѣло: враждовать изъ пустого, жить вѣчно въ нелюбви да въ раздорахъ!

Пронскій.

Да не-ужь-то по-твоему допустить поруху родительской чести?

Долгоруковъ.

Обезчестить родъ свой?

Мирмитивъ.

Ну, нѣтъ, князь, Никита Иванычъ ты хотя и бывалъ за рубежемъ, въ Нѣмечинѣ, да насъ не переувѣришь. Намъ честь наша дорога.

Одоевский.

Честь боярская не въ словахъ, а на дѣлѣ, не въ
ости родовой, а въ родовой заслугѣ. Многаго на-
пѣлись, кажется, отъ вашей чести. У всѣхъ на
яти: царство гибнетъ, а бояре спорятъ о мѣстахъ,
тарминствѣ спорятъ. Что погубило Шеина? От-
о въ одно лѣто побитъ Трубецкой у Конотопа,
юдановскій у Нѣжина, Хованскій у Слонима? От-
о потеряли мы Литву?—отъ мѣстничества про-
таго. Что жь? это, по-вашему, значитъ честь
юдать? Не честь это: гордость проклятая.

Пронский.

Что жь это, князь Никита Иванычъ?

Одоевский.

Я говорю дѣло. Прійдетъ время, поймутъ люди,
о боярская честь не въ мѣстѣ по правую али
лѣвую руку, а заповѣдь Божья, чтобъ идти вкупѣ
редъ православными да указывать имъ путь къ
тейскому благу, къ спасенію души.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Князь Никита Иванычъ, ужъ надо правду ска-
ть, никто красивѣе тебя не скажетъ.

Пронский.

Да какъ же... нынѣ же въ Кремлѣ приговорено
вашему.

Одоевский.

На милость нѣтъ образца. Государю угодно на-
ять кичливость Ромодановскаго—на то его цар-
ая воля: какъ прикажетъ, такъ и будетъ. Но царь
юдоръ Алексѣевичъ, какъ мудрый государь, нер-
ій врагъ мѣстничеству. Положитъ онъ ему ко-

нецъ—помяните мое словъ. А тогда пѣняй на себя.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ и ТАРАСКА дуракъ.

Тараска *(вбѣгая)*.

А вотъ и Тараска тутъ! (*пляшетъ и пое*

Тараска дурачокъ,
Красный колпачокъ,
Сизый кушачокъ,
Чулки вязаные,
Коты мазаные,
Штаны нанковы... Трррр...

Здравствуй, кумъ... Здравствуйте, ребя По добру ли поживаете, хозяина объѣдаете, с кушанье получаете, сѣно съ хрѣномъ, солому сусомъ, пироги суконные?... Фырр.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

Ну, ну, Тараска, повесели-ка насъ. Сл что въ пору пришелъ, дуракъ.

Тараска.

Да какъ же мнѣ товарищей-то забыть с Да знаете ль, старшіе, бороды большія, такое горе, что и сказать нельзя... Въ о попалъ въ немилость. Мѣсто мое при дворѣ с

Шереметевъ.

Ха, ха, ха!.. Ну, ври, дуракъ... Кто сто твое отнялъ?

Тараска.

динъ дуракъ... Мишка Ромодановскій, а здѣшній хозяинъ куманёкъ (*Гримаснича-*
Будутъ, слышно, давать комедію безъ гус-
смотримъ!..посмотримъ,ребятушки. Слышно,
ворота хотятъ высокую башню сбить, а на-
поглядитъ, куда башня полетитъ, а поле-
а прямо въ мучную лавку, и оттого станетъ
рога. Хлѣба не будетъ, станемъ пряники
Ырррр, эхъ! голубчики!

Какъ своихъ мы обойдемъ
Сами по-міру пойдемъ,
Эй сѣю, сѣю, сѣю, сѣю, сѣю
Ягоды мои.

*тъ и пляшетъ въ-присядку. Его окру-
ютъ и хохочутъ).*

Ироискій.

а дуракъ!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

да знай мѣру.

Шереметевъ.

і, право!

Долгорукій.

кого распотѣшитъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

его дурака слушать! Калинычъ, доложи боя-
то и закусить пора.

Калинычъ.

аю-съ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и АННА ВАСИЛЬЕВНА съ золовкой, свояче ницей и четырьмя дочерьми. Послѣднія двѣ маленькія. В въ жемчугахъ и парчевыхъ нарядахъ. Анна Васильев съ подносомъ обходитъ гостей.

Пронскій.

А вотъ и хозяюшка, вотъ и вдовушка-золовушк и свояченица, и дѣтки красавицы-безприданницы!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ну, смотри, кланяйся жена, да кланяйтесь, дѣти да пониже. Просите, чтобъ не побрезгали дороги гости нашимъ смиреннымъ угощеньемъ.

Анна Васильевна (*Пронскому*).

Что жь вы это такъ мало выпить изволили? Ку майте на здоровье.

Пронскій.

Благодарю покорно: душа не принимаетъ.

Анна Васильевна.

Ну, хоть приневолътесь маленько: веселѣе за столъ пойдете. Не откажите, пожалуйте.

Пронскій.

По вашему приказанью. Желаю сто лѣтъ здравствовать.

Анна Васильевна.

Благодарю покорно. Просимъ на погребеніе.

Долгорукій.

А что, Анна Васильевна, ужь не поцаловаться ли по русскому обычаю?

Анна Васильевна.

Что вамъ до насъ, старухъ! Вы къ молоденькимъ

кто подбираетесь, а о томъ забыли... что скажетъ Марина Савишна.

Долгорукій (*шутя*).

Да мы ей не скажемъ-съ.

Анна Васильевна.

Ужь развѣ такъ.

Ширинкинъ.

Ну, скажите, матушка, Анна Васильевна, какъ васъ Господь Богъ милуетъ?

Анна Васильевна.

Слава Богу, не можемъ жаловаться. А у васъ всѣ ли здоровы?

Ширинкинъ.

Слава Богу...

Анна Васильевна.

И Лукерья Ивановна, и Варвара Ильинична?

Ширинкинъ.

Жалуются, что вы ихъ забыли совсѣмъ, а еще родней считаетесь, троюродными.

Анна Васильевна.

Недосугъ все было... Ну, а дѣтушки?

Ширинкинъ.

Вотъ-съ старшаго съ собой привелъ. Ну, кланяйся же. (*Сынъ неловко кланяется*)... Еще не развернулся... да подростетъ—поумнѣетъ.

Тараска.

А, тетушка, тетушка... которая же моя невѣста... черноглазая, что ли?.. давай-ка ее сюда!.. (*Дѣвушки отворачиваются и смѣются, закрывшись руками*). Не пугайся, красавица, своего су-

женаго, ряженаго, стриженаго, немазанаго. Ст немъ жить не тужить, другъ друга величать д дѣтей качать... Фырррр... (*Дѣлаетъ гримасы*)

Одоевскій.

А давненько не видались мы съ вами, Анна Ва сильевна!

Анна Васильевна.

Давненько, князь Никита Иванычъ! Наше дѣл вѣдь женское: въ терему живемъ, кромѣ какъ в церковь Божію, рѣдко куда выходимъ.

Одоевскій.

А въ царскія-то палаты...

Анна Васильевна.

Ну, слава Богу, царица-матушка не оставляет своей милостью. Да и царевны Евдокія Алексѣевна Марѳа Алексѣевна, Софья Алексѣевна, Екатери Алексѣевна жалуютъ къ себѣ, а маленькихъ так и на рукахъ носили.

Пронскій.

Ну, ка́къ, скажи... Иванъ Васильичъ... не бла годарить тебѣ своего Создателя... Милость госуда рева къ тебѣ неслыханная: домъ—полная чаша. До родствомъ и здоровьемъ Богъ не обидѣлъ. Хозяйк и въ старости красотой и пышностью молодымъ н уступитъ; а дѣтушки-то! сынъ — богобоязнен покорный, собой молодецъ. Дочки — заглядѣнье Поневолѣ со стороны позавидуешь.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Благодарю, братъ, за привѣтливое слово... Сла Господу, не могу пожаловаться. Да не пора ли и дѣло приняться. Соловья баснями не кормятъ.

Чай, довольно съ бабами-то калякали. Прошу отвѣдать моего хлѣба.

Анна Васильевна (*кланяясь*).

Покорнѣйше просимъ.

Ширинкинъ.

Да что жь, пожалуй. Нынче же мясоѣдъ, кстати.

Иронский.

Мы не прочь.

Долгорукій.

Дѣло доброе.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Князь Никита Иванычъ, покажи дорогу... Ивинъ Петровичъ, Юрій Алексѣичъ, дорогіе вы мои гости, не взыщите... чѣмъ Богъ послалъ. Прошу покорно... Да войдите же... милости просимъ... не побрезгайте... Жена! дѣти! кланяйтесь. Вотъ сюда. Осчастливьте... (*Гости кланяются, церемонятся и уходятъ въ столовую*).

ЯВЛЕНІЕ X.

АННА ВАСИЛЬЕВНА, ея золовка, свояченица и четыре дочери.

Анна Васильевна (*садится*).

Дай-то Богъ, чтобъ остались довольны... Ужь ничего, можно сказать, не пожалѣла... все свое хозяйство отдала Калинычу. Пущай знаютъ они, дорогіе гости, что не къ простымъ людямъ пришли... Ну, да кто знаетъ!... женишокъ, можетъ-быть, найдется... Легко сказать, четырехъ выдать за нужъ! (*Вздыхаетъ. Дѣвочки подкрадываются къ дверямъ и смотрятъ въ щелку*).

Прасковья.

Маша... а Маша! посмотри, какъ на толстомъ-то блеститъ... золотной, должно

Маша.

Разумѣется, золотной. Словно солнце г

Прасковья.

Ай да диковинный какой! А борода-то к

Маша.

Словно у дьяка нашего. Да что́ жь этот то не по-нашему?

Прасковья.

Молчи, ты этого не смыслишь; это, г польской ладъ. Танъ велѣно. *(Къ маленьки ходятъ двѣ старшія сестры).*

Ксинія.

Дѣти, перестаньте... развѣ вы маленькія дитесь на мужчинъ смотрѣть. Ступайте (*Отгоняютъ ихъ*).

Евдокія.

Ксенюшка, да это никакъ на краю-то сын метьевскій.

Ксинія.

Ахъ, и въ-самомъ-дѣлѣ! Ты его замѣтил кая? Все съ лѣвой стороны становится.

Евдокія.

Статный молодчикъ, надо сознаться... русая... Тебѣ нравятся русые волосы?

Ксинія.

А тебѣ на что́ знать? Нѣтъ, не нравятс нравятся черные.

Евдокія.

ь слышала, что Борисъ Петровичъ хочетъ
ына на Куракиной... Ужь и сваху будто
.

Ксенія.

авда. Кто это тебѣ сказывалъ?

Евдокія.

льница Домна Панкратьевна.

Ксенія.

ѣ нашла чьимъ слухамъ вѣрить!.. Ей бы
гь лишь что-нибудь.

Евдокія.

чѣмъ тебѣ не вѣрится. Или приглянулся
?

Ксенія.

ыдумала! Ну, какъ тебѣ не стыдно? а еще
естра. (*Къ нимъ подходятъ головка и*
ица).

Головка.

ики, дѣвушки! развѣ это дѣвичье дѣло на
смотрѣть? Стыдитесь. Ступайте къ своей
. Видите, она, голубушка, пригорюнилась.

Свояченица.

ни-ка, сестрица: видишь ли подлѣ Прон-
ритъ Петръ Иванычъ Матюшковъ?

Головка.

, родная.

Свояченица (*слегка всхлипывая*).
никъ-то мой мѣстничался съ нимъ, да от-
въ могилушку пошелъ. Много было горя.
оля моя такая горемычная—овдовѣть въ мо-

лоды годы... остаться круглой сиротой на чужо попеченіи.

Анна Васильевна.

Что это онѣ тамъ шепчутся?.. Ахти, Боже мо никакъ въ двери глядятъ... Стыдъ какой!.. Золов ника, свояченица... не грѣхъ ли вамъ показыва такой примѣръ молоденькимъ? Занимались бы в реборочкой. Отойдите отъ двери. Ну, какъ зам тятъ васъ... что-то скажутъ? (*Смотритъ сал въ дверь*). Ага!.. кушаютъ... ну, на здоровь Покорнѣйше просимъ. Эхъ, батюшка Никита Ив нычъ, старъ сталъ, мой родной, старенекъ, посѣдѣ совсѣмъ. А какъ мы съ нимъ были въ царскомъ п ѣздѣ на свадьбѣ государя Алексѣя Михайлович такъ другаго бы красавца въ цѣлой Москвѣ не най ти. Да и правду сказать, времена были не тамъ что за бояре, что за люди!... Теперь ужь не т народъ мелкій; ни осанки, ни дородства, ничег нѣтъ. Смотрѣть грустно. (*Вздыхаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и дѣвка ПАРАША.

Параша.

Матушка барыня, какъ прикажешь быть?

Анна Васильевна.

А что случилось?

Параша.

Да внизу пришла стрѣльчиха какая-то, назва ется себя дочерью стрѣльца Петрова, плачется, Хр стомъ да Богомъ проситъ доступа до тебя.

Анна Васильевна.

идишь, пора теперь недосужая. Скажи, чтобъ гой разъ пришла, коли есть надобность... какъ время будетъ.

Параша.

она говоритъ, что дожидаться ей немочно, ъ-себѣ, молитъ, дайте взглянуть только на я боярыни очи.

Анна Васильевна.

за спѣхъ такой! Видишь, нельзя.

Ольга (*за кулисами*).

етите, впустите!

Параша.

вотъ-таки поставила на-своемъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

и ОЛЬГА ПЕТРОВА. Она поспѣшно вбѣгаетъ и падаетъ въ ноги къ боярынѣ.

Ольга.

ушка, спаси, заступись, молви слово! Заставь я себя молить...

Анна Васильевна.

и, дѣти! ступайте ко мнѣ. Не подходите къ изко. Чего тебѣ надо?... Вѣдь не велѣно пу- . какъ же ты это смѣла?

Ольга.

взыщи, сударыня. Не знаю, какъ тебя чест- . Я простая дѣвушка, стрѣлецкая дочь. мой Григорій Петровъ; онъ хорошій человѣкъ.

Онъ не виноватъ, видитъ Богъ, не виноватъ. незнанію согрѣшилъ, матушка, по невѣдѣнію.

Анна Васильевна.

Да тебя, голубушка, въ толкъ не возьмеш Вставай. Говори скорѣй. Пора теперь, видишь, і досужая.

Евдокія.

Посмотри, матушка, какая она молоденькая.

Ксенія.

И дрожитъ, бѣдная.

Евдокія.

Не пугайся, красавица, не бойся: матушка в слушаетъ тебя милостиво. Говори только смѣл

Ольга.

Спасибо вамъ за ласковое слово. Богъ васъ оставитъ. Дѣло вотъ какъ было. Живемъ мы Стрѣлецкой Слободѣ, и всего-то недавно: третій і сяцъ никакъ пошелъ. Батюшка мой, Григорій, есть Петровъ, стрѣлецъ, матушка... стрѣлецъ пятидесятникъ, обычаевъ здѣшнихъ да законовъ всѣ еще не знаетъ. Сами посудите, всего вдругъ не наешь. Давича пошелъ онъ такъ, изъ усердія, Іоанну - Воинственнику Богу помолиться. Чер Кремль, знаете, отъ насъ ближе. Такъ и поше Да случился грѣхъ: оружіе оборонилъ, какъ м мимо Кремля. «Стой» говорятъ, «здѣсь одна вахта оружьи». Его въ полонъ и взяли, моего родне Ко мнѣ Аѳанасьевъ стрѣлецъ прибѣгъ. «Отца» го ритъ, «твоего схватили да въ Разбойный Приказъ вели».

Ксенія.

, Боже мой!

Анна Васильевна.

Разбойный Приказъ! Господи Твоя воля! да
о страшное мѣсто.

Ольга.

, матушка, знаю: Аѳанасьевъ разсказалъ
заступится, говоритъ, кто-нибудь за отца,
гъ онъ съ головой. Допрашивать станутъ,
ѣнокъ возьмутъ... смертью казнятъ... Ма-
будь родной матерью, спаси ты мнѣ его.

Ксенія.

шка, здѣсь никакъ Шереметевъ бояринъ,
аетъ Разбойнымъ Приказомъ.

Евдокія.

можно.

Ксенія.

гъ слово сказать.

Анна Васильевна.

ите вы... Вотъ учить вздумали!.. Надо еще
Ну, какъ же я пойду такъ прямо безпокоить
Васильича? Ну, а коли дѣло не такъ, коли
а?

Ольга.

ца, сударыня, сущая правда.

Анна Васильевна.

то надоумилъ тебя прійдти ко мнѣ?

Ольга.

а слободѣ добрые люди сказали, глядя,
ачу. «Ступай» говорятъ, «въ хоромы къ
ной. Боярыня та добрая, милостивая, ни-

щимъ помогаетъ; многихъ изъ бѣды выручила, да и къ царямъ имѣетъ доступъ. По ея печалованію все будетъ». Я и прицла, прибѣжала къ тебѣ: не откажи. Тебя Господь наградитъ. Помогите, боярышни? я простая дѣвушка, не знаю красныхъ рѣчей. Помогите, научите, какъ просить ея милость.

Ксюша.

Взмилуйся, матушка.

Евдокія.

Взгляни на нее. Она правду сказала.

Анна Васильевна.

Ну, а какъ тутъ есть обманъ, хитрость какая-нибудь? Кто мнѣ будетъ порукой?

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и БУТУРЛИНЪ.

Вас. Ив. Бутурлинъ *(про-себя)*.

Наклянился довольно. Пущай веселятся. Мнѣ не до веселья: заѣла тоска, тяжкая кручина. Что-то со мной будетъ?

Ольга.

Да какую я поруку могу еще представить? Боже мой! время-то идетъ. Его ужь, можетъ-быть, терзать моего роднаго начали... и некому сказать, что я не лгу. Нѣтъ знакомаго человѣка *(всхлипываетъ)*. Ахъ! вотъ Богъ послалъ! Василій Ивановичъ! поручись за насъ. Скажи, что ты насъ знаешь, что я сказала боярынѣ всю правду... не привыкла лгать. Ну... ну... говори же.

Анна Васильевна (*въ смущеніи*).

Какъ?... онъ тебя знаетъ. Онъ?...

Ольга.

Знаетъ съ нашего пріѣзда... Онъ—Василій Ивановичъ... онъ къ намъ... да постойте-же погодите... Какъ же онъ простой человѣкъ здѣсь... въ такомъ нарядѣ... въ боярскихъ хоромахъ?

Анна Васильевна.

Что ты, что ты? Да кто-же онъ по-твоему.

Ольга.

Да онъ называлъ себя мѣщанской слободы торговымъ человѣкомъ.

Анна Васильевна.

Что ты за околесицу несешь! Онъ Василій Ивановичъ, сынъ мой. Дѣти, дѣти, ступайте въ свой теремъ.

Ксенія и Владиміръ.

Да, матушка!!...

Анна Васильевна.

Ступайте, ступайте, говорятъ вамъ. (*Ольгѣ*).

Вас. Ив. Бутурлинъ (*шопотомъ*).

Ольга! не погуби насъ. Все объяснится послѣ.

Ольга (*шопотомъ*).

Бояринъ... сынъ... обманулъ. (*За кулисами*). Многія лѣта хозяину.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Спасибо, родимые... спасибо.

Голоса вонъ.

Многія лѣта!

Ольга (*пораженная*).

Обманулъ!...

Анна Васильевна (*качая головой*). Гм! дѣло нечистое... Неужто Василій? Ты ли, голубушка, повѣдай всю правду-истину... Вгляди въ него хорошенько: ты ошибкой признала его, ты признала его за другаго.

Ольга.

Да, я вижу теперь... въ-самомъ-дѣлѣ... я не знала его за другаго,.. да, и точно за другаго.

Анна Васильевна.

То-то же... уфъ!.. На душѣ полегче стало.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ и БЕЗДОМНЫЙ.

Бездомный.

Ведутъ... ведутъ... я первый изъ окна видѣлъ.

Анна Васильевна.

Кого ведутъ?

Бездомный.

Князя Ромодановскаго съ повинной. Бѣдный князь! какой плетъ. А кто виноватъ? Сколько разъ говорилъ я ему: не тягайся съ Бутурлинымъ: не одолѣть ихъ теперь. (*Увидя Ольгу*) Ба! какъ ты сюда попала?

Анна Васильевна.

И онъ тоже ее знаетъ!

Бездомный (*на ухо Вас. Ивановичу*).

Ну, братъ... это ужь неладно, нечестно. Какъ ты привелъ къ матери, къ сестрамъ... ну...

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Замолчишь ли, бездѣльникъ!

Бездомный.

раниться вздумалъ! Нѣтъ погоди, братъ, голуб-
. Мы еще съ тобой посчитаемся. Не ждешь ты
о гостинца.

ЯВЛЕНІЕ XV.

БУТУРЛИНЪ и за нимъ всѣ пирующіе.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*впопыхахъ*).

ена, дѣти... ступайте къ себѣ: вамъ оста-
я здѣсь непригоже.

Анна Васильевна.

ушаю, Иванъ Васильичъ. (*Ольгѣ*) Ступай и
ь нами. Мы постоимъ въ другой свѣтлицѣ...
ъ я спрошу у Ивана Васильича, какъ онъ объ
прикажетъ. (*Уходитъ. Суматоха съ трехъ
онъ*).

Тараска.

, ребята, у кого есть деньги? пожалуйте на
ще. Даромъ показываютъ... трррь...

Шереметевъ.

ичи, дуракъ. Посмотримъ, какъ Михаилъ Гри-
чъ поубавитъ своей спѣси.

Пронскій.

й потише станетъ.

Калинычъ (*впопыхахъ*).

сланный отъ царскаго величества.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*бѣжитъ на
встрѣчу посланному*).

ъ государя. Отворяй ворота! Бѣги, встрѣчай...
нъ?

Яковлевъ.

Экое счастье человѣку!

Долгорукій.

Вотъ, можно сказать, въ сорочкѣ родился.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ возвращается съ дьякомъ УК
ИНЦОВЫМЪ, посланнымъ отъ государя.

Дьякъ.

Слушай, Иванъ Васильичъ: Государь Цар
Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея В
кія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ ве
тебѣ говорить: «Билъ челомъ Государю князь М
илъ Григорьевичъ Ромодановскій на тебя въ с
о мѣстахъ, что велѣно ему быть у Госуда
дѣла въ объѣздѣ на Большомъ Посадѣ въ Царев
родѣ, а тебѣ Ивану Бутурлину въ Кремлѣ город
что ему меньше тебя быть по своему отечеству
вѣстно. И Государь Царь и Великій Князь
доръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Б
Россіи Самодержецъ приказалъ своимъ бояра
челобитной разспросить и васъ въ отечествѣ су
и разряды сыскать. И бояре разспросили и при
ры слушали и приговорили тебя оправити, а М
ила Ромодановскаго обвинити. А за то, что онъ
модановскій билъ челомъ не по дѣлу и не въ
мѣру, и своимъ челобитіемъ тебя безчестилъ, I
приказалъ и бояре приговорили тебѣ его Ромода
скаго выдать головой.

Ив. Вас. Бутурлинъ (*смущеннымъ голосомъ*).

Не въ-силахъ я возблагодарить государя моего, что угодно его царскому пресвѣтлому величеству почтить мою рабскую службишку и меня, холопа своего, взыскать новой милостью... Чѣмъ воздамъ ему, государю, за щедроты? Все его, свѣтлаго нашего солнца — и семьишка, и домишко, и имѣньишко какое есть. Только и могу, что возсылать теплыя молитвы къ небесному Владыкѣ, къ Пресвятой Троицѣ и святымъ угодникамъ о здравіи нашего общаго отца, моего благодѣтеля. Да будетъ онъ царствовать въ радости, успѣніи и благодѣнствіи! да просвѣтится сердце его, да сокрушатся враги его, да возвеличится держава его и прославится имя ето отнынѣ и присно во вѣки вѣковъ!

Всѣ Бояре (*выступая впередъ*).

Аминь!..

Ив. Вас. Бутурлинъ.

А тебя, посланнаго моего государя, прошу принять отъ моего убожества смиренныя поминки: братину вызолоченну да два сорока́ соболей, что́ отъ сибирскаго намѣстника въ гостинецъ недавно получилъ, да бью челомъ, не побрезгай, осчастливить нашу бесѣду... отвѣдай моей хлѣба-соли. (*Подаетъ кубокъ съ поставца*).

Дьякъ.

Благодарю за честь и за ласку.

Калинычъ (*на ухо Ив. Вас*).

Батюшка, Иванъ Васильичъ, какъ прикажешь:

тамъ Ромодановскіе у нижняго крыльца стоятъ— велѣть подождать, что́-ли?

Кн. Вас. Бутурлинъ.

Нѣтъ, нѣтъ, проси рѣдкаго гостя.

Калинычъ.

Слушаю-съ (*уходитъ*).

Прозоровскій.

Дайте-ка взглянуть, что́-то у нихъ будетъ.

Одоевскій.

Грустно смотрѣть. Уйду отсюда.

Тараска.

Пойдемъ, дядюшка. Мѣсто наше отнимаютъ. (*Одоевскій и Тараска уходятъ. Между боярами слышенъ шопотъ*). Тс... тс... потише. Ведутъ, кажется.

Калинычъ (*возвращается*).

Ведутъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Общее молчаніе. Изъ правой двери выходятъ слуги въ безпорядкѣ, оглядываясь, и группируются у дверей. За ними два человѣка ведутъ Ромодановскаго подъ-руки. Онъ старъ и блѣденъ, съ сѣдой бородой, идетъ согнувшись, шапку держитъ въ рукахъ. БУТУРЛИНЪ стоитъ на мѣстѣ. РОМОДАНОВСКІЙ къ нему подходитъ и медленно опускается на колѣни.

Ромодановскій (*слабымъ голосомъ*).

Царь приказалъ, бояре приговорили—повинуюсь: твоя взяла... Твоя взяла, Иванъ Васильичъ. Повелѣвай своимъ рабомъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

шной головы и мечъ не сѣчетъ. Вставай, Михаилъ Григорьичъ. Богъ тебя проститъ.

Ромодановскій.

», Иванъ Васильичъ, не за милостью: за на-мъ пришелъ я къ тебѣ. Собери челядинцевъ. и учинить безчестье, бить батогами, тер-рика.

Пронскій.

ните?

Шереметевъ.

это съ нимъ?

Долгорукій.

ъ ли говоритъ это?

Пронскій.

ъ не вѣрится.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

о вести такую нестройную рѣчь, князь Ми-ригорьичъ. Мы живемъ, слава Богу, не въ ремена.

Ромодановскій.

», Иванъ Васильевичъ, пусть до послѣдней сушу я чашу сію. Прогнѣвался государь на его, и я со смиреніемъ несу крестъ свой... сажаютъ меня въ тюрьму, въ желѣза, пущай ъ кнутомъ, отымутъ боярскую честь, отбе-отчины, сошлютъ въ заточенье, въ дальніе въ Сибирь—все приму съ благодарностью, олю свято... Теперь воля твоя, Иванъ Ва-: дѣлай, какъ знаешь.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да встань же, князь Михаилъ Григорі
прилично русскому боярину становиться н
Такъ и встарину не всегда бывало.

Романовскій *(медле*
подыл

Благодарю за милость.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Выслушай меня, князь Михаилъ Гри
между нами идетъ давнишній споръ. От
мѣстничались, и мы повраждовали. Пора-(
чить. Кто правъ, кто виноватъ, въ томъ
Богъ да великій государь; гдѣ кому вел
тутъ тотъ и будетъ—такъ-ли?

Пронскій.

Какъ же не такъ!

Шереметевъ.

Разумѣется, такъ.

Долгорукій.

Иначе и быть не можетъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Такъ изъ чего же, кажется, продолж
нашу ссору?.. Кто старое помянетъ, тому гл
Довольно повраждовали, теперь, кажется,
мировую—не такъ ли, бояре?

Пронскій.

И подлинно такъ!

Шереметевъ.

Всего лучше.

Долгорукій.

По рукамъ, да и все тутъ.

Пронскій.

Концы въ воду...

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Калинычъ, подай сюда стопу моего лучшаго вина... Нынѣче я справляю именины свои... Прошу тебя, князь Михаилъ Григорьичъ, забудемъ старое... Будь моимъ дорогимъ гостемъ... Отвѣдай моего хлѣба да выпей на здоровье. (*Кланяется и подаетъ кубокъ. Ромодановскій съ бѣшенствомъ кидаетъ кубокъ объ полъ*).

Ромодановскій (*громовымъ голосомъ*).

Ха, ха, ха! ужь впрямъ видно ты именины справляешь и съ похмѣлья разсудокъ потерялъ. Чтобъ я твоимъ гостемъ былъ! чтобъ я тебѣ, Іудѣ Искаріоту, руку подалъ!.. Или вы съ ума всѣ спятили? или ужь забыли вы, что я... (*надѣваетъ шапку*) князь Ромодановскій?

Шереметевъ.

Не къ добру, видно, присмирѣлъ.

Пронскій.

Вотъ это такъ, такъ.

Ромодановскій.

Слышали вы, бояре, слышали вы! Да что́ жь я въ-самомъ-дѣлѣ до того старъ и безпріютенъ, что и Бутурлинъ даже какой-нибудь осмѣливается позорить меня своей лаской!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Князь Михаилъ Григорьичъ да не ты ли пришелъ съ повинной?

Ромодановскій.

Я исполнилъ волю моего государя. Я пришелъ съ повинной по царскому указу, по боярскому приговору; но чтобъ *я* съ *тобой* велъ хлѣбъ-соль и дружбу, чтобъ *я*, князь Ромодановскій, пировалъ съ закалтымъ врагомъ своимъ, да этому малые ребятишки на улицѣ смѣяться станутъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Угомонись, князь Михаилъ Григорьичъ.

Ромодановскій.

Вотъ нашлось мнѣ знакомство на старости—ай да честь! Будетъ у насъ о чемъ побесѣдовать. Ужь не станешь-ли ты мнѣ разсказывать про дѣдушку своего, какъ служилъ онъ разстригѣ Гришкѣ Отрепьеву и продавалъ насъ за польскіе червонцы?..

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Перестань, князь Михаилъ Григорьичъ. Ты у меня въ домѣ.

Ромодановскій.

И о прадѣдѣ твоемъ поговоримъ, какъ былъ онъ въ намѣстникахъ въ Тобольскѣ и раскралъ государеву казну, и о батюшкѣ твоемъ потолкуемъ, о боярине съ путемъ, даромъ-что былъ безпутнымъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ. *(Хочетъ кинуться на Ромодановскаго; бояре его удерживаютъ).*

Нѣтъ, это ужь слишкомъ! Позвольте мнѣ, бояре... позвольте... я накажу его за дерзость... *(Бояре его удерживаютъ).*

Троекуровъ.

ъ, нельзя, Иванъ Васильичъ: не обычай...
ь молчи. Тебѣ отвѣчать не мочно.

Шереметевъ.

ь ужь заведено.

Долгорукій.

блюдетъ свое право. Ты долженъ слушать
иво.

Ромодановскій.

ы-то самъ кто? чѣмъ ты въ люди выйдетъ?
воимъ, двоязычіемъ, наушничествомъ? Цолу-
, кого московскій народъ проклинаетъ?—тебя,
ика... Кого рыльскіе стрѣльцы живаго схоро-
тѣли?—тебя, душегубца. Кто позоритъ честь
го имени?—ты, окаянный...

Вас. Ив. Бутурлинъ.

одари Бога, что у тебя сѣдая борода, не то
выпустилъ тебя живаго отсюда.

Ромодановскій.

ь? и ты, щенокъ, туда же? Не здѣсь тебѣ
не въ боярскомъ кругу... Ступай - себѣ къ
къ на посидѣлки. Срами еще больше твое
ебное имя... Мѣсто твое въ Слободѣ Стрѣлец-
амъ ждетъ тебя стрѣлецъ Петровъ... да дочь
твоя полюбовница... (*За кулисами слы-
ронзительный крикъ*).

Вас. Ив. Бутурлинъ.

равда. (*Общее оцѣпенѣніе. Вдь прислу-
тся*).

Шереметевъ.

Ужь не случилось ли чего, нѣтъ ли какого н счастія?..

Долгорукій.

Ступай, погляди Иванъ Васильичъ, и впрямъ чт тебѣ его слушать.

Пронскій.

Ты видишь, онъ не въ своемъ умѣ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Пойду поглядѣть. Въ-самомъ-дѣлѣ нѣтъ ли бѣд какой. А ты, князь, ступай себѣ домой... бранис тамъ, сколько хочешь. (*Уходитъ*).

Ромодановскій (*съ изступленіем и постепенно уси ливая голосъ*).

Не бранное слово, слово кровавое оставлю я теб на память. Слушайте, бояре, слушай ты, князь Юр Алексѣичъ, ты, Петръ Васильичъ... ты, Ива Прокофьичъ, слушайте всѣ. Думали вы, что я кру лый сирота, безъ роду и племени, что злодѣи-ра бойники извели на вѣки мою семью ненаглядну Нѣтъ! осталась у меня женушка—месть кровавая. злому непріятелю. Остались у меня дѣтушки — п чали, бѣдствія вражьему проклятому дому. Знай всѣ: пока во мнѣ одна капля крови, пока не пол жатъ меня въ могилу, я буду преслѣдовать и дов нать своего недруга-мѣстника и мстить ему, неч стивцу, и позорить его всѣми средствами, всѣми н тями до послѣдняго издыханія. Смерть тебѣ, Ива Васильичъ, смерть безъ покаянія, и съ чадами и мочадцами, и съ ближними и съ родственниками

Анаѳема богоотступнику... анаѳема навѣки. Пусть околѣетъ, онъ какъ тварь нечестивая, и не будетъ ему помилованія ни на этомъ свѣтѣ, ниvъ будущемъ. А теперь... дайте дорогу... Посторонитесь, бояре... Князь Ромодановскій идетъ. (*Всѣ отступаютъ съ ужасомъ. Ромодановскій медленно выходитъ. Кн. Вас. Бутурлинъ возвращается, дрожащій и блѣдный*).

Шереметевъ.

Ну, что случилось? Да что съ тобой? ты блѣденъ, весь дрожишь.

Кн. Вас. Бутурлинъ (*принужденно*).

Нѣтъ... такъ... ничего. Головка моя испугалась ему... Да было правда чего... Справедливо говорится пословица: незваный гость хуже татарина... Да что о немъ думать!... Не приняться ли снова за кружку?... Вѣдь кубки недопитые стоятъ.

Троекуровъ.

А чтóжь, хорошее дѣло... Поразвеселимся маленько. Пойдемте же, бояре.

Бояре.

Пойдемте, пойдемте.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

Прошу покорно... Калинычъ, вели подавать снова... (*Бездомному*) А ты куда!..

Бездомный.

Извините... недосугъ теперь.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

Къ своему милостивцу, къ Михайлѣ Григорьичу?—знаю... Не смѣю удерживать. Вольному воля... Ну, пойдемте жь, пойдемте... (*Гости возвращают-*

ся въ столовую. Вас. Ив. Бутурлинъ остается одинъ напереди. Иванъ Васильевичъ провожаетъ гостей и потомъ быстро оборачивается къ сыну и хватаетъ его за руку).

Вл. Вас. Бутурлинъ.

А съ тобой, голубчикъ, мы раздѣлаемся. (*Василій Иванычъ зажрываетъ лицо руками. Гости шумно выходятъ съ Иваномъ Васильевичемъ въ столовую. Занавѣсъ опускается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Внутренность Разбойнаго Приказа. Столъ съ бумагами, Архивный шкафъ. Постѣнамъ орудія пытки, дыбы.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТРОЕ ПОДЪЯЧИХЪ.

Первый подъячій.

Ты что́ мухъ-то ловишь! Припасенъ столбецъ?

Второй.

Ну, не ворчи, старый хрычъ. Готовъ.—Чай, допросъ станутъ держать.

Первый.

Еще бы... Вотъ по-крайней-мѣрѣ потѣха будетъ, а то тоска одолѣла. Подай-ка, братъ, тавлиночку.

Второй.

Слышалъ, дядя Елистратычъ? говорятъ, царь сегодня изволилъ шествовать въ монастырь.

Первый.

Ужь не въ Флорищеву ли Пустынь, для бесѣды

преподобнымъ Иларіономъ? Государь, слышно, ...ько его жалуетъ.

Второй.

Ну, ужь времечко! Да полно, правда ли? Только ...рѣчь, что про монастыри.

Третій.

А что, Елистратычъ, при царѣ Алексѣѣ Михай...ичѣ, чай, повеселѣе живали?

Первый.

Еще бы! А тебѣ на что́?

Второй.

Да вотъ все, дядюшка, поразспросить хочется... ...человѣкъ бывалый, видалъ, что ли, царскую ...ту.

Первый.

Да какую охоту? Мало ли ихъ тамъ бывало! Ло...ная, оленья, медвѣжья, волчья, заячья, птицами, ...ми, тенетами—вотъ сколько.

Второй.

А всѣхъ-то познатнѣе, чай, соколиная?

Первый.

Еще бы! Государь самъ изволилъ книгу соста...ть: «Урядникъ соколинаго пути»... До трехъ ты...ъ птицъ держали. Какъ теперь помню: изволилъ ...ь выѣхать для потѣхи своей въ чистое поле, а за ...ъ-то, за нимъ, Господи Твоя воля! сокольни...ъ, подсокольниковъ, рядовыхъ, всякаго народа, ...но мухи. Ну ужь и птица, кречетъ отсюда ...ку... что́ за кречетъ! Какъ взовьется къ подне...ью — фу ты прыть какая!... А оттуда стрѣ...ь на добычу — молнія!... Ну, ужь потѣха! Вотъ

то жь челичъ цвѣтный малецъ, добрый былъ челичъ. Да мало ли ихъ было! Малецъ, Палецъ, Лихачъ, Ковачъ Бѣлый, Бердый, Анпрасъ, Арбасъ, Армасъ— въ день не перечтешь. Подай-ка тавлинку. (*Второй подъячій вынимаетъ въ это время изъ шкафа штофъ водки и пьетъ*). А ты опять за свое?

Второй.

Да что, братъ, въ горлѣ пересохло. Не хочешь ли, дядюшка?

Первый.

Пожалуй, вишь пострѣлъ какой, еще спрашиваетъ: не хочешь ли! Русскій человѣкъ вино любитъ.

Третій.

Дай-ка и мнѣ, съ похмѣлья. Вчера весь день пролежалъ: нездоровъ былъ. (*Смѣются и пьютъ*).

Второй.

Знамо дѣло! А видѣлъ ты Волка?

Первый.

Какого Волка?

Второй.

Да вотъ новую пушку, на Пушкарномъ Дворѣ.

Первый.

Нѣтъ, не видалъ. Намъ что́ за пушки! Погляди-ка въ окно: никакъ на конѣ кто-то.

Второй.

Дьякъ нашъ пожаловалъ, Калина Патрикѣевъ.

Первый.

Ну, по мѣстамъ! живѣе, Подавай сюда извѣтъ, что́ написанъ о пойманномъ стрѣльцѣ.

Второй.

О которомъ?

Первый.

ца вотъ, что давича привели.—Да штофъ-
тритe, спрячьте: не попался бы какъ-ни-
Тс... сидѣть смирно!

ЯВЛЕНІЕ II.

и КАЛИНА ПАТРИКѢЕВЪ, дьякъ Разбойнаго Приказа.

Калина.

ово.

Первый подъячій.

ія желаемъ твоей милости.

Калина (*садясь*).

ни у васъ благополучно?

Первый подъячій.

и Богу... Исполняемъ твои приказанія. Тру-
о покладываючи рукъ. Можно сказать, дру-
помыслѣ и въ рѣчахъ нѣтъ, какъ только ра-
государевой службѣ, въ угоду начальству.

Второй подъячій.

о пищу дневную забываемъ.

Третій подъячій.

вой росинки съ утра не было.

Калина.

ладно!... подавай бумаги. Эхъ понабралось
! Надо же было изъ Земскаго Приказа на-
ва насъ всѣ разбойничьи, убійственныя и
ія дѣла! Великое довѣріе! Ну да наше дѣло
вовать. Это что такое... помѣта наврана.

Первый подъячій.

Виноватъ: не доглядѣлъ.

Калина.

То-то же виноватъ!... Какъ-разъ бѣду надѣлаете... Ты у меня, смотри, доглядывай. Приводили сюда кого?

Первый подъячій.

Да одного стрѣльца привели.

Калина.

Ну, отошлите его въ Стрѣлецкій Приказъ, къ князю Долгорукову.

Первый подъячій.

Нельзя-съ будетъ.

Калина.

Какъ нельзя?

Первый подъячій.

Да обвиненіе на немъ, такъ сказать, такое такое...

Калина.

Что́ бы такое...

Первый подъячій.

Да и вымолвить страшно.

Калина.

Что́ ты, братъ, говори.

Первый подъячій.

Да пойманъ въ Кремлѣ съ оружіемъ. Да покушалъ, говорятъ, на царское здоровье.

Калина (*вскакивая съ мѣста*).

Что́ ты? Быть не можетъ. Да гдѣ же онъ... Распрашивали... созналса?...

Первый подъячій.

мъ маленькимъ людямъ разспрашивать про
а?

Калина.

тъ? за приставомъ?

Первый подъячій.

очно.

Калина.

ъ его.

Первый подъячій.

о-съ!

Калина.

ь эти стрѣльцы, будетъ отъ нихъ бѣда
удь. Хорошо, что мы съ бояриномъ, Ше-
мъ, съ Петромъ Васильичемъ, держимъ
, не даемъ потачки; не наше бы стараніе,
до грѣха! Эхъ, тяжело приходится! А
немъ оставленъ?

Первый подъячій.

ке...

Калина.

сюда... Да, да; то-то (*читаетъ свер-*
Іойманъ... съ оружіемъ, у самаго Крас-
льца... Что скажетъ Петръ Васильичъ?
ке этотъ душегубецъ?

Первый подъячій.

кешь ввести?

Калина.

е; а ты садись да записывай. Да смотри,
еврешь, такъ будетъ тебѣ гостинецъ для
. Ага... вотъ онъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ и ПЕТРОВЪ въ цѣпяхъ, въ рубашкѣ, нежмя копейщиками.

Калина.

Ну, ну... подойди-ка сюда, поближе еще... *дится*). Какъ зовутъ?

Петровъ.

Григорій.

Калина.

Пиши: Гришка.

Петровъ.

Благодарю на честь.

Калина.

Да ужь не боярином ли прикажешь велич

Петровъ.

Величай человѣкомъ.

Калина.

Э, братъ! да ты изъ таковскихъ. Да, да.. чай, и грамотѣ знаешь?

Петровъ.

Знаю.

Калина.

Ну, такъ и есть! Ужь не жди добра.

Петровъ.

Не грамотный опасенъ, а кто въ толкъ і ретъ.

Калина.

Разсказывай!.. Какъ прозвищемъ?

Петровъ.

Петровъ.

Калина.

Петровъ.

сорокъ слишкомъ будетъ.

Калина.

ъ?

Петровъ.

аю.

Калина.

ва не помнишь?

Петровъ.

наю. Подкинутъ, слышно, ребенкомъ въ
ірь Батуринскій. Тамъ и жилъ до службы
хъ отцовъ. Грамотѣ сподобился, спасибо
откудова—не вѣдаю.

Калина.

атъ, грамотный изъ бродягъ. Отъ васъ всё
ное... Знаемъ мы васъ. Говори правду.

Петровъ.

ѣлъ бы солгать, да не смогу.

Калина.

ечего дѣлать... Пиши... На исповѣди бы-

Петровъ.

ъ я что ли? Извѣстно, бываю.

Калина.

в въ службѣ?

Петровъ.

ъ давно...

Калина.

кихъ поръ?

Пятовъ.

Еще молодымъ парнемъ былъ, да вотъ съ того времени, какъ была русскому оружію неудача. Пришла къ намъ вѣсть въ монастырь, что воевода Шереметевъ разбитъ подъ Чудновымъ, самъ въ полонъ взятъ, и нашему знамени стыдъ немалый великій. Не наше дѣло разсуждать, почему такая невзгода... Начальники, говорятъ, старинствомъ считались, мѣстничались... Только обида была тяжкая. Не выдержалъ я, заиграла кровь; кинулся къ настоятелю въ ноги: «отпусти, владыко, въ боевое дѣло. Не выноситъ душа поношенье, одолѣла ночь... сгину, маюсь здѣсь безъ пользы, да и грѣхъ пущій на душу возьму». Спасибо ему, благословилъ.

Калина.

Красно разсказываешь. И съ того времени и службѣ?

Пятовъ.

Все на службѣ, по Украинскому Разряду. Въ дался и съ Ордой и съ поляками и съ малороссіянами. Много испыталъ и видѣлъ на своемъ вѣку Благодарю своего Создателя да начальника своего Ромодановскаго князя Михаила Григорьича.

Калина.

Такъ ты, знать, и подъ Чигиринъ ходилъ, Дорошенку смирять?

Пятовъ.

Какже... я все и служилъ въ Сѣвскомъ Полку.

Калина.

Да, да... такъ... Женатъ?

Петровъ.

Нѣтъ, вдовъ; былъ женатъ на стрѣлецкой дочери—царство ей небесное! Давно ужь скончалась... не выдержала тяжкой ратной жизни.

Калина.

Дѣти есть?

Петровъ.

Есть одна дочь.

Калина.

Больше нѣтъ?

Петровъ.

Нѣтъ.

Калина.

Въ Москвѣ давно?

Петровъ.

Третій мѣсяцъ, какъ переведены изъ Сѣвскаго въ отличіе на Москву.

Калина.

Награды получалъ?

Петровъ.

Какъ же, удостоился съ прочими. Слышали царскую милостивую похвалу да по сукну на человѣка получили. Пятидесятникомъ пожалованъ.

Калина.

Записалъ, что ли?

Первый Подъячій.

Записалъ, батюшка.

Калина.

Ну, какъ же не грѣхъ тебѣ, скажи, послѣ этого? Человѣкъ ты немолодой и видѣлъ, и послужилъ на своемъ вѣку, а вотъ на такое дѣло пошелъ, что

и вымолвить страшно. Какъ это тебя схватили съ оружіемъ у государевыхъ палатъ?

Петровъ.

Мимо шелъ.

Калина.

А какъ же тутъ написано, что ты мечъ обнажилъ.

Петровъ.

Обронилъ ненарокомъ.

Калина.

Ненарокомъ... То-то же! Нѣтъ ты, ужь лучше покайся... повѣдай всю правду, пока не заставили... Не замышлялъ ли ты чего противъ царскаго величества?

Петровъ.

Что мнѣ замышлять?

Калина.

Не дерзалъ ли на государево здоровье?

Петровъ (*перебивая*).

Чтобъ я поднялъ руку на... да ты русскій, что ли?

Калина.

Онъ какъ-будто правъ. Да нѣтъ, долгъ мой испытывать. Ну тому я пожалуй повѣрю: ты самъ бы отъ себя не пошелъ бы на такой разбойничій умыселъ. Охъ, охъ! да мало-ли у насъ недоброжелателей! Коли бы не наше усердіе съ Шереметевымъ Петромъ Васильичемъ... Что и говорить тутъ! Не получилъ ли ты подарковъ или посулокъ отъ свѣйскаго короля или хана крымскаго, или отъ турскаго салтана, или другихъ. Ну, говори. Для чего шелъ ты мимо царскаго двора съ оружіемъ?

ышлялъ ли на царскій домъ, или на бояръ,
ыхъ или ближнихъ людей? Не но наученію
ну отъ кого, отъ бояръ, или отъ посадскихъ
щихъ людей—а?..

Петровъ.

яди-ка: вотъ это рана добрая; вотъ и эта не
проси у товарищей: каково ратовали мы за
во дѣло. Самъ ты видишь, весь израненъ.
овъ тебѣ не довольно, такъ вотъ тебѣ от-

Калина.

его обыскивали?

Подъячій.

кивали.

Калина.

ашли на немъ денегъ большихъ, вещей до-

Первый Подъячій.

нѣ креста золотного ничего не нашли.

Калина.

бы этакое?.. вишь ловкій какой! Да нѣтъ,
ѣрить. Мое дѣло до конца испытывать. Такъ
ючешь каяться, не скажешь сообщниковъ?

Петровъ.

ня одинъ сообщникъ—чистая совѣсть, дру-
бщникъ—твердый духъ!... Слава Богу, не
и доселѣ.

Калина.

говорить больше тебѣ нечего?

Петровъ.

знаешь.

Калина.

Ну, видно дѣлать нечего. Прійдется развязать тебѣ языкъ. Позовите Алёшку. Я прошу тебя изъ ласки, не давай себя на истязаніе... Принеси чистое покаяніе... Да говори что́ знаешь... Не хочешь?... Нѣтъ? Ну, самъ виноватъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и палачъ АЛЕШКА съ топоромъ на плечѣ (съ густой черной бородой, въ красной рубашкѣ), за нимъ два помощника: одинъ несетъ веревки, ремни и кнутъ, другой жаровню съ угольями. Молчаніе.

Калина (*торжественно*).

Въ послѣдній разъ, именемъ Всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога и Государя нашего Царя Ѳеодора Алексѣевича всея Россіи и многимъ государствамъ, землямъ восточнымъ, западнымъ и сѣвернымъ отчича, и дѣдича и наслѣдника Государя и обладателя заклинаю, тебя, стрѣльца Гришку Петрова, подъ опасеніемъ тяжкой на этомъ свѣтѣ пытки по смерть и вѣчной на томъ свѣтѣ муки, повѣдать, здѣсь намъ, сѣдящимъ въ Разбойномъ Приказѣ, для храненія царскаго здоровья и правосудія—кѣмъ подученъ, подосланъ и направленъ ты для богомерзкаго въ кремлевскихъ палатахъ покушенія?

Петровъ.

Во имя Всемогущаго и Всевидящаго Бога и днесь зрящаго душу мою, отвѣчаю въ полномъ упованіи на благость Создателя, что неповиненъ въ тяжкомъ извѣтѣ.

Калина.

ёшка, принимайся за свое дѣло... Нѣтъ,
. Да знаешь ли ты, братъ, что̀ съ то-
ть дѣлать? вѣдь это сто смертей ра-
ть взгляни. Видишь ли эту дыбу? Тебѣ
уки и ноги ремнями, потомъ подымутъ
рхъ да какъ дернутъ за ноги—всѣ состa-
чатъ, да съ первой встряски не скажешь,
подумаешь, а съ третьей и заговоришь по-
а вотъ кстати Алёшка станетъ стегать
спинѣ, пока разговоришься.

Петровъ.

ля.

Калина.

о мало будетъ, другія есть средства.
онёкъ припасенъ? Тебя на бревно поды-
арить станутъ... а вотъ и клещи, ихъ на-
но, да ребра пощипать; сломаются—не
коснѣющаго разбойника жалѣть! А тамъ
оловомъ залить прійдется тебѣ горло, да
и отсѣчь, начиная съ пальцевъ. Такъ и
итъ по твоему преступленію. Ужели и
колеблется упрямство? За тебя страшно,
братъ!

Петровъ.

емъ мнѣ виниться?

Калина.

рямая голова! Ты насъ пожалѣй, не при-
строгости. Что̀ ты станешь дѣлать?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ПОДЪЯЧІЙ и ОЛЬГА.

Второй подъячій.

Калина Семенычъ.

Калина.

Что?

Второй подъячій.

Дочь преступника пришла, проситъ, чтобъ впустили. Какъ прикажешь?

Калина.

Впустите. Авось она его склонитъ къ признанію.

Ольга (*кидается на шею отца. Оба стоятъ нѣсколько времени обнявшись*).

Батюшка, батюшка, что съ тобой дѣлаютъ!

Петровъ.

Ольга! рожденіе ты мое, ласточка моя... Привелось намъ здѣсь свидѣться. Видишь сама. Взвели на меня страшную напраслину. Хотятъ, чтобы я сознался въ небываломъ. Божья воля! Живота пускай лишаютъ, а солгать не могу, не долженъ; лучше умру, а не солгу! Моли Бога, чтобъ Онъ подкрѣпилъ меня въ страшный конечный часъ. А ты живи и безъ меня, какъ-будто я въ живыхъ съ тобою—слышишь ли? Немного пожитковъ я тебѣ оставляю, а оставлю тебѣ чистую душу, жизнь безъ порока. Береги честь свою дѣвичью. Коли Богъ благословитъ тебя за добраго человѣка, живи съ нимъ въ со

вѣтѣ и послушенствѣ. Будешь ты ему въ радость, какъ и мнѣ въ радость была. Берегись дурныхъ людей—слышишь? Помни отцовскій приказъ. Не то и съ того свѣта не будетъ тебѣ моего благословенія. Ну, не плачь. Поклонись товарищамъ; скажи спасибо на добромъ товариществѣ. Ну, ступай теперь, тебѣ дѣлать здѣсь нечего.

Ольга.

Помилуйте... Чего хотите вы отъ него? Будьте жалостливы, не погубите невиннаго.

Калина.

Ты бы, голубушка, лучше сама его вразумила... Скрываться теперь нечего.

Ольга.

Батюшка! коли ты что знаешь, коли что слышалъ, скажи, повѣдай все, что у тебя на совѣсти. Да нѣтъ, быть нечему. Мы люди простые, хоть у кого спросите. Ему говорить нечего. Согрѣшилъ, знать, безъ умыслу.

Петровъ.

Безъ умыслу согрѣшилъ.

Калина.

Съ вами только время теряешь. Начинай Алёшка!

Ольга *(съ отчаяніемъ)*.

Помилуйте! повремените! Съ меня начните. Я всегда съ нимъ сообща. Я моложе: я легче вынесу... Неужто въ васъ нѣтъ жалости?... Помогите! (*кричитъ*) спасите кто-нибудь!!

Калина.

Подержите ее.

Петровъ (*Калинѣ*).

Послушай, дьякъ ты, что́ ли?... исполни просьбу.

Калина.

А!... наконецъ повиниться хочешь.

Петровъ.

Нѣтъ, виниться мнѣ не въ чемъ. Я такъ пр изъ милости. Прикажи дочь мою отвезти дом слободу. Вѣдь негоже дѣвушкѣ стоять здѣсь, да дѣть на истязаніе.

Калина.

При ней скорѣе скажешь.

Петровъ.

И при ней лживаго слова не скажу. Тольк берегите ее. Она молода, не окрѣпла еще душо и гдѣ же приказано, чтобы дочь была при о ской пыткѣ?

Калина.

Въ колоколъ ударили! Что́ это за шумъ? Въ л ры бьютъ, въ суренки играютъ. Поглядика въ о

Первый подъячій.

Коней ведутъ... видимо-невидимо.

Второй подъячій.

Пожитки несутъ.

Третій подъячій.

Копейщики... стольники... стряпчіе. Н шапки снимаетъ, о́-земь кланяется. Видно, гос походомъ въ монастырь шествуетъ.

Ольга.

Что́?... походомъ... Государь посреди нар нѣтъ, онъ не дастъ пролить невинную кр

ъ Богомъ данъ живымъ правосудіемъ. Послѣдняя рота крикнетъ ему о помощи и онъ не можетъ не ликнуться. Пустите меня... я сама уйду теперь. ромлюсь ему въ ноги, я крикну ему такъ... что ь народъ, вся Москва услышитъ: «спаси погибаюо безвинно слугу твоего! Твое же есть, какъ а на небѣ, спасати и миловать на землѣ». (*Убѣ*ив).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ОЛЬГИ. Смотрятъ въ окно.

Калина.

Пустите ее... А! вотъ потянулось шествіе.

Второй подъячій.

Это что́ несутъ, Елистратычъ?

Первый подъячій.

Молчи ты. Вишь, это царскіе пожитки, казна новая, казна шатерная.

Второй подъячій.

Повозокъ съ тридцать будетъ.

Первый подъячій.

Вотъ дворцовые стряпчіе, сытники, подключники, ходы съ золотыми бичами, охранные стрѣльцы, ловая челядь. Вотъ лошадей ведутъ въ золотыхъ махъ... видимо-невидимо. Вотъ золотая карета.

Второй подъячій.

Ова богатство какое!

Первый подъячій.

А вотъ и царская скамейка, приступъ, мѣстное но; царь недалеко.

Второй подъячій.

А народу-то, народу!

Калина.

Молчите. Вотъ скипетръ несутъ... а вотъ и государь на аргамакѣ... Эхъ, что это онъ с чемъ такъ... Все нездоровъ, сердечный.

Петровъ.

Дай Богъ ему скораго выздоровленія. *(Молч*

Калина.

Проѣхалъ...

Второй подъячій.

Эва!... глядите-ка, вотъ и наша дѣвка приб Да нѣтъ, шалишь; народу, видишь, сколько, за версты не дойдетъ.

Третій подъячій.

Вишь, руками машетъ. Народъ смѣется... ла никакъ...

Петровъ *(послѣшно)*.

Ушиблась?

Третій подъячій.

Отсюда не разглядишь. Да вашъ братъ уше не расшибется.

Калина.

Молчите вы, крапивное сѣмя!... Вамъ бы нагрѣть, да обиды чинить — знаемъ мы Давно бы васъ бросилъ, коли не польза госуда да Петръ Васильичъ. Ну, видишь, Петровъ, царь проѣхалъ. Хоть при немъ войди въ себя легчи свою участь, скажи, назови соучастн въ злодѣйскомъ умыслѣ.

Петровъ.

лъ всю истину, больше говорить нечего.
ь твой пытать меня, такъ пытай. Я не
нъ и попрекать не стану. Исполняй твой
э по злобѣ же ты творишь это, а для обе-
ва. Позволь только Богу помолиться.

Калина.

, да вразумитъ Онъ тебя. (*Петровъ ста-*
на кольни и молится. Молчаніе). Ну,

Петровъ.

Калина.

ему руки, около кистей, какъ знае-
айте веревки... подводите къ дыбамъ..
е ли, какъ закричитъ, что говорить хо-
, смотрите, спускайте, безъ мѣшкоты...

Первый подъячій.

)!

Калина (*отворачивается*).
ылайте свое дѣло. (*Петрова привязы-*
дыбамъ. Въ это время входятъ П.
кетевъ, М. Г. Ромодановскій и Без-

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ширинкинъ.

ните, присяжные люди.

Калина.

А! вотъ самъ Петръ Васильичъ пожаловалъ.

Шереметевъ.

О чемъ идетъ у васъ расправа?

Калина.

Стрѣльца поймали съ оружіемъ у царскихъ палатъ, такъ вотъ хотимъ пытать, не замышлялъ ли чего худаго.

Шереметевъ.

Ненадо. Князь Михаилъ Григорьичъ ему порука:—онъ ему извѣстенъ, съ нимъ въ походахъ бывалъ; онъ за него ручается. Прикажите ему одѣться и домой идти.

Калина.

Ну, слава Богу!

Петровъ.

Спасибо тебѣ, князь, что не оставилъ дочь сиротой.

Шереметевъ.

Ну, князь, сдѣлано по твоему. Теперь извини, боюсь отстать отъ шествія. Да вотъ еще приказать кое-что надо. Прощай покуда. А вы проводите меня.

Ромодановскій.

Не забуду я твоего одолженія. *(Шереметевъ уходитъ въ сопровожденіи Калины и подъячихъ. Петровъ уходитъ съ прочими).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РОМОДАНОВСКІЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

Ромодановскій.

Да, старикъ Ромодановскій помнитъ одолженія

и обиды крѣпко держитъ въ памяти. Ты мнѣ хо-
мо присовѣтовалъ. Я помню этого Петрова. Онъ
ожитъ честью не хуже нашего брата; онъ за оби-
спасибо не скажетъ. Съ нимъ Бутурлины не раз-
аются.

Бездонный.

Да то ли еще будетъ! Тутъ есть одинъ стрѣлецъ,
ви-голова—Аѳанасьевъ. Онъ все и разсказалъ-
мнѣ. Хоть куда молодецъ, за деньги все сдѣ-
тъ.

Романовскій.

Смотри же, не забудь обѣщанія: отомсти за ме-
да хорошенько; а за деньгами дѣло не станетъ:
о казну отдамъ для расплаты. На кого мнѣ ее
ечь? Извели у меня семью, убили сына. Однимъ
ву, чтобъ раздѣлаться съ Бутурлинымъ... Ты
ешь ли, что въ 1084 году въ Василевѣ былъ во-
дой въ первыхъ предокъ мой князь Антонъ Ми-
ычъ. А Бутурлинъ былъ въ Апсалѣ вторымъ.

Бездонный.

Да городъ Апсаль былъ, можетъ, старше Ва-
ева города.

Романовскій.

Го-то что нѣтъ. Гдѣ это видано, чтобъ нѣ-
кій городишко былъ выше русскаго города? А
ъ же унижаютъ теперь! О чести родовой и
орить нечего, да честью-то разрядной мы всег-
ихъ были выше. Когда Іоаннъ Васильевичъ
авалъ дочь свою за литовскаго князя, при ней
ъ Романовскій князь Василій Васильичъ, а те-
ъ срамятъ насъ въ позоръ передъ людьми и

убавляютъ честь нашу съ каждымъ днемъ, хотятъ, чтобъ родъ исхудалъ непоправно. Вѣришь ли, подъчасъ радуюсь, что сына моего ребенкомъ убили; что не дожилъ онъ до нашихъ временъ?

Бездонный.

Перетерпи, князь!

Романдановскій.

На свадьбѣ Алексѣя Михайловича одинъ Романдановскій былъ въ дружкахъ, другой устилалъ царскій путь камками, а Бутурлины были въ поѣзжанныхъ. Правда и повезло имъ потомъ. Не съ нынѣшняго дня загорѣлась во мнѣ злоба. Отцы наши мѣстничались и завѣщали намъ вражду. Дѣти исполнятъ завѣщаніе.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и ПЕТРОВЪ, въ полномъ стрѣлецкомъ вооруженіи.

Петровъ.

Батюшка князь Михаилъ Григорьичъ, не забываешь ты насъ...

Романдановскій.

Что, братъ, здѣсь не то что боемъ идти на басурмана: не углядишь здѣсь откуда врагъ возьмется. Съ улицы человѣкъ нападетъ на тебя, садетъ тебѣ на голову и задушитъ, а ты молчи, да кланяйся.

Петровъ.

Помилуй Богъ!

Романдановскій.

Духъ возмущается! Забыли вы меня, мои сѣвратники!

Питровъ.

азывай своимъ ратникамъ: ты нашъ началь-
оевода.

Ромодановскій.

і я воевода! Да и ты что за ратникъ! Я—
опозоренный, ты—воинъ безъ чести.

Питровъ.

отнялъ у меня честь?

Ромодановскій.

і я проливалъ кровь свою съ вами на службѣ,
нималъ у меня мѣсто временщикъ проклятый.

Питровъ.

есть-то у меня кто отнялъ?

Ромодановскій.

ему теперь! Смѣется онъ теперь, что ста-
на заставилъ стоять передъ собой на ко-
что нанесъ онъ конечное пятно моему роду
ій попрекъ. Да нѣтъ, погоди... мы еще съ
дѣлаемся—не такъ ли, товарищъ? Скажи,
дна только дочь?

Питровъ.

Ромодановскій.

, только одна и есть? сыновей нѣтъ?

Питровъ.

Ромодановскій.

ы Бутурлиныхъ-то знаешь?

Питровъ.

, я человѣкъ новый.

Романовский.

Послушай: здѣсь, въ Москвѣ, живетъ попавшій и боярe Иванъ Васильичъ Бутурлинъ; у него сынъ Василій. Сынъ его, Васька, обманулъ, обольстилъ обезславилъ твое рожденіе — твою дочь единствен ную.—Понимаешь ли?

Петровъ.

Кто говорилъ это?

Романовский.

Я это тебѣ говорю. Вхожъ къ тебѣ молодой па рень, суконной сотни торговый человѣкъ?

Петровъ.

Бывалъ, сколько разъ бывалъ! Такъ что жь?

Романовский.

То-то и есть, что онъ не торговый человѣкъ а только личину на себя надѣлъ, притворство чи нитъ: онъ-то и есть обманщикъ Бутурлинъ.

Петровъ.

Да правда ли, бояринъ?

Романовский.

Да такъ же правда, какъ я, твой воевода, сто ялъ передъ отцомъ его на колѣняхъ, просилъ о ми лости, благодарилъ за ласку. Вѣдь трудно повѣ рить, а правда. Смѣшно, кажется... Что жь ты не смѣешься?

Петровъ (*мрачно*).

Не до смѣху, бояринъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и ОЛЬГА.

Ольга (*плачетъ*).

е допустили меня, бѣдную... толпа такая...
ли онъ остался? А, вотъ и онъ знать не
ъ еще, да и цѣпи сняты... Да что такое?
ему и оружіе отдано (*вскрикиваетъ и бѣ-
ъ къ отцу*). Батюшка!

Петровъ.

ьга... рад... (*отталкиваетъ дочь*) Да нѣтъ!
и, голубушка. Ты куда ходила?

Ольга (*съ удивленіемъ*).

а ты видѣлъ. Царь шелъ походомъ; хотѣла про-
милости, да нельзя было дойти: оттерли, от-
ли... я и пришла...

Петровъ.

какъ зовутъ твоего суженаго?

Ольга.

атюшка....

Петровъ.

акъ зовутъ твоего милаго друга, безстыдни-
.. Я ли тебя не кормилъ, не возлелѣялъ, не
талъ? я ли для тебя не несъ всякихъ тяго-
? Отблагодарила же!... Какъ зовутъ твоего лю-
ка, распутница?

Ольга.

ыслушай, батюшка!

Петровъ.

нѣ тебя слушать! Нѣтъ, ты меня послушай,

ты меня еще не слыхивала... Видала м
да гнѣва еще не видала. А вотъ увидиш
комишься.

Ольга.

Бат....

Петровъ.

Молчать! Видишь, чужіе люди стоят
боярин здѣсь. Или ты стыдъ потеряла
говорить станешь. Пойдемъ домой, до
пойдемъ: тамъ побесѣдуемъ, потолкуем
же ты это меня обманула? какъ не ви
шихъ шашней и вора пустилъ себѣ въ
отвѣчай же... что жь ты молчишь? Отв

Ольга.

Батюшка, не вынесу я твоего гнѣва.
хватываетъ. (*Падаетъ въ обморокъ на
трова*).

Романдановскій.

Да ты побереги ее, а то уморишь со

Петровъ.

Нѣтъ: отъ стыда не умираютъ. Спас
брыя вѣсти, бояринъ. Домой пора. Теп
весело; будетъ о чемъ покалякать. Жив
лово. (*Вскидываетъ дочь на плечи и*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Романдановскій.

Жаль мнѣ его стало. Вѣдь, что ни гово

Бездонный.

Такъ что жь, кланяться ему, что ли, Бут

Ромодановский.

Нѣтъ, правда твоя. Нѣтъ имъ пощады! Доведу я до того, что въ ногахъ у меня будутъ валяться, и тутъ не прощу.

Бездонный.

И по-дѣломъ будетъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и ПОДЪЯЧІЕ. Бояздиво, второпяхъ.

Первый подъячій.

Уходи, бояринъ.

Ромодановский.

Что?

Первый подъячій.

Какъ бы не быть бѣдѣ: стрѣльцы бѣгутъ.

Ромодановский.

Такъ что жь?

Первый подъячій.

Неравенъ случай, народъ буйный; иной разъ съ ни и головы не снесешь.

Ромодановский.

Дагдѣ жь ты слыхалъ, чтобъ князь Ромодановскій ъ опасности бѣгалъ?

Второй подъячій.

Твоя воля. Такъ позволь хоть намъ спрятаться да-нибудь.

Ромодановский.

Не бойтесь: пока я съ вами, бѣды не будетъ.

Первый подъячій.

Не заложить ли двери?

Ромодановскій.

Настежь двери!

Первый подъячій.

Да помилуйте!

Ромодановскій.

Слушайся, подъячій, когда я приказываю. (*Отталкиваетъ подъячаго и отпираетъ настежь двери; на сцену вбѣгаетъ толпа стрѣльцовъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и СТРѢЛЬЦЫ.

Всѣ.

Гдѣ онъ? гдѣ онъ?

Первый стрѣлецъ.

Отдайте его!

Второй стрѣлецъ.

Нашихъ обижаютъ!

Третій стрѣлецъ.

Мы не допустимъ!

Четвертый стрѣлецъ.

По чьему приказу?

Пятый стрѣлецъ.

Кто вадумалъ?

Первый подъячій.

Кого вамъ надо?

Первый стрѣлецъ.

Нашего стрѣльца, слышно, схватили по боярскому приказу...

Второй стрѣлецъ.

ясятника Петрова.

Третій стрѣлецъ.

ъ пришли.

Четвертый стрѣлецъ.

е добровольно!

Пятый стрѣлецъ.

ли этимъ боярамъ обманывать нашего го-

Первый стрѣлецъ.

намъ заступиться.

Второй стрѣлецъ.

давайте же!

Третій стрѣлецъ.

весь Приказъ зажженъ.

Четвертый стрѣлецъ.

ь съ нимъ же.

Пятый стрѣлецъ.

возьмемъ.

Шестой стрѣлецъ.

отымемъ!

Пятый стрѣлецъ.

в вы его спрятали?

Второй стрѣлецъ.

ъ сами отыщемъ.

Первый подъячій.

о бояринъ уже отпустилъ.

Первый стрѣлецъ.

? то-то же!

Второй стрѣлецъ.

дѣло.

Третій стрѣлецъ.

Ахъ! батюшка, прежній воевода нашъ... нашъ Михаилъ Григорьичъ, и ты здѣсь!

Ромодановскій.

Сами видите, здѣсь... Свобождать прежде васъ пришелъ своего ратника. На мою поруку его и выдали.

Первый стрѣлецъ.

Ахъ, отецъ ты нашъ, не забылъ ты своихъ сѣвскихъ.

Второй стрѣлецъ.

Дай Богъ тебѣ здоровья. Мы тобой, батюшка, довольны.

Первый стрѣлецъ.

Да что это? ты какъ бы постарѣлъ будто, посѣдѣлъ весь?

Второй стрѣлецъ.

Нѣтъ ли тебѣ какой обиды?

Третій стрѣлецъ.

Ты намъ слово молви: мы пособить готовы!

Четвертый стрѣлецъ.

Животомъ за тебя ляжемъ.

Ромодановскій (*радостно*).

Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ? Не забыли вы меня, старика? памятуете нашу службу? Заступитесь за меня.

Первый стрѣлецъ.

Прикажи только.

Второй стрѣлецъ.

Скажи, кто твой злодѣй, чтобъ его не было.

Ромодановскій.

Слышишь ли, Иванъ Васильичъ, слышишь ли

кую Богъ далъ мнѣ семью? Стоитъ мнѣ слово
зать—и ты съ родомъ своимъ исчезнешь, какъ
ихъ передъ лицомъ вѣтра. Да нѣтъ, законъ не
итъ. Спасибо, дѣти, порадовали вы старика. Пой-
ъ вмѣстѣ на государевыхъ враговъ а со своими
амъ кое-какъ раздѣлаюсь.

Первый стрѣлецъ.

Ахъ, напрасно, князь.

Второй стрѣлецъ.

Немного бы стоило.

Романовскій.

Нѣтъ, нѣтъ, и не говорите. Не то я васъ попаюсь и наложу на нихъ настоящее безчестіе. димся еще, какъ пойдемъ бить бусурмана. Слышопять война.

Первый стрѣлецъ.

Дай-то Богъ!

Романовскій.

Послужимъ еще вмѣстѣ государю, а тенерь стуге по домамъ. Не забуду я вашей дружбы. Не тъ Иванъ Васильичъ, что жизнь его на волоскѣ. что бы... да нѣтъ!... уйдти скорѣе отъ искуше-
До свиданія, товарищи! (*Уходитъ*).

явленіе XIV.

Первый стрѣлецъ.

Ну, ребята, видно и намъ по избамъ.

Второй стрѣлецъ.

Дѣлать, знать, нечего.

Бѣдовскій.

Аѳанасьевъ, поди-ка сюда въ сторонку: надо поговориться съ тобой. Сто рублевъ хочешь?

Аѳанасьевъ.

Какъ не хотѣть! за то, что́ давича говорили?

Бездомный.

Да! Михайла Григорьича обидѣлъ Бутурлинъ. Чай, слышалъ?

Аѳанасьевъ.

Слышалъ.

Бездомный.

Сынъ Бутурлина обманулъ стрѣлецкую дѣвку— слышалъ?

Аѳанасьевъ.

Слышалъ!

Бездомный.

Ну, такъ что́ жь?

Аѳанасьевъ (*смѣется*).

Да, да смекнулъ, надо отплатить за воеводу и за себя. Да, точно надо, въ-самомъ-дѣлѣ.

Бездомный.

Да какъ бы это?

Аѳанасьевъ.

Дай-ка подумать. Сто рублевъ, что́ ли?

Бездомный.

Сто рублевъ.

Аѳанасьевъ.

Ладно. Ужь давно я на бояръ только зубы грызу. Хорошо. Оброська!

Оброська.

Что́?...

Аѳанасьевъ.

Ты знаешь хоромы Бутурлина?

Оброська.

ıе знать!

Аѳанасьевъ.

гуда, вызови потихоньку сына боярина. то ты присланъ отъ петровской дочери... ечоръ на свиданье.

Оброська.

ъ же это?

Аѳанасьевъ.

ъ же... Слушай, что́ говорятъ. Ты парень ıхомолкомъ, знаешь, чтобъ повѣрилъ. Очень- свидѣться. Будетъ пожива!

Оброська.

уй пойду.

Аѳанасьевъ.

гупай же... Эхъ, загорѣлось. Вотъ ка́къ ıъ...

Бездомный.

ı что́ замышляешь?

Аѳанасьевъ.

жь тамъ самъ увидишь. Только денежки Ну, пойдемъ теперь. Эй вы, чернильники; дѣло дѣлайте, а нашихъ не трогайте, ато ıъ что́ за чернило у васъ въ жилахъ те- ышите, что́ ли?

Первый подъячій.

ımъ, батюшка, слышимъ.

Аѳанасьевъ.

къ просимъ прощенія, пойдемте, ребята!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Простая стрѣлецкая изба. ПЕТРОВЪ сидитъ задумавшись у стола.

Петровъ (*одинъ*).

Обманомъ, говоритъ она, коварствомъ, лестью, какъ тать поганый, укрался онъ въ мою хату, назвалъ себя простымъ человѣкомъ. Знать, обезславить хотѣлъ, позоръ нанести, въ вѣчный попрекъ, на посмѣяніе народу. Да что жь у меня, въ-самомъ-дѣлѣ, руки что ли отсохли? нѣтъ самопала своего, пищали своей стрѣлецкой? Бывалъ же молодцомъ на войнѣ, не спускалъ врагу, а тутъ за рожденіе свое не съумѣю заступиться? Что тутъ думать? самъ бѣды напросился. Пеняй на себя. Милости просимъ, гость любезный: угощу тебя по-русски дубовыми щами съ желѣзной похлебкой. Узнаешь ты, что значитъ озлобить русскаго человѣка. Не съ дочкой тебя сосватаю, а съ мечемъ булатнымъ, со смертью лютою. Попадись только. Не отвернешься. Убью, просто убью, какъ звѣря хищнаго.

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЕТРОВЪ и ОЛЬГА.

Ольга.

Ты кликалъ, родной?

Петровъ.

ѣтъ... ступай себѣ, хозяйничай знай...
.. Ольга!...

Ольга.

волишь?

Петровъ.

сюда, поди... Вотъ такъ! Погляди-на
ажи-ка мнѣ, ты помнишь Божьи зано-

Ольга.

Богу, не забывала.

Петровъ.

ри правду... правду говори. Ты знаешь,
рѣхъ великій?

Ольга.

Петровъ.

ь ли ты это, что солгать родному отцу
ь, что вымолвить страшно... а? знаешь?

Ольга (*со испугъ*).

!

Петровъ.

... Ну, не бойся!... я не отъ гнѣва. Я
лъ спросить, помнишь ли, чему я училъ
тства? Ну, ступай! Богъ съ тобой!...
но думала, что онъ простой человѣкъ...
?

Ольга.

й сотни торговый человѣкъ.

Петровъ.

уже говорила (*про себя*). Душегубецъ

разбойникъ. Что́ же? Не говорилъ ли онъ теб
льстивыхъ словъ, что ты ему приглянулась, поми
билась, пожалуй? говорилъ ли онъ?...

Ольга.

Батюшка!

Петровъ (*вспыльчиво*).

А! такъ ты солгала мнѣ давича, не призна
лась, забыла дѣвичій стыдъ, материнское благосло
веніе, опозорить меня вздумала! Отойди прочь!

Ольга.

Батюшка, не гнѣвайся, а выслушай милостиво
Я тебѣ сказала всю правду, истину... Любъ он
мнѣ былъ, грѣха таить нечего. Но льстивыхъ слов
межь насъ не было. Обманулъ онъ,—Богъ ему суди
Теперь онъ мнѣ чужой человѣкъ.

Петровъ.

Слушай, дочка, ты меня знаешь, у меня одн
слово. Сохрани тебя Небесный Владыко хоть од
ный разъ видѣться съ этимъ *торговымъ челове
комъ*, хоть ненарокомъ, хоть невзначай встрѣтит
ся съ нимъ на улицѣ. Помнишь ли, когда стрѣлец
мой товарищъ измѣнилъ присягѣ и бѣжалъ къ ст
родубскому полковнику Петрушкѣ Рославцеву, что
пристать къ его шатости и воровству... Помнишь
что́ я сдѣлалъ?

Ольга.

Ты убилъ его.

Петровъ.

Да! добрый былъ товарищъ. Жаль было его,
попутали хитрые люди. Сослужилъ я ему послѣ

мою службу. Не допустилъ до плахи, рука не дрогнула. Помнишь ли?

Ольга.

Помню.

Петровъ.

Когда брата своего не пожалѣлъ я за измѣну, не пожалѣю я чужаго человѣка, измѣнника и вора. Ну, слушай же. Да сохранитъ тебя Богъ съ нимъ встрѣтиться. Слышишь? Не долга будетъ расправа. Или онъ, или я, а ужь одного не станетъ. А ты ступай себѣ тогда, куда глаза глядятъ. Мнѣ распутница—не дочь.

Ольга.

Батюшка, ты безвинно меня караешь.

Петровъ.

Развѣ ты виновата? Плакать нечего. Виноватые встаютъ и плачутъ. Я такъ только предостерегъ хотѣлъ, чтобъ неравно не попался онъ тебѣ на глаза. Ну, ступай себѣ. Отдохни маленько. Ты, чаю, и горлица, измаялась совсѣмъ. Ступай съ Богомъ. (*беретъ мечь со стола*). Вотъ онъ, мой вѣрный товарищъ, соскучился безъ дѣла, заржавѣлъ. А вотъ погоди, будетъ тебѣ потѣха, вопьется ты въ сердце измѣнника, брызнетъ его горячая кровь, затопчу его ногами, полюбуюсь надъ мертвымъ, да и мертвому не прощу.

ЯВЛЕНІЕ III.

ПЕТРОВЪ и СТРѢЛЕЦЪ-РАСКОЛЬНИКЪ.

Раскольникъ.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ.

Петровъ.

Аминь. Ты какъ взошелъ сюда?

Раскольникъ.

Пріидоша днесь время, сыне, постоять за т
ную вѣру.

Петровъ.

Что! за вѣру?

Раскольникъ.

Нынѣ бо несть истинныя церкви на земли
Русси, ни въ Грекахъ. Токмо мы немногіе сп
жимъ православную вѣру и крестимся, яко бл
ный Ѳеодоръ написахъ, двумя персты изобража
томъ Божество и человѣчество Сына Божія; а
персты кто крестится той съ антихристомъ въ
муцѣ будетъ: то бо есть печать антихристова.

Петровъ.

Не въ перстахъ вѣра, а на дѣлѣ и на ду
Прости, Господи, согрѣшенія.

Раскольникъ.

Паки глаголю ти пріидоша время антихрис

Петровъ.

Э, братъ! подумай, истый антихристъ не е
духъ смуты и неповиновенія въ васъ сидящій.
я вашу лицемѣрную святыню, не даромъ жи
монастырѣ, изучилъ вашу вѣру. Чего тебѣ на

Раскольникъ.

Не добре слышно, аще духъ сокрушается.

Петровъ.

А что бы такое?

Раскольникъ.

Радуется врагъ человѣческій, наступила пор

на панскаго, иконъ новописныхъ, книгъ новоисправныхъ. Да что горше прежняго... Знаешь ли, сыне...

Петровъ.

Ну...

Раскольникъ.

Самъ онъ сюда шествуетъ.

Петровъ.

Кто?

Раскольникъ.

Онъ: патріархъ вашъ прежній—Никонъ прощенъ вызванъ вновь на патріаршее свое мѣсто.

Петровъ.

Такъ что́ же?

Раскольникъ.

Не пора ли будетъ, сыне, поднять хоругвь древней святой церкви противъ новокрещенцевъ. Не пора ли возстати противу нихъ словами убѣжденія. А слово не помогающе, не благо; не похвально ли опоясать мечъ правды Господней и лечь животомъ за православную вѣру истинную? Проснися, сыне, возстани отъ сна мертвяща. Послушай, что́ глаголетъ Никита, священникъ, въ живыхъ блаженни, да исчезнутъ враги нашей смертью, чтобы зміи впередъ еще изъ жала своего съ горшимъ вновь ядомъ не отродились на неукротимую всѣмъ пагубу. Сокрушимъ врага человѣческаго, отбросимъ въ пучину геенскую; а не то пріимемъ радостно свѣтлый мученическій вѣнецъ.

Петровъ.

Да того ты не знаешь, что и нечистый духъ имѣетъ своихъ мучениковъ. Вы вѣру ищете въ кого?

Въ чернецовъ, постриженныхъ въ мірскихъ домах
и по раскольнымъ пустынямъ, въ бродягъ, не быв
шихъ въ монастыряхъ въ подначальствіи; въ пр
стыхъ мужиковъ, набранныхъ по кабакамъ. Вот
столпы вашего ученія! Начальники вашего буйств
красную личину надѣли вы на себя, да за ней-то—
сирадный ликъ.

Раскольникъ.

Горе о твоемъ заблужденіи, сыне.

Петровъ.

Горе о воровскомъ вашемъ замыслѣ. Здѣсь ем
не укрывательство. (*За кулисами пѣсня хоромъ*).

Собирался на окіянъ-море Новоторженинъ,
Убиралъ онъ тридцать кораблей безъ единаго
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ.
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца
На носу Стеньку Разина.

Раскольникъ.

Прощай, сыне, да вразумитъ тебя Господь.

Петровъ.

Да вразумитъ онъ и тебя. (*Раскольникъ ухо
дитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПЕТРОВЪ и СТРѢЛЬЦЫ.

Первый стрѣлецъ.

Ну, куда же ты, отшельникъ?.. Вишь, тягу м
кую задалъ! Ну, здорово, Петръ. Вотъ къ тебѣ
гости привалили поздравить на радость, что с
полона свободился.

Второй стрѣлецъ.

Ну, братъ, поздравляю. Хорошо, что такъ об

тобъ мы тебя выручили. Эй, право такъ.
ie трогай.

Третій стрѣлецъ.

знать, стрѣльцы-молодцы!

Петровъ.

жбѣ вашей спасибо, а своевольство не го-
бята. Эй, повѣрьте. Наше дѣло служить

Первый стрѣлецъ.

, наша служба видна. Вѣдались мы со
и съ хохлами, и съ деревенской шиши-
съ крымскимъ ханомъ. Грудью постояли
русскаго, да за батюшку нашего вое-
я Михаила Григорьича. Дѣло свое, ка-
хуже другихъ исправили, государя нашего
, да молитвами заступниковъ нашихъ мо-
чудотворцевъ: Петра, Алексѣя, Іоны и

Петровъ.

итана вамъ въ соборѣ царская милостивая
не переведены вы въ отличіе изъ Сѣвска
у?

Второй стрѣлецъ.

гъ Григорій, въ томъ-то и бѣда вся на-
порядки-то совсѣмъ другіе. Тамъ ратни-
быкли, а здѣсь торговать надо, да тяже-
ы нести, на полковниковъ землю пахать...
-то горемычная!

Третій стрѣлецъ.

же въ хлѣбѣ не дородъ, да дороговь та-
и приступиться не къ чему.

Первый стрелецъ.

А видѣли вы давича воеводу нашего, князя Михаила Григорьича? слышали его рѣчи? Ишь постарѣлъ какъ, голубчикъ! Знать, и ему-то не по-бо здѣсь приходится. Слышно, бояре крѣпко обижаютъ, мѣста не даютъ.

Второй стрелецъ.

Слышно, обошли совсѣмъ, такую честь его дали поруху, что прости Господи!

Третій стрелецъ.

Да что жь онъ въ-самомъ-то-дѣлѣ не придетъ насъ на оборону? Намъ не впервой будетъ послужить за него.

Четвертый стрелецъ.

Онъ отецъ нашъ, а мы дѣти его.

Первый стрелецъ.

За кого же и постоять!

Четвертый стрелецъ.

Да кто жь ему, родному, обиды чинитъ?

Первый стрелецъ.

Да Бутурлины, слышно.

Петровъ (*какъ-бы опомнясь*).

Кто здѣсь Бутурлиныхъ поминаетъ?

Первый стрелецъ.

Обижаютъ, говорятъ.

Петровъ.

Кто вамъ это говорилъ? Не трогайте. Мое дѣло! Я съ ними слажу, развѣдаюсь. Не отнимайте. Моя добыча, мой разсчетъ. Ужь попадись онъ мнѣ только!

Первый стрѣлецъ.

а Григорій! вотъ это по-нашему. Люблю за

Второй стрѣлецъ.

рямъ, пора къ разсчету.

Третій стрѣлецъ.

отъ, спроситься бы Аѳанасьева: малый смѣ-
какъ разъ наставитъ на дѣло.

Первый стрѣлецъ.

уда жь онъ пропалъ? Съ утра не видать.

Второй стрѣлецъ.

Пыжову, слышно, наряженъ на домашнюю

Третій стрѣлецъ.

такъ не мы же одни, и Аѳанасьева туда же!
скажетъ теперь?

Второй стрѣлецъ.

не любо покажется.

Первый стрѣлецъ.

а никакъ и самъ онъ! какъ сонъ въ руку!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и АѲАНАСЬЕВЪ.

Аѳанасьевъ.

во, мужики!

Стрѣлецъ.

во, братъ. Что цѣлый день не видать?

Аѳанасьевъ.

го, ребятушки, у Пыжова на огородахъ му-
олжность исправлялъ: капусту рубилъ. Ка-
отъ какая выросла.

Первый стрѣлецъ.

Вотъ и въ огородники попалъ.

Второй стрѣлецъ.

До всего доживешь.

Третій стрѣлецъ.

Добрались и до тебя, знать.

Аѳанасьевъ.

Да что́ съ нимъ станешь дѣлать? «Въ четыре батога жарить», говоритъ, «стану»... Ну, оно спины-то подставлять не хочется.

Первый стрѣлецъ.

Чего мудренаго! Спина-то куплена на харчные деньги.

Второй стрѣлецъ.

А вотъ намъ такъ все недодача. Слышно оклады новые подѣланы, а кой чортъ оклады, есть ли гдѣ!

Третій стрѣлецъ.

Бога они не боятся, Пыжовъ этотъ да Грибоѣдовъ. Взяли въ крѣпость, да и только: нынче огороды сажать, завтра пруды копать, плотины дѣлать сѣно косить, лѣсъ чистить, дрова рубить, да въ Москву на своихъ лошаденкахъ возить. Бѣда, да и все тутъ.

Четвертый стрѣлецъ.

Добро бы насъ однихъ, а то женъ да дѣтей гоняютъ. Гдѣ жь это видано?

Первый стрѣлецъ.

Мы люди торговые.

Шестой стрѣлецъ.

Да и ратные, пожалуй. Скажутъ походъ, такъ свое дѣло не хуже другихъ исправимъ.

Первый стрѣлецъ.

асъ же вычитаютъ да поборы берутъ. Да
нясь, пришлось отлучиться мнѣ съ стѣн-
ула въ Звѣнигородъ, такъ вѣдь двѣ грив-

Второй стрѣлецъ.

къ, съ недѣлю, отлучился за десять ал-

Третій стрѣлецъ.

мъ берутъ взятки, всякія тягости творятъ,
женное отнимаютъ.

Аѳанасьичъ.

шь! Богданъ-то Пыжовъ прислалъ меня къ
аказомъ.

Первый стрѣлецъ.

му еще?

Аѳанасьичъ.

ъ, не знаю, именины, что́-ли, скоро празд-
детъ, такъ проситъ обновы, чтобъ поднес-
афтанъ аксамитъ, цвѣтной, съ золотыми
и, въ девять аршинъ десять вершковъ, да
олью, да сапоги желтые.

Первый стрѣлецъ.

мірская шея толста. Все на нее валитъ.

Второй стрѣлецъ.

ребята, это ужь изъ рукъ вонъ! хоть въ
ать. Повершить-бы надо.

Первый стрѣлецъ.

яре-то противу насъ. Отъ нихъ, слышно,
асъ и дѣется.

Второй стрѣлецъ.

Не всѣ же. Вотъ Бутурлинъ нашу сторону держитъ. Да и Хованскіе тожь.

Третій стрѣлецъ.

Много лѣтъ имъ здравствовать!

Второй стрѣлецъ.

А другихъ-то не такъ что много-больно будетъ. Можно будетъ справиться.

Первый стрѣлецъ.

Да не подать ли прежде челобитье?

Второй стрѣлецъ.

Э, братъ! До Бога высоко, до царя далеко. Къ Долгорукову пойдемъ, сѣчь станетъ. Всѣ они заодно. Нѣтъ, ребята, дойдетъ дѣло до расправы... Намъ же скажутъ спасибо. Сами управимся.

Третій стрѣлецъ.

Только-бы начальника себѣ выбрать, воеводу.

Второй стрѣлецъ.

Молотъ скоро найдется, коли будетъ что ковать.

Четвертый стрѣлецъ.

На крѣпкій сукъ точи топоръ. Да и впрямь, что мѣшкать. Пора разбирать, кого намъ надобно.

Петровъ.

Эхъ! ребята, ребята! затѣваете вы недоброе на свою голову. Слышали вы, должно быть, что въ чужихъ людяхъ ведется обычай такой: что кому либо и прибыльно, то тому и по совѣсти. Нынѣ совѣсть одна, завтра другая. Да намъ, православнымъ, приходится ли такъ? У насъ никакъ свой законъ. У русскаго человѣка и искони вѣковъ всего только одна совѣсть живала,

Третій стрѣлецъ.

), Григорій!

Второй стрѣлецъ.

ай Богъ идти противъ совѣсти.

Петровъ.

о же. Намъ не доводится заводить новую со-
Жили по старой, и слава Богу, со всякой
ью, безъ измѣны и хитрости. Не пропадутъ
Богомъ да великимъ государемъ служба на-
кровь, да раны, да полонное терпѣніе, да
сидѣніе, да чинимыя неправды. Все воздаст-
вое время. А чинить самимъ расправу съ
мъ грѣшно. Дали вы государю обѣщаніе и
о святой и непорочной Евангельской заповѣ-
тивъ крестоцаловальной записи. Эй, бросьте
ie замыслы да дѣла, что́ и бусурманы тво-
рашатся. Стыдно вамъ забывать, что совѣсть
ъ велитъ вамъ памятовать крестное цалова-
гомть за него и оборонять его, доколѣ душа
; и жизнь при васъ будетъ.

Первый стрѣлецъ.

рать, да ты этакъ, пожалуй, на насъ съ из-
войдешь.

Петровъ.

дливно пойду. Прямо говорю вамъ, пойду,
придете къ познанью отъ своевольства. Луч-
огимъ пропадать, чѣмъ всѣму стрѣлечеству
ь тяжкой церковной клятвѣ, а отъ государя въ
езъ милосердія.

Второй стрѣлецъ.

стаешь, братъ... не пойдешь: мы тебя знаемъ.

Петровъ.

Пойду, какъ Богъ святъ!

Первый стрѣлецъ.

Эва, какой! Да ты самъ у насъ сперва пропадешь.

Второй стрѣлецъ.

Мы тебя знаешь какъ!

Третій стрѣлецъ.

Не тронь. Напугать, знать, хочетъ.

Четвертый стрѣлецъ.

Братьевъ продавать...

Пятый стрѣлецъ.

Отъ своихъ отставать...

Первый стрѣлецъ

Мы и тебя не пожалѣемъ. Виноватаго кровь — вода.

Стрѣльцы.

Какъ муху убьемъ. (*Стрѣльцы подступаютъ къ Петрову. Петровъ стоитъ хладнокровно, сложивши на груди руки*).

Петровъ.

Такъ видите ли, товарищи, что̀ значитъ-то совѣсть. У васъ безъ хмѣля и руки на безвиннаго не подымаются. А я стою среди васъ безъ трепета и страха, и хоть сейчасъ готовъ предстать передъ своимъ Господомъ. Вотъ она, православные, совѣсть-то. Эхъ, братцы, не научу я васъ недоброму. Въ моемъ домѣ нѣтъ измѣны.

Аѳанасьевъ (*смѣясь*).

Почему знать?...

Петровъ.

Что?...

Аѳанасьевъ.

Не ты обманешь, другіе за тебя найдутся...

Петровъ.

Кто жь по-твоему?

Аѳанасьевъ.

Да много ли живетъ васъздѣсь? всего самъ-другъ.

Петровъ (*поспѣшно отводитъ Аѳанасьева сторону*).

Берегись... чтобъ не услыхали. Ты не спроста оришь. Говори, что знаешь?

Аѳанасьевъ.

Да я такъ говорю, про-себя, про обманщиковъ. ю ли ихъ теперь по бѣлу свѣту шатается... И то, чтобъ простые люди, нашъ братъ, а то боярй крови бываютъ. Дѣлать, знать, нѣчего, такъ ъ что лѣшіе затѣяли. Одѣваются въ скромное тье, да какъ мы со двора, а они къ намъ на ръ... къ дочкамъ съ посѣщеніемъ... Вишь какіе!

Петровъ.

Повремени... дай вздохнуть маленько. Въ глаъ красная полоса прошла. Ты отъ кого узналъ?

Аѳанасьевъ.

Вотъ хорошо, отъ кого узналъ! сколько разъ самъ ѣлъ.

Петровъ.

Что видѣлъ?

Аѳанасьевъ (*смѣется*).

Извѣстно, что... У нихъ ужь давно полажено.

Петровъ.

Лжешь, окаянный... Онъ ей человѣкъ чужой.

Аполлосычъ.

Извѣстно. Въ приходѣ не вѣнчался. Да теперь времена такія. И такъ, по-просту, бываетъ. Отецъ спать ляжетъ, а въ темну ночь въ калитку пройти трудность не велика, да и отпереть не страшно для милаго дружка.

Пятый странникъ.

Эй! хозяинъ... что ты впрямь глядишь пугалой, а гостей забываешь? Сухая ложка ротъ деретъ. Можно бы, кажись, поднести.

Второй странникъ.

Вѣстимо, что тутъ горе горевать! По-нашему хоть домъ гори, только бражку вари.

Петровъ *(дикимъ голосомъ)*.

Дочка! дочка!

Ольга.

Чего прикажешь?

Петровъ *(кидаясь на нее)*.

Я тебя!..

Аполлосычъ *(удерживая Петрова)*.

Остерегись, Григорій: вишь, люди глядятъ. Вѣдь не уйдетъ она отъ тебя.

Ольга.

Чего, батюшка, прикажешь?

Петровъ.

Что я приказываю? Забыла, видно, все, все забыла. Да у тебя что въ головѣ? о чемъ ты думаешь? Видишь, гости сидятъ... А еще хозяйка! Отчего

ь накрытъ? отчего не просишь ты гостей,
гъ послалъ?... О чемъ же ты думаешь?

Ольга.

съ подай.

Петровъ.

меня смотри. (*Къ Аѳанасьеву*) Послушай,
евъ, будь роднымъ братомъ: докажи толь-
і видѣть своими глазами. Вѣкъ не забуду.

Аѳанасьевъ.

жалуй и показать можемъ. Хочешь, подѣте-
зместѣ у плетня? Тамъ увидишь, какъ онъ
ноченьку пробирается.

Петровъ.

ь ты! не повѣрю.

Аѳанасьевъ.

увидишь. (*Ольга обноситъ стрѣльцовъ*).

Первый стрѣлецъ.

ютъ это такъ по-нашему.

Второй стрѣлецъ.

бо на угощеніи.

Первый стрѣлецъ.

красавица! Уродилъ же, Григорій, Господь
чку.

Второй стрѣлецъ.

будетъ въ люди отдавать. Вѣкъ бы не раз-

Петровъ (*шопотомъ*).

сьевъ!

Аѳанасьевъ.

Петровъ.

Изъ какихъ онъ Бутурлиныхъ?

Аполласычъ.

А вотъ сынъ самого Ивана Васильича.

Петровъ.

Ножомъ его али пищалью!

Аполласычъ (*смѣется*).

Какъ?

Петровъ.

А вотъ увидишь...

Аполласычъ.

Коли правду говорить, по-моему ни рѣзать, ни стрѣлять не годится: рана — улика. То-ли дѣло, порошокъ, отравное зельице... Сгинулъ, пропалъ человѣкъ, невѣдомо какъ. Хочешь одолжу. Вотъ всегда въ ладонкѣ ношу на себѣ на всякой случай. Ты прикинься маленько, приласкай его, какъ-будто онъ тебѣ больно по-сердцу... а тамъ неравно онъ испить попроситъ, ты и подашь.

Петровъ.

Нѣтъ, братъ, это не мое дѣло. Не такъ вѣдаюсь я съ злодѣемъ своимъ: глазъ противъ глаза; грудь противъ груди. Онъ съ мечемъ, я съ мечемъ. Обороняйся, какъ знаешь. Только не уйдетъ отъ меня. Не быть ему живому.

Аполласычъ.

Ну, братъ, какъ знаешь... Я такъ сказалъ по дружбѣ. Не всякой злодѣй, кто часомъ лихъ.

Петровъ.

Что жь вы не пьете? Пейте на здоровье. Что жь ты, дочка, не просишь? али зазналась слишкомъ?

остымъ людямъ и кланяться не хочешь? Я проучу
бя. Будешь ты свое дѣло помнить.

Ольга (*кланяется*).

Прошу покорно.

Первый стрѣлецъ.

Да полно пугать-то ее. Эка строгость! Была бы
меня дочка такая, худого слова бы не говорилъ.

Второй стрѣлецъ.

А брага знатная: такъ и разбираетъ.

Аѳанасьевъ.

Налей-ка и мнѣ, красавица.

Эхъ, хороша бражка,
Да мала чашка!

Спасибо... Ну-ка, по другой. Сто лѣтъ тебѣ
ивствовать. Жениха тебѣ молодца. Самъ-бы нази-
ся, да не гожусь: выпить люблю. Ну, слышали—
ювольно. Ступайте по домамъ. Хозяину теперь
юсугъ. Ступай, Григорій, за шапкой. Пойдемъ,
кажу я тебѣ хорошее мѣстечко. Будешь доволенъ.

Петровъ.

Пора, что-ли?

Аѳанасьевъ.

А вотъ увидимъ. Всего впередъ не узнаешь. (*Пет-
въ уходитъ*). Да, бишь, ребята, больно насъ
жаютъ. (*Шопотомъ*). Слышали вы про его дочку?

Стрѣлецъ (*указывая на Оль-
гу*).

Слышали, да говорить здѣсь негоже...

Аѳанасьевъ.

Да вотъ что... Я далъ слово постоять за князя
ханла Григорьича. Хотите, что ли?

Второй стрелецъ.

Какъ не хотѣть: онъ отецъ нашъ.

Аѳанасьевъ.

То-то же. Такъ ступайте, скликайте къ вечеру народъ сюда на площадь, кому угодно только гулять. Зовите всѣхъ: затинщиковъ, ямщиковъ, посадскихъ людей. На всѣхъ будетъ угощенье.

Стрелецъ.

Да ты что́, братъ, затѣваешь?

Аѳанасьевъ.

Не твое дѣло, ступай-себѣ.

Стрелецъ *(почесываясь)*.

Да какъ же это?

Аѳанасьевъ.

Да такъ-же. Ты гулять любишь?

Третій стрелецъ (*смѣясь*).

Какъ не любить.

Аѳанасьевъ.

Ну, и все тутъ. Зови всѣхъ къ Съѣзжей Избѣ.

Первый стрелецъ.

Ну, пойдемте, ребята. Да гдѣ же хозяинъ?

Аѳанасьевъ.

Онъ тоже со двора. Да вотъ и готовъ. *(Петровъ возвращается)*.

Первый стрелецъ.

Э, хозяинъ! спасибо на добромъ словѣ и на угощеніи.

Петровъ.

Не за что́.

Стрельцы.

Просимъ прощенія.

Петровъ.

Съ Богомъ... (*Стрѣльцы уходятъ*).

Долгорукій.

Ну, и мы пойдемъ.

Петровъ.

Ну, а какъ обманулъ ты меня?

Долгорукій.

Когда дѣлай со мной что знаешь.

Петровъ.

Ну, пойдемъ. Смотри, Ольга, беречи домъ, чтобъ
явно не вошелъ кто со стороны. Долго ли вору
ятъся... Смотри же!

Ольга.

Буду стеречь.

Петровъ (*вспыльчиво*).

Ты стеречь станешь... кого?... а?...

Долгорукій.

Да полно. Эхъ, неугомонный какой!... Вѣдь до-
ется...

Петровъ.

Ну, ну... пойдемъ... Смотри же, стереги хоро-
ько... Нето я, знаешь ли. . Да, точно, братъ,
мъ, ато не вынесу...

ЯВЛЕНІЕ VI.

ОЛЬГА одна.

Не вѣритъ онъ мнѣ. А напрасно. Я ему сказала
правду-истину, какъ передъ Богомъ. Этого еще
не доставало. Провинилась, знать, и передъ Гос-
домъ, что падаетъ *на меня* кара небесная. И точ-

но, провинилась: безъ спросу, безъ воли родительской другому душу отдала. Сама бѣду накликала. Обманулъ онъ меня, неразумную, осмѣялъ, опозорилъ. Надо бы озлобиться, да не въ-силахъ, не могу. Все бы ему простила... Да и кто противъ него, какъ подумаешь!... Нѣтъ его краше, нѣтъ его привѣтнѣе. Пущай онъ будетъ счастливъ, а я за своихъ выстрадаю... Вы, лютыя печали, не печальте его! вы, злые недуги, не недужьте его! святые мученики, заступитесь за него!... Гдѣ-то онъ теперь?... Соколъ ты мой ясный, ненаглядный ты мой... Гдѣ ты?... Помнишь ли еще меня, горемычную, али забылъ уже совсѣмъ? (*Передъ окончаніемъ монолога, въ избу тихо входитъ Василій и становится за Ольгой*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОЛЬГА и ВАСИЛІЙ.

Василій (*нѣжно*).

Ольга! кто тебя забудетъ?

Ольга (*вскрикивая*).

Ахъ! ты здѣсь! откуда? зачѣмъ? не подходи! Кто ты таковъ? я тебя не знаю.

Василій.

Я все тотъ же, Ольга... Судьба меня не изнѣнитъ.

Ольга.

Не подходи, говорятъ тебѣ! Нечего дѣлать тебѣ, знатному человѣку, въ избѣ простыхъ людей. Хорошо ли тебѣ обманывать бѣдную дѣвушку?... за-

ль ты свой шитый кафтанъ узорочный? аль
тебѣ въ немъ? Какъ пришелъ ты сюда?

Василій.

знаешь! видѣть тебя хотѣлъ.

Ольга.

ть! что́ я тебѣ? ты мнѣ что́? прочь ступай!
ая дѣвушка: не знаю худыхъ дѣлъ... Я тебѣ

Василій.

ся жизнь моя!

Ольга.

мѣй говорить такія рѣчи. Я дочь честнаго
а. Онъ не дастъ меня въ обиду. Меня защи-
брые люди. Хочешь, я крикну въ окно, что
ирина, какъ воръ пришелъ къ стрѣлецкой до-

Василій.

и, пожалуй; отъ тебя и смерть любо при-

Ольга (*грустно*).

ты не боишься, Василій Иванычъ. Ну, что́
сдѣлала? начто́ позоришь меня передъ людь-
ло ли тебѣ знатныхъ дѣвушекъ! выбирай лю-
я тебѣ неровня. За мной только и есть, что
оя дѣвичья. Не отымай послѣдняго.

Василій.

знаю я, что я тебѣ чужой, и не любъ... и не
енъ. Да не ты ль сама видѣть меня хотѣла!

Ольга.

ъ тебѣ говорить небывалое. Изъ чего стану
бой рѣчь вести? Нѣтъ у меня, у бѣдной, ро-

дной матушки. Отецъ все на службѣ. Живу сиротой. Некому понять, корить меня, да стеречь, и оборонять противъ лукавыхъ людей. Самъ ты видишь... грѣхъ тебѣ, Василій Иванычъ!

Василій.

Да, правда твоя: согрѣшилъ я передъ тобой. Меня и безъ того совѣсть мучитъ. Да что мнѣ мнѣ дѣлать? Скажи изъ милости... Жить не могу безъ тебя, вѣрь моему слову.

Ольга.

Не говори.

Василій.

Нѣтъ, выслушай! смерть моя приходитъ. Знать тоска, одолѣла зазноба. При тебѣ и горько и весело; безъ тебя—одно горе. Съ тобой и умереть бы, кажется, привольно, а жить — куда бъ какъ хорошо! Ночью ль засну — во снѣ тебя вижу: живемъ мы вмѣстѣ; я тебѣ мужъ, ты мнѣ жена; ты въ домѣ у меня хозяйка... а я гляжу, да любуюсь.

Ольга (*со вздохомъ*).

Не бывать этому.

Василій.

Утромъ проснусь, ты опять живая стоишь въ помыслахъ... Только и думаю: вотъ теперь она у окна сидитъ да, можетъ, думу думаетъ... вспомнитъ ли про меня, чуетъ ли, что я стосковался по ней, или другой у ней на умѣ?

Ольга.

О комъ мнѣ думать?

Василій.

Горько! не любъ я тебѣ.

Ольга.

ождай же, Василій Иванычъ! Не суждено
ъ цѣстѣ. Другую полюбишь. Право, мно-
Москвѣ.

Василій.

сквѣ ихъ много, да въ душѣ-то ты одна,
лько одно слово, Ольга! будешь мнѣ же-

Ольга (*испугавшись*).

ій Богъ! Василій Иванычъ! какъ можешь
ты такъ?

Василій.

жь? Государи наши женятся на боярскихъ
Почему же сыну боярина не жениться на
ой дочери? какимъ указомъ запрещено?

Ольга.

ано, не слыхано у насъ такого обычая. Не
пуще. Знаю я твою семью. Приходила я
свѣдучи за милостью... вспомнитъ стыд-
й родитель приказалъ челядинцамъ выгнать
вора съ позоромъ. Выгнали и насмѣялись.

Василій.

е можетъ!

Ольга.

ала я и пошла-себѣ. Стыдно, больно было,
дать не умѣю. Сердце надрывалось. Вотъ
велъ ты меня... Богъ тебя проститъ.

Василій.

еня накажетъ, коль я оставлю беззащит-
ее еще пропало, пока мы живы. Ужель
инъ только городъ на Руси. Слава Богу,

есть куда пойти. Здѣсь намъ не житье, найдемъ дру
гое мѣсто. Найдемъ гдѣ-нибудь священника на по
ворьѣ,—упросимъ, уговоримъ, выплачемъ, заст
вимъ обвѣнчать. Узнаетъ отецъ, да поздно: не п
можетъ. Пускай злобится и отыскиваетъ. Отыщет
не бѣда: не развязать ему связаннаго отъ Бога.

Ольга.

Ужель, Василій, ты это говоришь отъ чиста
сердца?

Василій.

Послушай меня. Ужель ты вѣры во мнѣ не им
ешь? Погляди на меня—такъ ли смотритъ обманщик
такъ ли говоритъ лиходѣй? Отъ меня было тебѣ г
ре,—отъ меня будетъ и радость, послушай тольк

Ольга.

Нѣтъ, Василій Иванычъ, не войду я въ чуж
домъ съ печалью и горемъ. Свѣтлую отраду хочу
принести въ приданое, а не попрекъ и посрамлен
Не думала я, что доживу въ дѣвушкахъ до таки
словъ, да дѣлать нечего. Судьба моя такая. И в
дѣть-то тебя вѣкъ не хотѣла, а вотъ привелъ Го
подь свидѣться.

Василій.

Да вѣдь ты присылала за мной?

Ольга.

Полно, Василій Иванычъ! не грѣши напрасно.

Василій.

Да какъ же! Отъ тебя приходилъ стрѣлецъ.

Ольга.

Отъ меня приходилъ стрѣлецъ? что бъ это зна
чило?

Василій.

гайкомъ приходилъ. Говоритъ, что подосланъ
итобъ я приходилъ къ тебѣ около вечерень.
) будетъ дома. Да, говоритъ, чтобъ шелъ я
нетня, а съ улицы увидятъ.

Ольга.

. что́ же! ты ка́къ пришелъ?

Василій.

скрываться теперь нечего. Я пришелъ съ

Ольга.

ь, совсѣмъ меня, бѣдную, погубить хотятъ.
жь это могъ прійдти?... Ахъ! Боже мой!
я вспомнила!... Берегись, Василій: недав-
ецъ давича шептался съ Аѳанасьевымъ. На
ть умыселъ. Спасайся, пока есть время.
вести они хотятъ.

Василій.

нѣ отъ отца твоего прятаться не къ чему.

Ольга.

в знаешь ты его... Онъ въ ярости такой,
си Господи. Онъ слова тебѣ не дастъ вы-
, убьетъ, покаяться не дастъ. Бѣги, пока
ь.

Петровъ (*за кулисой*).

смотри, стереги хорошенько. Говорятъ, онъ
рошелъ.

Ольга.

ты мой! онъ самъ идетъ. Спасайся!... Ку-
.. а вотъ въ окно. Еще можешь уйдти.

Василій.

Къ чему мнѣ уходить? Что̀ будетъ, то будетъ.

Питовъ (*за кулисой*).

Попался теперь!

Ольга.

Нѣтъ ему спасенія. Господи! что дѣлать? А! замокъ.... (*запираетъ поспѣшно дверь*). Хоть этимъ удержать.

Питовъ (*стучится въ дверь*).

Ага! заперлись, окаянные, заперлись, безбожники! Отворяй, змѣя подколодная?

Ольга.

Василій! уйди, уйди... Все будетъ по-твоему. Стану любить тебя, уйду съ тобой, обвѣнчаюсь, гдѣ хочешь. Уйди только... пóкаместъ...

Василій.

Ужели?... въ-самомъ-дѣлѣ? да правда ли?

Ольга.

Правда, правда, только уйди.

Василій.

Ольга, не радуй меня понапрасну, коль не хочешь сдержать слова.

Питовъ (*за кулисой*).

Погодите!... Дверь-то не желѣзная.

Ольга.

Василій... Ну, коли ты меня любишь, такъ докажи свою любовь. Не дай умереть отъ страху. Уйди отселѣ. А то онъ не оставитъ меня въ живыхъ. Ты вѣкъ меня не увидишь.

Василій.

Для тебя на все готовъ. И не хотѣлось бы, да

о дѣлать. Уйду, изволь. Только слово твое свя-
ы моя теперь.

Ольга.

ю.

Василій.

-вѣки моя?

Ольга.

-вѣки.

Василій.

, такъ скажи, дай услышать, что любъ я

Ольга.

ажу, скажу, какъ будешь за окномъ.

Василій.

, такъ прощай, невѣста!

Ольга.

орѣй... скорѣй! Дверь подломана. Вотъ сюда.

Василій (*въ окно*).

о жь? любишь ли?

Ольга (*вскрикиваетъ*).

блю!... Ахъ!... ушелъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

А и ПЕТРОВЪ, ПЕТРОВЪ выламываетъ дверь и
съ бѣшенствомъ кидается въ комнату.

Ольга (*твердо*).

го тебѣ надо?

Петровъ.

ъ онъ? гдѣ онъ? Подавай его сюда, срамница!

Ольга.

Кого ты ищешь?

Петровъ.

Кого ищу? Много ихъ у тебя, видно. Вора ищу я. Куда ты его спрятала, ехидна? Трусъ, видно, какъ всѣ воры: въ глаза не смѣетъ взглянуть честному человѣку. Выходи, злочинецъ, на честный бой, пока не разбилъ я тебѣ черепъ о половицу!

Ольга.

Здѣсь никого нѣтъ.

Петровъ.

Такъ, куда же ты его дѣвала? Поди-ка сюда, голубушка. Поди-ка сюда, треклятая. Куда дѣвала ты его? а? (*Хватаетъ ея руку*).

Ольга.

Кого?... Ай! больно.

Петровъ.

Кого?... кого?... еще спрашиваетъ! Любовника твоего, дочка моя ненаглядная, дочка моя, родная моя дочка! Куда ты его выпроводила? говори! А въ окно, видно... А я тутъ въ дверь ломился, да уйдти ему далъ. (*За кулисой слышенъ выстрѣлъ*). Ха, ха, ха, ха, ха! Молодецъ Аѳанасьевъ, не то, что я, маху не далъ.

Ольга.

Убили! убили!

Петровъ.

Молчи! вонъ отсюда, срамница! Нѣтъ у тебя здѣсь пріюта! нѣтъ у тебя отца! Ты и говорить не смѣй, что у меня дочерью была. Проклятъ часъ твоего рожденія, проклятъ будетъ часъ твоей смер —

упай отсюда, тамъ есть въ Бѣломъ городѣ
цади для тебя мѣсто. Ступай къ своимъ то-
ь. Вложи перстень въ уста, да жди себѣ охот-
любодѣевъ.

Ольга.

ошка, батюшка! напрасно казнишь ты меня.
эстнымъ образомъ хотѣлъ подъ вѣнецъ со
дти.

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ и АѲАНАСЬЕВЪ.

Петровъ.

ы, неразумная, и повѣрила?... Ну, что, Аѳа-
ь, подстрѣлилъ кулика?

Аѳанасьевъ.

чорта съ два! Такую далъ тягу, что теперь,
ь собаками не сыщешь.

Ольга.

ъ!

Петровъ.

ито ты безъ рукъ, видно? Продалъ и ты ме-
в его отъищешь? Чай, сваху пошелъ снаря-
ъ намъ, рядную нашу смотрѣть. А въ рядной
ісъ ножъ да веревки, да горсть пороху въ
у. Будетъ свадьба на диво! (*Плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и БЕЗДОМНЫЙ

Бездомный.

ровъ?

Петровъ *(кидается на него).*

А? не онъ ли? нѣтъ!... Чего надо?

Бездонный.

Я пришелъ, братъ, къ тебѣ съ вѣстями.

Петровъ.

Не до вѣстей теперь.

Бездонный.

Поздравляю съ новымъ полковникомъ.

Петровъ.

Кого?

Бездонный.

Лаврентія Сухарева.

Петровъ.

Такъ что ѣ! будемъ и ему служить.

Бездонный.

Да вотъ еще, князь Михаилъ Григорьичъ велѣлъ тебѣ сказать, сегодня у Бутурлиныхъ сговоръ: Иванъ Васильичъ просваталъ за сына дочь долгоруковскую.

Петровъ.

Да сколько же у него невѣстъ!... Слышишь ли, дочка, про жениха своего? Видно, самому приходится мнѣ его женить. А вотъ припасу ему жену. Смерть ему невѣста, прочь окаянная, не трогай, не оскверняй меня руками, проклятая! Подай мнѣ бердышъ, Аѳанасьевъ! На краю свѣта отыщу его! Пить и ѣсть не стану, пока онъ живъ останется, сыграю свадьбу по-своему, а васъ на пиръ прошу на кладбищѣ! До свиданія, дочка!... *(Убѣгаетъ).*

Бездомный (*шепчетъ Аѳанасьеву*).

Ну, что?

Аѳанасьевъ.

Ничего! дѣло пошло, кажется, на ладъ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

рѣлецкая слобода. По обѣ стороны избы. Вдали по-
я кладбище. Вечеръ. Мальчишки играютъ въ бабки.
вѣдь. Народъ. Хороводы. Стрѣльцы разныхъ полковъ. Оживленная картина.

ЯВЛЕНІЕ I.

роводъ стрѣлецкихъ дѣвушекъ, мужикъ съ медвѣдемъ, тельщикъ, цыгане, стрѣльцы, мальчишки, АѲАНАСЬЕВЪ, БЕЗДОМНЫЙ, переодѣтый.

Хороводъ.

А мы просо сѣяли, сѣяли...
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли.
А мы просо, вытопчемъ, вытопчемъ...
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ.

(*Удаляются*).

Сбитеньщикъ.

Сбитень, сбитень хорошъ; яблочный съ квасцомъ, что въ ротъ, то спасибо; пейте, ребятушки! (*Мальчишки бѣгутъ*).

Нищій.

Глядн, глядн... Мишку ведутъ.

Второй.

Вишь косолапый какой!

Третій.

Словно дядя Терентій.

Мужикъ (*съ медвѣдемъ*).

А ну, кланяйся, Мишенька; а ну, покажи, какъ бабы ходятъ горохъ воровать... а вотъ какъ красная дѣвушка пристыдилась, рукавомъ закрылась... а ну, вотъ...

Аѳанасьевъ (*выталкиваетъ его*).

А ну, ступай, проваливай своей дорогой... У насъ и своихъ медвѣдей довольно. Припасать нора угощенье.

Кузьма.

Ну, что?

Аѳанасьевъ.

Молчи! Ладно.

Кузьма.

Эти полтевскіе съ нами?

Аѳанасьевъ.

Еще бы нѣтъ! Да что за народъ! Держись только.

Кузьма Чирный.

Чьи они?

Аѳанасьевъ.

Борисъ Одинцовъ, Оброська, Петровъ, Кузьма Черный. Люди, братъ, вѣрные, не разъ ужь сѣчены.

Кузьма Чирный.

И съ жуковскими полажено?

Аѳанасьевъ.

Со всѣми полажено. По десяти рублей съ рыла.

ля потѣхи у Бутурлина сожжемъ хоромы,
иво выстроилъ, а тамъ, коли охота будетъ,
гимь забраться можно въ гости. Здорово

Кузьма Черный.

ираться гдѣ?

Аѳанасьевъ.

тно здѣсь... Молчи: подслушать могутъ.
олтевскіе стрѣльца окружаютъ цы-

Обросьма.

куда?... не уйдешь, колдунья. Погоди ма-
побесѣдуй съ нами.

Цыганка.

итесь вы, бѣсовскія дѣти!

Кузьма Черный.

у, не сердись черномазая. На тебѣ алтынъ.
ка лучше добрымъ молодцамъ.

Одинцовъ.

это дѣло. Погадай-ка, египетская харя.
ѣ ладонь моя.

Обросьма.

отри у меня, говори всю правду, по чистой

Кузьма Черный.

отримъ твое умѣнье.

Цыганка.

ать вамъ, что́ ли?... Это наше дѣло. Для
нѣтъ... Давайте-ка руки... Вотъ такъ. Да
мѣшать. (*Задумывается*). Талана мно-
дѣйства много. Флештакъ, Маштакъ, Де-

нисъ, Борисъ. агарагарица, поди на свои станы; нечистый, некаянный, невѣрный духъ, на тѣхъ людей, на злодѣевъ, на супостатовъ, что на него лихо мыслятъ, на раба Божьяго, на зарю надёжу нашу. Отвернись злой человѣкъ отъ него, чтобъ не былъ, не допустился никогда до его рукъ, до его ногъ, до него лихой врагъ супостатъ. Отыму я ихъ умъ и разумъ и третій языкъ тѣмъ злодѣямъ, супостатамъ, алазаколáмъ, языкъ столбомъ, руки грóблями, ноги кочергой, чтобъ худыми дѣлами не доходили до него, моего солнышка, сокровища.

Одинцовъ.

Ха, ха, ха!... вотъ околесную несетъ! Ну, говори скорѣе да и убирайся.

Оброська.

Какое же посулишь намъ благополучіе?

Кузьма Чёрный.

Много ли годовъ намъ здравствовать?

Цыганка.

Ну, не торопите же. Погодите маленько. Куда думаю и что загадаю, чтобъ это мое дѣло сбылось; что я думаю и что гадаю, чтобы они то получили. Ты, Кузьма Черный, умрешь на висѣлицѣ; тебѣ, Оброська, голову отрубятъ; а ты, Борька, издохнешь на колесѣ. Прочь, сгинь, пропади! Хорошо ли я сказала? (*Убѣгаетъ. Стрѣльцы стоятъ неподвижно*).

Аполлосьевъ.

Ха, ха, ха!... Напугала васъ вѣдьма. Куда сатана не можетъ, туда бабу пошлетъ. Да и по дѣломъ вамъ съ вѣдьмой связываться.

Оброська.

й ее!

Одинцовъ.

окаянная!

Кузьма Черный.

кàкъ правду она предсказала?

Аѳанасьевъ

ıтъ, товарищъ, всякаго вздору не наслу-
Подучена должно быть. Да ну ее... (*Слы-*
оводъ). Никакъ дѣвки опять сюда идутъ.
славными то ли дѣло калякать. Одна баба
весь домъ; двѣ бабы—базаръ; а три—такъ

Оброська.

ıла она меня чертовка.

Одинцовъ.

опадется она мнѣ въ руки, такъ дешево не
ся.

Хороводъ (*возвращается*).

ы коней выкупимъ, выкупимъ...
Іидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ.
мъ же вамъ выкупить, выкупить?...
Іидъ, Ладо, выкупить, выкупить.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ОЛЬГА.

Ольга.

ıнасьевъ! не видалъ ты батюшку?

Аѳанасьевъ.

алъ, красавица; чай, на охоту пошелъ.
я).

Ольга.

Что́-то будетъ! ну, если они встрѣтятся. Подумать не смѣю. Онъ убьетъ его. Едва на ногахъ держусь. Вездѣ ихъ искала. Да гдѣ мнѣ догнать ихъ, гдѣ найдти? Нѣтъ силы. Дѣло мое дѣвичье!

Аѳанасьичъ.

А знаешъ ли малиновку, все поладить можно.

Ольга.

Что̀? какимъ образомъ?

Аѳанасьичъ.

Да это я ужь знаю какимъ образомъ.

Ольга.

О! будь благодѣтелемъ, заставь за себя Бога молить.

Аѳанасьичъ.

Изволь, зачѣмъ не пособить горю... Только одно тутъ будетъ условіе и не дорото стоитъ; краса ты моя, краса—русая коса.

Ольга.

Да мы люди бѣдные.

Аѳанасьичъ.

Не бось, денегъ не надо, только согласись... (*говоритъ ей на ухо*).

Ольга.

Господи Боже мой! я ли это слышу, мнѣ ли это говорить смѣютъ! Прочь отъ меня! Я дочь стрѣльца Петрова, онъ не дастъ меня въ обиду.

Аѳанасьичъ.

Не важничай, голубушка, видно тебѣ одни князья нужны, иной разъ и нашъ братъ пригодится.

Ольга.

До какого позора доживу я еще!

Окроська.

А что, красавица, ты одна одинешенька?

Бездонный.

Отъ красныхъ дѣвицъ отстала.

Кузьма Чирный.

Али съ мужчинами веселѣе для тебя?

Окроська.

А что, ребята, видно разбитная. Вишь, особнячкомъ себѣ ходитъ.

Кузьма Чирный.

А дѣвка-то знатная! Побалагурить можно.

Окроська.

Послушай-ка, красавица.

Кузьма Чирный.

Нѣтъ, его не слушай, а меня.

Хороводъ.

Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу...
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу.

Стрѣльцы приступаютъ къ Ольгѣ).

Ольга.

Оставьте меня, оставьте меня... Дайте, подруженьки, мѣсто; пустите въ вашъ кружокъ.

Первая дѣвушка.

Мы тебя не знаемъ.

Вторая дѣвушка.

Прочь ступай, безстыдная.

Третья дѣвушка.

Намъ съ безчестными не слѣдъ ходить.

Четвертая девушка.

Самихъ безславить станутъ.

Пятая девушка.

Отстранись, безчестная. (*Всѣ проходятъ мимо Ольги и отталкиваютъ ее*).

Ольга.

Какъ, онѣ меня не пущаютъ! меня, меня... Помилуйте. Скажите, что я сдѣлала... Зачѣмъ пала на меня кара небесная.

Девушки.

А затѣмъ, что принимала къ себѣ боярскаго сынка, жениха безъ обрученія. (*Стрѣльцы смѣются*).

Пятая девушка.

Ну, что ее слушать. Затягивайте, молодки...

А нашего полку убыло, убыло...
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло...
А нашего полку прибыло, прибыло...
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло.

Ольга (*говоритъ подъ голосъ хороводу*).

Погубили меня за даромъ злые недруги, — обезславили, опозорили жизнь мою невинную. На кого покинули меня сироту подруги ровесницы? Задушила, погубила меня змѣя черная, клевета непощадная... Знать, пришелъ мой конецъ. Объ одномъ я стану молить Создателя, чтобъ прекратилъ онъ мою жизнь горемычную, положилъ конецъ моимъ тяжкимъ мученіямъ. Не брачный вѣнецъ, не молодой женихъ дожидаются меня, а сыра могила, лютая смерть! Дай же мнѣ, Господи, поскорѣе отдохнуть и успокоиться въ послѣдней обители, гдѣ нѣтъ лю-

жъ пересудовъ и житейскаго горя, а жизнь безконеч-
ія и вѣчный покой. (*Закрываетъ лицо руками*).

Оброська.

Ну, теперь, смиренница, ты одна съ нами оста-
ись... А куда было грозно начала.

Одинцовъ.

Ну, не серчай! поразвеселись-ка, спой-ка пѣ-
нку, благо таковская.

Кузьма Черный.

Али попляши маленько, мы поглядимъ.

Оброська.

На сарафанъ подарю!... вотъ ей, право, подарю.

Кузьма Черный.

Поподчуемъ наливочкой, пряниками медовыми.

Оброська.

Да взгляни же, красавица, не стыдись. Стыдить-
теперь нечего.

Кузьма Черный.

Отыми-ка руки. Дай посмотрѣть на себя. (*Оль-
взглядываетъ на нихъ съ гордостью и пре-
ѣніемъ и медленно входитъ въ свою избу,
торая первая на правой сторонѣ театра.
рѣльцы отступаютъ въ недоумѣніи*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Одни стрѣльцы.

Кузьма Черный.

Эва!... вишь, какая быстроглазая. Такъ съ ногъ
сшибла!

Афанасьевъ.

Вольно вамъ связываться съ бабами. Баба глу-

на, пока не побили. Ну, да не о томъ теперь рѣчь. Ступайте-ка въ кружокъ. Всѣ ли здѣсь свои?

Первый стрѣлецъ.

Всѣ свои, кажется. (*Озираются*).

Аѳанасьевъ.

Чужихъ постороннихъ нѣтъ?

Второй стрѣлецъ.

Не должно бы быть.

Аѳанасьевъ.

Такъ ладно же. Слышали вы, ребята, что̀ въ народѣ-то толкуютъ?

Первый стрѣлецъ.

Что̀ бы такое?

Аѳанасьевъ.

Да вотъ бояре все мутятъ. Услыхали, что мы государю хотимъ челобитье на нихъ подавать, да переполохались, что неравно онъ правду узнаетъ какія намъ чинятъ обиды и нападки.

Третій стрѣлецъ.

Бога они не боятся что̀ ли?

Аѳанасьевъ.

Такъ своего-то терять не хочется, вотъ и рѣшили они поднять противъ насъ всѣхъ своихъ господскихъ людей поголовно. А числомъ-то они будутъ противъ насъ вчетверо.

Первый стрѣлецъ.

Да по насъ, пожалуй. Нашъ братъ и на четверыхъ пойдетъ.

Аѳанасьевъ.

Что̀ больно много? Вишь, какъ расхрабрился. По-

ди-ка. Такъ передавятъ насъ по одиночкѣ, что бо. Ни за грошъ пропадемъ.

Кузьма Чирый.

Да кто же это противъ насъ подалъ?

Аѳанасьичъ.

Извѣстно кто: нашъ врагъ заклятый, старикъ турлинъ.

Первый стрѣлецъ.

Ахъ, онъ богоотступникъ, еретикъ этакой!

Второй стрѣлецъ.

Не дадимся, ребята, съ него и начнемъ.

Аѳанасьичъ.

Да мало того, Бутурлинъ-то сынъ нашу дѣвку смаетъ, петровскую Ольгу. Невиданное, кажись, дѣло.

Кузьма Чирый.

Какъ, женъ нашихъ трогать! Нѣтъ, это ужь изъ ъ вонъ. Петровъ хоть-куда товарищъ. Грѣхъ не ступиться за него.

Второй стрѣлецъ.

Заступимся, ребятушки!

Аѳанасьичъ.

Вотъ это разумно сказано. Не великъ родился, а а палата. Чѣмъ отдавать себя на убой, такъ ужь чше сами примемся за дѣло; дремать тутъ нече- : семь бѣдъ одинъ отвѣтъ.

Кузьма Чирый.

Да и подлинно такъ. Мы не малолѣтніе: сами равиться можемъ.

Первый стрѣлецъ.

То-то будетъ веселье! Дай Богъ добраго здо- вья царю. Чай, спасибо скажетъ?

Аѳанасьичъ.

Какъ не сказать. Мы съ своими раздѣлаемся, кровными недругами. А ужь онъ пускай вѣдается съ остальными.

Второй стрѣлецъ.

То-то будетъ ему удовольствіе. А то гдѣ ему, отцу нашему, знать, какъ казнятъ его вѣрныхъ стрѣльцовъ.

Третій стрѣлецъ.

Да какъ же безъ бояръ-то быть. Вѣдь столбы изломать и заборъ упадетъ. По-моему, ребята, не спроситься ли прежде?

Аѳанасьичъ.

Да! такъ и есть, такъ тебя и пустятъ! Вѣдь бояре-то у каждыхъ дверей стерегутъ нашего брата. Ужь видно нашъ конецъ пришелъ.

Первый стрѣлецъ.

Слышно, и торговать-то не позволятъ.

Второй стрѣлецъ.

Лавчонки разломаютъ.

Аѳанасьичъ.

Торговалъ кирпичомъ, да и остался ни при чемъ.

Первый стрѣлецъ.

Нѣтъ, ребята, это грѣхъ будетъ допустить. У меня сотни на двѣ рублевъ припасено товаровъ.

Второй стрѣлецъ.

Да и что̀ давать себя въ обиду!

Третій стрѣлецъ.

Жизнь каждому дорога.

Четвертый стрѣлецъ.

Поскорѣе бы и за расправу.

Пятый стрѣлецъ.

ться, такъ драться.

Шестой стрѣлецъ.

ружью, ребята!

Аѳанасьевъ.

горло дерете! Развѣ все ужь полажено? зано вамъ какъ дѣлу-то быть?

Кузьма Чирный.

ъ, говорено только, чтобъ приходили сюда, ѣлать-де надо, сами узнаете; да еще по де-блевъ на человѣка сулили.

Аѳанасьевъ.

ше получите: по сту получите, только хва-ı въ васъ духу постоять за своихъ.

Кузьма Чирный.

отъ своихъ не прочь.

Аѳанасьевъ.

, слушайте... Старшіе вотъ какъ рѣшили: ярскіе-то поджечь, а потомъ собраться здѣсь ади, да ужь идти вмѣстѣ отъ пріятелей на-ребовать отчета. Мы пойдемъ прежде...

Кузьма Чирный.

какъ же! Нашъ-то полкъ старше вашего. евмѣстно идти за вами.

Аѳанасьевъ.

, выдумалъ! Ну, первый кто будетъ въ сбо-кай и идетъ впереди.

Кузьма Чирный.

ѣ такъ.

Аѳанасьевъ.

, вотъ же, ребята. Вы полтевскіе, начинай-

те съ своей части; вы, жуковскіе, съ своей; а вы, стремянные, съ своей. Полно этимъ боярамъ жить въ каменныхъ палатахъ, на чистомъ воздухѣ будетъ повеселѣй, какъ вспыхнетъ огонь, сдѣлается сумятица. Милости просимъ всѣхъ сюда. На людяхъ смерть краснѣе. Да и пойдемъ ужь тогда съ посѣщеніемъ къ Бутурлину, спросить его, зачѣмъ такъ больно осерчалъ на насъ.

Первый стрѣлецъ.

Да и къ Языкову, который сослалъ братьевъ нашихъ въ ссылку.

Второй стрѣлецъ.

Да и къ Долгорукову, который хотѣлъ высѣчь меня на Съѣзжемъ Дворѣ.

Третій стрѣлецъ.

Да и къ Нарышкину, который, говорятъ, стариковъ знатныхъ дергаетъ за бороду.

Четвертый стрѣлецъ.

Да и къ Данилкѣ Жидовину, колдуну. Вѣдь онъ съ нечистымъ водится; я самъ видѣлъ, онъ хранитъ сушеные раки, змѣи и всякую мерзость въ банкахъ. Этимъ и творитъ колдовство.

Пятый стрѣлецъ.

И къ Герхошкину и къ Юрьевымъ.

Шестой стрѣлецъ.

И къ Матвѣеву и къ Докторову.

Сѣдьмой стрѣлецъ.

И къ подъячимъ-то. Вишь, соль-то какъ сдорожала.

Осьмой стрѣлецъ.

Ко всѣмъ измѣнникамъ.

Аѳанасьевъ.

Всѣмъ, ребятушки, достанется. Чуръ только не аздывать. Ступайте, принимайтесь за доброе дѣ-, да скликайте своихъ на защиту государя отъ ходѣевъ его бояръ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и еще стрѣлецъ.

Девятый стрѣлецъ.

Эй, вы, православные!

Аѳанасьевъ.

Кого Богъ далъ?

Девятый стрѣлецъ.

Странное дѣло! тутъ за заборами ходятъ бояре ѓреодѣтые...

Аѳанасьевъ.

А кто такіе?

Девятый стрѣлецъ.

Да разглядѣть-то я и самъ не могъ. Вишь, темь мая становится. А старуха одна тутъ сказала мнѣ, го бояре-де, а какъ зовутъ, не припомнитъ.

Кузьма Чорный.

Ужь не знаютъ ли чего?

Аѳанасьевъ.

Не такъ бы приняли. Нѣтъ, видно самъ звѣрь на ѣца бѣжитъ. Смотрите же, не выпускайте. Да гнайте—уговоръ лучше денегъ, ужь если жечь, къ жечь. Пущай знаетъ народъ, что никто иной, стрѣльцы начали потѣху. А вотъ и почтенные акумцы, старовѣры немногорѣчивые, маковки

стриженыя, усы нетроганные, съ этими и говорить нечего, на все пойдутъ. Готовы, что ли?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ и СТРѢЛЬЦЫ РАСКОЛЬНИКИ блѣдные и мрачные.

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Готовы принять за старую вѣру мученическій вѣнецъ.

Аѳанасьевъ.

И жечь будете?

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Всякъ вѣрный не задумывайся, гляди съ дерзновеніемъ въ огонь, правды ради, древнихъ ради книгъ святыхъ.

Аѳанасьевъ.

И грабить станете?

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Станемъ.

Аѳанасьевъ.

А коли понадобится такъ и ножемъ хватите?

Третій стрѣлецъ раскольникъ.

Аще позволятъ прегрѣшенія наши.

Аѳанасьевъ.

Молодцы, право, люблю, такъ люблю. Безъ лишнихъ рѣчей. Ну, не забывайте же, какъ ударятъ въ набатъ, всѣмъ быть здѣсь на площади. А ужъ отсюда и пойдемъ по гостямъ съ хлѣбъ-солью. Не ждутъ, чай. (*Общій хохотъ*). Ну, по рукамъ, ребята... Вотъ такъ, ладно. Да и проваливайте теперь. Пора и за дѣло. Ночь-то знатная. Въ двухъ шагахъ не видать.

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

гъ вѣры свѣтъ имамъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

це кто не радѣетъ вѣрѣ своей, да будетъ про-
ь.

Аѳанасьевъ.

і, святые, постерегите у околицы маленько,
я схожу выпить на радость. Да не прозѣвай-
яръ-то.

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

'демъ стеречь.

Аѳанасьевъ.

слышали вы, ребята? погреба-то у Бутурли-
оворятъ, славные. Одного меда вишневаго ни-
двѣ бочки.

Кузьма Черный.

вотъ отвѣдаемъ.

Аѳанасьевъ.

огуляемъ, ребятушки, вотъ ка̀къ погуляемъ! то
вотъ ка́къ! пей, не хочу! По мѣстамъ жа...

Борисъ.

цемъ, ребята.

Кузьма Черный.

замѣшкаемся.

Аѳанасьевъ.

у, ступайте же...

ЯВЛЕНІЕ XI.

Аѳанасьевъ (*одинъ*).

хъ, братъ, Аѳанасьевъ, голова ты голова. Самъ

бы себѣ въ поясъ поклонился. Не стрѣльцом тебѣ быть, а самому найбольшимъ! Лиха бѣда ко чарочки придерживаешься, да и то ни по Пьяница проспится, а дуракъ никогда.

ЯВЛЕНІЕ XII.

АѲАНАСЬЕВЪ и БЕЗДОМНЫЙ.

Бездомный.

Эй, Аѳанасьевъ!

Аѳанасьевъ.

Кто зоветъ?

Бездомный.

Я.

Аѳанасьевъ.

Кто я?

Бездомный.

Пріятель.

Аѳанасьевъ.

А, не узналъ твоей милости!

Бездомный.

Ну, чѣмъ кончили?

Аѳанасьевъ.

Бездѣлицей.

Бездомный.

Да чѣмъ же?

Аѳанасьевъ.

Да у Бутурлина, вишь, хоромы не годятся; и сгорятъ, не бѣда: новыя выстроитъ.

Бездомный.

Поджигать станете?

Аѳанасьевъ.

луйте, и сами сгорятъ.

Бездомный.

го жь это сдѣлаетъ?

Афанасьевъ.

стно кто? Григорій Петровъ. Все на его
лимъ.

Бездомный.

но сердитъ онъ на Бутурлиныхъ.

Аѳанасьевъ.

итъ, да не силенъ—грязи братъ!

Бездомный.

огласенъ ли онъ?

Аѳанасьевъ.

въ согласья обойдемся.

Бездомный.

мотри, братъ, чтобъ чего дурнаго тутъ не
Князь Михаилъ Григорьичъ радъ отомстить
у, и деньги за это дастъ большія, да чуръ дру-
трогать. Чтобъ не было смуты какой и
у бы не надѣлать. Князь вѣкъ не проститъ.

Аѳанасьевъ.

те благонадежны. Какимъ тутъ быть безпо-
! Пожаръ да и только. Да кстати! обѣщан-
позвольте принять.

Бездомный.

шно мнѣ, братъ, становится. Ну, какъ за-
вы кашу?

Аѳанасьевъ.

расхлебаемъ... Пожалуйте посулъ-то.

Бездомный.

Вѣдь я, пожалуй, еще буду въ отвѣтѣ?

Асланасыкъ.

Не бойтесь. Сто рублевъ никакъ приходится.

Бездомный.

Да еще посмотримъ!

Асланасыкъ.

Ужъ будьте покойны. Все слажено. Денежки-то только. Въ горлѣ, право, пересохло.

Бездомный.

Вѣдь ты опять обманешь. Наговорилъ мнѣ о Петровѣ, а Петровъ, какъ слышно, на попятный. Да и ты, чего добраго, струсишь.

Асланасыкъ.

Подарите же на храбрость. А тѣмъ пойду къ Бутурлину. Авось онъ понедрѣе будетъ.

Бездомный.

Ну, на, бери!

Асланасыкъ.

Сто рублевъ?

Бездомный.

Какъ сказано.

Асланасыкъ.

Сполна?

Бездомный.

Сполна... Куда же ты?

Асланасыкъ.

Да надо зайти къ кабацкому старостѣ. Чай, соскучился по мнѣ. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бездомный (*одинъ*).

Каковъ мошенникъ! Чтобъ не надѣлалъ онъ мнѣ
ы. Да я чѣмъ виноватъ? Деньги князя. Пускай
съ нимъ вѣдается. Я тутъ что? мое дѣло сто-
а. Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Убраться
здорову. (*Сталкивается съ* **Бутурлинымъ**).
! это кто?

ЯВЛЕНІЕ IX.

БЕЗДОМНЫЙ и ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Кто тутъ?

Бездомный.

Посадскій.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Купецъ?

Бездомный.

Ба! Иванъ Васильичъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ба! Ромодановскихъ знакомецъ.

Бездомный.

Какими судьбами?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Какимъ образомъ?

Бездомный.

Откуда это?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Куда такъ поздно?

Бездомный.

Да я такъ вышелъ для прогулки.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

И я тоже.

Бездомный.

Только вотъ запоздался.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

И я запоздался.

Бездомный.

А погода стоитъ теплая.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что и говорить.

Бездомный.

Да вы, кажись, пѣшкомъ рѣдко ходите. Все больше на конѣ, по-боярски.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да. Да нынче такъ случилось. Самъ не знаю.

Бездомный.

Да и живете-то вы на другомъ концѣ Москвы. (*Всторону*). Зачѣмъ пришелъ онъ сюда? не подозрѣваетъ ли чего?

Ив. Вас. Бутурлинъ (*всторону*).

Какъ очутился онъ здѣсь? ужь не вмѣстѣ ли онъ съ Васильемъ?

Бездомный.

А слышали вы вѣсть?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Какую?

Бездомный.

Да соборъ, слышно, завтра въ Кремлѣ.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

же, знаю! Не извѣстно вамъ, по какому

Бездонный.

у сказать, а только велѣно всѣмъ собирать-
ские палаты, духовенству, боярамъ, окольс-
всѣмъ думнымъ людямъ для совѣщанія.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

его государева воля. Видно важное прика-
зать.

Бездонный.

, и маленькій человѣкъ, а пойду непремѣн-
ня здѣсь, признаться, заказано платье у
портнаго, такъ за нимъ и пришелъ.

Кн. Вас. Бутурлинъ (*встороиу*).

онъ... (*Вслухъ*). Признаться, и я при-
гажей же надобностью.

Бездонный (*встороиу*).

гъ онъ самъ за платьемъ! челяди триста
. Не обманетъ. Да мѣшать поздно. (*Вслухъ*)
идете?

Кн. Вас. Бутурлинъ.

въ эту сторону.

Бездонный.

ь другую.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

ікъ прощайте. Намъ не одна дорога.

Бездонный.

іданія.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

іданія.

ЯВЛЕНІЕ X.

ИВ. ВАС. БУТУРЛИНЪ и сынъ его.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Хотѣлъ бы я знать, зачѣмъ онъ здѣсь шатается. Ну, да Богъ съ нимъ! Вотъ до чего довелъ меня сынъ развратникъ: ночью, пѣшкомъ, въ слободѣ, я, русскій бояринъ, Бутурлинъ, переодѣтый... и смѣшно... и досадно. Гдѣ-то онъ грѣховодникъ? А, такъ и есть... вотъ онъ! По походкѣ узнаю роднаго сына.

Вас. Ив. Бутурлинъ (*въ волненіи*).

Во что бы ни стало, я увижусь съ ней. Подло поступилъ я, что ушелъ: мнѣ не слѣдовало оставлять ее. Пойду самъ къ Петрову, скажу ему: «вотъ я весь тутъ, дѣлай какъ знаешь, я одинъ виноватъ,—меня казни». Да! такъ быть должно, такъ велитъ совѣсть. Пойду. (*Хочетъ войдти въ избу Петрова. Отецъ останавливаетъ его за руку*).

Ив. Вас. Бутурлинъ (*медленно*).

Куда это, голубчикъ? Погоди маленько. Не забылъ ли ты чего дома? а? вспомни-ка! Нѣтъ ли тамъ отца, старика; нѣтъ ли матери родной; нѣтъ ли сестеръ малолѣтокъ? Поразсуди, пообдумай. Нѣтъ ли за тобой честнаго имени, святыхъ заповѣдей? нѣтъ ли можетъ и страха Божьяго? Али, по-вашему, все это ни по чемъ теперь,—и думать не стоитъ?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка, смилуйся, помилуй!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Такъ вотъ она—сыновняя покорность; вотъ оно—

дѣтское послушанье! Нѣтъ, насъ учили другому. Строго держали насъ въ старину,—и спасибо: хорошо дѣлали. Такъ вотъ, что́ оно значитъ баловать-то васъ! Мало я тебя журилъ, мало наказывалъ. (*Вспыльчиво, срывая съ него шапку*). Сними шапку, мальчишка: съ тобой отецъ говоритъ!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Батюшка! я во всемъ повинуюсь твоей волѣ. Я готовъ все отдать вамъ. Не отнимайте у меня только совѣсти.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Какъ! ты отвѣчать еще мнѣ смѣешь?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Смѣю? я отвѣчать долженъ: за меня страдаетъ душа неповинная. Я ей защитникъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Молчи, молчи!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Нѣтъ, не замолчу я. Не малолѣтній я, слава Богу. Самъ отвѣтчикъ за свои дѣла. Довольно натерпѣлся, довольно пожилъ въ неволѣ. Всему есть мѣра. Думали вы, что запрете меня какъ малаго ребенка, и я послушаюсь, не уйду.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что́...о?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Не надо мнѣ твоего боярства, ни золотыхъ кафтановъ, ни тяжелаго почета... Волю, волю дайте мнѣ!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Да онъ ли говоритъ мнѣ это?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

И благо давно пора вамъ высказать истину. Я сынъ твой, а не слуга; не челядинецъ, не рабъ позорный... прошли тѣ времена. Не все же жить во мракѣ и заточеніи. Каждому дается свой разумъ. Я жить хочу по-своему, или жить не хочу.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Матерь, Святая Богородица! святые угодники! слышите вы богомерзкія рѣчи? И это родной сынъ отцу говоритъ! Какъ громомъ не убило тебя, окаяннаго, на мѣстѣ? какъ земля не разступилась подъ тобой, богоотступникомъ? да по-твоему я тебѣ чужой человѣкъ. Ты будешь таскаться по стрѣлецкимъ дѣвкамъ, да еще, чего добраго, задумаешь жениться на бродягѣ, а я буду тебѣ кланяться, а дамъ посрамить честь свою, родъ свой боярской второй статьи.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Что мнѣ въ немъ?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Такъ хорошо же! узнаешь ты меня. Мало тебя, блуднаго сына, отдать въ патріаршій приказъ на эпитимію; мало тебя отослать на подворье свиней пасти. Въ подклетѣ будешь ты сидѣть у меня, на хлѣбѣ, на водѣ; свѣта Божьяго не увидишь; колодку тебѣ на ноги набью; въ цѣпи посажу, живаго зарою въ могилу!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Такъ прикажи же рыть яму... Мнѣ и то жить не любо.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

твоей сравницѣ, наложницѣ достанется. Бу-
я меня помнить, какъ отрѣжутъ ей косу и
ъ плетьми передъ Приказомъ.

Вас. Кн. Бутурлинъ.

ика! ты этого не сдѣлаешь.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

ого не сдѣлаю? Посмотри-ка на меня. Та-
я, чтобъ позволить ругаться надъ моей от-
властью? Да гдѣ это видано, гдѣ это слы-
ъ какихъ нѣмцевъ узналъ ты, чтобъ сынъ
идти противъ отца, и чтобъ отецъ дался въ
Да этому безумные не повѣрятъ; да при од-
й мысли учинится по всей московской землѣ
ый всполохъ и дѣды наши съ испуга пово-
въ гробахъ.

Вас. Кн. Бутурлинъ.

ошка! во мнѣ ты воленъ казнить и миловать,
погуби невинную голову. Что она противъ
ѣлала?

Кн. Вас. Бутурлинъ.

на сдѣлала, что и вымолвить страшно: сынъ
Бутурлина забылъ первую Божью заповѣдь;
Бутурлина началъ выговаривать отцу! Да
бошла она тебя? какими зельями отравила?
мало ей, колдуньѣ!

Вас. Кн. Бутурлинъ.

.. такъ Богъ меня проститъ. Да будетъ по
. Я исполню твою волю. Отошли меня куда
прикажи что вздумаешь, женя на комъ хо-
Я все исполню безъ ропота и прекословія;

только смилуйся надъ ней, не трогай ее. Батюшка, ты самъ былъ молодъ. Прости мои грубыя рѣчи. Согрѣшилъ я отъ буйства юности моей. Впередъ не буду. Голоса моего не услышишъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Ну... ну... то-то же... вотъ этакъ будетъ получше. Пострѣлъ ты этакой, напугалъ меня! Только смотри... Теперь ужь не отвертишься ты отъ меня. Съ княземъ Долгорукимъ у насъ почитай ужь полажено. Завтра сваху посылаемъ. Напугалъ его маленько Ромодановскій, да я его успокоилъ: увѣрилъ, что ты въ Стрѣлецкой Слободѣ съ роду и не бывалъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Да, это обманъ! я пойду, разувѣрю его, скажу всю правду.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что?... опять!...

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Твоя воля!...

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Смотри, братъ... у меня теперь иди по стрункѣ. Не то одно слово. У меня расправа коротка. Довольно. Ступай за мной.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Какъ! не простившись съ ней?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Очень нужно прощаться!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Въ послѣдній разъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

тебѣ дорога. Иди впередъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

шка!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

ь ли?

Вас. Ив. Бутурлинъ (*всторону.*)

иду... (*Всторону*). Хоть бы ее этимъ

Ив. Вас. Бутурлинъ.

напрасно, знать, пришелъ я сюда. Это что

ЯВЛЕНІЕ XI.

и СТРѢЛЬЦЫ АВАКУМЦЫ, которые по одну входятъ на сцену съ разныхъ сторонъ.

Первый стрѣлецъ раскольникъ (*мрачно*).

во градѣхъ живущимъ спасенія.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

это значитъ? откуда онъ взялся? Василій, съ этой стороны. (*Наталкивается на*

.)

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

упилъ страшный день судный.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

это?... Ужь не къ разбойникамъ ли мы пойдемъ... пойдемъ скорѣе. (*Наталкивается третьяго*).

Третій стрѣлецъ раскольникъ.

бо послѣднее есть время, и антихристъ явъ мірѣ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Остгвьте насъ. Чего вы хотите?

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Конца неправдамъ твоимъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Казни сатанинскому житію.

Третій стрѣлецъ раскольникъ.

Смерти грѣшнику.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Погодите, погодите. Вы ошибаетесь. Вглядитесь хорошенько. Я не простой купецъ. Вы не знаете, кто я такой.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и СУХАРЕВСКІЕ СТРѢЛЬЦЫ, входящіе со всѣхъ сторонъ.

Первый стрѣлецъ.

Бояринъ Бутурлинъ, не пора ли разсчитаться за кровь неповинную.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Боже ты мой!

Второй стрѣлецъ.

Бояринъ Бутурлинъ, полно тебѣ пиры-то задавать. Отвѣдай-ка и нашего угощенья.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Разбой, разбой... Помогите! Неужли нѣтъ спасенія?

Третій стрѣлецъ.

Куда такъ прытко? Не уйдешь теперь, не упрячешь своего сынка. Полно ему таскаться по стрѣлецкимъ дѣвушкамъ.

Первый стрѣлецъ.

ино вамъ сманивать нашихъ молодцовъ.

Второй стрѣлецъ.

і-ка и намъ повеселиться.

Первый стрѣлецъ.

ерь и намъ потѣха.

Четвертый стрѣлецъ.

нашей улицѣ праздникъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

знаете ли что̀ съ вами будетъ?

Первый стрѣлецъ.

ъ не знать! Наше дѣло.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

о же вы хотите отъ меня?

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

сокрушится вавилонское исчадіе во славу Ан-
атамана нашего въ грядущей жизни.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

погибнутъ нечестивецъ и сынъ нечестивца.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

ъ вы хотите смерти моей?

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

рти хищнаго волка.

Второй стрѣлецъ.

рти Бутурлиныхъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

ей смерти... Да помилуйте, что̀ я вамъ сдѣ-
На что̀ она вамъ? Дайте пожить еще; отпу-
душу на покаяніе. Да вотъ выслушайте: мнѣ
ть еще нельзя—надо дѣлишки кое-какіе по-
ть: вотъ домъ еще не совсѣмъ отстроенъ;

да еще есть царскія приказанія, которыхъ еще не исполнилъ; слышите ли, царскія приказанія! Ну, да вотъ еще сынка надо женить на княжнѣ Долгоруковой. А тамъ убивайте сколько угодно. Самъ къ вамъ приду; право, приду. Теперь отпустите только.

Первый стрѣлецъ.

Разсказывай!

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Преисполнилась мѣра беззаконія.

Второй стрѣлецъ.

Молись Богу, Бутурлинъ: твой конецъ пришелъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Владыко небесный! неужто въ самомъ дѣлѣ. Да нѣтъ, вы, чай, напугать хотѣли... ха, ха... да не обманули... Ну, пошутили, потѣшились, да и довольно.

Первый стрѣлецъ.

Что за шутки! стрѣльцы не шутятъ. Молись Богу, Бутурлинъ!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Послушайте, ребята, что я вамъ скажу! Что вамъ бить старика безоружнаго. Великій грѣхъ возьмете на душу. Не онъ старикъ васъ обидѣлъ: я васъ обидѣлъ, я ругался надъ вами, я презиралъ васъ; и теперь презираю васъ какъ разбойниковъ безчестныхъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Молчи, молчи, Василій! Что ты, въ умѣ, что ли? Не слушайте его, православные: онъ съ испугу говоритъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

е бойтеся, бейте. Вотъ грудь моя, я оборонять
не стану; а старика не трогайте; отпустите
съ миромъ. Много вамъ будетъ двухъ злодѣйствъ
ушу разомъ. Не вынести. Ну, бейте же... ско-
.. ну... что же?...

Первый стрѣлецъ (*почесываетъ затылокъ*).

то это, какъ-будто духу не хватаетъ.

Второй стрѣлецъ.

ука не подымается.

Третій стрѣлецъ.

а и точно не совсѣмъ-то ладно съ оружіемъ ид-
а безоружнаго.

Четвертый стрѣлецъ.

а какъ быть? Не отпустить же въ-самомъ-дѣлѣ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

огодите, погодите. Выслушайте разумную рѣчь.
но вамъ православнымъ, что вы терпите нуж-
а у меня казна богатая? обидно вамъ, что у васъ
разъ хлѣба насущнаго нѣтъ, а у меня полное
льство? Ну, такъ что же. Этому горю пособить
но—подѣлимся миролюбиво: половину вамъ, по-
ну мнѣ. Заживете вотъ какъ. Денегъ то; слава
, вдоволь будетъ.

Первый стрѣлецъ.

а что, ребята, вѣдь онъ дѣло баетъ.

Второй стрѣлецъ.

то ни говори, за кровь надо поплатиться кровью.

Третій стрѣлецъ.

съ деньгами кому не житье.

Четвертый стрѣлецъ.

Валяйся цѣлый день на печи.

Пятый стрѣлецъ.

Напечемъ себѣ короваевъ, перепечей.

Второй стрѣлецъ.

Наваримъ браги.

Третій стрѣлецъ.

Въ два пуду Спасителю свѣчу поставимъ.

Четвертый стрѣлецъ.

Ну, а какъ онъ обманетъ?

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Не обману, ребятушки, не обману.

Пятый стрѣлецъ.

Да! вѣрь вамъ.

Второй стрѣлецъ.

Какъ разъ лыжи навострить.

Третій стрѣлецъ.

Да, чего добраго, съ челобитной въ Приказъ п
титъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Нѣтъ, голубчики; нѣтъ, родные, обезпечу. вотъ что—дѣло простое: сынка моего оставьт себя. Вѣдь онъ у меня единородный. Пускай побудетъ съ вами, а я сбѣгаю за лирцемъ, да и з нусь сейчасъ. Все будетъ ваше, ничего себѣ не тавлю. А тамъ и жаловаться не стану; ей Богу стану. На кого я покажу? Вѣдь я и въ лицо н не знаю. Кто васъ вѣдаетъ, кто вы такіе...

Пятый стрѣлецъ.

Ну, это-то пожалуй можно.

Второй стрѣлецъ.

А какъ обманетъ?

Первый стрѣлецъ.

Эхъ, ты, безтолковый! вѣдь сынокъ-то у насъ анется въ рукахъ. Ну, обманетъ—и вся недолга. проваливай бояринъ.

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Не отпустимъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Не дадимъ.

Первый стрѣлецъ раскольникъ.

Изду днесь получатъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Воспріимутъ злочестивые нареченную имъ казнь.

Первый стрѣлецъ.

Молчите вы постныя рожи.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Не противися десницѣ Божіей.

Первый стрѣлецъ.

Станемъ васъ слушать, ну, убирайся же, бояринъ, грѣха.

Кн. Вас. Бутурлинъ.

Иду, ребятушки, иду... Да смотрите, дѣтища-то его не обижайте. Онъ, видите, съ младенчества юрченъ, иногда заговоритъ Богъ знаетъ что̀... ъ вы не слушайте. Онъ самъ не смыслитъ что̀ оритъ. (*Встороиу сыну*). Послушай, Василій, ерчалъ я давича на тебя. Ну, Богъ тебя про-тъ, благо повинился. Такъ смотри, братъ, хоть для отца, такъ для сестеръ, матери, не дразни ъ. Остерегись маленько. Вѣдь смерть не уйдетъ.

Умирать все-таки придется когда-нибудь. Ну, Богъ благословитъ тебя. До свиданія. Жди меня. Присылчу сейчасъ.

Первый стрѣлецъ.

Ну, скоро ли? того гляди раздумаемъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Нѣтъ, нѣтъ... Тысячу рублевъ, ребятушки, принесу. Много денегъ, да не жалко. Будьте только веселѣе. (*Хочетъ бѣжать. Аѳанасьевъ останавливаетъ его за руку. Вдали начинается зарево*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и АѲАНАСЬЕВЪ пьяный съ голыми руками и съ факеломъ въ рукѣ.

Аѳанасьевъ.

А! кажется, во время пришелъ.

Первый стрѣлецъ.

Гдѣ пропадалъ, товарищъ?

Аѳанасьевъ.

Гдѣ! извѣстно, въ кабакѣ. Да глядите, какихъ звѣрей поймалъ. Вотъ онъ губитель-то стрѣлечества съ сынкомъ-распутникомъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Отпусти, братъ, я вамъ пріятель: они меня знаютъ... поручатся. Они послали меня домой за деньгами.

Аѳанасьевъ.

Нѣтъ, братъ, меня не проведешь, у стрѣльца не

и до крыльца. Ужь начали потѣху, такъ не отвай теперь. Видите баню какую затопили, ай да ходцы товарищи! сдержали свое слово. Люблю. къ всего и разбираетъ. Попаримся, ребятушки, лихой банькѣ; станемъ подогрѣвать боярскими гьми вмѣсто дровъ. Гуляй моя душа. Эхъ-ма, брат-! Что ты на меня глаза вытаращилъ?...

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Пусти, братецъ, они тебѣ все растолкуютъ.

Аѳанасьевъ.

Я самъ имъ растолкую: давича говорилъ ты, что хъ стрѣльцовъ надо перевѣшать.

Первый стрѣлецъ.

Ой-ли?

Второй стрѣлецъ.

Вишь, каковъ!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Не вѣрьте, не вѣрьте. Не правда.

Аѳанасьевъ.

Молчи ты. Да вотъ еще что. Мало, говорилъ ты, нятъ этихъ стрѣльцовъ. Моя бы воля, не то бы ю. Весь бы Земляной Городъ обвѣшалъ стрѣлецми головами вмѣсто зубцовъ у Бѣлаго Города.

Первый стрѣлецъ.

Ахъ ты, душегубецъ!

Второй стрѣлецъ.

Вишь, какой лисой подъѣхалъ, а мы и повѣрили.

Аѳанасьевъ.

Вѣрь имъ. Клади пальцы въ ротъ, какъ разъ уситъ. Нѣтъ, ребята, хорошая птица попалася. адо пощипать перушки.

Первый стрѣлецъ.

Не то живыхъ не оставимъ.

Второй стрѣлецъ раскольникъ.

Радуйся, Іерусалимъ!

Аѳанасьевъ.

Хватайте ихъ, ребята. Вотъ такъ то. Скрутите ихъ. Бейте ихъ на-голову, не на-животъ, а насмерть. Не убѣжишь, братъ. Не пускай! лови! лови! (*кидается на Бутурлина*) ха, ха, ха!... хорошенько ихъ!

Стрѣльцы.

Хватайте, бейте, смерть имъ, лиходѣямъ, злочинцамъ!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ и ПЕТРОВЪ.

Петровъ.

Что́ это? разбой, измѣна. Сдержали они свое слово, бездѣльники!

Стрѣльцы.

Бейте ихъ, бейте на-голову, хватайте, ребята!

Петровъ.

Ни съ мѣста!

Аѳанасьевъ.

Да ты-то что́?

Первый стрѣлецъ.

Учить вздумалъ!

Второй стрѣлецъ.

Мы и съ тобой сладимъ.

Петровъ.

съ мѣста! Стойте, говорятъ вамъ, именемъ
ря вашего царя Ѳеодора Алексѣевича. (*Всѣ
льцы снимаютъ шапки и отступаютъ*).

Аѳанасьевъ.

бро же.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

аси, добрый человѣкъ.

Петровъ.

тоотступники! изувѣры! разбойники! что вы
ли? грабить, жечь? Братъ возсталъ на брата,
ополчились на матушку, на Москву-Бѣлока-
ю. Слышите набатъ? Слышали, что онъ гу-
вамъ издали? стоны невинныхъ, позорную казнь
ахъ, презрѣніе народа и гнѣвъ государя за не-
инное буйство.

Первый стрѣлецъ.

ть, братъ, Григорій, не говори чего не быва-
ы покорствуемъ царской власти; только того-
о изъ тѣхъ, кто больно намъ солонъ пришел-
отѣлось-бы...

Петровъ.

орони Богъ идти противъ бояръ! бояре кѣмъ
лены? кому и быть на ступеняхъ царскаго
ола какъ не боярамъ? Стыдитесь! что вы бу-
ше, что ли? татары некрещенные, жиды пога-
что забыли вы страхъ Божій и святая присяга
ни по чемъ.

Аѳанасьевъ.

о больно рѣчистъ, да на руку нечистъ. Изъ
ося и суматоха вышла.

Петровъ.

Что?

Аполлосьевъ.

Вѣдь ты погнался за Бутурлинымъ, который дѣвича приходилъ къ дочкѣ. Мы за твой стыдъ вступаемся.

Петровъ.

Молчи, искуситель. Ты его видѣлъ...

Аполлосьевъ.

Да для тебя сберегъ...

Петровъ.

Такъ гдѣ же онъ?...

Вас. Ив. Бутурлинъ (*выступая*).

Здѣсь!...

Петровъ (*вскрикиваетъ*).

А... а... а!... Наконецъ ты въ рукахъ моихъ. Догналъ-таки я тебя. Не уйдешь теперь. Кайся передъ Богомъ, умри, окаянный... (*поднимаетъ на него ножъ*).

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Помилуй... остановись!

Ольга (*выбѣгаетъ изъ избы и кидается къ ногамъ отца*).

Пощадите!

Стрѣльцы (*бьютъ въ ладоши*).

Любо, любо, любо!... Вотъ это по-нашему... Бей его! Вотъ это любо, любо, любо!

Петровъ (*останавливается*).

Любо имъ. Знать, тяжкій грѣхъ. Нѣтъ, Григорій: неладно. Одинъ ударъ. Отсюда ждутъ знака,

здѣсь ихъ сборище. Польется кровь. И я подамъ примѣръ!... Неужто я прощу ему?

Аѳанасьевъ.

Ну, бей же, благо началъ. Теперь поздно на попятный.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Бей невиннаго.

Петровъ.

Молчи. Благодари Бога, что не наединѣ мы съ тобой встрѣтились. Пустите ихъ.

Первый стрѣлецъ.

Что?

Второй стрѣлецъ.

Ихъ пустить?

Третій стрѣлецъ.

Что ты бѣлены объѣлся?

Петровъ.

Пустите ихъ, говорятъ вамъ. Перваго, кто ихъ тронетъ, разсѣку бердышемъ.

Первый стрѣлецъ.

Нѣтъ, это ужъ слишкомъ!

Второй стрѣлецъ.

Да что онъ за начальныхъ!

Третій стрѣлецъ.

Ну, какъ хватитъ въ-самомъ-дѣлѣ?

Четвертый стрѣлецъ.

Одинъ противъ всѣхъ! Бояться вы, что ли, станете? А еще стрѣльцы!...

Первый стрѣлецъ.

Да кто его знаетъ, можетъ онъ говоритъ и дѣло.

Долгорукій.

Дураки вы, дураки. Да разумѣется, онъ держитъ ихъ сторону: вѣдь дочь-то онъ отдалъ этому Бутурлину въ наложницы.

Стрѣльцы.

Ха, ха, ха!

Петровъ.

Что?...

Долгорукій.

Да какъ же, дѣло вѣдь извѣстно во всей слободѣ. Чай, видѣли сами давича, какъ ее изъ хоровода выгнали?

Петровъ (*дочери*).

Тебя выгнали?... Правда это?

Ольга.

Правда.

Долгорукій.

Ну, вѣстимо, онъ имъ защитникъ. А вы, безмозглые, слушаете, развѣсивъ уши.

Первый стрѣлецъ.

Такъ вотъ что—за дочку сраницу онъ стоитъ. А мы за нее заступаемся, головы отдаемъ. Вишь что...

Долгорукій.

Да какъ же иначе. Своя рубашка къ тѣлу ближе. А вы и подумали невѣсть что. Ну, бросьте его въ сторону. И безъ него обойдемся. Погуляемте, ребятушки. Затягивайте пѣсенку во славу стрѣльцовъ-молодцовъ. Ну, идемъ, ребята.

Петровъ.

Стойте, нечестивые. За мою дочь, говорите вы,

ите вы расправу. Дочь свою продалъ я боярамъ?
о смѣлъ сказать это? Что жъ? вамъ дочь моя нуж-
, разбойники? кровь моя нужна вамъ, кровопійцы?
ге, вотъ вамъ моя дочь! Я самъ учиню расправу.
за кого вамъ вступаться, не изъ чего дѣлать смя-
. Нѣтъ у меня дочери. Такъ нате же... возьмите
... Не я... вы ее убили! (*поражаетъ дочь но-*
омъ).

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Убей же насъ вмѣстѣ. Ольга, я не оставлю те-
рь тебя!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Господи! (*Стрѣльцы отступаютъ*).

Первый стрѣлецъ.

Что ты сдѣлалъ, Григорій?

Второй стрѣлецъ.

Знать, отъ сердца говорилъ.

Пятовъ.

Просите прощенія у Бога за смерть невинной
ртвы. Да омоетъ кровь ея пятно со стрѣлецкой
сти.

Голосъ за толпой.

Собирайтесь, ратники, къ Приказной Избѣ. Отъ
ударя прислано. Въ Кремль бѣжать для обороны.

Пятовъ (*съ вдохновеніемъ*).

Слышите?... барабанъ.... тревога. Въ строй,
рѣльцы! къ ружью! гдѣ наше знамя? Разбудите
ковника. Вставайте, люди добрые! вставайте, вѣр-
е люди... Вставайте всѣ, кто гнушается измѣны
разбоя. Вставайте, кто помнитъ крестное цѣлова-
, кто стоитъ за правое дѣло! Вставайте не въ

вѣчный позоръ, а во славу христолюбиваго воинства. Пришла пора ваша. Да возрадуется духъ вашъ. Пришла пора раздольная, отъ которой у русскаго человѣка всѣ жилки затрепещутъ. Бѣгите на защиту святой церкви, царскаго дома, на оборону братьевъ вашихъ отъ мятежа и крамолы.

Аѳанасьевъ.

Не слушайте его, ребята. Неужто мы выдадимъ своихъ. Вѣдь всѣ прочіе полки съ нами и Полтевской и Стремянный.

Петровъ.

Такъ пусть же одинъ нашъ Сухаревскій полкъ останется вѣренъ. Пусть узнаетъ русскій народъ, пусть цѣлый свѣтъ узнаетъ, что Сухаревскій Полкъ не переступилъ крестнаго цѣлованія. Пусть всѣхъ стрѣльцовъ поминаютъ анаѳемой, а насъ поминутъ благословеніемъ и вѣчной памятью.

Аѳанасьевъ *(всторону)*.

Добро же! посчитаемся мы съ тобой.

Петровъ.

За мной, ратники, въ Кремль! Или капли въ насъ нѣтъ крови русской, или не боитесь вы страшнаго суда Христова, или вы устыдитесь заблужденія и пойдете за мной. Ну, что́жь, идете?

Всѣ стрѣльцы.

Идемъ!

Петровъ *(вскрикиваетъ)*.

Слава въ вышнихъ Богу! слава Сухаревскому Полку! Въ Кремль, ребята!..

Всѣ стрѣльцы.

Въ Кремль!... *(Всѣ кидаются за Петровымъ.*

ръ. Набатъ. Барабанный бой. Выностръльцкое знамя. Напереди Ольга лебезжизненная. Надъ ней наклонившись ь *на колѣняхъ Василій Иванычъ. Ста-Бутурлинъ творитъ молитву. Занавѣсъ* ется).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ніе покои князя Ромодановскаго. Онъ лежитъ ытый на лавкѣ, покрытой богатымъ ковромъ. У ья слуга обгоняетъ мухъ. У ногъ сказочникъ ъ сказку. Парамонъ на цыпочкахъ ходитъ по комнатѣ, скрестивъ за спиной руки.

ЯВЛЕНІЕ I.

Сказочникъ (*однообразно, съ-полголоса*).

юднесли ему Ильѣ чару зелена вина, въ а ведра. Принимаетъ Илья единой рукой, вы-ъ чару единымъ духомъ. Говорилъ ему ласко-ладиміръ князь, ты скажись, молодецъ, какъ ъ зовутъ. А по имени тебѣ можно мѣсто дать, гчеству пожаловати. И отвѣчаетъ Илья Му-: Ивановичъ!

Ромодановскій.

той... постой... Стучатъ, кажется.

Парамонъ.

Никакъ нѣтъ, батюшка Михаилъ Григорьичъ. Ставень никакъ вѣтромъ захлопнуло.

Романдановскій.

Что пожаръ?

Парамонъ.

Да все горитъ еще. Божье наказанье.

Романдановскій.

Бездомный былъ здѣсь?

Парамонъ.

Не видалъ-съ. Нѣтъ, должно быть не былъ.

Романдановскій.

Пошли за нимъ.

Парамонъ.

Слушаю-съ. (*Посылаетъ слугу*).

Сказочникъ.

Прикажешь, батюшка бояринъ, продолжать, что ли?

Романдановскій (*разсѣянно*).

Продолжай, пожалуй.

Сказочникъ.

И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ: а ты ласковый стольный Владиміръ князь, а меня зовутъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ! а проѣхалъ дорогу прямоѣзжую изъ стольнаго города Мурома, изъ того села Корочаева.

Романдановскій.

Не спится... Духъ такъ и перехватываетъ... Посмотри-ка, Парамонъ, что на дворѣ.

Парамонъ (*глядитъ въ окно*).

Никакъ разгуляться хочетъ.

Романовскій.

ветъ?

Парамонъ.

зсвѣтетъ совсѣмъ скоро.

Романовскій.

каръ видѣнъ?

Парамонъ.

нъ...

Романовскій.

арево?

Парамонъ.

сь, поменьше стало... Какъ-будто утихаетъ.

Романовскій.

Богу, слава Богу...

Сказочникъ.

ятъ тутъ могучіе богатыри, а ласково солнимиръ князь... Въ очахъ дѣтина завираетъ ему проѣхать дорогою проѣзжею...

Романовскій (*встаетъ*).

!... Видно сына не будетъ. Ступайте къ себь. Отдохните. Спасибо, что не оставляете

Парамонъ.

нуй, батюшка, да на что́ же мы и слуги ни не для того, чтобъ ходить за твоимъ здо-. Да что́ ты, нашъ кормилецъ, какъ-будто свой? Всю ночку глазъ не смыкалъ. Видно, одолѣла, или, ужь чего добраго, съ глазу быть. Я, правду сказать, такъ себѣ и думглупости своей, вѣрно это Бутурлины тебя юднаго сглазили.

Ромодановскій. (*съ досадой*).

Бутурлины!

Парамонъ.

Плюнь, батюшка, на нихъ, стоятъ они того, чтобы для нихъ огорчаться... Счастье везетъ покимѣстъ, такъ зазнались. Да неровенъ часъ. Богъ милостивъ! Ну, гдѣ имъ съ вами, батюшка, ровняться. Таковскіе ли? И прислуга-то какая!... хоть бы Калинычъ, нелегкая его возьми... на подворьѣ прежде гусей стерегъ, а теперь, гляди, самъ боярин словно какой. Нашему брату шапки не ломаетъ. Вишь, больно поклонистыхъ хочетъ. Нѣтъ, братъ, врешь. У меня дѣдъ служилъ ключникомъ, отецъ былъ коровайникомъ при князѣ Григоріи Александрычѣ. А онъ что́... просто мужикъ. Гусей стерегъ... Тьфу, Господи... Такія видно времена пришли.

Ромодановскій.

Ну, ступай; успокойся, старикъ.

Парамонъ.

Да можетъ что́-нибудь для твоей милости понадобится?

Ромодановскій.

Нѣтъ... ничего... Ступай. Я останусь одинъ.

Парамонъ.

Твоя воля, батюшка! (*Про себя*) Гусей стерегъ, а теперь и приступу нѣтъ. Диковинное дѣло! Поживешь, всего наглядишься!...

ЯВЛЕНІЕ II.

Ромодановскій (*одинъ глядитъ въ окно*).

Чудное зрѣлище! Зарево пожара сливается съ за-

ъ разсвѣта, а Москва какъ тѣнь безмолвству-
Такъ ложится черное преступленіе на пробуж-
й совѣсти. Сегодня ночью долженъ былъ Пе-
, отомстить за свое безчестіе и за мой позоръ.
го же хоромы Бутурлина цѣлы, когда стрѣль-
ъ поджечь хотѣли? Неужели мщеніе мое рус-
сь на невинныхъ и князь Ромодановскій сдѣлал-
чальникомъ зажигальщиковъ и разбойниковъ!..
гутъ?

ЯВЛЕНІЕ III.

РОМОДАНОВСКІЙ и БЕЗДОМНЫЙ.

Ромодановскій.

наконецъ... ну, говори.

Бездомный.

прикажете?..

Ромодановскій.

вори всю правду... всю правду, слышишь ли,
и!... Живы Бутурлины?

Бездомный.

ивы...

Ромодановскій.

къ? а что же ты обѣщалъ мнѣ? Что же этотъ
къ, о которомъ ты мнѣ хвасталъ, что онъ пра-
льнаго и не дастъ себя обезславить? Обманулъ,
ялся... и ты съ нимъ. Продали вы меня, или,
добраго, отъ Бутурлиныхъ же взяли деньги,
осмѣять меня старика. Знаете вы, что беззу-
ый я, что некому за меня вступиться, такъ и
те, что меня легко провести. Нѣтъ, я и самъ
бя постою. Говори, что было ночью.

Бездонный.

Да пожаръ, слышно, былъ.

Ромодановский.

И больше ничего? Кто поджигалъ?

Бездонный.

Извѣстно, стрѣльцы поджигали, чтобъ помочь Петрову.

Ромодановский.

Да какъ же домъ Бутурлиныхъ остался цѣлъ?

Бездонный.

Да я почему знаю, я спалъ себѣ! изъ дому никуда не выходилъ.

Ромодановский.

Послушай, братъ... ты мнѣ говорилъ про Петрова. Ты хвалился мнѣ, что онъ отомститъ за себя, и что товарищи его не отстанутъ. Ты взялъ изъ казны моей деньги.

Бездонный.

Помилуйте, князь Михаилъ Григорьичъ. Я разсказалъ вамъ по преданности моей все, что̀ зналъ; но гдѣ же мнѣ маленькому человѣку вести такія великія земскія дѣла.

Ромодановский.

Не бойся, подлая душа! у князя Ромодановскаго плечи широкія. Снесутъ и потяжелѣ тебя.

Бездонный.

Былъ я, по вашему приказу, у Петрова. Его-то, правда, не засталъ дома, а видѣлся съ его пріятелемъ Аѳанасьевымъ. Онъ и деньги взялъ и обѣщалъ, что ночью же не сдобровать Бутурлинымъ.

Ромодановскій.

Да отчего же этотъ страшный пожаръ?

Бездомный.

Должно быть разгулялись не въ мѣру.

Ромодановскій.

Такъ этотъ Петровъ воръ, ночной разбойникъ, зажигальщикъ?

Бездомный.

Извѣстно, простой человѣкъ!

Ромодановскій (*про себя*).

И ему я ввѣрилъ расправу за свою честь!

Бездомный.

Да вы, князь Михаилъ Григорьичъ, не безпокойтесь. Дѣло крытое: коли что́ выйдетъ наружу, мы ужь такъ сговорились съ Аѳанасьевымъ, что все ляжетъ на Петровѣ. Онъ и поджигалъ, онъ и месть правилъ за дочку... Его ужь, слышно, ищутъ, чтобъ за приставы взять, его и повѣсятъ за смуты, а мы въ сторонѣ: мы ничего не знаемъ.

Ромодановскій.

Слышишь, князь Ромодановскій, что́ смѣетъ говорить этотъ человѣкъ? Ну, Иванъ Васильичъ, дорого ты мнѣ стоишь! Кто тамъ? кто смѣетъ входить безъ моего приказа?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и ПАРАМОНЪ.

Парамонъ.

Извини, батюшка, великодушно. Гонецъ прискакалъ сейчасъ отъ батуринскаго игумена.

Романдановскій.

На монастырь видно проситъ.

Парамонъ.

Не знаю, батюшка, не знаю. Только грамоту привезъ, грамоту, говоритъ, очень нужную. Сейчасъ же, говоритъ, вручите боярину... Я потому и осмѣлился.

Романдановскій.

Подай сюда! (*Отдаетъ Бездомному*). На! (*Парамонъ уходитъ*).

Бездомный.

Читать прикажите? да тутъ еще бумага съ печатью.

Романдановскій.

Читай... Что́ за крайность святому отцу? (*Садится и по мѣрѣ чтенія обнаруживаетъ возрастающее волненіе*).

Бездомный (*читаетъ*).

Благословеніе Іоасафа, архимандрита батуринскаго о святомъ дусѣ возлюбленному сыну нашего смиренія, благородному князю Михаилу Григорьевичу молится смиреніе наше человѣколюбцу Богу и Пречистыя Его Матери о многолѣтнемъ здравіи вашего благородія. Яко да будетъ ваше благородіе душевнѣ спасительно и тѣлеснѣ многолѣтно здравы въ неисчетная лѣта. Веліе сердцу моему есть радованіе еже повѣдати ми вашему благородію нѣкое странное и вельми нежданное происшествіе. Судьбы бо Господня неисповѣдимы. Сентемврія 9 числа на память св. Богоотецъ Іоакима и Анны пріиде къ нашему смиренію нѣкій старецъ въ рубищѣ вѣтсѣ, и проси и

ся намъ дабы есьма приняти его къ нашему
ению на исповѣдь за нѣ болѣзни тяжкія угрожа-
ну скорой кончиной и убояхуся онъ, предстати-
вѣчное судилище, не очистивъ скверныя душев-
и грѣхи тяжкія святымъ таинствомъ покаянія.
вѣдахъ намъ со слезами и сокрушеніемъ сердца,
овутъ его Ермолай Васильевъ сынъ Шорниъ;
ъ прошлыхъ годахъ, какъ на Москвѣ учинилась
а за мѣдныя деньги, онъ Ермолай, сбѣжалъ на
ину, и, забывъ страхъ Божій, людей на доро-
терзалъ нечестнаго ради стяжанія.

Ромодановскій (*перебиваетъ*).

льше, дальше. Въ чемъ же дѣло то?

Бездомный (*пропустивъ нѣ-
сколько строкъ*).

въ тое время проѣзжаху путемъ покойная кня-
супруга вашего благородія съ чадами, и онъ
йникъ и товарищи его окаянные супругу вашу
а кушно и съ челядинцами... И онъ Ермолай,
гуя великое добро вашего благородія, какъ ты его
смертныя казни избавилъ сына твоего младен-
нязя Григорія отъ товарищей своихъ скрылъ и
ъ потомъ тайнымъ обычаемъ въ нашу же сиг-
ую обитель, и оный сынъ вашъ князь Григорій
йлычъ и поднесь въ живыхъ!...

Ромодановскій (*въ большомъ волненіи*).

го́ это? въ умѣ ли я... Сынъ мой живъ! У меня
сынъ! У князя Ромодановскаго есть наслѣд-
! Эй, отворите ворота. Сзывайте всѣхъ людей
ь. Кричите всему русскому народу: у князя Ро-
новскаго, у сироты, у старика бездѣтнаго, у

князя Ромодановскаго, котораго каждый безчестилъ и позорилъ безбоязненно, есть опора теперь, есть защитникъ, есть сынъ, который постоитъ за отца. Подай мнѣ грамотку, подай сюда! Я ее положу подъ образъ, которымъ благословилъ меня покойный отецъ. Нѣтъ, я ее надѣну съ крестомъ на шею. Я ее всегда носить буду на себѣ... Ну... ну... ты не все прочиталъ еще... Дочитывай, ради Бога...

Бездонный (*читаетъ*).

Поживе же онъ въ нашей обители двадесять лѣтъ, но не чувствуя себя склонна къ отшельнической жизнѣ инока, а скорѣй къ ратному дѣлу, оставя кромъ нашъ смиренный вступи въ достохвальное войско стрѣлецкое, и отправися недавно въ престольный градъ Москву и нарѣче себѣ имя Петровъ.

Ромодановский (*дрожа всѣмъ тѣломъ*).

Петровъ... какой Петровъ?... Развѣ есть стрѣлецъ Петровъ. Ты лжешь!... Тутъ не то написано. Ну, что жь, читай, читай... *Читай*, говорятъ тебѣ... Тутъ вѣрно еще другое написано. Ну, читай же, какъ отецъ продалъ своего сына, какъ онъ подговорилъ его быть бунтовщикомъ, грабильщикомъ и зажигальщикомъ и убійцей, какъ онъ своими руками подвелъ его на плаху, на висѣлицу!... Что жь ты не читаешь?... Его взяли, говоришь ты, подъ стражу взяли. Его казнили ужь можетъ-быть... Вѣдь это у насъ случается, Кому извѣстно, что онъ мой сынъ... Парамонъ!...

Парамонъ (*входитъ*).

Здѣсь, батюшка.

Ромодановский.

ослушай, Парамонъ, послушай, старикъ... со-
ки мнѣ службу, которой и на томъ свѣтѣ не за-
. Осѣдлай коня, скачи, летомъ-лети въ Стрѣ-
ую Слободу, самъ скачи... слышишь ли?... да
ино. Узнай, провѣдай, дознайся, гдѣ стрѣлецъ
ровъ. Ничего о немъ не спрашивай. Только оты-
мнѣ его, найди мнѣ его, гдѣ хочешь найди!..

Парамонъ.

а, батюшка...

Ромодановский.

дѣ бы онъ ни былъ — въ Приказѣ, въ тюрьмѣ,
ырой землѣ—отрой мнѣ его.

Парамонъ.

а, батюшка мой, онъ здѣсь дожидается.

Ромодановский.

дѣсь?... Да что же молчишь ты?! Зачѣмъ не
шь ты, что онъ здѣсь? Бѣги же. Зови... Нѣтъ,
и!... Страшно стало! Что-то скажетъ онъ мнѣ.
проси его, сюда... (*Бездомному*). А ты, жал-
вирь, низкій льстецъ моихъ пороковъ... вонъ
да, чтобъ нога твоя не о скверняла порога моего
. (*Вырываетъ у него письмо*).

Бездомный.

а помилуйте!

Ромодановский.

онъ отсюда. Не забывай, что я приказываю-
ай!... (*Садится на кресло*). Ну, если онъ
ахочетъ придти ко мнѣ?... Сердце бьется, руки
атъ... Ахъ! если бъ только разъ увидать мнѣ
.. А, а, а!...

ЯВЛЕНІЕ V.

РОМОДАНОВСКІЙ и ПЕТРОВЪ.

Петровъ. (*подходитъ медленно*).

Стыдно, бояринъ!

Ромодановскій.

Какъ онъ статенъ!

Петровъ.

Стыдно, бояринъ! что я тебѣ сдѣлалъ? жилъ я, бѣдный человѣкъ, въ страхѣ Божьемъ. Была у меня чистая совѣсть; была у меня свѣтлая радость—дочь ненаглядная. Ты все у меня отнялъ. Развѣ ты не подумалъ, что тамъ есть Судія, Который видитъ неправое дѣло и, рано ли, поздно ли, воздастъ ему достойное наказаніе.

Ромодановскій (*добудется*).

Боярская кровь!...

Петровъ.

Выслушай, князь, что ты сдѣлалъ. Ты мнѣ сказалъ, что дочь моя поругана; ты призывалъ меня на кровавую месть; ты отнялъ у меня покой и разсудокъ... Не помоги мнѣ Богъ, я бы сдѣлался мятежникомъ, зачинщикомъ ужаснаго злодѣянія. Теперь бы кровь стояла на Москвѣ по колѣни, и безумная чернь вламывалась бы въ боярскіе дома. Не бойся. Теперь нѣтъ повода стрѣльцамъ вступиться за меня. Я не подорожилъ своей кровью: я дочь свою убилъ.

Ромодановскій.

Господи! дочь моего сына!

Питовъ.

воздашь ты мнѣ за это? деньгами, что ли,
подарками? Спасибо. Не за тѣмъ пришелъ
шелъ поблагодарить тебя за непрошенное
Да только не поздоровится тебѣ отъ моей
мести. Широкимъ пятномъ ляжетъ она на
ирской совѣсти. Безконечнымъ стономъ бу-
нать она и днемъ и ночью тебѣ на ухо, какъ
умирающая жертва твоя. Громомъ грянетъ
омомъ грянетъ надъ твоимъ изголовьемъ,
безутѣшнаго ратника, и страшнымъ про-

Ромодановскій (*вскакиваетъ съ кресель*).

и!... не смѣй говорить этого. Я отецъ

Питовъ (*пораженный*).

. ты отецъ мой! Ты... злой духъ, искавшій
огибели?... Нѣтъ... быть не можетъ...

Ромодановскій (*подаетъ ему письмо*).

итай, — читай же самъ, благо грамотный.
ли, въ монастырѣ былъ ты. Мать твою уби-
йники. А?... вотъ крестъ, которымъ бла-
ъ тебя князь Голицынъ. Сынъ ты мой. Вотъ
родимое пятно. Да и въ глазахъ твоихъ я
нязя Ромодановскаго... Какъ не узналъ я
ежде... Ну... что скажешь?... Да говорятъ
то ты сынъ мой!

Питровъ.

Нѣтъ... не обманешь... Хитеръ ты, старикъ... знаю, что хитеръ... Ну, Богъ съ тобой. Дай уйти только.

Ромодановскій.

Ну, такъ вотъ, смотри, вотъ бумаги. Запечатъ свидѣтельство монастырское.

Питровъ (*читаетъ*).

Въ-самомъ-дѣлѣ... да... да... Погоди. Дай подумать... Дай спроситься русской совѣсти. Боже ты мой! вразуми, наставь. (*Послѣ молчанія, становится на колѣни*). Чти отца твоего, такъ велитъ заповѣдь. Ни слова непокорнаго не услышишь ты, бояринъ, отъ меня.

Ромодановскій.

Нѣтъ, для другихъ я бояринъ, для тебя я отецъ, хилый старикъ. Въ тебѣ я вижу всю свою отраду, всю свою радость. О прошломъ ни полслова. Прежде ты былъ чужой, теперь ты кровь моей крови, плоть моей плоти, душа моей души. Обними меня, сынъ мой. Эй, Парамонъ, слуги мои вѣрные, что́ жь вы не идете! Поздравьте меня и себя поздравьте. Сынъ мой воскресъ. Вашъ господинъ живъ. Кланяйтесь князю Григорію Михайлычу.

Парамонъ.

Ахъ, батюшки-свѣты!... То-то я глядѣлъ, какъ-будто я его гдѣ-то видывалъ. Ахъ, красавецъ ты мой. Да какой ты сталъ здоровенный. А мы такъ плакали: думали, что вѣкъ не придется поглядѣть на тебя... Вѣдь точь-въ-точь дѣдушка Григорій Александрычъ. Да не прикажешь ли чего? Ну вотъ

радость, такъ ужь радость. И со стороны-то, кажется, каждый порадуется, кромѣ развѣ этихъ, прости ихъ Господи, Бутурлиныхъ.

Петровъ (*про себя*).

Бѣдная моя Ольга!

Романдановскій (*про себя*).

У меня могла бы быть внука... Ну, да что̀ объ этомъ думать. (*Вслухъ*). Эй! одѣньте меня по праздничному, подайте шапку мою горлатную, золотой жалованный кафтанъ и охабень чревчатый. Пойду къ государю и доложу ему о своей радости.

Парамонъ.

Ахъ, батюшки, впопыхахъ-то я и забылъ. Изъ Кремлевскихъ Палатъ присылали за твоей милостью Бояре-де уже собрались для соборнаго совѣщанія, ожидаютъ патріарха и великаго государя.

Романдановскій (*одѣвается*).

Ну, подавайте же скорѣе. Всѣмъ скажу, всѣмъ разскажу, пойду объявлю боярамъ, что однимъ княземъ Романдановскимъ стало больше между ними... Послушай, Парамонъ, двѣсти рублевъ пошли по монастырямъ, а двѣсти вели раздать нищимъ лежанкимъ. А для проходящихъ вели столъ накрыть на дворѣ. Милости просимъ. Пускай вся Москва со мной радуется. Каждый человѣкъ мнѣ братъ теперь. Каждаго готовъ обнять. Всѣмъ отпускаю обиды. Даже... видитъ Богъ... даже Бутурлинымъ могу простить. Ну, смотри жь, Парамонъ, береги мнѣ его... Теперь онъ вамъ господинъ. Ну, прощай, Григорій... Наговоримся послѣ,—теперь идти надо... Погляди-

ка на меня... боярская кровь! (*Обнимаетъ его и уходитъ. Парамонъ и люди его провожаютъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПЕТРОВЪ одинъ.

Я сынъ ему... я... Кто предскажетъ судьбу человѣка!... Я пришелъ къ нему съ упрекомъ, какъ къ врагу своему, и остаюсь съ покорностью и обнимаю въ немъ отца. Да, любо должно быть ему найти сына, послѣ долгаго сиротства. И я былъ отцомъ. И у меня дочь была. Давно ли маленькая играла она моимъ оружіемъ, сидѣла на моихъ колѣняхъ? Бывало, усталый приду я въ свою хату, а она бѣжитъ ко мнѣ на-встрѣчу, обнимаетъ меня ручонками, протягиваетъ ко мнѣ кудрявую головку. Боже мой, Боже мой!... что я сдѣлалъ! какъ рука моя поднялась на нее!.. какъ не нашелся человѣкъ, который остановилъ бы меня. Что мнѣ теперь въ богатствѣ? Пускай надѣнутъ на меня парчевой кафтанъ, все-таки, куда ни пойду я, хоть будь я осыпанъ каменьями самоцвѣтными, будутъ на меня указывать пальцемъ. Вотъ онъ, что дочь свою зарѣзалъ, вотъ онъ, убійца... вотъ онъ, душегубецъ. (*Плачетъ*). Господи, Господи! думалъ ли я, что доживу до этого?

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПЕТРОВЪ и ВАС. ИВ. БУТУРЛИНЪ.

Вас. Ив. Бутурлинъ (*входитъ поспѣшно*).

Князь Григорій Михайловичъ, я ищу тебя.

Петровъ (*отскакиваетъ*).

Какъ, ты снова здѣсь? Долго ли ты будешь искушать меня? Погоди съ княземъ знакомиться, расплатись со стрѣльцомъ сперва. Чего ты отъ меня хочешь? Мало тебѣ моего позора, мало тебѣ одного бѣйства? что́ жь ты хочешь, чтобъ я совсѣмъ душу губилъ? Изволь, будетъ по-твоему.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Выслушай, князь.

Петровъ.

Не князь я для тебя: я твой судья, я палачъ твой. го сказалъ тебѣ, что я князь?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Выслушай же. Сейчасъ внизу встрѣтилъ я князя ихаила Григорьича на конѣ. Онъ только завидѣлъ ня, кликнулъ. Скажи, говоритъ, отцу своему, что него два врага теперь: я да сынъ мой князь Григій Михайлычъ, стрѣлецъ Петровъ. Стрѣлецъ Петовъ — сынъ мой. Онъ князь Ромодановскій. Ну, къ дочь его ровня Бутурлину.

Петровъ.

Что́ жь ты издѣваться пришелъ надо мною? Не ты самъ видѣлъ, какъ я убилъ свою дочь?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Нѣтъ, князь, дочь твоя жива; ты не убилъ ея, а лько ранилъ, благодаря Бога. Твоя дочь жива, оснется тебѣ на радость, мнѣ въ счастье. Дай мнѣ пять твои колѣни. Прости меня... не карай, бласлови... Дай быть твоимъ сыномъ, дай загладить ну свою тяжкую.

Петровъ.

Жива!... жива! Ты сказалъ, что она жива?... Жива!... Ольга!... Что это со мной?... въ глазахъ потемнѣло, голова закружилась... Дурно мнѣ... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Знай, Григорій Михайлычъ, дочь твою оклеветали недобрые люди. Свято сохранила она свою честь. Не то бы не назвалъ я ее своей женой.

Петровъ (*слабымъ голосомъ*).

Да, да!.. правда твоя!.. Спасибо, ты успокоилъ меня... только погоди... погоди... Дай раздумать. Она жива... да... невинна... ее оклеветали... Да кто же смѣлъ?... Все кругомъ вертится... это отъ радости... Дочь моя жива!.. береги ее... живите счастливо... я напрасно подозрѣвалъ... Слава Богу... Какъ, бишь, зовутъ тебя... Да, вспомнилъ!... Дочь моя жива... Да точно ли, ты не обманулъ?

Вас Ив. Бутурлинъ.

Что съ вами?...

Петровъ.

Сынъ мой, благословляю тебя. Ты честно искупилъ свою вину кровавую... ты молодъ, ты благороденъ, ты знатенъ,—и я теперь знатенъ. Странно! дочь моя жива! Такъ я не убилъ ея? Кто, бишь, сказалъ мнѣ, что онъ отецъ мой, что я князь... не слыхалъ ты? а? Нѣтъ, я стрѣлецъ. Вѣкъ жилъ стрѣльцомъ, такъ и умру... Душно... Дочь моя жива, говоришь ты? что жь, она помнитъ меня, не проклинаетъ меня? Позови ее, дай поглядѣть, полюбовать-

. Стыдиться не надо, вѣдь я не женихъ, отецъ... ѣжь она?... я знаю, вѣдь она жива. Красавица ты я, ласточка, птичка, радость моя. (*Кричитъ*). рю, горю! помогите, помогите! Грудь моя заголась. Всю внутренность рѣжетъ ножами. Воды, ы... свѣту вольнаго! Помогите, помогите!... праю!... (*Падаетъ безъ чувствъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ПАРАМОНЪ и СЛУГИ.

Парамонъ.

Что́ за крикъ? что́ случилось? Ахъ, Боже мой!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Помогите ему... Неужели опять невзгода?

Петровъ.

Воды... воды... Затушите пожаръ, залейте, имейъ всѣхъ святыхъ умоляю васъ, залейте огонь... ѣсь подъ сердцемъ горитъ, горитъ, горитъ... Аваьевъ, злодѣй, сдержалъ свое слово: отомстилъ, убилъ, отравилъ... То-то смѣялся онъ, какъ ночью пожаръ поднесъ мнѣ вышить. То-то горько было. рю... ой... Вставайте, люди добрые, разбудите ковника. Барабанъ!... гдѣ наше знамя?... Слыте, стрѣльцы, дочь моя жива... Скажутъ вамъ, я убилъ ее, не вѣрьте, не вѣрьте... ха,ха,ха!... свадьбу милости просимъ... Гдѣ я? что́ вы за ци? Погодите... припомнилъ. А! полегче стало.

Парамонъ.

Что́ скажетъ князь Михаилъ Григорьичъ?

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Подымите его... скорѣй, не теряйте времени. По-

несемте его въ Кремль къ дохтуру Гадену, къ медовину: на немъ вся надежда.

Петровъ.

Нѣтъ... погодите... Ратникъ идетъ на-встрѣчу смерти... Я еще въ силахъ... я самъ пойду. Тамъ... правосудно небо... дочь моя жива. Я умереть долженъ... Веди меня, сынъ мой.

Паранюнъ.

Господи, зачѣмъ я дожилъ до этого дня!

Вас. Ив. Бутурлинъ.

Скорѣе... скорѣе, въ Кремль, къ дохтуру.

Петровъ.

Нѣтъ, не къ дохтуру: къ отцу ведите меня. (*Уходятъ*). *Декорація мѣняется и представляетъ Кремль, во время соборнаго дѣянія. Съ Постельнаго Крыльца попарно сходятъ бояре въ золотыхъ кафтанахъ. На возвышеніи князь Долгоруковъ хочетъ говорить народу. Всѣ игравшіе въ драмѣ находятся на площади, и сверхъ того множество народа, иностранцевъ, рейтаровъ, посадскихъ и пр. въ одеждахъ того времени*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТОЛСТОЙ, ЖЕЛЯБУЖСКІЙ и НАРОДЪ.

Желябужскій.

Ну, скажи изъ милости, что рѣшено?

Толстой.

Руки отнялись.

Желябужскій.

Ужь не война ли опять съ запорожцами?

Толстой.

Это бы что?

Милославский.

Помилуй Богъ, на затѣялъ ли чего салтанъ турской.

Толстой.

Говорить бы не стоило.

Милославский.

Такъ что жь такое?

Толстой.

Слушай. Дивныя, вѣчно-памятныя слышали мы рѣчи. Святѣйшій патріархъ и самъ царь вели разсужденіе о губительномъ мѣстничествѣ.

Милославский.

Такъ что жь?

Толстой.

Въ немъ бо и есть корень порочныхъ враждотвореній, гдѣ бояре въ защиту ложной чести омрачаютъ честь настоящую.

Милославский.

Да ужь искони вѣковъ такъ у насъ заведено.

Толстой.

Такъ знай же, отнынѣ отеческіе случаи отмѣняются. Двѣнадцать митрополитовъ утвердили. Не бывать болѣе мѣстничеству на русской землѣ. Такъ приговорено Соборомъ. (*Народъ толпится*).

Первый простолюдинъ.

Ну, что лѣзешь впередъ!

Второй простолюдинъ.

Да что ты самъ толкаешься! Хозяинъ здѣсь, что ли? Лѣшій этакой!

Третій простолюдинъ.

Ахъ, ты дрянь этакая!... Не будь тутъ Успенскаго Собора, я бы тебя пощипалъ порядкомъ.

Первый простолюдинъ.

Поглядѣлъ бы я... Молчи, вишь, старшіе говорятъ.

Баба.

Гляди, гляди, боярин на крыльцо вышелъ... который, бишь, это?

Пятый простолюдинъ.

Ну, ужь видно, что баба: Долгорукова князя не знаетъ.

Баба.

Ахъ, да и въ-самомъ-дѣлѣ. Да гляди, никакъ рукой машетъ.

Первый простолюдинъ.

Смирно, православные, слушайте, что́ боярин скажетъ!

Второй простолюдинъ.

Видно о томъ, что́ рѣшено наверху.

Первый простолюдинъ.

Молчите же. Слушайте, слушайте.

Долгоруковъ (*съ Постельнаго Крыльца*).

Стольники и стряпчіе и дворяне московскіе и иныхъ всѣхъ чиновъ ратные люди!

Великій Государь Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ велѣлъ вамъ говорить:

«Понеже не токмо въ минувшія лѣта, но и по нынѣ во многихъ государскихъ ратныхъ, посольскихъ

ъ всякихъ дѣлахъ чинятся отъ вредительнаго
ушительнаго мѣстничества и отъ тѣхъ мѣст-
лучаевъ великія пакости и нестроеніе и раз-
е и непріятелямъ радованіе, и между боярами,
ичими, думными и ближними людьми против-
гу дѣла, нелюбовь и великія продолжительныя
;,—Великій Государь указалъ всѣмъ чинамъ
квѣ въ приказахъ и походахъ, у ратныхъ, у
жихъ и у всякихъ дѣлъ, и въ городахъ быть
ебя безъ мѣстъ, никому впредь разрядами и
и не считаться и разрядные случаи оставить
ѣенить, чтобъ впредь отъ тѣхъ случаевъ въ
помѣшки не было, разрядныя же книги сжечь,
ибнетъ тако во огнѣ Богомъ ненавистное и
отгоняющее мѣстничество, и къ тому да не
инется во вѣки.

Первый простолюдинъ.

шь ты, Алёха, что̀ это я какъ-будто не по-
О чемъ это объявлялъ-то онъ намъ?

Второй простолюдинъ.

, безмозглая ты башка! Вишь, бояре-то боль-
одились; озорничаютъ, что ни на что̀ не по-
а все изъ-за мѣстовъ своихъ.

Первый простолюдинъ.

акъ же это изъ-за мѣстовъ?

Второй простолюдинъ.

да вотъ. Ты, пожалуй, со мной заспорилъ,
-де лучше меня... Я тебѣ на то: нѣтъ, ша-
і тебя лучше.

Первый простолюдинъ.

ѣмъ же ты меня лучше?

Второй простолюдинъ.

Молчи! ты не понимаешь. Это для примѣра. Ну, и пошли крупныя слова. Я тебя въ усъ, ты меня въ рыло.

Первый простолюдинъ.

Смѣкнулъ.

Второй простолюдинъ.

Такъ видишь ли. Вотъ оно что́. Нашему-то брату оно еще по простотѣ-то, пожалуй, и позволительно, ну, а боярамъ-то не приходится.

Первый простолюдинъ.

Точно правда.

Второй простолюдинъ.

Самъ посуди, что́ за порядокъ будетъ, коли старшіе пойдутъ въ-потасовку. Такъ и приказалъ теперь государь: вы-де не смѣйте у меня озорничать и споры заводить, а не то вы у меня своихъ не узнаете.

Первый простолюдинъ.

Ну, понялъ теперь. Спасибо. И въ-самомъ-дѣлѣ, что имъ волю давать. Дай Богъ здоровья нашему государю. Вишь, умница какой! разомъ ихъ поръ-милъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТАРАСКА входитъ, низко кланяясь мужикамъ.

Тараска.

Батюшки, князья, свѣтлыя очи, знатные вы люди, не забудьте Тараску!

Въ народѣ.

Ха, ха, ха!... слышите, дуракъ-то какъ вретъ, князьями насъ величаетъ!

Тараска.

Да какъ же не князья теперь? Вы и князья вы-
. Старыхъ-то, вы чай слышали, сейчасъ станутъ
ечь на верху.

Посадской.

Что ты городишь? кого станутъ жечь?

Тараска.

Да, разряды-то боярскіе. Да что они будутъ безъ
рядовъ: только тѣмъ и жили мои голубчики, уго-
ли совсѣмъ, да и осталось отъ угару на грошъ са-
жнаго товару. А вотъ и дядя Никита идетъ. (*Бо-
ре сходятъ съ крыльца*). Дядя, видно, что ты
енъ, что одно съ дуракомъ говорилъ... трр...
, вы! Что вы ротъ разинули? изъ грязей надѣлали
язей, такъ вы и надули губы. Смотри меня не
ють. Ну, проводите меня, а я вамъ стану разска-
вать, какъ свейской король сидѣлъ на тронѣ, съ
оей теткой Матреной. (*Уходитъ; народъ, смѣ-
сь, провожаетъ его и остается въ углубле-
іи театра*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Князь ОДОЕВСКІЙ, ПРОНСКІЙ, ШЕРЕМЕТЕВЪ и ХО-
ВАНСКІЙ.

Одоевскій.

Что, бояре! правду говорилъ я вамъ. Сердце вѣ-
ало. Видно, дошло до государя про бѣшенство Ро-
дановскаго. Читали вы, какъ государь подпи-
лся?

Бояре.

Самъ! какъ же! какъ же!

Пронский.

Самъ подписалъ, слыханное-ли это дѣло! Самъ своей рукой, да это дѣло небывалое.

Одоевский.

И какъ еще подписалъ! въ утвержденіе сего соборнаго дѣянія и въ совершенное гордости и проклятыхъ мѣстъ въ вѣчное искорененіе. Мудрыя слова. Они, какъ плодотворное сѣмя, принесутъ обильную жатву.

Пронский.

Да, неслыханныя дѣла совершаются въ очахъ нашихъ. Я видѣлъ, какъ Ромодановскій подалъ руку Бутурлину. Кто бы это подумалъ!

Хованский.

Мало того, Ромодановскій, слышно, чудомъ нашелъ сына своего между простыми стрѣльцами и внучку отдаетъ за молодаго Бутурлина. Старики наверху ужь поладили.

Пронский.

Диковинное время.

Одоевский.

Время свыше опредѣленное,—время неизбѣжнаго перехода къ тому разуму, который ужь давно живетъ у сосѣдей. Будемъ молить Бога, чтобъ этотъ переходъ совершился тихо и миролюбиво, для укрѣпленія и славы нашей родины. (*Хочетъ идти*).

Хованский.

Куда же ты, Никита Иванычъ?

Одоевский.

Мнѣ поручено изслѣдовать о вчерашнемъ пожарѣ. Подозрѣваютъ поджогъ.

Пронский.

Помилуй Богъ! Кого жь винятъ?

Одоевский.

Думаютъ, что татары или казаки, а я боюсь, что
:кіе. Стрѣльцы, должно быть. Не жду я отъ
ъ добра. (*Бутурлинъ и Ромодановскій схо-
тъ, обнявшись, съ лѣстницы*).

Пронский.

Погляди-ка, князь Никита Иванычъ, какъ наши
:тники идутъ дружно рядкомъ.

Одоевский.

Такъ бы и всѣмъ намъ всегда бы слѣдовало идти.
то бы было... (*Народъ приближается*).

ЯВЛЕНІЕ XII И ПОСЛѢДНЕЕ.

ЖЕ, РОМОДАНОВСКІЙ, БУТУРЛИНЪ, а потомъ
ПЕТРОВЪ и ВАСИЛІЙ ИВАНЫЧЪ.

Ромодановский.

Все забыто... для дѣтей нашихъ.

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Вѣрь, Михаилъ Григорьичъ; въ душѣ моей не
ю никогда злобы. Зналъ я, правда, что ты на-
сно просилъ на меня,—и что мѣстомъ не могъ я
ъ тебя ниже...

Ромодановский.

Нѣтъ, Иванъ Васильичъ. Говорить о прошломъ
его. А по разрядамъ каждый скажетъ тебѣ, что
ниже меня семью мѣстами. (*На крыльцѣ вид-
пламя*).

Одоевскій.

Поздно глядѣть въ разряды. Смотри, вотъ горятъ они, по царскому приказу.

Ромодановскій.

Пускай горятъ, я ихъ наизустъ помню. Никогда, ни въ какое время я ниже Бутурлиныхъ не бывалъ. Знай это, Иванъ Васильичъ; и пока я живъ, никто мнѣ того не докажетъ.

Вас. Ив. Бутурлинъ (*въ толпѣ*).

Дохтура, дохтура!—ради Христа, помогите!

Ив. Вас. Бутурлинъ.

Что́ это? голосъ моего сына?

Ромодановскій.

Онъ ведетъ съ собой другаго человѣка... стрѣльца... неужто..! быть не можетъ... не правда... А?... что́ вы съ нимъ сдѣлали? отчего онъ такъ блѣденъ? Его руки холодны. Онъ умираетъ. Помогите, помогите! (*кричитъ*). Все имѣніе князя Ромодановскаго тому кто спасетъ его.

Петровъ (*умирающимъ голосомъ*).

Нѣтъ, поздно... довольно. Я не пойду далѣе. Я умру здѣсь, въ виду святыхъ соборовъ, посреди Кремля, въ самомъ сердцѣ русской земли. Не тоскуй, ребенокъ, не кручинься, отецъ! Здѣсь умирать хорошо.

Ромодановскій.

Сынъ мой, сынъ мой!

Петровъ.

Благодарю Бога, что привелось мнѣ тебя видѣть

це... я хотѣлъ... (*медленно опускается на землю*).

Ромодановскій.

Да нѣтъ... быть не можетъ. Ты будешь живъ.

Петровъ.

Нѣтъ, сгубили меня отравой. Смерть здѣсь. Не йтесь, подойдите, православные, поглядите, какъ ираетъ человѣкъ. Оно порой не мѣшаетъ. Напомтъ, что конецъ... каждаго... близокъ... Батюш-! вручаю тебѣ мою дочь. Немного жила она, а ого выстрадала. Пусть же отдохнетъ теперь. ютри, Василій, люби ее, береги... она покорная, брая... Хотѣлось бы взглянуть на нее... да нѣтъ, льзя... недостоинъ я того. Помолитесь, православные, за упокой души грѣшника, раба Божьяго, игорья. А легче стало теперь. На душѣ свѣтло. ать, конецъ пришелъ. Пропала земля, пропали ди, все пропало, кромѣ Бога.

Ромодановскій.

Горе мнѣ, горе, горе на мою сѣдую голову! Замъ посѣтила меня радость, когда скорбь была такъ изко? Куда дѣваться мнѣ теперь, что дѣлать? ѣтъ житья мнѣ въ Москвѣ, гдѣ каждый теперь, в равенъ. Нѣтъ житья мнѣ злополучному на земгдѣ во второй разъ теряю сына. На войну пой-... авось убьютъ старика. Не то въ монастырь пусь, въ кельѣ, тамъ буду ждать конца своего и акать, плакать до послѣдняго издыханія.

Петровъ.

Да, плачь князь Ромодановскій! Плачь русскій

бояринъ! Не объ насъ грѣшныхъ плачь! наша жиз
одно мгновеніе. Объ ней горевать нечего. Пла
надъ русскимъ боярствомъ, плачь надъ своими тов
рищами: не поняли они, не разсудили святаго тру
завѣщаннаго имъ Богомъ. Не были они старши
сынами великой русской семьи: о гордости сво
пеклись они, о гордости проклятой, а не пеклись
своихъ меньшихъ братьяхъ, не поддерживали с
имъ разумомъ, и за то накажетъ ихъ Богъ до отд
леннаго потомства. Народъ ихъ забудетъ, голо
ихъ умолкнетъ и они отбросятся въ толпу изъ кот
рой недостойны были выйдти. И вотъ онъ приме
уже тотъ державный отрокъ, который осѣнитъ С
тую Русь лучами разума и знанія. Но не васъ, бо
ре, выберетъ онъ въ сподвижники: Одинъ онъ сове
шитъ неслыханное дѣло. Одинъ своей одной воле
своей одной силой онъ сдвинетъ Русскую Зем
лона невѣжества на широкій потокъ просвѣщенія.
если и пошатнется что отъ исполинскаго потрясен
не на его голову падаетъ упрекъ въ томъ, а на ваш
слышите ли, потому-что то, что вамъ всѣмъ было
значено исполнится однимъ человѣкомъ. Но ми
стивъ и неисповѣдимъ Господь въ своихъ законах
Пройдетъ много времени, и вы опомнитесь, пок
тесь, вы искупите свой тяжкій грѣхъ, вы стан
старшими сынами и опорой вашей родинѣ; тогда
просвѣтлѣвшимъ умомъ займете снова вы мѣсто св
и тогда будетъ на Руси радость великая и откро
вамъ путь свѣтозарный и Богъ благословитъ ва
святое назначеніе. (*Падаетъ на руки окружа*

щихъ его. На Постельномъ Крыльцѣ показываются рынды. Трубачи возвѣщаютъ появленіе царя Ѳеодора. Оркестръ начинаетъ шумно русскіе мотивы «Слава.» Занавѣсъ опускается).

ЯМЩИКЪ,

или

ШАЛОСТЬ ГУСАРСКАГО ОФИЦЕРА.

Драматическая картина въ одномъ дѣйствіи.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ГЕНЕРАЛЪ СЕВЕРИНЪ, человѣкъ лѣтъ 50, серьёзной наружности, одѣтъ по-дорожному.

САВВА САВВИЧЪ ГРЕНЧИКОВСКІЙ, помѣщикъ въ смѣшномъ охотничьемъ нарядѣ; ему около 30 лѣтъ.

ЛАРЬКА, казачокъ, 13 лѣтъ.

МИТЬКА, ямщикъ, 24 лѣтъ.

СТАНЦІОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ, пьяная рожа въ зеленомъ сюртукѣ, 45 лѣтъ.

ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА, почтенный старецъ изъ крестьянъ, 60 лѣтъ.

ТЕРЕНТЬЕВНА, старуха.

МАША, дочь ея, 18 лѣтъ.

ЯМСКОЙ ГОЛОВА.

ЯМЩИКИ, КРЕСТЬЯНЕ, БАБЫ и проч.

—

представляетъ русское селеніе; налѣво выдается
али видѣнъ станціонный дворъ и шестъ съ соло-
плетенымъ кругомъ. Въ углубленіи лежатъ на
мщики, завернувшись въ кафтаны и тулупы, и
ъ ожиданіи проѣзжающихъ. Вдали слышенъ стукъ
ка объ желѣзную доску. Начинаетъ свѣтать.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИТЬКА и МАША.

Митька (*пробирается тихонько между избами, осторожно оглядывается на всѣ стороны. Наконецъ подходитъ къ избѣ, что налѣво, и тихонько стучитъ въ окно*).

а!... а... тсъ... тсъ. Маша!...

Маша (*изъ окна*).

гамъ?... (*Вскрикиваетъ*). Ахъ!... что это
эту пору... спозаранку.

Митька.

нтьевна спитъ, что ли?

Маша.

ъ, родная .. да того гляди проснется. Поди
. Христа ради... Прочь поди, прочь! Тутъ,
народъ спитъ. Коли проснется кто — бѣда:
,, глазъ нельзя будетъ показать.

Митька.

ойсь, и увидятъ, да языкъ закусятъ. Не то

я имъ такъ ребра пересчитаю, что будутъ вѣкъ помнить. Не въ первый вѣдь разъ. Давай-ка, кто посмѣетъ?...

Маша.

Полно, полно, что́ это? Матушка узнаетъ, худо будетъ.

Митька.

Ну, ладно, ладно. Слышишь, выдь-ка сюда.

Маша.

Ахъ, ка́къ можно!

Митька.

Аль боишься меня, что́ ли?

Маша

Нѣтъ... да сосѣди вѣдь увидятъ. Матрена, солдатка и понесетъ невѣсть что́.—Нѣтъ, приходи лучше послѣ вечеренъ на сѣнокосъ. Прощай, Митя, не пеняй, не серчай на меня; не смѣю. Богъ видитъ не смѣю.

Митька.

А, вотъ что—не́любъ, видно, я тебѣ.

Маша.

Грѣхъ тебѣ, Митя.

Митька.

А я такъ тебѣ вѣсть не добрую принесъ: чуть ли не проститься пришелъ.

Маша.

Что́ это... что́ ты это нехорошее баешь? Нѣтъ, ты, чай, шутишь?

Митька.

Плохая тутъ шутка. Нынѣче ѣдутъ въ городъ некрутовъ ставить. Того гляди, что нашего брата

скрутятъ, знашь, — и поминай какъ зва-

Маша.

ы Господи, Владыко! Постой, Митя, сей-
у. *(Окно опускается).*

Митька (*одинъ*).

ать правду, куда я не люблю этихъ бабь-
довъ, да поминокъ за-живо. Служить, такъ
Взялъ ружье, да и запѣлъ пѣсню... Рады
, ваше благородіе. Будемъ служить охотою
ъ нашимъ. Эхъ-ма!

Маша (*выходитъ изъ калитки*).

тъ и я вышла... Митя, вотъ и я вышла...
найся-ка теперь, что ты пошутилъ... Дѣ-
ѣланное. Да, ты не на очереди. Извѣст-

Митька (*хочетъ обнять ее*).

ы солнце мое ненаглядное!

Маша.

гань, дастъ Богъ — буду твоей хозяйкой,
акъ знашь. А теперь, смотри, не приста-
о хлопну дверью, и не видать тебѣ меня
ій. Наше дѣло дѣвичье... неразумное. А
ли не велѣно. Грѣхъ...

Митька.

тутъ грѣхъ! Маша... говорю я тебѣ плохо
я.

Маша.

ъ же это?

Митька.

Да вотъ что: голова на меня взъѣлся, хочетъ лобъ забрить... Вотъ и вся не долга.

Маша.

Да быть не можетъ... Да зачѣмъ же это?

Митька.

А Богъ его знаетъ зачѣмъ... Вѣдь голова-то, ты, чай, знашь, хмѣлемъ зашибатъ.

Маша.

Слыхала.

Митька.

Ну, а тутъ ужь не ожидай добраго. Запивать, такъ ужъ мало совѣсти. Кто побогаче, знашь, и поднесетъ ему то чаю фунтъ, то голову сахару, а иной разъ и сотенную—давай только. Ну и долой съ очереди. А нашему брату, бобылю, безъ роду и племени, какъ разъ лобъ забрѣютъ.

Маша.

Помилуй, Господи!

Митька.

Да вотъ, Маша, еще что. За тобой опонясь вздумалъ ухаживать молодчикъ изъ сосѣдства, Слава Саввичъ (*въ полголоса*), чортовъ племянникъ. Ужь попадется онъ ко мнѣ въ лапы.

Маша.

Полно, что ты! Да я и въ лицо его порядкомъ не видала. Онъ и непригожій такой.

Митька.

А вотъ, что въ поле за тобой бѣжалъ! Забыла, что ли?

Маша.

что́ же? Я ушла-таки себѣ...

Митька.

го ладно... Да онъ вотъ какъ узнаетъ... і тебѣ это сказать: что пока я здѣсь... я не у подойдти на сажень къ твоей избѣ, вотъ ахочетъ спровадить меня подальше... Поши-ли ты: голова-то ему другъ и пріятель. Чай распиваютъ, а иногда и чего другаго вы-А какъ меня не будетъ здѣсь... *(Сквозь* Чортовъ братъ, тварь экая поганая! ужь бы юподчивалъ!

Маша.

а́къ узналъ ты это?...

Митька.

тутъ за мудрость: калякать-то вездѣ мно-никовъ; узналъ по бабьимъ сплетнямъ, отъ ей. «Машка-то», говорятъ, «тебѣ больно на. Да не бойсь, не бывать ей за тобой: гдѣ бариномъ тягаться... ты голышъ, нищій, бо-безъ рода и племени...» Вотъ, Маша, что́ пріятели.

Маша.

слушай ихъ; Митя, али мнѣ повѣрить не

Митька.

впрямъ... Гдѣ мнѣ на тебѣ свататься! изба васъ какая; а я весь тутъ. Отца, говорятъ, ло; матушка померла; сиротой родился, си-помру. Буду себѣ маяться, а тебя выдадутъ

за мужика богатаго, пожалуй, и буду я только посматривать ночью въ окно, какъ ты съ хозяиномъ будешь сидѣть на крайнемъ углѣ подъ образами...да чаёкъ вмѣстѣ будете попивать!... *(Плачетъ).*

Маша *(плачетъ).*

Нѣтъ, не выйду я замужъ. Никогда не выйду, никогда, никогда!

Митька.

Полно. силою отдадутъ. Развѣ васъ спрашиваютъ? Ну, да что тутъ кручиниться. Счастливо вамъ оставаться съ хозяиномъ.. а я пойду своей стороной. Служить стану... и право-ну... лихое вѣдь дѣло. Чай, на коня посадятъ. А?... посадятъ, что ли? ну, кони-то мнѣ други-пріятели, знакомы давно: а тамъ пойду подъ Турку, или подъ Француза... а тамъ и убьютъ, пожалуй, дай бы Богъ!... а пушки-то, барабаны-то, солдаты-то, а пѣсни-то, эхъ-ма! Гуляй-себѣ да и только! Бей басурмана! Знай нашихъ! (*Молчаніе*).

Маша.

И впрямъ. Ступай съ Богомъ, коль тебѣ не жаль никого на селѣ...

Митька.

Нѣтъ... Маша, какъ не жаль. Сердце разрывается. Да что дѣлать, не быть мнѣ твоимъ суженымъ, не быть тебѣ моей невѣстой!

Маша.

Бѣдная я, горемычная!

Митька.

Ненаглядная, радость моя!

Маша.

На кого ты меня покинешь? Лучше бы лечь въ сыру-землю. Я сгину, пропаду безъ тебя.

Митька.

Красное мое солнышко! Золотая моя, распрекрасная! Не забудь меня, горемычнаго!

Маша.

Ахъ! какъ-то мнѣ забыть тебя, въ тебѣ я и сердце свое только слышу... *(Слышенъ голосъ за кулисой «вотъ я тебя!» Маша вскрикиваетъ и бѣжитъ въ избу).*

ЯВЛЕНІЕ II.

МИТЬКА, САВВА САВВИЧЪ ГРЕНЧИКОВСКІЙ и ЛАРЬКА. Ларька одѣтъ казачкомъ, черезъ плечо нагайка и фляжка съ водкой, въ рукахъ барская трубка.

Савва Саввичъ.

Ба, ба, ба! Ларька, гляди-ка, на что напали: ай-да прекрасно! Что лихо, то лихо; ай-да смиренница! Вотъ-те и дѣвичья скромность!

Митька *(сердито)*.

Ну, что это ты загерланилъ, баринъ? ступай своей дорогой. Не твое здѣсь дѣло!

Савва Саввичъ.

Хорошо, хорошо, Ларька, хорошо, что ли? Эге .. Вотъ ты, братъ, чѣмъ промышляешь *(На ухо)*. Скажи: намедниняя, что ли, или другая? Ты плутъ вѣдь большой руки.

Митька.

Другая!...

САВВА САВВИЧЪ.

Хорошенькая?...

МИТЬКА.

Самая дрянная... отойдите только прочь до грѣха.

САВВА САВВИЧЪ.

Эге, братъ, расхорохорился, очень вижу, велика птица!

МИТЬКА.

Не велика птица, да неготовъ осетръ.

САВВА САВВИЧЪ.

Что, что, забылся, каналья! А ты знаешь ли, съ кѣмъ ты говоришь? не съ своимъ братомъ связался, почище тебя, голубчикъ, гораздо почище; я тебя скручу, знаешь какъ; я упеку тебя куда воронъ костей не заносилъ, я тебѣ...

МИТЬКА.

Ну, ладно... а я отучу тебя бѣгать за честными дѣвками.

САВВА САВВИЧЪ.

Увидимъ!

МИТЬКА.

Увидимъ!

САВВА САВВИЧЪ.

Да что ты въ-самомъ-дѣлѣ, безпутникъ! Вотъ я тебя...

МИТЬКА.

Берегись, не трогай.

САВВА САВВИЧЪ.

А что будетъ?

МИТЬКА.

Да нехорошо будетъ. *(Стоятъ въ позиціи; Ма-*

я, которая украдкой выглядывала изъ окна, крикиваетъ: «Господи! что-то будетъ)!.»

Савва Саввичъ.

Ларька! а Ларька! Вѣдъ онъ пожалуй... знаешь.

Ларька.

Таковскій, сударь.

Савва Саввичъ.

Ахъ, мерзавецъ этакой, вотъ постой-ка, ужь я тобой справлюсь. Ларька, ступай къ головѣ, по-оси ко мнѣ пуншику выпить. Нѣтъ, постой, самъ ь пойду. А... а... вотъ увидимъ... чья возьметъ, смотримъ, будешь ли меня помнить. (*На дворѣ вершенно свѣтло; ямщики просыпаются и таютъ*).

Мѣлька.

Никакъ народъ встаетъ, спросятъ зачѣмъ я здѣсь таюсь; пойду лошадокъ покормить. Счастливо ос-ваться, ваше благородіе (*смѣется*), а драться извольте. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

САВВА САВВИЧЪ и ЛАРЬКА.

Савва Саввичъ.

Смѣйся, смѣйся.... надѣнутъ на тебя бѣлую ленту резъ плечо, будешь ты у меня смѣяться... тьфу опасть! и охота таковская была, что стыдно ска-ть. Хоть бы голубь попался, хоть бы пигалица... рька, водки!

Ларька.

Вотъ, сударь!...

Савва Саввичъ (*пьетъ и остальныя въ стаканчикъ брызгаетъ въ лицо Ларьки. Ларька глупо смѣется*).

А все ты виноватъ!...

Ларька.

Я-съ?... (*Смѣется*).

Савва Саввичъ.

Вотъ, смѣйся, я тебя нагайкой разсмѣшу, мошенника.

Ларька.

Да чѣмъ же я, сударь, виноватъ?

Савва Саввичъ.

А забылъ, что́ ли, я у тебя спрашивалъ вчера, какую на счастье запречь въ бѣговыя, саврасую или иноходца... ты и говоришь: «прикажите, сударь, потѣшнаго запречь. Охота отличная будетъ». Я съ дуру и послушался. Что́ жь, мошенникъ? Вѣдь ничего не нашли. Какъ нарочно. Всѣ ноги исходилъ по болотамъ, измокъ, какъ карась (*Ларька хочетъ удержаться отъ смѣху*), проголодался какъ собака... (*Ларька опять смѣется*); а хоть бы въ курицу выстрѣлилъ. (*Ларька продолжаетъ смѣяться*). Что́ жь ты смѣешься, бездѣльникъ!...

Ларька.

Я-съ-пф-я-съ-ничего-съ.

Савва Саввичъ.

Вотъ я научу тебя надъ бариномъ смѣяться? (*Беретъ Ларьку за ухо. Ларька визжитъ и плачетъ*).

Ларька.

Ай, ай, сударь, не буду!... ей Богу, не буду!

Савва Саввичъ.

Ну, то-то же, смотри. Что, фриштикъ есть въ сумкѣ?

Ларька.

Никакъ нѣтъ-съ, вы не приказывали брать.

Савва Саввичъ.

Экой мошенникъ! Вѣдь нѣтъ того, чтобъ подумать о баринѣ! Ну, да постой... вотъ доберемся до дому, такъ ужь тамъ разсчитаемся.

Ларька (*плаксиво*).

Да чѣмъ же я виноватъ, сами изволили говорить: настрѣляю дичи къ фрыштику и поѣду фрыштикать на станцію къ Николаю Иванычу, смотрителю... я ему обѣщалъ-де дупелей.

Савва Саввичъ.

Вотъ разсуждай-ка еще, я тебя!.. (*Стучится въ избу*). Эй вы, олухи, бороды, спите, что ли? оглохли! Что это? Чортъ бы васъ подралъ, не достучишься!...

Маша (*изъ избы*).

Кто тамъ?

Савва Саввичъ.

Эй, баба, пошевеливайся. Не-то непристойное слово скажу. Ей, ей, ну.

Маша (*у окна*).

Что вамъ надо?

Савва Саввичъ.

Ба, ба, это намеднишняя. Ларька, какова канарейка? Знай нашихъ! (*Снимаетъ картузъ, по-*

правляетъ виски и любезничаетъ). Здорово, моя красотка. Давно не видались... не спознала, что ли?

Маша.

Нѣтъ-съ, не спознала. *(Про себя)*. Экой лишій!

Савва Саввичъ.

Какъ, а намедни ты отъ меня убѣжала, помнишь ли?

Маша.

Гдѣ мнѣ помнить? Наше дѣло дѣвичье, неразумное. Я и со двора никуда не хожу.

Савва Саввичъ *(хохочетъ)*.

Не, не, хе, хе, хе! а давиче-то и застали здѣсь тебя съ молодчикомъ? Ха, ха! дѣло самое дѣвичье.

Маша.

Вы зачѣмъ стучались?

Савва Саввичъ.

Ну, не сердись, красавица!... Параша, что ли?

Маша.

Нѣтъ!

Савва Саввичъ.

Авдотья?

Маша.

Нѣтъ.

Савва Саввичъ.

Арина?

Маша.

И, нѣтъ. Да вамъ на что; чего вамъ надобно?

Савва Саввичъ.

Да нѣтъ ли закусить чего? Хоть хлѣбца ржаного: проголодался совсѣмъ.

Маша.

ласъ подать.

Савва Саввичъ.

ка, хороша, что ли, птица?

Ларька.

красная!!

Савва Саввичъ.

ты мошенникъ! *(Хочетъ взять его за ухо, а вывертывается и глупо смѣется).*

Маша *(подаетъ изъ окна ломоть хлѣба).*

, тебѣ, баринъ! кушай на здоровье.

Савва Саввичъ.

а, спасибо. Ей-ей, ну, право, раскрасавица. гъ ли тебѣ въ этомъ ямщикѣ? Кажется, вѣдь е похуже... не упрямься, ягода моя. Дай-ка дарить тебя отъ чистаго сердца. *(Лижетъ на ну, Маша отдергиваетъ окно на пальцы Саввича).* Ой, ой... тьфу ты пропасть, снять далъ, и все этотъ проклятый ямщикъ! Ужь Ларька!

Ларька.

, сударь?

Савва Саввичъ.

къ ямщика-то не будетъ, вѣдь дѣвка будетъ рчивѣе?

Ларька.

прикажите-съ.

Савва Саввичъ.

анъ! Вѣдь они чужіе, что станешь тутъ дѣ-. А... водки...

Ларька.

Вотъ-съ, сударь. (*Савва Саввичъ пьетъ и брызгаетъ въ лицо Ларьки; Ларька смѣется*; около *станціи суматоха. Слышенъ стукъ экипажа*).

Савва Саввичъ.

Э-ге, кто-то подъѣхалъ. Сбѣгай-ка, Ларька, посмотри. Въ тарантасѣ что́ ли?

Ларька (*бѣжитъ за кулису и возвращается*).

Нѣтъ-съ, въ каретѣ.

Савва Саввичъ.

А, въ каретѣ. (*Поправляетъ виски*). Гнидка, кто вышелъ.

Ларька (*опять бѣжитъ за кулису и возвращается*).

Господинъ какой то.

Савва Саввичъ.

Одинъ, что́ ли?

Ларька.

Одинъ-съ.

Савва Саввичъ.

Съ крестомъ на шеѣ?

Ларька.

Нѣтъ-съ, со звѣздой.

Савва Саввичъ.

А, со звѣздой. (*Застегиваетъ кафтанъ*). Видно, генералъ. Ступай-ка, узнай, какъ фамилія.

Ларька.

Сейчасъ узнаю. (*Бѣжитъ. Савва Саввичъ бѣжитъ за нимъ*).

САВВА САВВИЧЪ:

Постой, мошенникъ! куда ты?

МАРЬКА.

Да вѣдь вы послали.

САВВА САВВИЧЪ.

Постой, говорятъ тебѣ! Надо быть поосторожнѣе. Вѣдь генералъ... Да никакъ сюда идутъ. Поглядай, проводи-ка задами потѣшнаго къ головѣ... ромъ, слышишь ли... Да скажи, что мнѣ надо съ нимъ переговорить нынѣ же. Ну, живо. Маршъ. (*Марька бѣжитъ черезъ всю сцену, свиститъ, плюетъ и кувыркается*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

САВВА САВВИЧЪ, СЕВЕРИНЪ, СМОТРИТЕЛЬ, идутъ и говорятъ.

СЕВЕРИНЪ.

Такъ нѣтъ лошадей?

СМОТРИТЕЛЬ.

Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство. Ейту, никакъ нѣтъ-съ... не угодно ли будетъ въ шу взглянуть? (*Встороиу*). Ну, будетъ сейчасъ ша. Сейчасъ начнется!

СЕВЕРИНЪ.

Много, видно, проѣзжающихъ?

СМОТРИТЕЛЬ.

Много, ваше превосходительство, чрезвычайно ого, почта прошла утромъ. Два эстафета, а всего и тройки по положенію. Сами изволите знать...

(*Встороиу*). Ну, вотъ сейчасъ разсердится. К бы не сробѣть только.

Сибирякъ.

Долго прійдется мнѣ здѣсь ждать?

Смотритель.

Часа четыре, ваше превосходительство, не ше. Только прійдутъ лошади, не кормя веле дывать. (*Встороиу*). Странный человѣкъ! не дится. Не бранится! Что бы это значило? Н нимаю.

Сибирякъ.

Не безпокойся, любезный, я и подождать Мнѣ не къ-спѣху.

Смотритель (*встороиу*).

Фу ты пропасть! страшно становится. Чт онъ не кричитъ? (*Вслухъ*). Да ваше прев дительство не прикажете ли изъ обывательск Здѣсь вольныя нанимаются. Лишку немного пр тить изволите. А кони хорошіе.

Сибирякъ.

Нѣтъ! я подождать могу.

Смотритель (*встороиу*).

Ну, бѣда... бѣда!... (*Вслухъ*). Не погу ваше превосходительство, право, лошадей у нѣтъ. Ну, посмѣлъ ли бы я отказать такой ос какъ ваше превосходительство? Вотъ-те ну, право нѣтъ.

Сибирякъ.

Будь спокоенъ, братецъ.

Смотритель (*встороиу*).

Ну, пропалъ.

Савва Саввичъ *(который все это время вертѣлся около Северина, не смѣя къ нему подойдти, на цыпочкахъ подкрадывается къ смотрителю)*.

съ, Николай Ивановичъ, Николай Ивано-

Смотритель.

ите прочь! Не до васъ теперь.

Савва Саввичъ.

амилія?

Смотритель.

скажу.

Савва Саввичъ.

тръ, что ли?

Смотритель.

а отвяжитесь, ради Бога.

Северинъ.

ь называется ваша станція?

Смотритель *(всторону)*.

къ и есть; записать хочетъ! *(Вслухъ)*. восходительство, семейство. Отецъ, восемь олѣтнихъ. Всѣ въ разгонѣ. Чѣмъ же я ви- почта, эстафеты, извольте въ книгѣ посмо- *Плаксиво)*. Ваше превосходительство!

Северинъ.

покоенъ *(смотритъ кругомъ, какъ-будъ- мъ мѣсто)*... Но эта станція... эти до-

ма... Когда я былъ еще молодъ... Какъ зовутъ это село?

Савва Саввичъ (*подбѣгаетъ и кланяется*).

Село Завьялово, ваше превосходительство.

Свиринъ.

Какъ?...

Савва Саввичъ.

Село Завьялово, Оврашкино тожъ.

Свиринъ (*встороиу*).

Да, да; такъ точно. (*Вслухъ*). Скажите, здѣсь зимовалъ однажды гусарскій полкъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ?

Савва Саввичъ.

Не могу доложить-съ. Николай Иванычъ, стоялъ здѣсь гусарскій полкъ?

Смотритель.

Такъ точно, ваше превосходительство. Когда я опредѣлился сюда изъ курьеровъ московскаго почтамта станціоннымъ смотрителемъ, въ народѣ только и было разговоровъ о гусарахъ. (*Подшучиваетъ*). Весело-съ погуливали. Офицеры были-съ съ капиталомъ, и молодцы молодцами-съ! До-сихъ-поръ поминаютъ... Усы вотъ этакіе, ментики на распашку...

Савва Саввичъ (*щелкая по воротнику*).

И подъ-шефе, чай?

Смотритель.

Да-съ, извѣстное дѣло. Люди молодые. Всяко бывало. Очень весело живали-съ. Краснымъ дѣвушкамъ проходу не бывало по улицѣ.

Сивринъ.

Здѣсь была одна... дѣвушка... кажется, Анпушка, дочь старосты? (*Припоминаетъ*).

Смотритель.

Петра Кормунова, что ли?

Сивринъ.

Да, такъ точно. Что, она жива?

Савва Саввичъ.

А-га! видно, охотникъ...

Смотритель.

А! ваше превосходительство изволили объ этомъ слышать? Куріозная исторія! Красавица, говорятъ, была. Вы изволили ее видѣть!

Сивринъ.

Нѣтъ... нѣтъ... я слыхалъ о ней отъ одного пріятеля. Что же, она жива?

Смотритель.

И, нѣтъ-съ, давно померла-съ.

Сивринъ (*съ смущеніемъ*).

Право?... А какая же это исторія, о которой ты говорилъ?

Смотритель.

Не могу обстоятельно доложить-съ, а въ народѣ вотъ что говорятъ. Былъ здѣсь старикъ староста, жилъ съ своей старухой. Люди были съ достаткомъ, то есть, ваше превосходительство изволите знать достатокъ деревенскій: были свои коровушки, да лошадки, да дочь была одна всего-на-все. Парней не было. Вотъ-съ, пришелъ полкъ. Имъ въ избу и поставили офицера, какъ, бишь, его звали... забылъ, виноватъ, ну, да всё-равно. Какъ поставили офицера

въ избу,—а изба у нихъ была такая чистая—офицеръ, извѣстное дѣло, ваше превосходительство, человѣкъ молодой *(подшучиваетъ)*, жилъ въ столицахъ, зналъ какъ обращаться... Дѣвка молодая, собой красавица-съ... Старикамъ гдѣ усмотрѣть: ну, и загуляла.

Слава Славичъ (*хохочетъ*).

Ай-да молодецъ!

Сивринъ.

Ну, а потомъ?

Смотритель.

Потомъ-съ полкъ вышелъ. Офицера, какъ водится, поминай какъ звали, да правду сказать, чѣмъ же онъ и виноватъ? Человѣкъ молодой-съ.

Сивринъ.

А она что?

Смотритель.

Ну, ваше превосходительство, ужь деревенское извѣстное дѣло. Ей-то на улицахъ проходу не бывало: всѣ мальчишки пальцами указывали, дѣвки въ хороводы не пущали... И странно-съ: народъ, кажется, не деликатный, а году не прожила. (*Молчаніе*).

Сивринъ.

А старики?

Смотритель.

Да что жь имъ дѣлать-съ? Простили, промаялись немного,—съ-полгода, что ли; достатокъ распустили, сиротами померли.

Сивринъ.

Съ горя, съ печали?

Смотритель.

ıно быть такъ-съ.

Свиринъ.

вчали! И никого не осталось?

Смотритель.

-съ, у Аннушки той остался сынъ, то есть, ѣмъ, изволите видѣть, правильный, а парень, ъ, хорошій. Хмѣлькомъ иногда зашибаетъ: то дѣло молодое... А какую хотите тройку ь.

Свиринъ.

здѣсь?

Смотритель

ь, около станціи.

Свиринъ.

ѣмъ же онъ?

Смотритель.

чѣмъ-съ? ямщикомъ. Да онъ никакъ съ ва- етъ.

Свиринъ.

ıкъ,—а они всѣ померли... (*Садится на ку и впадаетъ въ глубокую задумчи-*

Савва Саввичъ (*на ухо смотри- телю*).

ıстръ, что́ ли?

Смотритель.

авной генералъ.

Савва Саввичъ.

ъ службѣ?

Смотритель.

Я вамъ говорю, отставной.

Савва Саввичъ.

А! нашъ братъ помѣщикъ. Кажется, проказникъ?

Смотритель.

Какой, не знаю, что съ нимъ дѣлать. Какъ вы думаете, не предложить ли ему чайку?

Савва Саввичъ.

Съ ромомъ.

Смотритель.

А что? въ-самомъ-дѣлѣ? велю самоваръ поставить. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ. кромѣ Смотрителя.

Савва Саввичъ (*развязно подходитъ къ Северину, который, задумавшись, его не слышитъ*).

Генералъ! вы, какъ кажется, любите хорошенькихъ, чортъ побери! Да, знаете, генералъ, я и самъ большой охотникъ... Вотъ изволите видѣть это окно? Тутъ такая красотка, что у васъ въ глазахъ зарябитъ. Только ужь чуръ не отнимать... Вы вѣдь, генералъ, я вижу... Впрочемъ, если вы намѣрены здѣсь немного остаться, милости просимъ ко мнѣ; честь имѣю рекомендоваться: (*кланяется*) отставной поручикъ Савва Саввичъ Гречишкинскій. Я жи-

въ своей усадьбѣ, въ трехъ верстахъ отсюда. Ко-
охоту, генералъ, жалуете,—не люблю хвастать-
, а надо сказать правду,—у меня собаки первыя
уѣздѣ. Если любите, генералъ, выпить, я васъ
кимъ ромчикомъ уважу, что прямо изъ Питера отъ
рваго мастера, и знаете, въ карточки, генералъ,
жемъ срѣзаться, да тамъ еще прочаго другаго не
къ для единой единственности, какъ совершеннаго
шанства. Ха! ха! ха!

Сивринъ.

Съ горя, съ печали... сѣдые волосы, стыдъ,
ерть...

Савва Саввичъ.

А вѣдь правду сказать, въ деревнѣ чѣмъ не житье?
аво-ну. Дѣлать нѣчего?—Велишь заложить себѣ
ойку, да самъ сядешь править: ахъ, тарарахъ,
хъ, тахъ; шыль столбомъ!

Сивринъ.

А! вы тоже ямщикъ?

Савва Саввичъ.

Помилуйте, генералъ! Что это значитъ? Вы меня
нжаете: я не какой-нибудь ямщикъ, я поручикъ
отставкѣ. Служилъ бы, былъ бы теперь штабсъ-
питаномъ. Что вы думаете?... Да что это отъ не-
слова порядочнаго не добьешься? А-га, генералъ!
дно, на окно поглядываете? Да поздно пожаловали:
тъ ужъ ямщикъ проклятый завладѣлъ крѣпостью.
а мы его спровадимъ; уладимъ дѣло съ головой;
ть сто рублей подарить, а ужь я его выживу; на-
шемъ на него лямку, а тамъ миролюбиво сдѣла-
ся. Пойду похлопотать... чья возьметъ; только,

чуръ, генералъ, не обманывать, не обманывать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЕВЕРИНЪ одинъ.

Обмануть, обольстить, презирать самого себя, погубить невинную дѣвушку, зарѣзать старика, бросить сироту на бѣдность и поруганіе,—хорошія, добрыя дѣла! сладкое утѣшеніе въ старости! (*Садится*). Молодость, молодость! зачѣмъ ты не слушаешь совѣтовъ опыта? Много печалей ты не узнала бы никогда, много бы грѣховъ не тяготили твою совѣсть! Да! не хорошо тратить жизнь и совѣсть по-пустому. Не хорошо хвалиться своимъ развратомъ и жить только для соблазна и обмана. Скоро проходятъ минуты шумнаго самозабвенія, а тамъ что? Старость, болѣзнь, одиночество, скука, раскаяніе... (*Впадаетъ въ задумчивость*): Бѣдная Аннушка! какъ она меня любила, какъ просто, какъ сильно и безкорыстно! Люди, испорченные свѣтомъ, не поймутъ всей неограниченности чувства въ душѣ первобытной. А мы смѣялись тогда съ товарищами надъ этимъ чувствомъ, которое было бы теперь лучшимъ сокровищемъ моей жизни. Совѣсть проснулась наконецъ. Грѣхъ во всемъ безобразіи, какъ тѣнь, возставшая изъ могилы, неподвижно стоитъ передо мною и грозитъ мнѣ неумолимымъ упрекомъ. Умерла въ горѣ, въ нищетѣ, въ посрамленіи, и тамъ, на предвѣчномъ судилищѣ, она обвиняетъ меня теперь, а съ нею рядомъ, отворотившись отъ нея, стоятъ убитые мною

рики и шепчутъ мнѣ проклятіе; а когда и я предну съ ними... что же буду отвѣчать? А?... Но казнь моя уже здѣсь, ужь на землѣ началась меня. Буйные товарищи всѣ лежатъ въ могилѣ, динъ, вѣчно одинъ, безъ привязанности, безъ поды. Съ недугомъ въ груди, съ камнемъ на совѣ, и никто не согрѣетъ душу. Никто не закроетъ глазъ, никто не пойдетъ со слезами за моимъ бомъ. Тяжело умирать одному! одному!... Да, въ омъ свѣтѣ и есть у меня только одинъ сынъ. И ъ меня не знаетъ... и тотъ для меня вѣчный ръ, и тотъ ямщикъ, простой ямщикъ! *(Утираетъ зы).*

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЕВЕРИНЪ и МАША.

Маша *(боязливо посматриваетъ на Северина и робко къ нему подходитъ).*

Баринъ!...

Северинъ.

А что тебѣ надобно?

Маша.

До вашей милости...

Северинъ *(сурово).*

Ну!...

Маша *(испугавшись).*

Нѣтъ-съ! такъ, ничего... я не стану безпокоить. *(хочетъ уйдти).*

Сивринъ (*ласково*).

Не бойся, дѣвушка, говори смѣлѣе...

Маша.

Да не знаю какъ и молвить, баринъ. Вѣдь наше дѣло дѣвичье, неразумное, никуда не выходимъ, не смѣю, право.

Сивринъ.

Ну, будь смѣлѣе.

Маша.

Да никакъ дѣвушкѣ нельзя о такихъ дѣлахъ баять .. Вы не скажете матушкѣ?

Сивринъ.

Не скажу, будь спокойна.

Маша.

Право не скажете?

Сивринъ.

Право.

Маша.

А то вѣдь мнѣ глазъ нельзя будетъ домой показать.

Сивринъ.

Да говори же, въ чемъ дѣло?

Маша.

Да вотъ-съ не смѣю, право... стыдно... вотъ что... Дмитрія хотятъ въ некруты везти.

Сивринъ.

А кто это Дмитрій?

Маша.

Здѣшній ямщикъ. Онъ поспорилъ съ Саввой Саввичемъ; Савва Саввичъ, негодной такой, пошелъ къ головѣ жаловаться, и того гляди будетъ бѣда.

Северинъ.

А за что́ онъ поссорился?

Маша.

Да изволишь видѣть, баринъ-то, не смѣю молвить... ухаживать любитъ за дѣвушками, вздумалъ, какъ сказать...

Северинъ.

И за тобой ухаживать?

Маша.

Такъ точно.

Северинъ.

А... а... и Дмитрію это не нравится?

Маша.

Такъ точно... Можетъ ли это ему быть по сердцу?

Северинъ.

Этотъ Дмитрій тебѣ родня?

Маша.

Нѣтъ.

Северинъ.

Женихъ?

Маша (*краснѣя*).

Нѣтъ-съ.

Северинъ.

Ты его любишь?

Маша.

Ахъ, какъ можно! матушка не позволитъ, онъ ...ъ, такъ, знакомый, бѣдный сирота. Жалко его, ...ъ защиты, даромъ пропадаетъ.

Северинъ.

Сирота, говоришь ты. Да что́ же я могу тутъ

сдѣлать? (*Помѣщикъ Савва Саввичъ и Ларька проходятъ въ углубленіи и смѣются*).

Маша.

Да вы, я слышала, баринъ, анерадъ. Какъ прикажете, такъ и будетъ: голова противъ васъ не посмѣетъ. Не откажите, ваше благородіе. Заступитесь за сироту безроднаго. Ни отца, ни матери, вся надежда на добрыхъ людей...

Северинъ (*тронутый*).

Хорошо, хорошо, увидимъ... Все, что смогу, и сдѣлаю, чтобъ помочь твоему горю...

Голосъ старухи изъ окошка.

Маша, а Маша, гдѣ это ты? полно по порядку шататься.

Маша.

Слышите, баринъ, не говорите матушкѣ о чемъ я васъ просила.

Северинъ.

Хорошо, хорошо.

Маша.

Не то я пропаду совсѣмъ. Матушка грозная такая. Умру со страху.

Северинъ.

Будь спокойна.

Маша.

Ну, ладно... не забудьте же... (*Ласкательно*). Знаете... пожалуйста, баринъ!... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

СЕВЕРИНЪ, САВВА САВВИЧЪ и ЛАРЬКА.

Савва Саввичъ (*подтрунивая*).

Эй, ха, ха, ха!... Ваше превосходительство...

ремени тратить не изволите... а въ уговорѣ не было. Грѣшно вамъ у насъ бѣдныхъ людей, хлѣбъ отнимать.

Свиринъ.

Что это значитъ?

Савва Саввичъ.

Да значитъ, что, видно, генералъ, вы не прохъ. И ѣхать не хотите... Да и занятіе себѣ нашли. *(Въ-полголоса).* Скажите-ка по правдѣ, что на съ вами посговорчивѣе?

Свиринъ.

Кто?

Савва Саввичъ.

Ну, да... вотъ... что отъ меня спряталась... кая продувная!

Свиринъ.

Какъ, вы смѣете думать?

Савва Саввичъ.

Та, та, та... Не сердитесь, ваше превосходительство. Дѣло вѣдь явно... что, не барахтается... любовно кончили... или поплатиться изволили? а, ха, ха...

Свиринъ.

Перестаньте, пожалуйста; я не люблю такихъ шутокъ...

Савва Саввичъ.

Перестать... мнѣ... нѣтъ, какъ угодно, а ужь не престану... Я и самъ за нею ухаживаю. Посмотримъ еще, чья возьметъ?... Благо, что не непріятная; мы и сами, изволите видѣть, похлопотать умѣемъ о собственной надобности.

Спиридонъ.

Негодяй!

Савва Савичъ.

Браниться? Что же вы думаете? что
ралъ? Да вѣдь въ отставкѣ! насъ не прове
не такіе деревенскіе... кое-что сами знаем

Спиридонъ.

Отойдете ли вы отъ меня?

Савва Савичъ.

Ларька! а, Ларька!

Ларька.

Что, сударь?

Савва Савичъ.

Бранится, кажется?

Ларька.

Бранится, сударь!...

Савва Савичъ.

Ай-да хватъ!... Забираетъ чужое, да
нуть не смѣй... Ларька!...

Ларька.

Что, сударь?

Савва Савичъ.

Сыграемъ-ка штуку...

Ларька.

Какъ прикажете?

Савва Савичъ.

Болванъ! Извѣстно, какъ прикажу... Сы
(*Говоритъ ему на-ухо, Ларька хох*
Да не смѣйся же, болванъ, догадается. (*Г*
Но угодно же вамъ быть за-одно, ваше пр
тельство, такъ ужь не взыщите... одни рас

.. (*Северинъ бросаетъ на него презрительный взглядъ*). Вишь, какой грозный... Пойдемъ-Ларька. На водку дамъ.

Ларька.

Ой-ли?... Что же пожалуйте?

Савва Саввичъ.

Пряникъ...

Ларька.

Лошадку... что ли?

Савва Саввичъ.

Хоть лошадку... Ну, маршъ... (*Грозитъ Сенку и уходитъ, смѣясь и шушукая съ ькой*).

Северинъ (*одинъ*).

Да, у Аннушки остался сынъ. Какъ бы увидѣть ... какъ бы обнять его... Кто знаетъ, я, быть-етъ, могу его взять къ себѣ... Могу воспитать , и онъ въ одинокой и болѣзненной старости етъ мнѣ утѣшеніемъ и опорой. А что это?

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВЕРИНЪ и МИТЬКА. Изъ-дали идетъ Митька, немно-подгулявши и поетъ держась за-ухо: «Во лузяхъ, ахъ-то во лузяхъ, зеленыхъ-то моихъ.

Митька.

Баринъ, ты что ли прогоны отдаешь? Прикажи-шестерикъ запречи. Полно скупиться. Лихо по-у. Ей-Богу съ горки на горку. Валяй-себѣ. Эй , соколики. Глядь-ка, полтинникъ самъ дашь на ку. Право-ну, прикажи-ка, ваша милость.

Сивкинъ (*разсматриваетъ его*).

Ты со мной ѣдешь?

Митька.

Да, кажись такъ. Дядя Семенъ взялъ пятиалтынный, сладу барина-то продалъ. Баринъ, говоритъ, хорошій, не лаетъ и не дерется, и на водку далъ четвертакъ.

Сивкинъ (*разспянно*).

А развѣ пріѣзжающіе шумятъ съ вами?

Митька.

Да еще какъ. Иной разъ пріѣзжающій такъ свиснетъ по-уху, что и оглянуться не успѣешь. Да что тутъ! не гоняться знать за эвтимъ. Да братъ-то нашъ знаетъ отъ кого и стерпѣть. Не всякой суйся. Намедни везъ я какого-то нѣмца на парѣ (*смѣется*)... Какъ вздумалъ нѣмецъ погрозить мнѣ пальцемъ, а я покажи ему кнутъ, не бойсь, присмирѣлъ.

Сивкинъ.

Въ его чертахъ, въ его голосѣ что́-то знакомое— страшно... не-уже-ли? — Другъ мой, скажи мнѣ... ты чей сынъ?...

Митька.

А тебѣ баринъ, на что́?

Сивкинъ.

Такъ, ничего, мнѣ разсказывалъ смотритель про дочь Петра Коршунова.

Митька.

Про мою матушку?

Северинъ.

она точно твоя мать? Ты сынъ ея!

Митька.

имо, что сынъ.

Северинъ.

! Боже мой... ты... я...

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ и СМОТРИТЕЛЬ.

Смотритель.

то ты, негодяй, здѣсь дѣлаешь? Вотъ я ве-
гебя всю шкуру содрать. Въ кабакѣ сидѣлъ,
зецъ. Напляшешься же ты у меня, сотъ пять
ь влѣплю, чтобъ помнилъ свое дѣло, каналья.
е, ваше превосходительство, человѣкъ глу-
пивши немного, самъ не знаетъ что̀ мелетъ.
елъ же въ ямъ, выводи лошадей. (*Указы-
Северина*). Вѣдь ты ихъ превосходитель-
ставляешь дожидаться, а потомъ на мнѣ и
аютъ, бѣдномъ человѣкѣ... Ну, проваливай,
ликъ. Ахъ, ты Господи Боже мой, что̀ это
ъ...

Северинъ.

ей его трогать!...

Смотритель.

го, ваше превосхидительство. (*На-ухо*).
ъ, для острастки. Драться намъ не велѣ-
акъ хоть-бы словами ихъ попугать, а то,
ваше превосходительство, просто не знаешь
ними сладить.

Свиринъ.

Ну, ступай же прочь.

Смотритель.

Какъ, я... ваше превосходительство, послушайте, я пришелъ доложить, что самоваръ готовъ.

Свиринъ.

Оставь меня съ нимъ.

Смотритель.

Ваше превосходительство шутить изволите. Онъ вѣдь и не знаетъ, какъ говорить съ такой особой... Ну, проваливай, дрянь этакая.

Свиринъ.

Ну, полно же!...

Смотритель.

Мерзавецъ, ваше превосходительство, мерзавецъ, горлопай такой. Словно важный человѣкъ— а у самого-то ни кола, ни двора. Отца не видать, а мать-то... я докладывалъ давича, что̀ съ офицерами-то гуляла.

Свиринъ..

Молчи, бездѣльникъ!

Смотритель (*встороиу*).

А! начинаетъ сердиться. Когда-то онъ отправится. (*Вслухъ.*) Ваше превосходительство? Вотъ ей-Богу, курьерскихъ приказалъ дать послѣднихъ. Пріѣдетъ курьеръ—бѣда будетъ. Ну, да ужь я увѣренъ, что ваше превосходительство меня не забудете. Заступитесь за бѣднаго человѣка.

Свиринъ.

Не нужно... я здѣсь останусь.

Смотритель.

ыя лошади, самыя фельдъегерскія.

Северинъ (*съ бѣшенствомъ*).

сь останусь!—Говорятъ тебѣ, что я здѣсь
!

Смотритель (*всторону*).

лава Богу, разсердился. Теперь покричитъ,
гъ... Велю все-таки закладывать. Уйдетъ
мошенникъ? (*Северинъ беретъ ямщика
и показываетъ смотрителю, чтобъ
елъ. Смотритель низко кланяется и
ъ, пожимая плечами*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

НЪ и МИТЬКА стоятъ нѣсколько временъ въ молчаніи.

Северинъ.

тебя зовутъ?

Митька.

кой.

Северинъ.

отчеству?

Митька.

меня нѣтъ отчества!... Велѣли называться
чемъ... по мнѣ пожалуй.

Северинъ.

бе тебѣ велѣлъ?

Митька.

тъ староста церковный.

Северинъ.

съ твое прозвище?

Митька.

Да какое прозвище. Митька бобыль... такъ и зовутъ.

Сивцевъ.

Такъ у тебя нѣтъ отца?

Митька.

Вѣстимо, что нѣтъ.

Сивцевъ.

Скажи... а тебѣ жаль... ты грустишь о томъ, что у тебя нѣтъ отца?

Митька (*смѣется*).

Вотъ пустяки. Нѣтъ батьки, такъ нѣтъ. Вотъ-то и все.

Сивцевъ.

А мать свою ты помнишь?

Митька.

Нѣтъ, не помню... А слыхать такъ слышалъ.

Сивцевъ.

Отъ кого же?

Митька.

Да отъ церковнаго старосты. И молиться за душу приказалъ... (*Съ чувствомъ*). Бѣдная, баетъ, горемычная была.

Сивцевъ.

И ты за нее молишься?

Митька.

Каждодневно утромъ и вечеромъ. Какъ не молиться!

Сивцевъ.

И за отца тоже?

Митька.

ца... зачѣмъ... я объ немъ только и слы-
ито матушка отъ него пошла въ могилу...
нимъ... я не хочу за него молиться. *(Мол-*

Сидоринъ.

и-ка, Дмитрій...

Митька.

ка!

Сидоринъ.

авно. Ты бы хотѣлъ сдѣлаться богатымъ?..

Митька.

Сидоринъ.

, было у тебя много денегъ и могъ бы ты
своей волѣ?

Митька *(смѣется)*.

мо хотѣлъ бы. Какъ не хотѣть!

Сидоринъ *(всторону)*.

я не ошибся... я не буду болѣе одинъ. Я
его возьму, я заставлю его любить себя...
). Такъ ты радъ будешь выйдти изъ твое-
янія?

Митька.

не радъ.

Сидоринъ *(всторону)*.

лава Богу, я найду себѣ сына... *(Вслухъ)*.
-ка, Дмитрій...

Митька.

ка!

Сивцинъ.

Скажи, на что тебѣ деньги?

Митька.

Мало ли на что? Да вотъ хоть третью лошадь прикупить. Пара-то есть, да и та, признательно сказать, съ грѣхомъ по-поламъ. Ну, да еще живетъ, а третьяго-то коня не хватило. Что хошь дѣлай. Ну, а ты баринъ, самъ знашь, что за ямщикъ безъ тройки, и приплачивать-то надо на третью... да и слава, извѣстно, ужь какая.

Сивцинъ.

А учиться ты хотѣлъ бы?

Митька.

Чему учиться?...

Сивцинъ.

Книги читать, душу возвысить, узнать людей и свѣтъ.

Митька (*не понимая*).

Такъ-съ... вотъ... что.

Сивцинъ.

Ты грамоту знаешь?

Митька.

Учился-было у церковнаго старосты... Да не лѣзетъ, проклятая, въ голову. Азъ, буки, да и обчелся. Такъ и бросилъ. Не наше видно подъячское дѣло. Вотъ около коней, такъ ужъ статья другая. Всѣ жилки затрепещутъ. Были бы лошадки только добрыя... Какъ поѣдешь, знаете, по селу, заберешь возжи, шапку набокъ, привстанешь, да принаклонишься, да какъ махнешь кнутомъ, да какъ гаркнешь: «Эй вы, соколики! По всѣмъ по тремъ, ко-

е тронь—да еще пригрозишь: ударю! » Эхъ-
ще такъ и заиграетъ.

Сивцевъ.

ты не хочешь перемѣнить жизни?

Митька.

..

Сивцевъ.

иться господиномъ... перемѣнить платье.

Митька.

, съ чѣмъ подъѣхалъ. Нѣмецкій мнѣ кафтанъ
, кургузой, что ли? Нѣтъ ужь воля твоя...
ь глумиться. На меня ребятишки будутъ
указывать. Не по насъ это.

Сивцевъ.

ты не хочешь быть самъ барином?

Митька (*смѣется*).

веселый какой. Чѣмъ тѣшиться наволочь!
нѣмцемъ нарядить хочетъ. Чай, лучше
кому при своемъ остаться.

Сивцевъ.

ты доволенъ своей судьбой?

Митька.

доволенъ... коня не хватаетъ. Ну, да вотъ
(*вздыхаетъ*) кручинушка тяжкая... Машку
тъ...

Сивцевъ.

это Маша?

Митька.

тъ Терентьевны дочь.

Сивцевъ.

къ это ты... Такъ о тебѣ она?...

Митька.

Что́ я?... что́ она?...

Сивцинъ.

Нѣтъ, ничего... Я хотѣлъ спросить, ты ее любишь?...

Митька.

Коли не любить! Дѣвка хорошая, надо сказать правду. Незбалованная. Могла бы мыть и стряпать у меня. Ну, да Терентьевна слышать не хочетъ. «Эва, говоритъ, чего захотѣлъ. Дочь моя не бобылка какая. Отецъ въ старостахъ былъ, да и мать изъ богатаго дому. Всякаго платья на приданое, и шубато заячья, да самоваръ еще въ придачу». Не подъ шерсть, вишь, конь.

Сивцинъ.

Ну, такъ что́ же? Ты можешь перейти въ другое мѣсто, забыть Машу.

Митька.

Нѣтъ, ужь этого отъ меня не будетъ... Не уйду отселѣ. Да вотъ я тебѣ скажу на́-ухо, баринъ. Машка-то отъ меня не прочь. Право-ну. Съ ней бы ладно. Да вотъ Терентьевну не знаешь какъ уломать. Опомнясь ходилъ-было еще церковный староста сватать. «У мени-де купецъ, у васъ-де товаръ», а Терентьевна въ отвѣтъ: «Рада бы радехонька, да товаръ-то не по купцу». Вотъ-те баста... (*Вдали показывается церковный староста съ книгою и чашкой подаянія; слышенъ голосъ ямщика*): Митюха, а Митюха, ступай закладывать, смотритель лается.

Митька.

Ай-да и впрямъ закалякался. Ужь не прогнѣвай-баринъ... шестерикъ запрягу... А ужь уважу. ешь доволенъ. Въ часы, пожалуй, доставлю... й веселый какой!... Ну, ну, ну, соколики! ну, .. Эхъ-ма!

ЯВЛЕНІЕ XII.

СЕВЕРИНЪ и ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА.

Церковный староста.

На построеніе храма Господня во имя Угодника ія Святителя Чудотворца Николая, будьте вклад-... (*Северинъ кладетъ разсѣянно мелкую ету*). Съ чистою ли ты совѣстію это подаешь, ръ Александровичъ?

Северинъ.

А! ты меня знаешь?

Церковный староста.

Давно, баринъ, не видались. Да и вѣкъ не хо-ь бы видѣться... Спасибо за подаяніе. (*Хочетъ и; Северинъ его останавливаетъ*).

Северинъ.

Постой, постой... ты кто?

Церковный староста.

миренный грѣшникъ, староста церковный.

Северинъ.

ы зналъ старика Коршунова?

Церковный староста.

однимъ братомъ мнѣ приходился.

Северинъ.

Е дочь его?

Церковный староста.

Племянницей мнѣ была. Прости ей Господь ея согрѣшенія... (*Молчаніе. Северинъ кладетъ свой кошелекъ въ чашку*).

Северинъ.

На, старикъ... вели отслужить по нихъ панихиду.

Церковный староста.

А-га! покаялся, видно, баринъ. Пришло свое время.

Северинъ.

Послушай, старикъ. Вини меня какъ хочешь. Не знаешь ли, все, что́ есть у меня на свѣтѣ, послѣднюю рубашку съ тѣла я готовъ отдать, чтобъ загладить свою вину...

Церковный староста.

Помолись, баринъ, авось Господь тебя и успокоитъ.

Северинъ.

Послушай, старикъ, у тебя есть жена, дѣти?

Церковный староста.

Благословилъ Господь.

Северинъ.

Ты ихъ любишь?

Церковный староста.

Слава Богу, ладно живемъ.

Северинъ.

А я одинъ. Ни жены, ни дѣтей, ни друга... собаки нѣтъ, которая бы меня любила. Я одинъ, въ болѣзни, въ старости, въ горѣ... И здѣсь я нашелъ *сына;* нашелъ сына, который былъ бы мнѣ утѣше-

нашелъ его—и не смѣю открыться ему;
езти его, признать его. Быть-можетъ,
состоянiи онъ будетъ несчастливъ... а
езъ того много грѣха на совѣсти.

Цирковный староста.

тимо... Нелегко тебѣ, а дозволь вымол-
. Бариномъ быть—надо бариномъ родить-
барина мужикомъ, мужика бариномъ.—
сладить.

Свiрiнъ.

ъ этомъ тоже думалъ.

Цирковный староста.

ромъ, батюшка, что мы народъ безъ муд-
ко же свой разумъ, каковскiй бы онъ ни
таки есть. Вѣдь мы, не бойсь, видимъ,
ость между настоящимъ помѣщикомъ и
мъ Савва Саввичемъ, что здѣсь шатается.
отецъ-подъячiй наворовалъ въ судѣ, день-
него еще будутъ водиться. А куда-то ужь
плоховатый. Да и богатство-то такое,
прокъ не йдетъ.

Свiрiнъ.

совѣтуешь мнѣ оставить сына ямщи-

Цирковный староста.

о, батюшка, ямщикомъ взросъ, ямщикомъ
И что жь? вѣдь ваши-то хитрости не по
ся разуму; станетъ по харчевнямъ бѣгать,
добрыхъ людей, а тамъ, пожалуй, охо-
за дѣвками, да хмѣлемъ заниматься, а по-
ни какимъ не захочетъ выучиться. Право

такъ. А въ селѣ ему не невидальщина какая. Парень онъ добрый, горячъ что́ ли. Старѣ будетъ — возьметъ себѣ бабу. Станетъ сѣно косить, да за лошадками ухаживать. Вѣдь вамъ только, баранъ, мужичковъ жалко. А русскому мужику чѣмъ не житье? Земли вдоволь, слава Богу, не занимать-стать. Живи себѣ, да благословляй Господа, что еще милуетъ.

Сивринъ.

Въ твоей рѣчи много правды, старикъ... Да подумай обо мнѣ. Я говорилъ тебѣ, старость близится, ужасная старость. Вѣдь мнѣ не́съ кѣмъ будетъ проститься. Нѣкому будетъ паннихиды по мнѣ отслужить... а у меня сынъ,—сынъ добрый, которому я все отдать готовъ, чтобъ только разъ прижать его къ груди и назвать его сыномъ.

Церковный староста.

Жаль, баринъ, а нельзя.

Сивринъ.

А кто... не дастъ?

Церковный староста.

Я, грѣшникъ.

Сивринъ.

Съ какого права?

Церковный староста.

Не прогнѣвайся, баринъ. Когда померла Аннушка, я стоялъ у изголовья. Горько ей было. Старики не бранились, а плакали. Да что́ имъ было дѣлать? Послали за священникомъ. Передъ исповѣдью она говоритъ: «Дяденька, возьмите вы сироту. Поите, *кормите* его. Богъ васъ не оставитъ; а если отецъ

ь вытребовать къ себѣ, не отдавайте. Пусть
онъ простой человѣкъ. А то его тамъ изба-
і обманутъ, какъ меня грѣшную обманули».

Сивкинъ (*въ волненіи внутренней борьбы*).

. такъ... будетъ же по-твоему. Богъ видитъ
і степени измучено, истерзано мое сердце...
ее утѣшеніе свое я отдаю для искупленія
Прощай!... Изъ перваго города я пришлю те-
реннаго; онъ съ тобой сговорится... Я хочу
ь хоть въ вашемъ бытѣ состояніе моего...
, у меня нѣтъ сына... Лошадей! лошадей!...

Смотритель (*вбѣгаетъ въ торопяхъ*).

о, ваше превосходительство. Ямщикъ на коз-

Сивкинъ (*подходитъ къ церковному старостѣ*).

ы ему скажешь, не правда ли, ты скажешь
то... да нѣтъ, ничего, никогда... Прощай...
! (*Поспѣшно уходитъ; слышенъ стукъ*
са).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ОВНЫЙ СТАРОСТА, САВВА САВВИЧЪ и
ЛАРЬКА.

Церковный староста.

барина, а дѣлать нѣчего... Ахъ, опять
годный; уйдти, видно, поскорѣй отъ него...
деньги можно цѣлый придѣлъ выстроить.

Помяну тамъ усопшихъ, да и грѣшнаго боляринa кстати... Пойду-ка, отнесу отцу Іоанну.

Савва Саввичъ (*обращаясь къ Ларькѣ*).

Все ли ты понялъ?

Ларька.

Все, сударь-съ; какъ не понять!

Савва Саввичъ.

А, постой-ка, что я еще хотѣлъ сказать?... Дай-ка мнѣ... водки. (*Пьетъ и брызгаетъ въ лицо Ларькѣ*). Скажи-ка, помнишь, что я тебѣ приказывалъ?

Ларька.

Помню, помню.

Савва Саввичъ.

Ну, вотъ увидимъ. Ну, скажи-ка.

Ларька.

Вотъ что: — Когда Терентьевна пойдетъ въ городъ, Машка останется одна...

Савва Саввичъ.

Хорошо, хорошо, молодецъ!

Ларька.

Я ее и кликну.

Савва Саввичъ.

Врешь, бестія. Не то, если кликнешь, я всѣ волосы тебѣ выщиплю.

Ларька.

Не буду, не буду! Я влѣзу въ калитку. Всѣ двери на запоръ, самъ стану сторожить, а васъ и кликну.

Савва Саввичъ.

А какъ ты кликнешь?

Ларька.

Вотъ такъ. (*Свищетъ*).

Савва Саввичъ.

Какъ? (*Ларька опять свищетъ*). Хорошо; на бѣ на водку. (*Ларька протягиваетъ руку*). А пьешь, что ли, водку?

Ларька.

Пью, баринъ.

Савва Саввичъ.

Ахъ, ты мошенникъ! Вотъ я велю розогъ тебѣ ть! (*За кулисой слышенъ шумъ*). А-га! ни- молодца моего хватаютъ. Знаешь, Митьку го- а-то мнѣ обѣщался... Сладили дѣло! Нынче же зутъ въ присутствіе, а пріемщикъ-то свой чело- къ. А? каково обдѣлалъ? Недурно, что ли? Ха, , ха!

Ларька.

Ха, ха, ха!

Савва Саввичъ.

Что жь ты, дуракъ, смѣешься?

Ларька.

Да смѣшно, сударь... Никакъ въ-самомъ-дѣлѣ ло- тъ. (*Крикъ за кулисой: «Ловите его!»*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МИТЬКА бѣжитъ съ топоромъ, за нимъ толпа ямщи- ковъ.

Митька.

Что это! разбой, разбой! Не троньте; перваго кто дойдетъ, я такъ хвачу, что сдачи не попроситъ.

Грѣхъ вамъ, православные! отняли у меня очередь съ добрымъ барином, да желѣза хотите надѣть. Что же я, въ-самомъ-дѣлѣ, воръ, что ли? разбойникъ? Говорите порядкомъ.

Ямщикъ.

Не серчай, Митюха. Для смѣху только, а такъ бы въ питейный, да и все тутъ.

Митька.

Вотъ больно хитеръ! меня не проведешь. Ну, и что тутъ. Надо служить, такъ надо; я не прочь... Что же вы думаете? На-те, не бойтесь! (*Кидаетъ имъ подъ ноги топоръ*). Ахъ, ребята, стыдно вамъ! Каторжника, что ли нашли? Не трогайте, я волею пойду...

Церковный староста (*вбѣгаетъ*).

Постойте, православные! Не ему чередъ... Боже мой, а Петръ Александровичъ уѣхалъ... Постойте... повремените... онъ поставитъ за себя человѣка.

Первый ямщикъ (*почесываясь*).

Человѣка? ой-ли? изъ какого комплекту?

Второй ямщикъ.

Разбогатѣлъ видно больно... откуда же?

Савва Саввичъ.

А вотъ, православные, откуда—отъ Машки.

Митька.

Что?

Савва Саввичъ.

А развѣ вы не знаете, что Машка-то съ барином связалась, вотъ что проѣзжалъ? Что ужь такъ у нихъ было, а я самъ видѣлъ... Ну, вѣрно поряд-

ъ наградилъ Машку. Баринъ-то генералъ и щед-й такой.

(*Голоса между ямщиками*). А, вотъ что, ой-лихо, такъ эва...

Митька (*про себя*).

Да и въ-самомъ-дѣлѣ, баринъ все тутъ шатался, еще подтрунивалъ надо мной. (*Вслухъ*). Иду, ята, хоть въ очередь, хоть не въ очередь. За таго нойду. Ахъ, Машка, Машка!... (*Стучитъ въ окно*). Эй, видно плохимъ ремесломъ начала аться? Маша, Богъ тебѣ судья... Скажи-ка ентьевнѣ, чтобъ она Митьки не боялась: Митька въ солдаты идетъ. Да попроси-ка ее, чтобъ выдала тебя за парня смирнаго, чтобъ не билъ больно и баловаться не давалъ. Живите себѣ совѣтъ, да не поминайте меня лихомъ. Просимъ щенія; Богъ-вѣсть, прійдется ли намъ свидѣться. (*плачетъ*). Ну, довольно; идемъ что ли, ребята. полно вамъ хныкать. Вѣдь дѣло хорошее, ради лужить Государю... Затягивай-ка, Сидорка. Да веселѣе. Ну, съ Богомъ. (*Подхватываютъ его въ руки, запѣваютъ хоромъ пѣсню и проходятъ черезъ всю сцену веселой гурьбой. Церковной староста печально на нихъ глядя, идетъ ними вслѣдъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

САВВА САВВИЧЪ и ЛАРЬКА хохочутъ.

Савва Саввичъ.

Вотъ и съиграли штуку.

Ларька.

Ай-да лихо!

Савва Саввичъ.

Будетъ теперь знать, что̀ значитъ не съ своимъ братомъ связаться.

Ларька.

Идти теперь, что̀ ли?...

Савва Саввичъ.

Постой! надо старуху подкараулить. Тсъ... тсъ... (*Прячутся*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ и СТАРУХА ТЕРЕНТЬЕВНА.

Старуха Терентьевна (*выходитъ съ калишкомъ*).

Ну, перестанешь ли, перестанешь ли ты хныкать, срамница? Ахти, грѣхъ какой. Въ стары годы въ гробъ бы слегли отъ этакого поношенія. Дѣвка по парнѣ плачетъ. Виданное ли дѣло?... Да что̀ православные скажутъ... а Матрена-то... а Зотиха, а просвирня? Срамъ, да и только. Ну, перестань же, да сиди въ избѣ, смотри. Всѣ на работѣ... а мени дожидайся... Ахти, грѣхъ какой! (*Уходитъ*).

Савва Саввичъ.

Ну, ну... вотъ посмотримъ, чья взяла. Ларька, отправляйся на мѣсто. Что̀ же ты смѣешься?

Ларька.

Ха, ха, ха, да смѣшно, баринъ.

Савва Саввичъ.

Вотъ я тебя... ну, маршъ... (*Ларька проби-*

тся въ калитку и свищетъ). А молодецъ ъ Ларька. Просто чертенокъ. *(Входитъ въ ка-лку).*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ и СЕВЕРИНЪ.

Северинъ *(разстроенный).*

Да зачѣмъ же его смѣнили? Вѣдь ему надо со ю ѣхать, и странное дѣло, поднимаясь на гору,— ного кладбища лошади мои стали. Тамъ лежитъ , бѣдная моя жертва, и мнѣ казалось, что изъ дой могилы выходилъ голосъ, и что каждый го-ь шепталъ мнѣ : «Не проходи мимо насъ, огла-ный.» Я побѣжалъ назадъ... чтобъ вздохнуть юдпѣе, чтобъ хоть разъ еще взглянуть на сына. *ірька выходитъ изъ калитки).* Что ты здѣсь ешь?

Ларька.

Ши! шш! шшш!

Северинъ.

Что это значитъ?

Ларька.

Хи, хи, хи! Не мѣшайте: баринъ мой здѣсь.

Северинъ.

Здѣсь, у кого?

Ларька *(смѣется).*

Да у Машки, знать. Вы не видали? Митьку по-и въ рекруты, лихо такъ, съ пѣснями.

Северинъ.

Въ рекруты... моего... въ солдаты. Побѣгу... да

нѣтъ. Сперва надо раздѣлаться съ этимъ негодяемъ. А, послушай! (*Вырываетъ изъ бумажника листокъ и пишетъ на-скоро записку*). Вотъ, отнеси эту записку къ головѣ...

Ларька.

Вотъ что́ выдумалъ. А баринъ? А розги?

Северинъ.

На, на.

Ларька.

Золотой, и розги не-по-чемъ! (*Убѣгаетъ, Северинъ входитъ въ калитку*).

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

СМОТРИТЕЛЬ бѣжитъ впопыхахъ.

Ахъ, Боже ты мой! что́ станешь тутъ дѣлать? лошади стали. Будетъ жаловаться, напишетъ, пропалъ совсѣмъ.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

СЕВЕРИНЪ выбѣгаетъ, держа Савва Саввича за шиворотъ и отбрасываетъ его всторону.

Северинъ.

Прочь, мерзавецъ!

Савва Саввичъ.

Помилуйте, генералъ, что̀ это значитъ? я вамъ показываю красотку, а вы у меня ее силою отнимаете. Не честно, генералъ, между дворянами такъ не поступаютъ.

Свиринъ.

Не смѣй говорить о чести, негодяй! Ты-и въ двоіствѣ холопъ.

Савва Саввичъ

Да помилуйте, пожалуйста; да это ни на что не коже. Добро бы еще, если бъ вы мнѣ просто сказ: «Уступи, братецъ, я человѣкъ старый», ну, , я бы уступилъ... А то просто схватилъ за-широтъ, да и тащитъ... Тутъ личное оскорбленіе; я амъ бумагу въ судъ, въ Сенатъ; что вы думаете... меня есть пріятели чиновники. Увидимъ, кто будъ правъ.

ЯВЛЕНІЕ XX И ПОСЛѢДНЕЕ.

Ѣ ЖЕ, ЦЕРКОВНЫЙ СТАРОСТА, ЛАРЬКА, ГОЛС-А, ТЕРЕНТЬЕВНА, МАША, а потомъ МИТЬКА и всѣ ЯМЩИКИ.

Церковный староста.

Бѣда, Петръ Александровичъ, помогите: Митьку озять!

Ларька.

Голова сказалъ, будетъ исполнено.

Терентьевна.

Что это за шумъ... Опять напроказила, что ли, угомонна?

Маша.

Разскажу послѣ, матушка. Богъ помиловалъ.

Митька.

Да что же это въ-самомъ-дѣлѣ? То везутъ, то не

везутъ. Вѣдь я по своему желанію... Кто жь не пущаетъ?

Северинъ.

Я, Дмитрій, просилъ о томъ.

Митька.

Ты? вотъ что! А кто тебя проситъ отпрашивать? старый грѣшникъ!... я съ тобой и знаться-то не хочу.

Северинъ.

Что?

Митька.

Смѣяться надо мною, что ли хочешь? Да вѣдь смѣхъ-то не больно великъ со мною. Ужь за-одно— семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ, а даромъ тебѣ не пройдетъ; ну, что еще...

Северинъ.

Не продолжай, ради Бога.

Митька (*шопотомъ*).

Стыдно, баринъ, не хорошо за красными дѣвками ухаживать въ чужомъ селѣ... Вамъ пошутить, да и бросить, а имъ вѣкъ вѣчный горевать, да иной разъ и въ могилу съ тѣмъ идти. Стыдно баринъ! (*Северинъ грустно слушаетъ и глядитъ въ землю*).

Церковный староста.

Вотъ дѣло каковское. Баринъ этотъ наговорилъ Митькѣ, что вы будто съ Машкой сошлись; Митька взъерошился и пошелъ въ солдаты.

Северинъ.

Ложь... она приходила меня просить о немъ.

Митька.

Ой-ли?

Северинъ.

ткрылась мнѣ, что она его любитъ.

Трифитьевна.

грѣхъ какой!...

Митька.

господинъ-то выдумалъ?

Северинъ.

ѣется, выдумалъ; иначе удерживалъ ли бы
тъ солдатства?

Митька.

и впрямь. Виноватъ, съ горяча-то не об-
(*Саввѣ Саввичу*). Ну, проваливай-ка во-
прощелыжникъ, пока я тебя не поподчи-

Савва Саввичъ.

грубіянъ какой! Грубіянъ, что ли, Ларька?

Ларька.

янъ, сударь...

Савва Саввичъ.

акъ пойдемъ пообѣдать. А все ты виноватъ..
раздѣлаемся. (*Шопотомъ*). Голова, что
адулъ меня, полсотенную взялъ, да и ниче-
ѣлалъ?

Голова.

ратъ, баринъ-то награждаетъ не по-твоему,
свою ассигнацію назадъ... (*На-ухо Севе-*
Ваше высокосіятельство, когда прикажете...
того...

Северинъ.

церковнаго старосты получишь, а теперь по-
ного. Поди-ка сюда, Дмитрій.

Митька.

Здѣсь...

Свиринъ.

Хочешь, я тебя буду сватать?

Митька.

Шутить опять изволишь?

Свиринъ.

Нѣтъ, видитъ Богъ. Хочешь я тебя буду сватать?

Маша.

Коли не хотѣть? Да не бывать тому.

Свиринъ.

Кто знаетъ! (*Терентьевнѣ*). Позвольте мнѣ быть у васъ сватомъ. Отдайте дочь вашу Дмитрію.

Терентьевна.

Рано, батюшка, дѣвкѣ объ женихѣ помышлять.

Свиринъ.

А если женихъ ея достоинъ?

Терентьевна.

Не што, батюшка, парень смирный, тутъ и говорить вѣчего... Хоть куда бы хозяинъ, ну, да сами посудите, родства никакого, лошадокъ пара дрянная, а за душой ни гроша... рада бы... да не взыщите.

Митька (*съ горемъ*).

Зналъ я это... (*Маша отворачивается и плачетъ*).

Свиринъ.

А если Дмитрій васъ всѣхъ богаче?

Терентьевна.

Да откуда же, батюшка?

Свиринъ.

Да по наслѣдству отъ отца своего.

Тиринтьевна.

акомъ случаѣ... да не вѣрится что-то... по-
и не отдать...

Северинъ.

будешь согласна?

Тиринтьевна.

асна, пожалуй. (*Встороиу*). Благо дѣвка
кѣ ужь плакала.

Северинъ.

Дмитрій, обними свою невѣсту.

Митька.

жно ли?

Тиринтьевна.

равда ли?

Церковный староста.

, тётка. Я барину порука, ты меня знаешь:
ыхъ словъ не охотникъ.

Митька.

имомъ-дѣлѣ. Ахъ, Маша!...

Маша.

, на яву ли это? (*Обнимаются*).

Тиринтьевна (*дергаетъ дочь за сарафанъ*).

о же радоваться, безстыдная этакая... Что
кажетъ! Благослови, Господь! (*Цалуетъ
ія*).

Яищики (*между собою*).

. Эва. Ай-да Митька, вишь, счастье прива-
*Маша стыдливо отворачивается. Мить-
ается въ ноги Северину*).

Митька.

Ахъ, ты, батюшка... Отецъ родной!

Северинъ.

Отецъ. Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого слова.

Митька.

Да кто же ты въ-самомъ-дѣлѣ? Ты и отца моего зналъ. Да скажи, гдѣ же онъ... онъ живъ еще?...

Северинъ (*съ волненіемъ*).

Отецъ твой?...

Церковный староста.

Онъ померъ.

Северинъ (*тихо*).

Да, отецъ твой умеръ... Но передъ смертью онъ завѣщалъ мнѣ сказать тебѣ... Будь честнымъ, хорошимъ ямщикомъ! Каждый долженъ оставаться въ кругу, въ которомъ онъ родился, и свято исполнять свои обязанности. Но болѣе всего береги совѣсть: не дай и пятнышку завестись на ней, не то тебѣ не будетъ ни покоя, ни счастія. . Ну, прощайте. Старикъ, проводи меня до станціи... Мы поговоримъ, какъ бы упрочить ихъ счастье... Дмитрій... поди-ка сюда.

Митька.

Милостивецъ, благодѣтель ты мой!

Северинъ.

Знаешь... Дмитрій... что... какъ ты станешь молиться за мать... молись-ка и за отца. (*Митька цалуетъ его руку... Северинъ выдергиваетъ ее и уходитъ медленными шагами къ станціи. Вльво, старуха, Маша, Митька и ямщики образуютъ группу съ выраженіемъ удивленія и радости. Занавѣсъ опускается*).

БѢДА

ОТЪ

НѢЖНАГО СЕРДЦА.

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРЬЯ СЕМЕНОВНА БОЯРКИНА.
АРЬЯ ПЕТРОВНА, ея дочь.
АСТАСЬЯ ПАВЛОВНА, ея племянница.
ГРАФЕНА ГРИГОРЬЕВНА КУБЫРКИНА.
АТЕРИНА ИВАНОВНА, ея дочь.
АСИЛІЙ ПЕТРОВИЧЪ ЗОЛОТНИКОВЪ, откупщикъ.
ЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬИЧЪ, сынъ его.
ЛУГА, Бояркиной.

—

Театръ представляетъ комнату съ четырьмя дверьми; рабочій столъ, трюмо, фортепьяно, кресло съ большой спинкой, и проч.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА, МАРЬЯ ПЕТРОВНА въ бѣломъ пеньюарѣ; ее завиваетъ французъ парикмахеръ, потомъ НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Дарья Семеновна.

Ахъ, Боже ты мой! розоваго-то платья все-таки нѣтъ. Что́ жь это такое? платье заказано для нынѣшняго вечера, а получишь завтра утромъ... Здѣсь все такъ, все такъ. Такая досада: просто, побила бы кого нибудь! Настя! Настя! Настинька!

Настасья Павловна (*входитъ*).

Я здѣсь, тетушка.

Дарья Семеновна.

Ну, слава Богу; гдѣ пропадала, матушка? Въ головѣ все вздоръ, а вѣдь нѣтъ того, чтобъ подумать о тетушкѣ: посылала ли ты къ маршандъ де модъ?

Настасья Павловна.

Посылала, тетушка.

Дарья Семеновна.

Ну, что́ Машенькино платье?

Настасья Павловна.

Готово, тетушка...

Дарья Семеновна.

Такъ что́ жь не несутъ?

Настасья Павловна.

Да, тетушка.

Дарья Семеновна.

Ну, что̀ ты ворчишь?

Настасья Павловна (*тихо*).

Безъ денегъ, тетушка, не отдаютъ; говорятъ, и
зъ того много должны.

Дарья Семеновна.

Что̀ ты, грубить мнѣ, матушка, что̀ ли хочешь?
тъ благодарность-то: сироту круглую взяла къ се-
въ домъ, кормлю, одѣваю, а она мнѣ еще колко-
и говоритъ. Нѣтъ, милая, забываться я не позво-
. Что̀? принесли сухари, а?... вертятъ мороже-
е... а?... ни объ чемъ не подумаешь. Ну, что́ ты
опишь, какъ вкопанная? Видишь, Машенька еще не
ичесана; подавай шпильки.

Марья Петровна.

Вотъ здѣсь, на лбу, пустить бы колечки... вотъ
къ... comme ça, Mr, je vous prie. Маменька,
къ вамъ угодно, а платье не принесутъ. Я не
йду ни за что̀, ни за что́; останусь въ своей ком-
гѣ, скажусь больной. Какъ вамъ угодно.

Дарья Семеновна.

Что́ ты? что́ ты? съ ума сошла! Для тебя я дѣ-
ю вечеръ, а тебя не будетъ; прикажешь мнѣ вмѣ-
о тебя танцовать? У насъ будутъ самые первые
ени... то есть, кавалеры.

Марья Петровна.

Да! точно такъ и поѣдутъ.

Дарья Семеновна.

А отчего жь, матушка, и не поѣдутъ?

Марья Петровна.

Что они здѣсь забыли? вѣдь балъ-то есть нынче получше вашего; говорила я вамъ отложить, да вы все хотите по-своему.

Дарья Семеновна.

Пора бы тебѣ замужъ, Машенька, а то съ этими вечерами силъ моихъ недостаетъ. Смотри, сегодня будетъ князь Курдюковъ, постарайся ему понравиться.

Настасья Павловна.

Ахъ, тетушка; онъ старикъ!

Дарья Семеновна.

Васъ никто не спрашиваетъ. Что жь, что старикъ, деньги у него молодыя. (*Входитъ слуга съ письмомъ.*) Это отъ кого?... ну (*съ досадой*), прекрасно, безподобно... Князь Курдюковъ извиняется, быть не можетъ.

Марья Петровна.

Ну, что я говорила!

Дарья Семеновна.

А что, Машенька, посылать ли за розовымъ платьемъ? вѣдь князя не будетъ.

Марья Петровна.

Ужь разумѣется, послать... Что вы думаете? что я изъ-за вашего старика буду безъ платья ходить, что ли?

Дарья Семеновна.

Ахъ, Машенька, ты хоть бы людей постыдилась.

Марья Петровна.

Да онъ французъ, не понимаетъ.

Дарья Семеновна.

Ну, такъ я пойду за деньгами, пошлю за платьемъ.

Марья Петровна.

Давно бы пора... ну, ну... ступайте же.

Дарья Семеновна.

Вотъ и выростила себѣ невѣсту—раззоренье, да и только! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ДАРЬИ СЕМЕНОВНЫ.

Марья Петровна (*парикмахеру*).

Вотъ здѣсь еще... такъ... Настя... Настя... объ чемъ ты думаешь?

Настасья Павловна.

Такъ, не объ чемъ, грустно что-то...

Марья Петровна.

Вздоръ какой! посмотри-ка, пристала ко мнѣ эта прическа?

Настасья Павловна.

Пристала.

Марья Петровна.

Очень пристала?

Настасья Павловна.

Очень.

Марья Петровна.

Право... Ну, а ты что́ надѣнешь?

Настасья Павловна.

Да я такъ останусь, мнѣ къ-чему наряжаться... меня никто не замѣтитъ.

Марья Петровна.

Ты хоть бы ленту вплела въ косу... тамъ у меня въ шкапу много старыхъ лентъ.

Настасья Павловна.

Нѣтъ, зачѣмъ?

Марья Петровна.

Ну, ка́къ хочешь.

Золотниковъ *(за кулисами)*.

Дарья Семеновна дома, что́ ли?

Марья Петровна.

Ахъ, стыдъ какой, мужчина! (*Убѣгаетъ; с нею парикмахеръ*).

ЯВЛЕНІЕ III.

НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА и ЗОЛОТНИКОВЪ.

Золотниковъ.

Извините... я испугалъ здѣсь кого-то. (*Вст рону*). А, вотъ, эта дочка. (*Вслухъ*) А хозя нѣтъ дома видно?

Настасья Павловна.

Нѣтъ-съ, дома; я пойду скажу ей.

Золотниковъ.

Ни, ни, не безпокойтесь; мнѣ именно васъ-то надо.

Настасья Павловна.

Меня?

Золотниковъ.

позвольте хорошенько взглянуть только на
овернитесь немного, вотъ такъ... безподоб-
чше васъ я и желать бы не могъ.

Настасья Павловна.

васъ не знаю вовсе.

Золотниковъ.

ной скоро познакомитесь. Который вамъ годъ?

Настасья Павловна.

инадцать.

Золотниковъ.

чно. Скажите, женихи есть у васъ?

Настасья Павловна.

-съ.

Золотниковъ.

жь они, дураки, глядятъ! А вы помышляете
ствѣ?

Настасья Павловна.

ните, мнѣ некогда.

Золотниковъ.

ь, вы не сердитесь. Я Золотниковъ, откуп-
Слыхали, можетъ-быть? человѣкъ разбога-
такъ рѣчь у меня рѣзка немножко. А, впро-
я принимаю въ васъ живое участіе; повѣри-
ля васъ нарочно пріѣхалъ изъ Казани, чтобъ
вамъ предложеніе.

Настасья Павловна.

Золотниковъ.

ы не думайте, чтобъ я о себѣ говорилъ. Во-
ь, мнѣ 58 лѣтъ; во-вторыхъ, физіогномія моя

далеко не взрачна: въ-третьихъ, у меня жена сидитъ въ Тамбовѣ. Нѣтъ-съ, я хочу женить своего сына, и именно, коли сказать всю правду, очень бы мнѣ хотѣлось женить его на васъ. Разумѣется, если вы полюбитесь другъ другу. Вы, вѣдь, никого не любите? скажите по правдѣ...

Настасья Павловна.

Никого-съ.

Золотниковъ.

Ну, и не любите. Я сына вамъ представлю. Онъ—малый добрый. Сердце такое нѣжное. Дайте мнѣ слово, что вы не будете прочь отъ моего предложенія.

Настасья Павловна.

Послушайте, слово не шутка: давши слово надо его держать, а я сына вашего не знаю.

Золотниковъ.

Такъ что жь? онъ здѣсь дожидается въ гостиной.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА.

Золотниковъ.

Э... да... никакъ вотъ и хозяйка! Эге-ге-ге... какъ перемѣнилась! Талія-то была въ ромочку, а теперь слава Тебѣ, Господи...Дарья Семёновна узнаете ли вы меня?

Дарья Семиновна (*разглядывая*).

Виновата-съ.

Золотниковъ.

Припомните-ка хорошенько.

Дарья Семеновна.

Позвольте... Нѣтъ, не могу.

Золотниковъ.

Спасибо, Дарья Семеновна. А позвольте спросить—играете вы еще на фортопьянахъ?

Дарья Семеновна.

И, батюшка, куда мнѣ...

Золотниковъ.

А помните въ 19-мъ году, въ Казани...

Дарья Семеновна.

Боже ты мой, Василій Петровичъ!

Золотниковъ.

Азъ многогрѣшный. Вотъ оно, время-то. Другимъ человѣкомъ сталъ. (*Указывая на жилетъ*) Тутъ ничего не было—появилось. (*Указывая на голову.*) Тутъ много было—ничего почти не осталось. Дарья Семеновна не узнала!

Дарья Семеновна.

Вотъ Богъ привелъ свидѣться. Такъ ли я вамъ, батюшка, стара кажусь, какъ вы мнѣ? Да я слышала, вы разбогатѣли страшно.

Золотниковъ.

Съ-горя, Дарья Семеновна. Какъ вы отказали мнѣ, помните, я вошелъ въ дѣла, въ торги, на бѣду свою разбогатѣлъ, да съ отчаянія и женился.

Дарья Семеновна.

Изъ постоянства вѣрно; а сюда какими судьбами?

Золотниковъ.

Дѣлишки есть, да вотъ сына привезъ.

Дарья Семеновна.

А дѣтей у васъ много?

Золотниковъ.

Одинъ сынъ всего.

Дарья Сименовна.

Женатый?

Золотниковъ.

Нѣтъ, холостой еще.

Дарья Сименовна.

Прошу покорнѣйше садиться. Настенька, погляди, зажжены ли свѣчи въ гостиной. Садитесь, пожалуйста; о чемъ, бишь, мы говорили?

Золотниковъ.

Да объ сынѣ; женить хочу его.

Дарья Сименовна.

Ахъ, будьте осторожны, Василій Петровичъ! Въ Петербургѣ дѣвушки всѣ хороши на видъ; а какъ выйдутъ замужъ, сейчасъ видно, что воспитаніе не то, вовсе не то. Вотъ у меня дочка, такъ ужь могу похвастаться.

Золотниковъ.

Да́, я говорилъ сейчасъ съ ней.

Дарья Сименовна.

И, нѣтъ! вы говорили съ моей племянницей, съ сиротой, которую я держу изъ милости. Я мать, Василій Петровичъ... но я вамъ скажу, что дочь моя та̀къ воспитана, та̀къ приготовлена...

Марья Петровна (*за кулисами*).

Маменька!

Дарья Сименовна.

Что́, свѣтикъ мой?

Марья Петровна.

Платье принесли.

Дарья Семеновна.

Сейчасъ, мой другъ; и невинная какая—младен-ца пристыдитъ.

Золотниковъ.

Вотъ этого-то мнѣ и надо. Саша мой малый доб-рый, только въ головѣ у него еще вѣтеръ; наговори-ли ему, что у него два милльона.

Дарья Семеновна.

Два милльона?!

Золотниковъ.

Два милльона. Такъ повѣрите ль, сердце у него такое нѣжное, только юбку увидитъ, такъ и рагаетъ; что день, то влюбленъ; что́ станешь дѣлать! Ну, для шалости оно бы ничего, а лѣтомъ, въ Тамбовѣ, жениться вздумалъ на интриганткѣ какой-то. Къ счастью, гусаръ подвернулся, а то бы я вѣкъ съ нимъ плакался. Я вижу—дѣло плохо: сына съ собой въ Питеръ, да и къ вамъ, Дарья Семеновна, изъ старой памяти—знаю, что не откажете въ добромъ совѣтѣ; а у васъ, я слышалъ, дочь. Кто знаетъ? Можетъ-быть, дѣти наши познакомятся, слюбятся... Коль не мы, такъ дѣти наши, Дарья Семеновна, не такъ ли?

Дарья Семеновна *(вздыхая)*.

Что́ старое припоминать!

Золотниковъ.

Не возвратить ужь, подлинно. Ну, на дѣтей по-любуемся... Позвольте руку поцаловать.

Дарья Семеновна.

Съ удовольствіемъ.

Золотниковъ (*съ гримасой*).

И рука-то постарѣла; вы табакъ нюхаете?

Дарья Семиновна.

Для глазъ, Василій Петровичъ.

Марья Петровна (*за кулисами*).

Маменька, да подите же сюда; какіе вы несносныя!

Дарья Семиновна.

Сейчасъ, сейчасъ, мой ангелъ... (*Золотникову*) Сейчасъ приведу вамъ ее... Не будьте слишкомъ-строги. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Золотниковъ (*одинъ*).

Господи, что́ за перемѣна!... меня не узнала... Вотъ тебѣ и урокъ, Василій Петровичъ... Тридцать лѣтъ вспоминалъ объ ней съ наслажденіемъ... воображалъ ее прежней красавицей. И вотъ, чортъ меня дернулъ сюда пріѣхать!

Ахъ! право, хуже оплеухи,
Какъ, не видавшись тридцать лѣтъ,
Найдешь въ развалинахъ старухи
Любви восторженный предметъ.
Ахъ, Даша! въ прежніе годочки
Съ тобой встрѣчались мы не такъ;
Тогда ты нюхала цвѣточки,
(*Со вздохомъ.*) Теперь — ты нюхаешь табакъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЗОЛОТНИКОВЪ и АЛЕКСАНДРЪ.

Александръ (*кидается отцу на шею*)

Батюшка, обними меня. Я согласенъ... будетъ

му... я женюсь на ней... она мнѣ нравится, равится. Я доволенъ, я радъ, я счастливъ, гученъ... Батюшка, обними меня.

Золотниковъ.

огоди.

Александръ.

, обними меня.

Золотниковъ.

ыслушай.

Александръ.

, обними меня: вотъ такъ... еще разъ. Конѣшено, я исполню твою волю: я женюсь на именно на ней, ни на комъ другомъ, а на тъ придумалъ, вотъ отецъ... Обними меня ь.

Золотниковъ.

ыслушай.

Александръ.

, талія, волосы... какой характеръ... сейчно. Батюшка, благослови!

Золотниковъ.

твяжись, пожалуйста... Мы ошиблись, это

Александръ.

не она?... Она, она, она!... Я не хочу, ла была не она!

Золотниковъ.

самъ ошибся; ты думаешь, что говорилъ я гостиной съ дочерью...

Александръ.

да.

Золотниковъ.

Вотъ въ томъ-то и дѣло, что она не дочь...

Александръ.

Какъ не дочь? не родилась же она безъ отца и безъ матери?... чья-нибудь же она дочь... мать была же какая-нибудь, да и отецъ также.

Золотниковъ.

Она племянница.

Александръ.

Все-равно.

Золотниковъ.

Да говорятъ тебѣ, что она племянница.

Александръ.

Да хоть бы дядей она была, я все-таки на ней женюсь! Твоя была воля... воля отцовская — законъ.

Золотниковъ.

Да я прочилъ тебѣ другую.

Александръ.

Нѣтъ, воля отцовская законъ!... я не хочу другой.

Золотниковъ.

Да не шуми; они идутъ сюда.

Александръ.

Пущай нейдутъ... скажи, чтобъ не шли.

Золотниковъ.

Да взгляни только.

Александръ.

И глядѣть не хочу.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА и МАРЬЯ ПЕТРОВНА въ розовомъ платьѣ, скромно идя за матерью.

Дарья Семеновна.

Вотъ вамъ и моя Машенька, Василій Петровичъ; прошу любить да жаловать. (*На-ухо.*) Держись прямѣй! (*Громко.*) Она у меня застѣнчива. (*На-ухо.*) Да присядь же хорошенько, (*Вслухъ.*) Вы ее извините, Василій Петровичъ: она у меня дѣвушка не свѣтская, все за рукодѣльемъ, да за книгами.

Марья Петровна (*на-ухо матери*).

Да перестаньте, маменька.

Дарья Семеновна.

Нѣтъ, я ей говорю, что̀ ты, Машенька, въ свои лѣта глаза портишь... въ твои лѣта надо искать удовольствій, веселиться, а она мнѣ говоритъ: «нѣтъ, маменька, не хочу я вашихъ свѣтскихъ удовольствій, что̀ въ нихъ... женское дѣло не танцовать и не кокетничать, а быть доброй супругой, нѣжной матерью».

Марья Петровна.

Маменька, я уйду...

Дарья Семеновна.

Повѣрите ли, я ей все хозяйство отдала на руки—пускай привыкаетъ, а въ свободное время музыкой занимается, рисуетъ... Гдѣ, бишь, у тебя эта головка, которую ты кончила безъ учителя; ну, знаешь, этого Аполлона Вельбедерскаго?

Марья Петровна (*вслухъ*).

Изорвала. (*На-ухо*). Маменька, вы мнѣ надоѣли!

Золотниковъ.

А вотъ, сударыня, и сынокъ мой. (*Сыну*). Да кланяйся же.

Александръ.

Не хочу.

Дарья Семеновна.

Очень-пріятно познакомиться; вы въ первый разъ пожаловали къ намъ въ Петербургъ?

Александръ (*отрывисто*).

Да!

Дарья Семеновна.

Долго думаете здѣсь оставаться?

Александръ.

Нѣтъ.

Дарья Семеновна.

Отчего же это такъ?

Александръ.

Такъ.

Марья Петровна.

Ахъ, маменька, ваши вопросы очень не скромны: можетъ-быть, имъ непріятны.

Дарья Семеновна.

Да гдѣ мнѣ умѣть говорить съ молодыми! Это твое дѣло занимать молодыхъ людей... Пойдемте-ка, Василій Петровичъ; столько лѣтъ не видались, есть о чемъ переговорить... (*На-ухо*). Пущай они познакомятся: безъ насъ посвободнѣе будетъ.

Золотниковъ.

Конечно.

Дарья Симеоновна.

А ты, душенька, похозяйничай здѣсь за меня; по-
привыкать: ныньче въ дѣвушкахъ, а завтра сама,
жетъ-быть, будешь жить домкомъ. Все въ волѣ
осподней. (*Цалуетъ ее въ лобъ и говоритъ ма-
хо*). Не забудь! два мильйона! (*Вслухъ.*) Пой-
мте, Василій Петровичъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АЛЕКСАНДРЪ и МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

Марья Петровна (*всторону*).

Онъ, кажется, вовсе необтесанный. Ахъ, жа-
сть какая!

Александръ (*всторону*).

Ну, какъ ее можно сравнить съ той! у той гла-
, талія, волосы... Однако жь и эта порядочная,
къ-себѣ.

Марья Петровна.

Не угодно ли садиться?

Александръ.

Нѣтъ-съ, зачѣмъ! (*Молчаніе*).

Марья Петровна.

Какъ вамъ нравится нашъ Петербургъ?

Александръ (*разсѣянно*).

Что-о-съ?

Марья Петровна.

Петербургъ вамъ нравится?

Александръ.

Петербургъ, что ли? городъ извѣстный-съ!

Марья Петровна.

Вы когда пріѣхали?

Александръ.

Въ самый день магнитнаго освѣщенія; изволили, конечно, слышать.

Марья Петровна.

Да-съ, слышала, я не видала... (*Молчаніе*). Въ Пассажѣ вы ужь были?

Александръ.

Какъ же, давича внизу подовые пироги ѣлъ.

Марья Петровна.

Вамъ нравятся?

Александръ.

Пироги, что ли?

Марья Петровна.

Нѣтъ... Пассажъ?

Александръ.

Пріятное гулянье; братьевъ Мальчугиныхъ слышалъ.

Марья Петровна.

А въ балетѣ вы были?

Александръ.

Да нѣтъ-съ, для балета нѣтъ билета, а, говорятъ, Фанни Эльслеръ превосходно танцуетъ тамъ что-то съ пероиъ. Возьметъ перо, да и пошла писать... Въ русскій театръ заходилъ только на Мартынова посмотрѣть. Да что въ немъ, помилуйте; право, я кажется, самъ бы сыгралъ не хуже его.

Марья Петровна.

жь вы не садитесь?

Александръ.

езпокойтесь. *(Встороиу)*. Глаза-то, глаза у
іе... Гдѣ у меня были глаза, что я не замѣ-
глазъ!

Марья Петровна.

съ въ нынѣшнемъ году славная опера.

Александръ.

рять-съ.

Марья Петровна.

ами, можетъ-быть, музыкантъ?

Александръ

же-съ? играю немножко.

Марья Петровна.

ортепьянахъ?

Александръ.

мущественно на валторнѣ.

Марья Петровна.

Александръ.

і-съ? (*Разпѣжмвается*).

Марья Петровна.

ю немножко.

Александръ.

уже-ли? какъ это пріятно! .. (*Встороиу*).
аю, отчего она мнѣ съ перваго разу не по-
ісь. Она очень-очень мила... и манера какая
ная. *(Ей)*. Я, право, не знаю... смѣю ли я
осить.

Марья Петровна.

Какъ-съ?

Александръ.

Я говорю... я не знаю, смѣю ли я васъ просить.

Марья Петровна.

Что?

Александръ.

Я не знаю, съ перваго раза смѣю ли я просить... ободрите, пожалуйста.

Марья Петровна (*кокетничая*).

Отчего же? что вамъ угодно?

Александръ.

Смѣю ли я просить... напримѣръ... (*Встороиу*). Да это прелесть, а не дѣвушка... (*Ей*). О, счастливьте, пожалуйста, дайте послушать.

Марья Петровна.

Да мы ждемъ гостей.

Александръ.

Успѣете.

Марья Петровна.

Я, право, не въ голосѣ.

Александръ.

Попробуйте.

Марья Петровна (*кокетничая*).

Развѣ только для васъ... (*Идя къ фортепьяно*).

Александръ (*встороиу*).

Для васъ, для меня... она сказала для васъ... я ей понравился... Да это не дѣвушка... очарованіе!

Марья Петровна.

Только вы акомпанируйте, пожалуйста; у меня тутъ новый романсъ.

Александръ.

Съ удовольствіемъ. (*Садится за фортепьяно*).

Марья Петровна (*поетъ*).

Скажи, о чемъ въ тѣни вѣтвей,
Когда природа отдыхаетъ,
Поетъ весенній соловей,
И что онъ пѣснью выражаетъ?
Что тайно всѣмъ волнуетъ кровь?
Скажи, скажи, какое слово
Знакомо всѣмъ и вѣчно ново?...
Любовь!...
Скажи, о чемъ на днѣ
Въ раздумьѣ дѣвушка гадаетъ?
Что тайнымъ трепетомъ во снѣ
Ей страхъ и радость обѣщаетъ?
Недугъ тотъ странный назови,
Въ которомъ свѣтлая отрада.
Чего ей ждать? Чего ей надо?...
Любви!
Когда отъ жизненной тоски
Ты, утомленный, изнываешь
И злой печали вопреки
Хоть призракъ счастья призываешь...
Что услаждаетъ грудь твою?...
Не тѣ ли звуки неземные,
Когда услышалъ ты впервые —
Люблю?!...

Александръ вскакиваетъ со стула и бѣжитъ къ Марьѣ Петровнѣ).

Александръ.

Ахъ, что за голосъ! что за голосъ! Какое чувство! какая душа!... Вы меня съ ума свели; я... я восторгѣ, я теперь съ ума сойду, коль не позите надѣяться.

Марья Петровна.

Какъ надѣяться?

Александръ.

А развѣ вы ничего не знаете?

Марья Петровна.

Нѣтъ.

Александръ.

Вы не знаете, что ваша старуха была влюблена когда-то, прежде, въ моего старика?

Марья Петровна.

Какъ, и маменька тоже?... вотъ никакъ бы не думала. Да она мнѣ не говорила объ этомъ.

Александръ.

Да они никогда объ этомъ не говорятъ. Вотъ батюшка выдумалъ, чтобъ я бы на васъ... или вы за меня. Это все-равно... только это отъ васъ зависитъ. Ну, влюбленъ, влюбленъ, совершенно влюбленъ. Ну, а какъ вы не согласитесь, я буду самымъ несчастнымъ смертнымъ.

Марья Петровна.

Такъ говорите же.

Александръ.

Батюшка желаетъ моего счастья; онъ только и думаетъ, что о моемъ счастіи; да и я желаю себѣ счастья—кто не желаетъ себѣ счастья. Только вы можетъ-быть, не захотите моего счастья?

Марья Петровна.

Помилуйте... отчего же?

Александръ.

Какъ? вы хотите моего счастья?... въ-самомъ-дѣлѣ?

Марья Петровна.

Разумѣется.

Александръ.

Такъ я могу надѣяться?

Марья Петровна.

Я завишу отъ маменьки.

Александръ.

Не въ маменькѣ тутъ дѣло: тутъ встороиу маньку; вы мнѣ про себя скажите... могу ли я вамъ явиться?

Марья Петровна (*жеманно*).

Почему же нѣтъ?

Александръ.

Марья... какъ по батюшкѣ?

Марья Петровна.

Петровна.

Александръ.

Машенька! я счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, асъ стану любить, любить, любить какъ никто любилъ еще, да и любить не будетъ!

Марья Петровна.

Да подождите же.

Александръ.

Къ чему ждать, ждать? Это—лицемѣрство; я не у ждать; я люблю васъ, мы любимъ другъ друга, будемъ счастливы; у насъ будетъ дѣти; дѣлайте з меня что хотите; приказывайте, располагайте, вольте только доказать вамъ любовь мою.

Слуга (*входитъ*).

Васъ маменька проситъ, гости пріѣхали.

Марья Петровна.

Вы, право, престранный человѣкъ. Однако, пойдемте, у насъ сегодня танцовальный вечеръ.

Александръ.

Вы хотите танцовать со мною?—ужь не взыщите, какъ съумѣю.

Марья Петровна.

Все-равно, только видите, у меня нѣтъ букета.

Александръ.

Такъ что́ жь? на что́ вамъ букетъ?

Марья Петровна.

Оно въ модѣ; имѣть въ рукахъ букетъ... вы не понимаете?

Александръ.

Нѣтъ.

Марья Петровна.

Ну, такъ я вамъ скажу: ступайте за букетомъ, только изъ живыхъ цвѣтовъ.

Александръ.

Да куда же я пойду?

Марья Петровна.

Куда хотите; это ужь ваше дѣло. А мнѣ надо гостей принимать... До свиданья! *(Протягивая руку)*.

Александръ *(цалуя руку)*.

Какая ручка!

Что́ за ручки, просто чудо!
Цаловать бы вѣкъ готовъ.

Марья Петровна.

Ну, ступайте же, покуда,
Привезите мнѣ цвѣтовъ.

Александръ.

Что́ за странности какія,
Вамъ въ букетъ что́ за прокъ!

ь на что цвѣты чувіе..
и лучшій вы цвѣтокъ?
ев руку и опрометью кидается къ дверямъ, гдѣ встрѣчается съ Золотниковымъ).

явленіе IX.

АЛЕКСАНДРЪ и ЗОЛОТНИКОВЪ.

Золотниковъ.

и, съумасшедшій?

Александръ.

ка, съ букетомъ поздравляю тебя!... Об-
! Я исполню твое приказаніе... твое же-
меня законъ! Да! я женюсь, на ней!.. и
... я весь переродился.. изъ живыхъ цвѣ-

Золотниковъ.

случилось?

Александръ.

го случилось? я влюбленъ по твоему при-
Воля отцовская — законъ!... Да! тебѣ угод-
ось, когда хочешь, хоть нынче... Роди-
ословя!

Золотниковъ.

ясни сперва.

Александръ.

обними, обними по-родительски... вотъ
чено! я женюсь на ней!

Золотниковъ.

онъ же, на ней?

Александръ.

!

Золотниковъ.

На племянницѣ?

Александръ.

На дочери.

Золотниковъ.

На Настинькѣ?

Александръ.

На Машенькѣ, на моей Машенькѣ, на Марьѣ Петровнѣ. Для всѣхъ она Марья Петровна, а для меня Машенька!

Золотниковъ.

Да какъ же ты мнѣ сказывалъ, что влюбленъ въ другую, въ первую?

Александръ.

Въ первую... нѣтъ! это мнѣ такъ показалось; впрочемъ, и она очень, очень, очень-милая дѣвушка. Только эту ты самъ, отецъ мой, мнѣ назначилъ, а къ-тому жъ она поетъ... такъ поетъ.. Батюшка, ты слышалъ Гризи?

Золотниковъ.

Нѣтъ, не слыхалъ.

Александръ.

И я не слыхалъ, такъ вотъ-какъ поётъ. Ну, ѣдемъ!

Золотниковъ.

Какъ, ѣдемъ?

Александръ.

Да, ѣдемъ, за букетами, за конфектами... она этого желаетъ, она приказала; ну, бери шляпу — ѣдемъ!

Золотниковъ.

ступай одинъ.

Александръ.

ъ, одинъ пойду: ничего не найду; вернемся ъ.

Золотниковъ.

бъясни, по-крайней-мѣрѣ.

Александръ.

огой все объясню. Не забудь, что отъ этого ъ судьба всей моей жизни. Ну, идемъ. (*Ухо-*

явленіе x.

СЕМЕНОВНА, МАРЬЯ ПЕТРОВНА, КУБЫРКИНА и КАТЕРИНА ИВАНОВНА.

Кубыркина.

бюваръ вашъ, матушка, конечно.

Катерина Ивановна.

уаръ, маменька.

Кубыркина.

все-равно, у генеральши Ахлебовой точно таесть; скажите, какъ въ Петербургѣ всѣ жи-

Дарья Семеновна.

ы давно здѣсь не были?

Кубыркина.

надцать лѣтъ; шутка сказать! Только надо ться, дорогонько у васъ.

Дарья Семеновна.

не дешево.

Кувыркина.

Помилуйте, за что ни возьмись... говядина фунтъ 34 копейки! Слыханное ли дѣло!—Повѣрите ль, квартиру наняла такую, что у насъ въ Тамбовѣ стряпчій не захотѣлъ бы жить... Къ чему ни приступись, такая шарите...

Катерина Ивановна.

Cherté, маменька.

Кувыркина.

Все-равно.

Марья Петровна (*Катенькѣ*).

Ваше платье шито дома или въ магазинѣ?

Катерина Ивановна.

Конечно, въ магазинѣ.

Марья Петровна (*вострому*).

Солгала; сейчасъ видно, что дома; (*ей*) а пелеринку гдѣ брали?

Катерина Ивановна.

Въ Пассажѣ.

Марья Петровна.

Очень-мило.

Дарья Семеновна.

Поигрываете ли вы, Аграфена Григорьевна, въ карточки?

Кувыркина.

Страстная охотница! матушка; только не изъ интереса, а такъ, по маленькой, пуръ селепетанъ.

Катерина Ивановна.

Pour passer le tems, маменька.

Кувыркина.

И матушка, все-равно!... выучили меня здѣсь въ

:тъ какой-то, очень веселая игра... странное еще :ое пазванье... вистъ помдамуръ, кажется.

Катерина Ивановна.

Pompadour, маменька.

Кубыркина.

Ну, все-равно.

Дарья Семеновна.

А много ли вы теперь выѣзжаете?... балы нача-ъ...

Кубыркина.

Да, на бѣду, Катенька моя захворала; хорошо, ещё натура крѣпкая, выздоровѣла скоро, а то торъ боялся, что сдѣлается рецитативъ.

Дарья Семеновна.

Рецидивъ, матушка.

Кубыркина.

И, матушка, рецидивъ, рецитативъ все-равно. А же ваша комната, Марья Петровна?

Марья Петровна.

Здѣсь, съ этой стороны.

Кубыркина.

Ахъ, позвольте полюбоваться.

Марья Петровна.

Пожалуйте.

Кубыркина.

Пойдемъ же, Катенька.

Катерина Ивановна:

Сейчасъ приду, маменька; только локоны поправ-. (*Дарья Семеновна, Кубыркина и Машень- уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА одна передъ зеркаломъ.

Какая манерная эта Машенька! изъ чего она носъ подымаетъ? Вотъ важность, что живетъ въ Петербургѣ. А развѣ я ее хуже? Ну, чѣмъ?... Просто ничѣмъ, просто ничѣмъ не хуже. (*Поетъ передъ зеркаломъ*).

Мнѣ самой семнадцать лѣтъ,
И спросить любова,
Въ Петербургѣ лучше нѣтъ
Кати изъ Тамбова!
Противъ барышень другихъ
Я ни чуть не хуже:
Станомъ я не меньше ихъ,
Въ таліи поуже,
Густы волосы въ косѣ,
И къ тому жь, я съ дѣтства
Изучала тайны всѣ
Женскаго кокетства;
Знаю, шалости любя,
Сердцемъ какъ лукавить,
Какъ навѣрное себя,
Полюбить заставить;
А глаза мои и взглядъ
Вѣчно куралесятъ:
То улыбкой подарятъ,
То насмѣшкой взбѣсятъ.
Мнѣ самой семнадцать лѣтъ,
И спросить любова,
Въ Петербургѣ лучше нѣтъ
Кати изъ Тамбова!

ЯВЛЕНІЕ XII.

КАТЕРИНА ИВАНОВНА и АЛЕКСАНДРЪ съ букетомъ и коробками.

Александръ.

Вотъ и букетецъ... Насилу досталъ... Вотъ еще... (*Роняетъ все*). Боже ты мой! кого я вижу? Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна.

Александръ Васильичъ!... Ахъ!... (*Падаетъ въ обморокъ на стулъ*).

Александръ.

Съ ней дурно... съ ней дурно!.. я испугалъ... это для меня... Помогите!.. помогите!..

Катерина Ивановна.

Да не кричите же.

Александръ.

Очнулась... очнулась... Катерина Ивановна!.. (*Катерина Ивановна опять падаетъ въ обморокъ.*) Фу! опять припадокъ; да она этакъ задохнется въ корсетѣ... Нѣтъ ли ножницъ, разрѣзать снуровку... А, вотъ кстати... (*Беретъ поспѣшно съ туалетнаго столика ножницы.*)

Катерина Ивановна (*вскакивая.*)

Не подходите! не трогайте! Что вамъ надо? зачѣмъ вы здѣсь?.. Мало вамъ, что вы обманули меня, что послѣ всѣхъ вашихъ обѣщаній, увѣреній, вы бросили меня, сироту? Ступайте, не показывайтесь мнѣ на глаза.

Александръ.

Вотъ-те на!.. Какъ, я еще виноватъ?

Катерина Ивановна.

Онъ спрашиваетъ... виноватъ ли онъ... Да вы извергъ, а не человѣкъ!.. вы дон-Жуанъ, безсовѣстный!

Александръ.

Это что́ такое, дон-Жуанъ?

Катерина Ивановна.

Не ваше дѣло!.. Отвѣчайте... объясните вашъ поступокъ. Я, право, не знаю, какъ говорю еще съ вами. Ну, скажите, пожалуйста... вы живете у насъ въ деревнѣ... вы притворяетесь влюбленнымъ, вы ищите руки моей, и когда я, какъ неопытная, беззащитная дѣвушка, начала чувствовать къ вамъ склонность...

Александръ.

Пожалуйста, не глядите на меня такъ.

Катерина Ивановна.

Когда я согласилась на предложеніе ваше, ввѣряю вамъ участь свою, вы вдругъ уѣзжаете, не говоря ни слова, не простившись, не напившись даже чаю... какъ воръ точно... *(Плача)*. Ахъ я, несчастная! что́ жь я такое сдѣлала?

Александръ.

Нѣтъ-съ, позвольте-съ... нѣтъ-съ, позвольте... поглядите-ка на меня...

Катерина Ивановна.

Извольте...

Александръ *(всторону.)*

Фу ты, пропасть... опять похорошѣла... *(Ей.)*

Что, бишь, я хотѣлъ спросить?.. Да, позвольте васъ спросить, что вы изъ меня хотѣли сдѣлать?

Катерина Ивановна.

Какъ что... я думала, что вы будете моимъ мужемъ. Ну, хорошо ли?.. ну, скажите, послѣ этого, на кого вы похожи?

Александръ.

Я похожъ на матушку... да не въ томъ дѣло, на какимъ мужемъ хотѣли вы меня сдѣлать?

Катерина Ивановна.

Какимъ мужемъ?.. обыкновеннымъ.

Александръ.

Да, какимъ обыкновеннымъ?
Хотѣлось очень мнѣ узнать бы,
Въ какіе именно мужья,
Спустя недѣльку послѣ свадьбы,
Попалъ бы, грѣшный, съ вами я?
Все пополамъ у женъ съ мужьями,
Чѣмъ ихъ Господь благословитъ,
Но какъ бы мужъ, скажите сами,
Гусара съ вами раздѣлитъ?

Катерина Ивановна.

Какого гусара?

Александръ.

Что? не знаете какого гусара? А вотъ того гусара ремонтёра, который гостилъ у васъ въ деревнѣ?

Катерина Ивановна.

Да онъ мнѣ братецъ.

Александръ.

Какой братецъ?

Катерина Ивановна.

Троюродный.

Александръ.

Знаю я этихъ братцевъ!.. Спасибо за этакое братство; слуга покорный!

Катерина Ивановна.

Вы забываете...

Александръ.

Нѣтъ, я, напротивъ, очень-помню... Вы не притворяйтесь—я все знаю.

Катерина Ивановна.

Что́ вы знаете?

Александръ.

Я знаю, что онъ вамъ письма писалъ.

Катерина Ивановна.

Неправда!

Александръ.

Вотъ прекрасно!.. я самъ читалъ, и что за письма такія... «Ангелъ мой, Катенька!..» Ангелъ мой... гдѣ они учатся, гусары, этакія письма писать?

Катерина Ивановна.

Такъ вы за это разсердились?

Александръ.

Мало, что́ ли?... чего бы вы еще хотѣли!.. (*Катенька смѣется.*) Ну, чему вы смѣетесь?

Катерина Ивановна.

Помилуйте, вы такой смѣшной!

Александръ.

Кто, я смѣшной? Нѣтъ, я не смѣшной; я обиженъ... Можете вы объяснить, зачѣмъ вы получали гусарскія письма?

Катерина Ивановна.

Нѣтъ ничего легче.

Александръ.

Ну, попробуйте-ка, объясните-ка!

Катерина Ивановна.

Не хочу.

Александръ.

Катерина Ивановна, пожалуйста, объясните.

Катерина Ивановна.

Вы не стоите того.

Александръ.

Катерина Ивановна! умоляю васъ, объясните... не будьте жестоки.

Катерина Ивановна.

Ну, такъ слушайте; помните вы Катеньку Рыбникову?

Александръ.

Что у васъ гостила? Помилуйте, да она Авдотья.

Катерина Ивановна.

Это старшая сестра, а та другая; эти письма къ ней, я ихъ только передавала... Онъ даже хотѣлъ на ней жениться.

Александръ.

Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ? Ахъ, Катерина Ивановна!.. Дуракъ я, злодѣй, нечестивецъ, клеветникъ! Терзайте меня, бейте меня. Безъ вины виноватъ! И зачѣмъ мнѣ эти гусары лѣзли въ голову? Простите, Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна.

Нѣтъ, поздно теперь.

Александръ.

Катерина Ивановна, такъ вы невинны?

Катерина Ивановна.

Ну, конечно! а, впрочемъ, какъ вамъ угодно.

Александръ (*бросаясь на колѣни*).

Катерина Ивановна, будьте великодушны, не заставьте умереть съ горя.

Катерина Ивановна (*плача*).

Нѣтъ! я бѣдная дѣвушка, я люблю гусаровъ... меня каждый оскорбить можетъ... мнѣ суждено вѣчно быть несчастной—вѣчно любить, да страдать въ одиночествѣ.

Александръ (*на колѣняхъ*).

Катерина Ивановна, простите меня.

Катерина Ивановна.

Вы не будете больше ревновать?

Александръ.

Никогда, Катерина Ивановна... только...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

АЛЕКСАНДРЪ и ЗОЛОТНИКОВЪ.

Золотниковъ (*въ дверяхъ*).

Ба! это новость какая! (*Катенька убѣгаетъ*).

Александръ.

Батюшка, это она, Катерина Ивановна, Катя тамбовская! Я извергъ рода человѣческаго—гусаръ писалъ письма къ Рыбниковой, хотѣлъ жениться на Рыбниковой, а она, моя Катенька, любила да страдала меня...

Золотниковъ.

говори хоть по-русски.

Александръ.

страдала, батюшка, да любила за меня.

Золотниковъ.

ты, братъ, изъ ума выживаешь!

Александръ.

юшка, обними меня.

Золотниковъ.

яжись, болванъ; всего измялъ!

Александръ.

ъ, я долженъ, я хочу, я рѣшился загладить реступленіе... я обязанъ передъ Катенькой; огу иначе: я женюсь на Катенькѣ, на моей ькѣ.

Золотниковъ.

женись на комъ хочешь; ты мнѣ надоѣлъ, на-. Я даю тебѣ четверть часа одуматься, а ужъ елю освидѣтельствовать въ Губернскомъ Прав- да посажу въ съумасшедшій домъ. Терпѣнья го не станетъ! Слышишь ли, чтобъ чрезъ ть часа былъ отвѣтъ!

Александръ.

юшка! обними только.

Золотниковъ.

яжись ты, оселъ, отъ меня! *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Александръ (*одинъ, ходя по комнатѣ*).

ъ! вотъ положеніе... вотъ положеніе... Я

женюсь на Катеринѣ Ивановнѣ... это рѣшено; это моя священная обязанность... Но я просилъ руки Марьи Петровны; я взволновалъ ея воображеніе... и что́ за дѣвушка, Марья Петровна! прелесть, идеалъ; разсудка гибель. Очень и на ней хотѣлось бы жениться! Да вотъ Настенька, племянница, и на ней бы не дурно было жениться .. Вотъ положеніе! На трехъ жениться не позволятъ, а на одной мало! Вотъ оно—нѣжное сердце! вотъ оно до чего доводитъ!.. А тутъ батюшка съ ножомъ присталъ; ему легко было, вѣдь онъ женился на матушкѣ, а мнѣ-то каково!.. Убитъ, просто убитъ! Катенька, Настенька, Машенька; Настенька, Машенька, Катенька!.. Что́ мнѣ дѣлать? погибаю въ цвѣтѣ лѣтъ!.. (*Падаетъ въ кресла съ большой спинкой, такъ что его дѣйствующимъ лицамъ не видно*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ, ДАРЬЯ СЕМЕНОВНА и КУБЫРКИНА.

Дарья Семеновна.

Я не могу наглядѣться на вашу Катеньку, Аграфена Григорьевна: въ полномъ смыслѣ красавица!

Кубыркина.

Много милости, Дарья Семеновна. Что́ вамъ на чужихъ глядѣть! На свою Машеньку, я чаю, не успѣете налюбоваться. Давича мы говорили объ ней съ генеральшей Ахлебовой. Вотъ ужь дѣвушка! можно сказать, что дѣвушка.

Дарья Семеновна.

Все при себѣ держала, а вы дома свою воспитывали?

Кубырина.

Дома, Дарья Семеновна.

Дарья Семеновна.

Скажите, пожалуйста, какіе пріемы—точно въ большомъ свѣтѣ вѣкъ жила... и скромность какая, какъ себя держитъ!

Кубырина.

Я ужъ тѣмъ, Дарья Семеновна, довольна, что она съ вашей Машенькой сблизилась. Повѣрите ль, вотъ мѣсяцъ, какъ мы пріѣхали, а я ужъ нахожу, что Катя много выиграла. Да у кого и перенимать, какъ не у вашей Машеньки? вотъ примѣрная дѣвица, и бель-омъ какая!

Дарья Семеновна.

Бель-фамъ, хотите вы сказать.

Кубырина.

Да, матушка, все-равно... ну, ужъ нечего сказать, заглядѣнье ваша Маша.

Дарья Семеновна.

А на Катеньку вашу, вы думаете, не весело глядѣть?

Кубырина.

Что́ за манеры!

Дарья Семеновна.

Какой бонъ-тонъ!

Кубырина.

Какая пріятность!

Дарья Семеновна.

Какая ласка въ разговорѣ!

Кубырина.

Нельзя не поздравить.

Дарья Семеновна.

Со стороны порадуешься.

Кубыркина.

Я удивляюсь, какъ она еще не замужемъ! Жениховъ-то, я думаю, и перечесть нельзя!

Дарья Семеновна.

Да́, есть-таки—четырнадцать генераловъ сватался.

Кубыркина (*всторону*).

Вретъ... просто вретъ!

Дарья Семеновна.

Были и полковники, и капитаны; князь былъ одинъ. Только я Машеньку не неволю, пущай сама выбираетъ. Вѣдь ей жить вмѣстѣ придется, а не мнѣ. Однако жь вамъ, какъ доброй пріятельницѣ, я могу сказать секретъ: я сегодня Машеньку свою сговорила.

Кубыркина.

Неужто? Вотъ вышелъ счастливый день, а я Катеньку сговорила сегодня.

Дарья Семеновна.

Дочь моя выходитъ за богача; да не въ томъ дѣло—человѣкъ хорошій. Вы, можетъ-быть, слыхали про Золотникова, Александра?

Кубыркина.

Что́? Вотъ пустяки!.. Моя дочь выходитъ за Золотникова; они обручены давно... а нынче снова порѣшили.

Дарья Семеновна.

Нѣтъ-съ, извините... онъ сейчасъ же просилъ руки Машеньки.

Кубышкина.

Нѣтъ-съ, не Машеньки, а Катеньки.

Дарья Сидоновна.

Машеньки, говорятъ вамъ!

Кубышкина.

Нѣтъ-съ, Катеньки... Ваша Машенька, конечно, милая дѣвушка, однако жь гдѣ ей сравниться съ моей Катенькой! Оно хоть и не очень-замѣтно, однако всѣмъ извѣстно, что она немножко, вѣдь, кривобока.

Дарья Сидоновна.

Какъ? Машенька моя кривобока!.. У васъ глаза развѣ кривобоки... Я ей прикажу раздѣться передъ вами. Кривобокая! вотъ-прекрасно! не съ того ли вы это взяли, что у васъ-то дочь вся на ватѣ?

Кубышкина.

Что? дочь моя на ватѣ? у меня салопъ на ватѣ, а не дочь; дочь моя не салопъ. Дочь моя какъ родилась, такъ и есть, а платье она носитъ только для приличія. Ей обманывать нѣкого.

Дарья Сидоновна.

Да и не обманетъ; Золотниковъ, даромъ-что недальняго ума, однакожь и не такой же пошлый дуракъ, чтобъ жениться на вашей дочери.

Кубышкина.

А почему такъ?

Дарья Сидоновна.

А потому, что всѣмъ извѣстно, что дочь ваша бѣгала за гусарскимъ офицеромъ, который посмѣялся надъ ней, да и бросилъ; а тутъ же бѣдную сироту оклеветали, которая ни душой, ни тѣломъ не

виновата. Благородный поступокъ!... Гусаръ самъ разсказываетъ.

Кубыркина.

Вы смѣете говорить это мнѣ... вы! А развѣ вы думаете, неизвѣстно всѣмъ, что ваша кривобокая влюблена въ итальянскаго пѣвца? Срамъ, говорятъ, смотрѣть на нее, какъ въ оперѣ сидитъ... всѣ смѣются!

Дарья Семиновна.

Да вы, кажется, забываетесь? Я васъ къ себѣ впускать не велю.

Кубыркина.

Я и сама не поѣду; и безъ васъ найдемъ, слава Богу, знакомство: генеральша Ахлѣбова и получше васъ, да находитъ со мной удовольствіе.

Дарья Семиновна.

И не удерживаю, матушка, не удерживаю!

Кубыркина.

Прощайте, матушка, пойду за Катенькой... нога моя у васъ не будетъ!

Дарья Семиновна.

Скатертью дорога...

Кубыркина.

А дочька ваша за нашего жениха не выйдетъ!... не выйдетъ!

Дарья Семиновна.

Ваша просидитъ въ дѣвкахъ!

Вмѣстѣ.

Дарья Семиновна. Да я съ вамъ, да я васъ... да это неслыханная грубость!...

Кубыкина. Я съ собой шутить не позволю; у меня дядя сенаторъ, я

а вы со мною такъ не здѣлаетесь. Прощайте, такъ бы съ вами невидѣть-

найду себѣ защиту! Уйти поскорѣй, чтобъ хуже не было!

(Уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

АЛЕКСАНДРЪ одинъ, потомъ НАСТАСЬЯ ПАВЛОВНА.

Александръ *(изъ-за кресель).* Вотъ она! вотъ она! вотъ она, штука-то какая! дна кривобока, другая на ватѣ. Одна любитъ гусавъ, другая итальянца... а обо мнѣ говорятъ, что дуракъ! (*Выбѣжавъ изъ-за кресель*). Такъ тъ же не дуракъ! я не позволю себя дурачить... сдѣлаю по-своему!... я выберу третью, то есть, рвую, не ту и не другую, а третью, то есть, перю!... Вотъ она, штука-то, вотъ она, вотъ она! (*Увидя Настасью Павловну*). Да вотъ и она! Подите, сударыня, позвольте сказать вамъ два слова.

Настасья Павловна.

Мнѣ?

Александръ.

Вамъ... вы на меня сердитесь?

Настасья Павловна.

За что?

Александръ.

Ну-ну, признайтесь, что сердитесь?

Настасья Павловна.

Нисколько.

Александръ.

Какъ же! я показалъ вамъ съ перваго раза столь-

ко вниманія, а потомъ занялся совершенно посторонними предметами.

Настасья Павловна.

Такъ что̀ жь!

Александръ.

Позвольте сперва спросить, у васъ нѣтъ родственниковъ гусаровъ?

Настасья Павловна.

Нѣтъ.

Александръ.

Вы не поете итальянскихъ арій?

Настасья Павловна.

У меня нѣтъ голоса.

Александръ.

Какая вы безцѣнная дѣвушка! Настасья... какъ по батюшкѣ?

Настасья Павловна.

Павловна.

Александръ.

Настенька! я вамъ торжественно предлагаю руку свою.

Настасья Павловна.

Ахъ, Боже мой! вы, конечно, нездоровы! не послать ли за докторомъ?

Александръ.

Вы будете моимъ докторомъ.

Настасья Павловна.

Извините, мнѣ не́когда... (*Хочетъ идти*).

Александръ (*удерживая*).

Нѣтъ, рѣшите сперва участь жизни моей. Не

нфузьтесь только; скажите, будетъ ли вамъ пріят-
, чтобъ я женился на васъ?

Настасья Павловна.

Я удивляюсь, какъ вы смѣете говорить такъ со
ой. Я бѣдная дѣвушка, но я не позволю дерзкихъ
токъ.

Александръ.

Да помилуйте, я не шучу; я имѣю положитель-
намѣреніе жениться на васъ.

Настасья Павловна.

Да кто вамъ сказалъ, чтобъ я раздѣляла это на-
реніе! Съ чего вы взяли, чтобъ я вышла замужъ
перваго встрѣчнаго? Я знаю, въ Петербургѣ бо-
тые женихи не опасаются отказа, но для меня въ
зни есть еще многое, кромѣ денегъ. Тамъ въ го-
иной, говорили сейчасъ, что у васъ два милльона,
признаюсь, по этому случаю я столько наслы-
лась, что мнѣ гадко стало. Впрочемъ вамъ же-
ться не трудно, скажите только слово... и невѣ-
ы сбѣгутся со всѣхъ сторонъ, а мнѣ нуженъ не
ажникъ, а человѣкъ, котораго я бы могла лю-
ть и уважать. Прощайте!

Александръ.

Настасья Павловна! выслушайте меня.

Настасья Павловна.

Зачѣмъ? Вы ошиблись во мнѣ: я не похожа на
угихъ... Гдѣ вамъ понять гордость бѣдной дѣвуш-
, которая, за неимѣніемъ другихъ сокровищъ, хра-
тъ свое душевное богатство? Она не промѣняетъ
ни своей на роскошь ей ненужную; она можетъ

сжалиться и осчастливить, потому-что она высоко себя цѣнитъ, но никогда не продастъ себя.

Александръ.

Такъ вы мнѣ отказываете, Настасья Павловна?

Настасья Павловна.

Рѣшительно.

Александръ.

И надежды не оставляете?

Настасья Павловна.

Ни малѣйшей.

Александръ.

Послушайте, Настасья Павловна, я глупъ, смѣшонъ, дерзокъ, неучъ—все, что̀ вамъ угодно; только, право, человѣкъ я не дурной. У меня нѣжное сердце; ну, виноватъ ли я; ну, повѣрите ль—все думаю, какъ бы привязаться, полюбить хорошенько, да за тѣмъ и баста! Душа-то, душа-то такъ и шепчетъ: «привяжись, болванъ, привяжись»; ну, а тутъ какъ нарочно, судьба такъ и дразнитъ. То гусаръ подвернется, то итальянецъ какой-нибудь, а я въ дуракахъ съ деньгами! Ну, чортъ ли мнѣ въ этихъ деньгахъ... скажите сами... Всѣ хотятъ моихъ денегъ, а меня-то, меня-то самого никто не хочетъ!

Настасья Павловна (*встороны*).

Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, жалокъ. (*Вслухъ*). Поищите, не торопитесь—найдете, можетъ-быть.

Александръ.

Да я хочу васъ, Настасья Павловна; вы открываете мнѣ глаза. Я чувствую себя новымъ человѣкомъ; сжальтесь надъ моимъ богатымъ положеніемъ.

Настасья Павловна.

Я вамъ сказала свой рѣшительный отвѣтъ, Будьте увѣрены, что я говорила съ вами по убѣжденію, не изъ пустаго кокетства. Не сердитесь на меня; тотъ урокъ можетъ быть вамъ полезенъ; когда вы удете слишкомъ забываться съ нѣкоторыми женщинами, вы вспомните невольно, что есть такія, которыя не только заслуживаютъ, но даже требуютъ важенія. *(Холодно присѣдаетъ и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ XVII.

АЛЕКСАНДРЪ, потомъ всѣ дѣйствующія.

Александръ.

Фу ты пропасть! Часъ-отъ-часу не легче. Давиа было три невѣсты, а теперь ни одной!

Золотниковъ (*въ дверяхъ*).

Ну, что́, рѣшился?

Александръ.

Погодите, погодите...

Золотниковъ.

Съ кѣмъ поздравить?

Александръ.

Да ни съ кѣмъ; отказала!

Золотниковъ.

Кто́, Катенька?

Александръ.

Нѣтъ.

Золотниковъ.

Машенька?

Александръ.

Да нѣтъ!

Золотниковъ.

Такъ кто́ же?

Марья Петровна (*входитъ*).

Александръ Васильичъ, что́ это значитъ? Правда ли, что вы дѣлали предложеніе Катенькѣ?... Вы оскорбить меня хотите? Только это такъ не обойдется... у меня есть братъ на Кавказѣ... вы съ нимъ не раздѣлаетесь. Слышите ли?

Александръ.

Я, право, не понимаю, что́ вамъ угодно.

Золотниковъ.

Вотъ она каковская!

Кубыркина (*входитъ*).

Она уже здѣсь, а я-то на что́? Выпровожу, не оставлю вдвоемъ. Марья Петровна, я у васъ въ комнатѣ платочекъ оставила. Позвольте получить.

Марья Петровна (*всторону*).

Какая несносная! вотъ во-время пришла! Сейчасъ принесу-съ.

Кубыркина.

Извините безпокойство! (*Уходитъ*).

Катерина Ивановна (*входитъ*).

Александръ Васильичъ, что́ я узнала? вы опять хотите обмануть меня: на Машенькѣ сватаетесь. Это ужъ слишкомъ... это вамъ не пройдетъ даромъ— мой троюродный братъ вступится за меня, будетъ биться съ вами на пистолетахъ, убьетъ, непремѣнно убьетъ!

Золотниковъ.

Хороша и эта.

Дарья Семиновна (*входитъ*).

Такъ и есть, она ужь подцѣпила молодца: а я-то на что? Катерина Ивановна, васъ маменька зоветъ.

Катерина Ивановна (*всторону*).

Вотъ въ пору пришла, чтобъ ее... (*Вслухъ*). Гдѣ жь она?...

Дарья Семиновна.

Сюда, кажется, пошла; я васъ провожу. (*Всторону*). А ужь вдвоемъ не оставлю. (*Уходятъ*).

Александръ.

Слышишь, батюшка, что за исторія.

Золотниковъ.

Молчи!

Настасья Павловна (*проходя чрезъ сцену*).

Ахъ, я думала, что вы уѣхали!

Александръ.

Нѣтъ, я иду... я ѣду... Настасья Павловна, я въ отчаяніи. (*Кубыркина, Катенька, Машенька, Дарья Семеновна выбѣгаютъ изъ разныхъ дверей и кидаются на Александра, скороговоркой и почти вмѣстѣ*).

Дарья Семиновна.

Нѣтъ, это такъ оставаться не можетъ!

Кубыркина.

Это должно объясниться!

Марья Петровна.

Да-съ, извольте сказать правду!

Катерина Ивановна.

Довольно я страдала отъ васъ!

Дарья Семеновна.

Вы сватались на моей Машенькѣ?

Кубырина.

Вы сватались на моей Катенькѣ?

Вмѣстѣ.

Марья Семеновна. Я не дамъ оскорбить моей дочери.

Кубырина. А я буду жаловаться; у меня дядя сенаторъ!

Катерина Ивановна. Да что жь вы глаза выта́щили?

Марья Петровна. Что́ вы стоите какъ вкопаный? говорите же, объясните!

Золотниковъ (*выбѣгая на авансцену*).

Саша! Саша! Здѣсь ты? Саша, пропали мы съ тобой! Погибъ! бѣда случилась! дурно мнѣ!

Александръ (*съ испугомъ*).

Батюшка! Что́ это съ тобой сдѣлалось?

Золотниковъ.

Лопнулъ! лопнулъ!

Александръ.

Кто лопнулъ?

Золотниковъ.

Тамбовъ.

Всѣ.

Тамбовъ!

Александръ.

Что́, землетрясенье?

Золотниковъ.

То-есть, не Тамбовъ, а откупъ тамбовскій; заводы всѣ пропали — вѣдь на два милльона было... все мое состояніе!... Вотъ письмо получилъ. Деревенька одна осталась, и ту съ молотка... Саша!.. у насъ ничего нѣтъ больше.

Александръ.

Ну, слава Богу! а я такъ перепугался: думалъ что съ тобой холера сдѣлалась! Ну и къ-чему такъ кричать? Денегъ у тебя не будетъ, а я-то на что, я-то на что?

Настасья Павловна (*прислушиваясь*).

Да онъ благородный человѣкъ!

Марья Петровна.

Ахъ, бѣдная Катерина Ивановна!

Катерина Ивановна.

Ахъ, несчастная Марья Петровна!

Кубыркина.

Жалко мнѣ васъ, Василій Петровичъ; вотъ, можно сказать... непріятный контрдансъ.

Катерина Ивановна.

Contre tems, маменька.

Кубыркина.

Все равно; вамъ остается смириться передъ Промысломъ... Сынъ вашъ молодъ; теперь онъ остепенится, какъ женится на Марьѣ Петровнѣ.

Дарья Семеновна.

Нѣтъ, сынъ вашъ сватался на Катеринѣ Ивановнѣ; я у нея жениховъ не отбиваю—пускай живетъ счастливо.

Золотниковъ.

Да позвольте спросить: кто же выходитъ за Сашу?

Марья Петровна.

Ужь, конечно, не я.

Катерина Ивановна.

Да и не я!

Золотниковъ (*Настасьѣ Павловнѣ*).

Такъ не вы ли?

Александръ.

Нѣтъ, батюшка; она мнѣ и богатому-то отказала! Пойдемъ отсюда; пора за умъ взяться: отъ денегъто у меня и голова кругомъ пошла; такая забилась дурь въ голову. Теперь надо самому быть человѣкомъ. Что жь ты думаешь, чурбанъ я, стулъ, скотина какая-нибудь, не чувствую чѣмъ я тебѣ обязанъ? Ты поработалъ на своемъ вѣку для меня, слава Богу; теперь моя очередь. Обезпечу тебя, прокормлю тебя, работать стану, пойду во что угодно, въ магазинъ, въ поденьщики, въ сапожники, въ мастеровые, въ батраки, въ журналисты, въ литераторы! (*Публикѣ*). Господа, есть ли у кого мѣстечко? Безъ протекціи, вы сами знаете, вѣдь трудно. Не откажите; оправдаю, право оправдаю; честенъ, добръ—преданъ, останетесь довольны! Ну, пойдемъ, батюшка, будемъ сами-собой, а не придачей къ своимъ деньгамъ. Урокъ этотъ стоитъ всего твоего богатства.

Золотниковъ.

Ну, пойдемъ.

Настасья Павловна.

Погодите, Александръ Васильичъ, я предъ вами виновата.

Александръ.

Вы?

Настасья Павловна.

Я оскорбила васъ давича, потому-что не знала благородства вашихъ чувствъ.

Александръ.

Не говорите, не говорите; а то опять сердце пойдетъ вверхъ дномъ: я теперь и свататься не смѣю.

Настасья Павловна.

А я только теперь могу согласиться на ваше предложеніе: во мнѣ много гордости, и я чувствую что могу замѣнить все, что́ вы потеряли. Вотъ вамъ моя рука.

Александръ.

Что́ я слышу? Настенька... Настасья Павловна!

Золотниковъ.

Дочь моя! обними меня... Ну, и ты обними меня, только въ послѣдній разъ.

Катерина Ивановна.

Какъ трогательно!

Кубыркина.

Вотъ глупость-то!

Дарья Спиридоновна.

Да скажите, Василій Петровичъ, какъ это не счастіе могло съ вами случиться?

Золотниковъ.

Да оно, изволите видѣть, матушка, не случилось, а могло только случиться.

Кубаркина.

Что это значитъ?

Золотниковъ.

А это значитъ, что я еще въ прошломъ году отказался отъ всѣхъ откуповъ, а два мильйончика пойдутъ, такъ-ужь и быть, Настенькѣ на булавки! Схитрилъ, матушка; грѣшный человѣкъ! Вотъ Сашу своего выручить хотѣлъ.

Настасья Павловна.

Такъ вы меня обманули?

Кубаркина.

Это ни на что не похоже; мы не дадимъ себя дурачить; у меня дядя сенаторъ!

Дарья Семеновна.

Это изъ рукъ вонъ!

Марья Петровна.

Какова Настя? вѣдь провела; догадалась, должно-быть.

Катерина Ивановна.

Напередъ все знала; впрочемъ, я очень-рада!

Слуга *(входитъ)*.

Гости пріѣхали.

Дарья Семеновна.

Пойдемъ, Машенька; дѣлать намъ здѣсь нечего. А ты, матушка, поздравляю—мастерица! отплатила за мои попеченія! всѣхъ провела!

Настасья Павловна.

Я всѣхъ провела... Они въ-самомъ-дѣлѣ подумаютъ; это нестерпимо! Нѣтъ, я скорѣй откажусь отъ слова.

Золотниковъ.

А кто говорилъ, что слово свято? Нѣтъ, если всякаго толка бояться, такъ и жить нельзя будетъ. Нѣтъ, пускай говорятъ что̀ угодно, а мы веселымъ пиркомъ, да за свадебку..

Александръ.

Поскорѣй бы, батюшка!

Золотниковъ.

То-то же!.. А ты гляди на жену, да выбей пустяки изъ головы и будетъ тебѣ радость, да утѣшеніе, а не бѣда отъ нѣжнаго сердца.

Александръ.

Свои окончивъ похожденья,
Теперь, въ рѣшительный сей часъ,
Просить я долженъ снисхожденья
За сочинителя и насъ.
Боимся мы, что надоѣли;
Вы насъ утѣшьте, господа,
Чтобъ сердца нѣжнаго бѣда
Бѣдой не вышла въ-самомъ-дѣлѣ!

БУКЕТЫ

ИЛИ

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЦВѢТОБѢСІЕ.

Шутка въ одномъ дѣйствіи.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ТЕРЕНТІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЛУКОВИЦЫНЪ, хозяинъ цвѣточной лавки.
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТРЯПКА, чиновникъ.
СИЛА ѲЕДОРОВИЧЪ, начальникъ чего-то.
ШУБА.
БЕКЕШЪ.
ВЛЮБЛЕННЫЙ.
Г-жа МИЛКОВА, актриса.
МАРЬЯ СЕМЕНОВНА ЛЫНДИНА, саратовская помѣщица.
МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, ея дочь.
ВАЖНАЯ ОСОБА.
ФЕДЬКА, работникъ въ цвѣточной лавкѣ.
СТОРОЖЪ.

Дѣйствіе происходитъ во время масляницы 1845 года.

Театръ представляетъ цвѣточную лавку; на срединѣ и по сторонамъ множество разныхъ деревьевъ разставлено симметрически въ большихъ кадкахъ. На деревянныхъ станкахъ, въ родѣ лѣстницъ, стоятъ въ порядкѣ разныя цвѣтущія растенія, въ малыхъ глиняныхъ горшкахъ. Въ глубинѣ лавки видны своды, подъ которыми можно скрыться или обойти позади растеній всю лавку. Главный входъ на лѣвой сторонѣ со сцены. Напротивъ входа, съ правой стороны, окно, также уставленное разными цвѣтами.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕРЕНТІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЛУКОВИЦЫНЪ беретъ съ лотка увязанные бумагою цвѣты, разбираетъ ихъ, любуется и становитъ на полки. ФЕДЬКА чуть видѣнъ за кустами въ глубинѣ лавки.

Луковицынъ.

Федька! нарѣжь гіацинтовъ, на полкѣ, тамъ, что отцвѣли—знаешь?

Федька (*кричитъ*).

Знаю-съ.

Луковицынъ.

Да зеленцы пусти побольше, чтобъ показистѣе было.

Федька.

Слушаю-съ.

Луковицынъ.

Не забудь *миртуса*... отличительная зелень... господамъ оченно нравится.

Федька.

Хорошо-съ.

Луковицынъ.

Ну ужь въ-самомъ-дѣлѣ Божіе благословенье!

нѣ-чѣ сказать: такая вдругъ благодать пошла .. и объяснить не могу. Пожива тебѣ, Терентій Андреичъ... Пожива тебѣ, старый песъ! дожилъ и ты до красныхъ деньковъ. Бывало, плачешься-себѣ да и только... лучшія растенія пропадаютъ: *грандифлорусъ, мимозусъ, рододендронусъ, геліотропусъ, аіанантусъ, центифолисы,* стоятъ, бывало, себѣ голубчики да вянутъ. Сердце такъ кровью и обливается! своей цѣны никто не даетъ. А теперь, то-ли дѣло! всякая травка валитъ въ три-дорога.

Благодать мнѣ, просто, съ неба!
Зелень—я бросалъ подъ часъ,
А теперь, дороже хлѣба
Зелень всякая у насъ!
Будь товаръ хоть и съ изъянцемъ,
Платятъ въ три-дорога намъ!
Дай Богъ здравья всѣмъ тальянцамъ,
Да и русскимъ господамъ!
Продавать цвѣты изъ лавки
Успѣваемъ мы едва
Нынѣ дороги, всѣ травки,
А ужь деньги трынъ—трава.

Фидьки (*выходитъ*).

Да што эвто, Терентій Андреичъ, ума не приложу: отчего эвто пошло на цвѣты такое требованіе? али приказано, видно?

Луковицынъ.

Ну ужь молчи, братъ, не твое дѣло. Это, извольшь видѣть, повѣтріе такое. Въ кіатерѣ, говорятъ, въ людей швыряютъ.

Фидька.

Что́ жь это? Никакъ игра новая какая?

Луковицынъ.

Такъ быть слѣдуетъ. Таліанская, говорятъ, игра, и вывезена таліанцами изъ Нѣмечины. Господа наши, вишь, тѣшиться наволятъ. Вотъ видишь, кто далѣе перекинулъ, тотъ и выигралъ.

Федька.

Эва? Какая палитика!

Луковицынъ.

Голубчики мои, таліянцы! вотъ ужъ угостилъ бы ихъ чайкомъ! Не пожалѣлъ бы сотни! такъ бы и ювелъ, кажется, прямо въ Лисабонъ.—Нечего сказать, отличительное заведеніе. Слышь, Федька?

Федька.

Ась?

Луковицынъ.

Все ли готово у тебя? Нынѣче вить утренній инспектатель.

Федька.

Какъ же, на разсвѣтѣ съ Аптекарскаго три воза привезли.

Луковицынъ.

Для лакея, што приходилъ съ голунами, приготовили два букета?

Федька.

Приготовили-съ.

Луковицынъ.

И комелея есть?

Федька.

Есть и комелея.

Луковицынъ.

А для сѣтельнаго-то три дюжины ротовы?

Федька.

Въ водѣ стоятъ-съ.

Луковицынъ.

Вишь, молодецъ какой! Эвтотъ ужь вѣрно съ выигрышемъ останется.

Федька.

Ужь въ убыткѣ, вѣрно, не будетъ.

Луковицынъ.

(*Тряпка ходитъ за сводами*).

Гляди-ка, Федька... никакъ въ лавку кто-то вошелъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ТРЯПКА.

Тряпка (*обходитъ всю лавку и нюхаетъ цвѣты, не говоря ни слова. Хозяинъ за нимъ*).

Луковицынъ.

Позвольте жь окончательно узнать.

Тряпка.

Да бишь... братецъ, по чему у тебя букетцы?

Луковицынъ.

Да какіе букеты-съ? Всякіе есть... и въ 50 рублевъ и въ десять цѣлковыхъ.

Тряпка.

Да, да, да... ну, а знаешь, братецъ, этакъ.... подешевле?

Луковицынъ.

И подешевле есть. Въ три цѣлковыхъ есть.

Трапка.

Чай, похуже?

Луковицынъ.

Извѣстно-съ. Будутъ попроще.

Трапка.

Покажи-ка, братецъ.

Луковицынъ.

Какихъ прикажете-съ?

Трапка.

Ну, да... хоть такъ... ну, хоть въ три цѣлковыхъ.

Луковицынъ (*презрительно*).

Федька! покажи имъ дешевые.

Трапка (*взявъ букетъ у Федьки*).

Этотъ что?

Луковицынъ.

Какъ сказано-съ: три рубля.

Трапка.

Помилуй! да онъ четвертака не стоитъ.

Луковицынъ.

Какъ можно!—Важный букетъ-съ.

Трапка.

Побойся же Бога...

Луковицынъ.

Нельзя-съ. Мы сами дорого платимъ.

Трапка.

Возьми два цѣлковыхъ.

Луковицынъ.

Чего-съ? не извольте безпокоиться. Федька... и Федька! нарѣжь-ка тамъ тюльпанчиковъ, мирту-совъ, да того... какъ бишь.

Тряпка *(самъ съ собою).*

Вотъ оно, что значитъ-то: начальникъ охотникъ до музыки. Я бы сидѣлъ себѣ въ Захарьевской, у невѣсты... Такъ нѣтъ! Ступай въ Коломну, плати за извощика... да еще мало: Сила Федоровичъ, букеты бросаетъ! Этакой ужъ, право, музыкантъ, все поетъ себѣ, и въ канцеляріи все себѣ, что-то, знай мурлычитъ. «Смотри», говоритъ: завтра покажемъ себя! набросаемъ этихъ, знаешь, букетиковъ». Я говорю: какъ же, Сила Федоровичъ,—набросаемъ-съ этихъ, знаю, букетиковъ. «Кому?» Да кому прикажете-съ!... Оно не глупо: пригодится по службѣ... мѣсто хорошее въ виду, а тамъ живи себѣ припѣвающи, не хуже италіянца. Только дорого, дорого... два цѣлковыхъ хочешь?

Федька.

Нельзя-съ.

Тряпка.

А впрочемъ... букетъ... оно пріятно! Сила, ловкость. Сидишь себѣ въ 4-мъ ярусѣ, взялъ букетъ покрѣпче, развернулся: Господи благослови! Хлопъ! Смотришь, а букетъ ужъ въ оркестрѣ! А тамъ, контрабасъ какой-нибудь перекинетъ на сцену, да еще думаетъ, чай, сытый Нѣмецъ: кто бы де это кинулъ?— А на верху-то, на верху пойдетъ суматоха! «Видѣ«ли, букетъ кинули? Кто?... Тряпка! Какой Тряп«ка? Иванъ Иванычъ! право? Быть не можетъ!— «Тряпка! точно Тряпка! право? я видѣлъ! и я ви«дѣлъ! Эка онъ какой... Ай да Тряпка!»—Ну, что ни говори... (*Улыбаясь*)—пріятно. (*Отрывисто*). Два цѣлковыхъ хочешь?

Луковицынъ (*подходя*).

Никакъ не возможно-съ.

Тряпка.

Бери, братъ. Два цѣлковыхъ, право деньги.

Луковицынъ.

Чего-съ? что́ это за деньги! и словъ тратить не стоитъ.

Тряпка.

Эка заважничалъ больно. Не хочешь двухъ цѣлковыхъ?

Луковицынъ.

Не могу.

Тряпка.

Не хочешь?

Луковицынъ.

Нѣтъ-съ.

Тряпка.

Нѣтъ? Ну такъ подавись же своими цвѣтами! къ другому пойду.

Луковицынъ.

Куда угодно.

Тряпка.

Будешь жалѣть (*уходитъ*). Не дамъ... Э.

Луковицынъ.

Не извольте безпокоиться. Эва расхарахорился! Вишь какой! Федька! А въ-самомъ-дѣлѣ букетъ-то четвертака не стоитъ.

Федька.

Не стоитъ-съ, хозяинъ.

Луковицынъ.

Вишь ты, какъ дѣло повернуло. Ха, ха! ха!

Федька.

Хе! хе! хе! *(смѣются и вдругъ останавливаются. Тряпка выглядываетъ въ двери).*

Тряпка (*громко*).

Хочешь два цѣлковыхъ?

Луковицынъ.

Въ убытокъ себѣ будетъ-съ.

Тряпка.

Пожалуйста, братецъ, возьми.

Луковицынъ.

Нѣтъ возможности.

Тряпка.

Такъ не дамъ же.

Луковицынъ.

Воля милости вашей.

Тряпка.

Не дамъ, не дамъ! (*скрывается*).

Луковицынъ.

Какъ будетъ угодно-съ.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ТРЯПКИ.

Луковицынъ.

Вишь, чѣмъ прельщаетъ! Экая невидаль — и цѣлковыхъ!

Федька.

Что́ за деньги-съ!

Луковицынъ.

А?...

Федька.

Что́ за деньги!

Луковицынъ.

Вѣстимо. Вотъ ужь наши господа... вотъ люблю, такъ люблю! разливанное море! за деньгой ужь не постоятъ. Ужь покажутъ себя. Ужь такая поведенція. Одинъ букетъ, а другой уже сотню... Знай нашихъ!

Федька.

Его сіятельство подъѣхалъ.

Луковицынъ.

Бѣги, отворяй двери! *(бѣгутъ къ дверямъ и низко кланяются).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ и КНЯЗЬ.

Князь.

Готовы, что́ ли?

Луковицынъ.

Готовы, ваше сіятельство.

Князь.

Три дюжины?

Луковицынъ.

Такъ точно-съ.

Князь (*подумавъ*).

Гмъ... Не мало ли будетъ?

Луковицынъ.

Какъ прикажете-съ. Можно еще прибавить!

Князь.

Да! Еще бы штукъ шесть. (*Напѣвая*). Fra poco me ricovero и *проч.* (*Всякій разъ поетъ на другой голосъ*).

Луковицынъ (*обождавъ немного, говоритъ*).

Слушаю-съ. Федька! слушай! (*Князь продолжаетъ пѣть*) еще шесть букетовъ для ихъ сіятельства. Въ какую прикажете цѣну?

Князь.

Это ужъ твое дѣло. Fra poco... и *проч.* на счетъ поставь съ прочими. Fra poco... и *проч.*

Луковицынъ.

Слушаю-съ. Федька! подь-ка сюда... (*оба скрываются въ глубинѣ сцены*).

Князь (*продолжая пѣть*).

Fra poco me ricovero...

ЯВЛЕНІЕ V.

КНЯЗЬ и ТРЯПКА.

Тряпка (*не смотря на князя, подходитъ быстро къ нему*).

Ну такъ чортъ же тебя побери! Борода проклятая!

ь, три цѣлковыхъ! на! вотъ тебѣ! ѣшь (*взгля-*
нувъ на князя). Ахъ! виноватъ, виноватъ, ваше
ство... извините, пожалуйста, я думалъ, что
этотъ козелъ тутъ стоитъ...

Князь.

го. А! да вы, кажется, у насъ въ канцеляріи
?

Трина.

точно-съ... вмѣстѣ съ вашимъ сіятельствомъ.
кажется, вамъ нужда.

Князь.

я рѣдко бываю. Fra Poco и *проч.*

Трина.

уда же вамъ... помилуйте; заниматься дѣ-
вы вѣдь все съ знатными. Аристократъ! ку-
амъ съ нами, мелкими чиновниками?... Я
малъ. Для оперы, за букетцами извольте по-
ъ?

Князь.

Трина.

шое изволили заказать количество?

Князь.

ельзя иначе. Вчера кинули той... вы зна-
инадцать! такъ я, на всякой случай, взялъ
дцать шесть, да еще шесть. Fra poco и

Трина *(съ завистью)*.

Сорокъ два!! ну, какъ не позавидовать богат человѣку, что за пріятность, въ-самомъ-дѣлѣ: вывернулъ, то бѣлая ассигнація.

Князь.

(*Поетъ*) Fra poco... а вы, тоже за букетами?

Трина.

Какъ же...

Князь.

Вы тоже меломанъ?

Трина (*не понимая*).

Какъ-съ?

Князь.

Диллетантъ?

Трина.

Что̀ это-съ?

Князь.

Вы, охотникъ до музыки?

Трина.

Какъ же, какъ же.

Князь.

Вы, віардистъ?

Трина.

Нѣтъ-съ.

Князь.

Кастелланистъ?

Тришка.

Нѣтъ-съ.

Князь.

Ага! Рубинистъ!

Тришка.

Нѣтъ-съ.

Князь.

Понимаю: Тамбуринистъ.

Тришка.

Никакъ нѣтъ-съ.

Князь.

Что́ же вы такое?

Тришка.

Да... я... такъ-съ.

Князь.

Какъ такъ-съ?

Тришка.

Такъ, такъ-съ. Я вѣдь, не знатокъ. Дядя у меня, правда, былъ-съ... игралъ немножко на скрыпкѣ, а вотъ никакъ третій годъ какъ померъ.

Князь.

Какъ же вы, любите музыку?

Тришка.

Да такъ-съ... для моціона. Цѣлый день вѣдь сидишь на службѣ, движенія нѣтъ никакого. Молчаніе-съ. Этикетъ. Ну, а ужь вечеромъ, пошелъ въ театръ... лихо разгуляться можно! захлопай кто-ни-

будь только въ ладоши, а ужь мы не отстанемъ, нѣтъ, не выдадимъ своихъ; а ужь кричать коли понадобится,—такъ ужь можно сказать, дадимъ себя знать! постоимъ за себя. Голосъ, слава Богу есть. (*кричитъ*). Бррра-во!!! Рубинова!

Луковицынъ (*вбѣгая*).

Что? что случилось? пожаръ, что ли?

Тряпка.

Ничего-съ. Это мы съ княземъ разговариваемъ.

Луковицынъ.

Такъ-съ. Вишь таліянецъ какой! (*скрывается*).

Князь.

Кому же вы кинете букетъ?

Тряпка.

Начальникъ просилъ-съ. Кому онъ кинетъ-съ, тому и я... сами посудите, служба, нельзя-съ.

Князь (*поетъ*).

Fra poco...

Тряпка.

Да, да, вы это изъ Севильскаго Цирюльника изволите пѣть? Знаю-съ. Хорошенькая очень арія. Я грѣшный человѣкъ—люблю зрѣлища! даже вотъ намедни звѣринецъ ходилъ смотрѣть, медвѣдя сибирскаго показывали, такой милый, право... вотъ такъ-бы... и бросилъ ему букетъ! но подешевле, разумѣется. Вѣдь... вы изволите знать. Ужь безъ букетовъ нынче нельзя.

Весь Петербургъ старается,
Хлопочетъ о цвѣтахъ,
И столько ихъ бросается,

Что зелено въ глазахъ!
Сперва—пѣвцовъ Италіи
Всѣ стали осыпать;
А тамъ, пошло и далѣе,
Во всѣхъ пошли швырять!
Оцѣнку всѣмъ назначили,
И даже à propos:
Бросать букеты начали
Всѣмъ статуямъ *Раппо*;
Таланты всѣ подвинули!
Я видѣлъ самъ, ей-ей:
Букетъ въ *Ризлея* кинули
Чтобъ не кидалъ дѣтей;
Одинъ—пылая рвеніемъ,
Цѣнящій красоту,
Воткнулъ букетъ съ почтеніемъ
Въ носъ мертвому *киту!*
Во всемъ видна прогрессія;
И нынѣ на Руси
Такое цвѣтобѣсіе,
Что Боже упаси!!!

Князь.

Да, теперь очень весело въ Петербургѣ (*идетъ*).

Тряпка.

Въ Дѣтскомъ Театрѣ изволили быть?

Князь.

Нѣтъ не былъ.

Тряпка.

Со мной вышелъ-съ довольно конфузный случай недавно: невѣсту было туда повелъ.

Князь.

Вы, женитесь?

Трина.

Такъ точно-съ.

Князь.

Поздравляю.

Трина.

Благодарю покорно.—Теща моя будущая на дняхъ пріѣхала изъ Саратова,—я-было угостить хотѣлъ ее италіянцами, да нѣтъ мѣста, ни одного, что хочешь дѣлай; къ себѣ въ ложу пригласить не прилично: насъ и безъ того восемь человѣкъ, въ 4-мъ ярусѣ.—Вижу на афишкѣ: антики какіе-то показываютъ въ Дѣтскомъ Театрѣ. Повелъ ихъ на бѣду.—Повѣрите ль, теща чуть-чуть глаза не выцарапала! на-силу, на-силу успокоилъ. Ужь за лошадьми послала, въ Саратовъ хотѣла обратно.

Князь.

Право? (*поетъ*) Fra poco и *проч.*

Луковицынъ (*входя*).

Ваше сіятельство... не прикажете ли людей призвать? Мы съ Федькой корзины съ букетами не стащимъ вдвоемъ: тяжело больно.

Трина.

Ничего, ничего, я помогу.

Князь.

Не безпокойтесь.

Трина.

И! ничего, ваше сіятельство. (*Выносятъ изъ глубины лавки съ большимъ трудомъ огромнѣйшія двѣ корзины въ главный выходъ*).

Князь.

Посмотримъ теперь, чья возьметъ?

Нѣтъ, никому мы не уступимъ,
Ужь не попятимся назадъ,
Теплицу цѣлую мы купимъ,
Съ корнями вырвемъ цѣлый садъ!
На сцену сами всѣ мы ляжемъ,
Имѣнье рады мы убить,
Но Петербургу мы покажемъ
Какъ надо музыку любить.

(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ШУБА и БЕКЕШЪ выходятъ, споря между собою.

Шуба.

Дрянь! дрянь! что это за пѣвица? просто, дрянь!

Бекешъ.

Нѣтъ, не дрянь! нѣтъ, не дрянь! а вотъ ваша такъ дрянь! такъ точно дрянь.

Шуба.

Помилуйте, да что же вы за знатокъ послѣ этого? да вы ровно ничего не смыслите! да она поетъ фальшиво!

Бекешъ.

Какъ, фальшиво? да это у васъ, сударь, уши фальшивыя! да вы сами фальшивый человѣкъ послѣ этого! она никогда фальшивой нотки не бреетъ.

Шуба.

Ну, что вы говорите? помилуйте! Да вотъ спро-

сите у Ивана Козьмича, у Андрея Степаныча: всѣ они скажутъ, что она фальшивитъ.

Бикшъ.

Нѣтъ, не скажутъ, нѣтъ не скажутъ. А вотъ объ вашей—такъ скажутъ! непремѣнно скажутъ. Спросите Бѣлку... больше ничего, спросите только Бѣлку,—послушайте-ка его. А ужъ онъ знатокъ, кажется. Даже слова написалъ для романса «Черный башмачекъ». Послушайте-ка, что онъ вамъ скажетъ.

Шуба.

Да что мнѣ его слушать! мнѣ князь говорилъ вчера еще, самъ князь говорилъ: » вижу, братецъ, что знатокъ! стоишь за правое дѣло.»

Бикшъ.

Хорошъ знатокъ!

Шуба.

Получше васъ.

Бикшъ.

Смѣшно слышать!

Шуба.

Уши вянутъ!

Бикшъ

Ай да знатокъ!

Шуба.

Ну ужъ музыкантъ.

Бикшъ.

Ха! ха! ха!

Шуба.

Ха! ха! Ну, ужъ одолжилъ!

Бикшъ.

Потѣшилъ! нечего сказать! (*оба смѣются до упада*).

Луковицынъ (*входитъ*).

Господа! съ нашимъ почтеніемъ съ!...

Бикшъ.

Эй! лавочникъ!

Шуба.

Хозяинъ!

Бикшъ.

Букеты есть у тебя?

Шуба.

Есть у тебя букеты?

Бикшъ.

Вы, для своей?

Шуба.

А вы для своей?

Бикшъ.

Безъ сомнѣнія.

Шуба.

Разумѣется.

Бикшъ.

Вотъ на дѣло деньги!

Шуба.

Стоитъ она того!

Луковицынъ (*показывая*).

Да вотъ-съ, господа, всего — пять букетовъ осталось... всѣ разобрали.

Шуба.

За мной, братецъ.

Бикшъ.

Нѣтъ, за мной!

Шуба.

Я сказалъ первый!

Бикшъ.

Я больше дамъ!

Луковицынъ.

Кому же прикажете-съ?

Шуба.

Мнѣ!...

Бикшъ.

Нѣтъ, мнѣ-съ.

Оба.

Мнѣ! мнѣ! мнѣ!

Луковицынъ.

Всѣ прикажете-съ?

Бикшъ.

Всѣ! всѣ! что̀ бъ они не дали, я дамъ цѣлковымъ больше.

Шуба.

И я тоже!

Луковицынъ.

Ну, ужь вы, господа, рѣшайте между собой какъ угодно... я пойду, уложу букетики (*скрывается въ глубинѣ лавки*).

Шуба (*съ досадою*).

Хорошо-съ! хорошо-съ! Нечего сказать: отбивать добро у чужихъ людей вздумали! да здѣсь, батюшка, не служба (*про себя*) раскуси-ка это...

Бикшъ (*обидясь*).

Что̀ это значитъ?

Шуба.

Да слухомъ земля полнится.—Славный домикъ, говорятъ, изволили купить.

Бикишъ.

Что-съ?

Шуба.

И скоро. Никакъ вы третій годъ только на своемъ мѣстѣ?

Бикишъ.

Да вы, кажется, забываетесь... вы дерзости мнѣ говорите? а? Ну, купилъ домъ! купилъ! купилъ! вамъ что за дѣло? не на ваши деньги; на деньги жены моей.

Шуба.

Знаемъ мы!

Бикишъ.

Извѣстно, что знаете. Вы, чаю, съ женою-то вашей—и побольше одного дома купите!

Шуба (*обидясь*).

Что это значитъ?

Бикишъ.

Да такъ.

Шуба.

Какъ, такъ?

Бикишъ.

Жена ваша, вѣдь извѣстно...

Шуба.

Да это вы мнѣ грубости говорите!

Бикишъ.

А вы что?

Шуба.

Да вы, нахалъ, милостивый государь.

Бикишъ.

А вы—взяточникъ!

Шуба.

А свидѣтелей-то нѣтъ... (*ему*). Я взыщу съ васъ за безчестіе.

Бикишъ.

А я буду жаловаться начальству.

Шуба.

Берегитесь!

Бикишъ.

Бездѣльникъ!

Луковицынъ (*входитъ*).

Вотъ, господа, и корзинка съ букетами. Съ кого прикажете получить-съ?

Шуба.

Съ меня.

Бикишъ.

Нѣтъ, съ меня! (*поспѣшно вынимаетъ бумажникъ*).

Шуба.

Давай сюда!

Бикишъ.

Сюда давай!

Луковицынъ (*про себя*).

Хорошаго случаю упущать не надо. (*Вслухъ*). По пяти цѣлковыхъ, господа.

Шуба.

На́, деньги...

Бикишъ.

Съ меня бери (*оба кидаютъ деньги на корзинку*).

Шуба.

Мои букеты!

Бикишъ.

Нѣтъ, мои!

Оба (*кричатъ*).

Мои! мои! (*каждый тащитъ корзинку въ свою сторону. Луковицынъ беретъ деньги*).

Бикишъ.

Не смѣйте, сударь!

Шуба.

Отпустите, я васъ старше чиномъ!

Бикишъ.

Мое мѣсто выше!

Луковицынъ.

Эка ихъ разобрало!

Шуба.

Такъ не спорьте же со мною!
Чиномъ ниже вы меня!

Бикишъ.

Ниже чиномъ, но душою
Втрое васъ повыше я!

Шуба.

Отойдите жь! какъ не стыдно?

Бикишъ.

Какъ не стыдно отнимать?

Шуба.

Тотчасъ взяточника видно,

Бикишъ.

Намъ по-вашему не взять.

Шуба.

Я не въ шутку разсержуся!

Бикишъ.

Я ей-Богу разсержусь!

Шуба.

Для своей я потружуся!

Бикишъ.

За свою я потружусь!

Шуба.

Это подло!

Бикишъ.

Это низко!

Шуба.

Отступитесь!

Бикишъ.

Никогда!

Луковицынъ.

Господа! здѣсь будка близко,
Не угодно ли туда?

Шуба (*потянувъ сильно корзину*).

Такъ я же васъ!...

Бикишъ (*также*).

Что́ вы? (*Корзина разламывается, цвѣты падаютъ, оба отскакиваютъ въ разныя стороны. Луковицынъ бросается поднимать цвѣты*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ и СИЛА ѲЕДОРОВИЧЪ поетъ изъ разныхъ оперъ, все на одинъ голосъ, съ русскимъ нарѣчіемъ и все улыбается.

Сила Ѳедоровичъ.

Ви ви ту. Ви ви ту. Что̀ это, господа? Вы шумите, кажется?

Бикшъ (*испугавшись*).

Мы-съ...

Шуба (*также*).

Ничего-съ...

Бикшъ.

Такъ-съ себѣ... объ музыкѣ разсуждали.

Сила Ѳедоровичъ (*улыбаясь*).

Право?—Maledetto сей листанте. Ага, за букетами, видно?

Шуба.

Да-съ.

Бикшъ.

Такъ точно-съ.

Сила Ѳедоровичъ (*поетъ*).

А мабрачіа... вы меломаны, господа?

Шуба.

Какъ же.

Бикшъ.

Страстные охотники.

Сила Ѳедоровичъ (*улыбаясь*).

Право? какъ пріятно! и я, повѣрите-ли, съ италіянской оперой сталъ совсѣмъ новымъ человѣкомъ. (*поетъ*) *а перке нонъ и проч.*

Бикшъ.

Какой пріятный голосъ!

Шуба.

Нѣтъ, метода какая...

Сила Ѳедоровичъ.

Се мифрема и проч. Ну, а которая пѣвица вамъ больше всѣхъ нравится, господа?

Бикшъ.

Мнѣ-съ?...

Шуба.

Мнѣ что́ ли-съ?

Сила Ѳедоровичъ.

Да... *а перке...*

Бикшъ (*всторону*).

Ахъ, Боже мой! вѣдь я не знаю какую онъ любитъ?

Шуба. (*про себя*).

Ну, какъ назовешь не ту? вѣдь онъ, пожалуй, сдѣлаетъ непріятность.

Сила Ѳедоровичъ.

Что́ же, господа?

Шуба.

Да... я-съ... (*особо*). Экая у него подлая душонка! Вѣдь боится сказать.

Бикшъ (*про-себя*).

Вотъ онъ знатокъ-то и сталъ въ тупикъ.

Шуба.

Мнѣ нравится... та... что... (*особо*). Бѣда, коли соврешь.

Бикшъ.

А я нахожу-съ... что... другая... (*особо*) ну, какъ бы отгадать?

Сила Ѳедоровичъ.

Вы Лучію любите?

Шуба (*особо*).

Должно быть, эта (*вслухъ*). Люблю ужасно люблю-съ!

Сила Ѳедоровичъ.

Какъ бишь тамъ эта арія?... да *Fra poco te ricovero*.—А вы?

Бикшъ.

Я... я... тоже.

Шуба (*особо*).

Вотъ человѣкъ! на грошъ нѣтъ въ немъ совѣсти.

Сила Ѳедоровичъ.

А Норму-съ, господа?

Бикшъ.

Норму-съ... такъ.

Шуба.

Норма-то... себѣ.

Сила Ѳедоровичъ.

Какъ, господа! помилуйте! *а каста дива, каста дива?*

Шуба.

Это не я-съ... я люблю Норму. Вотъ они... такъ кажется...

Бикшъ.

Не правда! они очернить меня хотятъ. Я всякій разъ бываю въ Нормѣ... вотъ, въ особенности... *какъ ты дива*, я люблю.

Шуба.

Прекрасная музыка!

Сила Ѳедоровичъ.

Я, господа, долженъ вамъ сказать: я люблю всю труппу!

Бекешъ.

И я тоже.

Шуба.

И я тоже.

Сила Ѳедоровичъ (*улыбаясь*).

Только, одну пѣвицу ненавижу.

Бекешъ.

И я тоже.

Шуба.

И я тоже.

Бекешъ (*особо*).

Экая низость!

Шуба (*также*).

Вотъ ужь подлый человѣкъ!

Сила Ѳедоровичъ.

Эй! лавочникъ! есть у тебя букеты?

Луковицынъ.

Никакъ нѣтъ-съ. Вотъ, послѣдніе ихними милостями взяты, и деньги съ двоихъ получены.

Сила Ѳедоровичъ (*улыбаясь*).

Хорошо. Давай сюда! Хорошенькіе букетики и запахъ есть. — Ароматъ такой. — Нель фуроръ... *(Шуба и Бекешъ стоятъ пораженные).*

Шуба.

Что....о....о....о-съ.

Бекешъ.

Ка....а....а....къ-съ.

Сила Ѳедоровичъ.

А?

Бекешъ.

Нѣтъ-съ, съ удовольствіемъ! (*особо*). Экая досада!

Шуба.

Мы для васъ и приготовили (*особо*). Чортъ бы его подралъ! (*входитъ Тряпка и все кланяется. Сила Ѳедоровичъ его не замѣчаетъ*).

Бекешъ.

По крайней мѣрѣ ему не достанется.

Шуба.

Не мнѣ, такъ и не ему же!

Сила Ѳедоровичъ (*беретъ корзинку подъ мышку*).

Спасибо, господа! Степка! на! отнеси въ карету. (*Шуба и Бекешъ бросаются къ нему и передаютъ почтительно корзинку лакею*). А что, господа?... (*смотря на часы*): пора въ театръ... скоро начнется. (*Замѣтя Тряпку, который все кланяется*). А! Тряпка! и ты здѣсь.

Тряпка.

Здѣсь, ваше высокородіе.

Сила Ѳедоровичъ.

За букетцемъ?

Тряпка.

По приказанію вашему.

Сила Ѳедоровичъ.

Ну, хорошо, братецъ, спасибо. Скоро будетъ твоя свадьба?

Тряпка.

Послѣ поста-съ.

Сила Ѳедоровичъ.

Позовешь ты меня?

Тряпка.

Буду... осмѣливаться просить въ отцы посаженые.

Сила Ѳедоровичъ.

Хорошо. Ну, въ театрѣ увидимся... покажемъ себя.

Тряпка.

Покажемъ-съ, ваше высокородіе... пускай всѣ насъ знаютъ.

Сила Ѳедоровичъ.

Хорошо. Прощайте, господа! (*Уходитъ*).

Шуба.

Ну что взяли?

Бикешъ.

А вы что взяли?

Шуба.

Э....

Бикешъ.

Э....

Шуба.

А все-таки вы взяточникъ!

Бикешъ.

А вы... (*говоритъ ему на ухо*). Вотъ что! (*уходитъ*).

Шуба.

Ну, погоди, погоди голубчикъ! ужь мы съ тобой раздѣлаемся... *(Уходитъ за нимъ).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЛУКОВИЦЫНЪ и ТРЯПКА.

Луковицынъ.

Признательно сказать: со мной этого еще и не бывало. За букеты получилъ съ двоихъ, а унесъ-то ихъ третій,—мудреная штука!

Тряпка.

Ну, нечего дѣлать, бери свои деньги.

Луковицынъ.

Какія деньги?

Тряпка.

За букетъ, что́ я торговалъ.

Луковицынъ.

Да онъ проданъ-съ.

Тряпка.

Какъ! что́ ты говоришь?

Луковицынъ.

Да вы рѣшаться не изволили, такъ я другимъ отдалъ.

Тряпка.

Какъ же, братецъ? Я начальнику обѣщался...

Луковицынъ.

Не могу знать-съ.

Тряпка.

Да этакъ въ бѣду попадешь! Ну, другой дай какой-нибудь.

Луковицынъ.

Другихъ нѣтъ.

Тряпка.

Какъ, нѣтъ?

Луковицынъ.

Всѣ проданы-съ.

Тряпка.

Ну, полтинникъ прибавлю.

Луковицынъ.

Радъ бы дать, да какъ нечего-съ.

Тряпка.

Не уже ли, братецъ, у тебя цвѣтовъ нѣтъ въ лавкѣ?

Луковицынъ.

Заказныхъ осталось еще нѣсколько, а продажныхъ нѣтъ больше-съ.

Тряпка.

Ну такъ уступи изъ заказныхъ.

Луковицынъ.

Какъ можно-съ!

Тряпка.

Ну, а если не придутъ за ними?

Луковицынъ.

Не придутъ, такъ берите пожалуй.

Тряпка.

Такъ я, братецъ, подожду.

Луковицынъ.

Воля милости вашей.

Тряпка.

Я посмотрю, что у тебя тамъ за растительность...

Луковицынъ.

Извольте смотрѣть (*Тряпка уходитъ за кусты*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЛУКОВИЦЫНЪ и г-жа МИЛКОВА.

Милкова.

Скажите, пожалуйста, *здѣсь* можно заказать букеты, вотъ эти, что въ театрѣ кидаютъ?

Луковицынъ.

Здѣсь, сударыня. Да—никакъ... вы сами представлять изволите на Александрынскомъ. Вы будете, кажись, г-жа Милкова?

Милкова.

А вы меня какъ знаете?

Луковицынъ.

Видали-съ. Въ прошедшемъ году ложу брали. Ходили съ хозяйкой дѣтей потѣшать,—да свекровь была еще съ нами-съ... да человѣкъ шесть—семь знакомыхъ-съ. Знатное было представленіе! очень помнимъ.

Милкова.

Такъ, пожалуйста, ни кому не говорите.

Луковицынъ.

Чего-съ?

Милкова.

Что я сюда къ вамъ приходила.

Луковицынъ.

Да! да! да! Это вы для себя изволите...

Милкова.

Тише, пожалуйста, чтобъ не услыхалъ кто-нибудь. Вы посудите сами: я вѣдь не какая-нибудь... ну, любовницъ я не играю: не по лѣтамъ, а этакихъ,

благородныхъ матерей—какъ я, я думаю, вы немного найдете.

Луковицынъ.

Что́ жъ, чай, дѣтки чувствовать должны.

Минкова.

Нѣтъ, вы не понимаете. Я представляю благородныхъ матерей. Это амплуа мое.

Луковицынъ.

Какъ-съ?

Минкова.

Это амплуа мое.

Луковицынъ.

Изволите видѣть! Хорошее-съ названье.

Минкова.

Моя служба не хуже другихъ, и роли такія... а въ представленіи букеты кидаютъ только молоденькимъ. Только и есть у иныхъ что личико хорошенькое, а ни дикціи, ни манеровъ. Право, грустно... большой упадокъ въ театрѣ.

Луковицынъ.

Что́ же вы прикажете-съ?

Минкова.

Четыре букета къ завтрешнему театру; (*особо*) пущай же и мнѣ кинутъ букеты, а то, право, до сихъ поръ ни одного еще не видала! ну—хоть въ отставку выходить.

Луковицынъ.

Будутъ готовы-съ.

Минкова.

Да, пожалуйста, получше, побольше этакихъ.

Луковицынъ.

Слушаю-съ, сударыня... *агамантуса пустимъ*— будете довольны-съ.

Милкова.

За ними мой родственникъ придетъ.

Луковицынъ.

Хорошо-съ.

Милкова.

Вы и деньги съ него получите.

Луковицынъ.

Знаю-съ.

Милкова,

Только, пожалуйста, чтобы были хорошенькіе.

Луковицынъ.

Уважимъ-съ, уважимъ-съ (*провожаетъ ее*).

ЯВЛЕНІЕ X.

ТРЯПКА одинъ, потомъ ЛУКОВИЦЫНЪ.

Тряпка.

Нѣтъ, этакъ пропадешь совсѣмъ по службѣ. Скажутъ: ненадежный человѣкъ, обѣщалъ и обманулъ,— шутка плохая... Да я себѣ на умѣ (*показываетъ изъ-подъ полы букетъ*). Вотъ онъ, голубчикъ! ноготихоньку да взялъ.—Эй, хозяинъ!

Луковицынъ (*возвращаясь*).

Чего изволите?

Тряпка.

На тебѣ три цѣлковыхъ! (*кидаетъ ему деньги, показываетъ букетъ и убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛУКОВИЦЫНЪ и ФЕДЬКА.

Луковицынъ.

Эва, пострѣлъ какой! изъ заказныхъ подтибрилъ. Федька! сколько ихъ тамъ было?

Федька.

Девять штукъ, Терентій Андреичъ.

Луковицынъ.

Ну-тка перемѣшай, чтобъ опять ихъ было девять. Зелени прибавь, миртуса побольше. Слышишь ли?

Федька *(уходя)*.

Слушаю-съ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЛУКОВИЦЫНЪ и ВЛЮБЛЕННЫЙ.

Влюбленный.

Послушай, любезный!

Луковицынъ.

Желаемъ здравія-съ.

Влюбленный.

Послушай: отнесли вчера букеты въ Захарьевскую?

Луковицынъ.

Относили, сударь.

Влюбленный.

Въ 37-й №?

Луковицынъ.

Да-съ.

Виноватый.

Точно ли такъ?

Луковицынъ.

Такъ точно-съ.

Виноватый.

Ну?...

Луковицынъ.

Отнесли, сударь.

Виноватый.

Что жъ, ничего не спрашивали?

Луковицынъ.

Какъ-съ?

Виноватый.

Не спрашивали отъ кого?

Луковицынъ.

Какъ же съ, спрашивали.

Виноватый.

Что жъ отвѣчали?

Луковицынъ.

Да какъ вы приказывать изволили. Ничего не отвѣчали. Не велѣно де говорить отъ кого.

Виноватый.

Хорошо, братецъ, спасибо. — Точно отнесли?

Луковицынъ.

Будьте покойны, сударь.

Виноватый.

Въ Захарьевскую, въ 37-й №?

Луковицынъ.

Точно-съ.

Виноватый.

Ну, а кто же вышелъ?

Луковицынъ.

Дѣвка никакъ выходила, спрашивала у моего парня: «отъ кого-де цвѣты?» парень говоритъ: «не знаю, сударыня, а вотъ только отдать приказано.»

Виноватый.

Что́ жъ она?

Луковицынъ.

Да она взяла-съ.

Виноватый.

Сказала: спасибо?

Луковицынъ.

Да, говоритъ, благодари.

Виноватый.

Хорошо, любезный. Да такъ ли? не ошибся ли онъ? Марьѣ Андреевнѣ Лындиной, такъ ли сказано?

Луковицынъ.

Совершенно-съ.

Виноватый.

Можетъ быть, онъ отдалъ матери, старухѣ Марьѣ Семеновнѣ. Она вспыльчивая такая, еще разсердится, пожалуй.

Луковицынъ.

Помилуйте-съ, не въ первый разъ, парень мой не ошибется.

Виноватый.

Ну, хорошо. А скажи пожалуйста: (*помолчавъ*) барышня сама не выходила?

Луковицынъ.

Нѣтъ—не выходила.

Виноватый.

Ну, хорошо, братецъ. Горничная выходила?

Луковицынъ.

Да-съ, дѣвка.

Винокуровъ.

Въ Захарьевской.

Луковицынъ.

Такъ точно-съ.

Винокуровъ.

Въ 37-й №? а? въ 37-й №?

Луковицынъ.

Ну, да-съ! (*уходитъ*).

Винокуровъ (*одинъ*).

Бѣдный я!... чего я хочу?... зачѣмъ я еще мечтаю?... *она* помолвлена за другаго. *Ее* отдаютъ за Трапку, а я... *зачѣмъ* я, страдаю безнадежно?

Зачѣмъ я въ столицѣ? мнѣ жить бы въ деревнѣ,
Здѣсь все мнѣ противно и служба не впрокъ!
Я все только брежу о Маріѣ Андреевнѣ,
И вяну и сохну, какъ нѣжный цвѣтокъ.
Зачѣмъ я на свѣтѣ? Совсѣмъ бы не надо.
Зачѣмъ я влюбился и сталъ безтолковъ?
Зачѣмъ я чиновникъ—такого разряда,
Что всѣ поступаютъ со мной безъ чиновъ?

(*За кулисами слышенъ голосъ Маріи Семеновны*):

Здѣсь, что ли, бальныя растенія на-прокатъ отпущаютъ?

Луковицынъ (*входя*).

Здѣсь, сударыня. Милости просимъ!

Винокуровъ.

Боже мой! что́ слышу я? голосъ Маріи Семеновны... и *она*! она съ ней! сердце бьется... какое

положеніе... что если она увидитъ!... Спрятаться гдѣ-нибудь. (*Прячется за кусты*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛУКОВИЦЫНЪ, МАРЬЯ СЕМЕНОВНА ЛЫНДИНА и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Лындина.

Уфъ! батюшки... устала немного. Здравствуй, мой родной.

Луковицынъ.

Здравія желаемъ-съ!—Вотъ учливая барыня, воспитанная.

Лындина.

Скажи-ка, мой батюшка, здѣсь, говорятъ, берутся ставить въ комнатахъ горшки съ цвѣтами?

Луковицынъ.

Къ свадьбѣ, что ли, сударыня?

Лындина.

Нѣтъ, любезный, не къ свадьбѣ еще. Дочь-то я, правда, сговорила, да свадьбу-то сыграть теперь нельзя... пора, ты, батюшка, самъ знаешь какая.

Луковицынъ.

Дѣйствительно-съ. Такъ для бала-съ угодно.

Лындина.

Я здѣсь человѣкъ новый, батюшка. Вторую недѣлю всего какъ изъ Саратова.—Дочь еще тамъ сговорила, изъ министерства чиновникъ пріѣзжалъ. Человѣкъ степенный, кажется, солидный такой.

Луковицынъ.

Хорошее дѣло-съ.

Лындина.

Имя странное немного: Тряпка. Ну, да говорятъ, это хорошая малороссійская фамилія.

Луковицынъ.

Такъ-съ.

Лындина.

Ну, не кухарка же я, батюшка, въ самомъ дѣлѣ, пріѣхала сюда... нельзя не дать бала. Попросила совѣта у знакомой,—она модница у меня такая шематонка. Вы, говоритъ—поставьте вездѣ произрастенія: безъ этого нельзя теперь.—Какія это, батюшка, произрастенія? покажи изъ милости... съ-роду не видывала.

Луковицынъ.

А вотъ, не угодно ли взглянуть...

Лындина.

Сюда, что ли?

Луковицынъ.

Сюда-съ... сюда-съ. (*Оба уходятъ въ глубину лавки*).

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ВЛЮБЛЕННЫЙ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Влюбленный (*изъ-за кустовъ*).

Тсъ!... тсъ!... Марья Андреевна!

Марья Андреевна.

Ахъ!...

Влюбленный.

Марья Андреевна! выслушайте меня...

Марья Андреевна.

Ахъ, оставьте!

Вивлинный.

Нѣтъ, Марья Андреевна! теперь или никогда! судьба наша должна сейчасъ рѣшиться, признайтесь мнѣ только: вы не любите Тряпку?

Марья Андреевна.

Помилуйте-съ! что съ вами?

Вивлинный.

Вы не можете его любить! гдѣ ему? онъ оселъ извѣстный въ департаментѣ. Онъ, просто, дуракъ набитый! позвольте убить только его! Я его убью! уничтожу, сотру съ лица земли! я его .. ахъ, извините, Марья Андреевна... я не знаю что я говорю,... у меня голова идетъ кругомъ... сжальтесь надо мною.

Марья Андреевна.

Чего же вы хотите?

Вивлинный.

И вы это у меня спрашиваете! вы не знаете чего я хочу...

Марья Андреевна.

Ахъ, Боже мой!

Вивлинный.

Вы не отгадали, что я люблю васъ! что вы солнце моей жизни! видѣть васъ—одно мое счастіе! безъ васъ—смерть! ей-Богу смерть! умру! застрѣлюсь! не уже ли вы хотите, чтобъ я погибъ?

Марья Андреевна.

Ахъ, нѣтъ-съ... какъ можно!

Вивлинный.

Марья Андреевна! божество мое!

Романсъ *(изъ Лукреціи)*.

Ты ландышъ! ты розанъ красивый
Зачѣмъ прозябаемъ мы врозь?
Твой взглядъ такъ и жжетъ какъ крапивой
И колетъ мнѣ сердце насквозь!
Позволь, чтобы страстный любовникъ,
Донынѣ убитый судьбой,
Забывъ, что онъ бѣдный чиновникъ,
Какъ съ розою дикій шиповникъ
Всегда процвѣтать бы съ тобой!

Скажите, что вы неравнодушны къ моей страсти? скажите, что вы отгадали, кто присылалъ вамъ цвѣты въ Захарьевскую.

Марья Андреевна.

Какъ! это вы?

Виноватый.

Какъ? не уже ли вы не знали?

Марья Андреевна.

Я-съ...

Виноватый.

Вы отгадали? не правда ли? не краснѣйте... не правда ли, вы отгадали? ну, признайтесь, отгадали да? да?

Марья Андреевна.

Да-съ.—

Виноватый.

И не сердитесь?

Марья Андреевна.

Нѣтъ-съ.

Виноватый.

Марья Андреевна! ангелъ мой! такъ вы меня любите? такъ вы не хотите Трифки? О! теперь мнѣ

все ни-по-чемъ! весь Петербургъ вверхъ дномъ поставлю!

Марья Андриевна.

Что это вы?

Лыпдина *(за кустами)*.

Съ кѣмъ это Машенька тамъ говоритъ?...

Вивлинный.

Вы меня любите! Этого мнѣ довольно. Цѣлый свѣтъ убью, а васъ ни кому не отдамъ, а Трапку... Трапку разорву на части!

Лыпдина (*такъ же*).

Ахъ, Боже мой! что я слышу!

Марья Андриевна.

Да, маменька...

Вивлинный.

Маменька! что она такое? развѣ она имѣетъ право на ваше сердце? вотъ, великая важность, что маменька. Да, что она значитъ? Я буду вамъ маменькой! я всѣхъ замѣню вамъ! я увезу васъ, я увезу тебя, Машенька, на край свѣта!

Лыпдина (*выходя изъ-за кустовъ, падаетъ на руки Луковицына*).

Что я слышу! ахъ, дурно!... дурно!... Что со мной?

Луковицынъ.

Дурнота-съ.

Лыпдина.

Ахъ!

Луковицынъ.

Уфъ!

Лыкина.

Дурно!

Луковицынъ.

Эхъ, не хорошо! Эй! Федька! лавку, стулъ поскорѣй... задавитъ совсѣмъ.

Марья Андреевна.

Что вы надѣлали, маменька! Боже мой! ахъ! дурно!... дурно!... (*падаетъ на руки Влюбленнаго*).

Влюбленный.

Воды! воды! лейку! (*суетится около Марьи Андреевны, Луковицынъ около Марьи Семеновны; Федька приноситъ лейку,—ихъ оттираютъ, прыскаютъ и проч.*).

Влюбленный.

Что я надѣлалъ!

(*Изъ Лучіи.*)

Боже мой! какъ я страдаю!
Я сразилъ и мать и дочь.
Что мнѣ дѣлать? я не знаю....
Какъ такой бѣдѣ помочь?

Хоръ (*лакеевъ*).

(*Изъ Севильскаго Цирюльника*).

Давайте букеты!
Букетовъ сюда!
Стоятъ здѣсь кареты
И ждутъ господа;
На деньги! дай сдачи!
Давай какъ пришлось!
Мы словно на дачѣ,
Прямой сѣнокосъ.

(*Общая суматоха. Лакеи, получивъ букеты, убѣгаютъ*).

Луковицынъ.

Кто бы подумалъ! здоровая, кажись, барыня, а вотъ скрутилась, словно прутикъ какой... чутъ-чуть рукъ не отломала. Ну, что тамъ еще?

ЯВЛЕНІЕ XV.

Прежніе и МИЛКОВА. Г-жа Лындина въ глубинѣ лежитъ на лавкѣ за зеленью. Марья Андреевна подлѣ нее плачетъ. Влюбленный ее утѣшаетъ.

Милкова.

Ахъ, послушайте, я забыла спросить: у васъ тоже дѣлаютъ... вы знаете... Эти зеленые большіе вѣнки?

Луковицынъ.

У насъ, сударыня.

Милкова.

Очаровательныя гирлянды! Я вамъ пришлю розовыхъ лентъ два аршина. Можно старыхъ?

Луковицынъ.

Можно-съ, сударыня.

Милкова.

Пошире только.

Луковицынъ.

Да-съ, коли поширше, будетъ показистѣе.

Милкова.

А скажите, пожалуйста; изъ какой зелени эти вѣнки дѣлаются?

Луковицынъ.

Да всякая — идетъ-съ. Какую прикажете, смотря по цѣнѣ.

Милкова.

Такъ, пожалуйста, для меня ужь самую лучшую.

Луковицынъ.

Съ нашимъ удовольствіемъ.... самую свѣжую поставимъ, останетесь довольны.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ и ТРЯПКА въ большомъ волненіи.

Тряпка.

Эй! хозяинъ! лавочникъ! что хочешь бери, давай только букетовъ! все, что есть! всю лавку! скорѣе только.

Милкова.

Ахъ, старый знакомый! Тряпка! (*про себя*) Вотъ бы заставить его кинуть мнѣ букетъ. (*Ему*) Какими судьбами?

Тряпка.

Извините, сударыня.... не до того.... Эй, ты, букетъ! давай сюда бороду! что я вру.... Эй, ты, борода! давай сюда букетовъ! слышишь ли? всю лавку давай! все что есть!

Луковицынъ.

Да, вы послѣдній изволили потихоньку унести!

Тряпка.

Да, въ томъ-то и бѣда! ошибся, братецъ, ошибся! не той кинулъ!

Милькова (*смѣется*).

Какъ не той?

Тряпка.

Не той! не той! бѣда такая, воообразите: Сила Ѳедорычъ, начальникъ мой, просилъ изъ дружбы, не то, чтобы подлость какая-нибудь, а такъ, онъ охотникъ до музыки... самъ поетъ прекрасно. Зачѣмъ же не угодить ему? говоритъ мнѣ, покажемъ себя, бросимъ букетиковъ? какъ же-съ, покажемъ-съ. — Ну, взялъ здѣсь букетъ....

Луковицынъ.

Не совсѣмъ-то правильно.

Тряпка.

Ну ужь, молчи ты, борода! Взялъ букетъ-съ, и поѣхалъ въ театръ на Ванькѣ. Вхожу.... подняли занавѣсь, кричатъ: браво! браво! трескъ такой: букеты летятъ! чортъ знаетъ, меня разобрало!... Я хвать букетомъ! повѣрите ль: попалъ на сцену! право попалъ— ну, и обернулся къ Силѣ Ѳедоровичу.... да и улыбаюсь ему, этакъ.... видите ли, Сила Ѳедорычъ. Исполнилъ приказаніе. Что же вы думаете? сердится! изъ-себя выходитъ! Онъ же, всего въ трехъ ложахъ разстояніемъ, стоитъ-себѣ, да и сказалъ что-то такое, очень, очень грозно! слышалъ я только: *ракъ* ты Тряпка! Помилуйте, а какое ракъ, вотъ-такъ и поблѣднѣлъ, какъ полотно! что прикажете дѣлать? Сила Ѳедорычъ эту не любитъ, терпѣть, говоритъ, не можетъ. (*Особо*) Чѣмъ же я виноватъ? Этакъ пропасть совсѣмъ можно.

Милкова.

Какъ же вы теперь думаете?

Тряпка.

Да вотъ хотѣлъ бы какъ-нибудь поправиться. Куплю штукъ пятнадцать букетовъ! пятьдесятъ штукъ! ну, всю лавку! да и брошу разомъ другой.... настоящей.—Вотъ настоящей-то.

Луковицынъ.

Да ужъ, хоть тресни, теперь букетовъ нѣтъ ни одного.

Тряпка.

Голубчикъ ты мой! почтенный негоціантъ! ну, пожалуйста, не откажи, вѣкъ не забуду!

Луковицынъ.

Да, ей-Богу нѣтъ-съ.

Тряпка.

Ну, пожалуйста. Ну, хоть дрянныхъ, самыхъ этакихъ.... хоть травки какой-нибудь, только чтобъ на букетъ было похоже.

Лындина. (*слабымъ голосомъ*).

Гдѣ... я?... что́ случилось?

Марья Андреевна.

Въ цвѣточной лавкѣ, маменька.

Влюбленный.

Сжальтесь надъ нами!...

Лындина.

Отойдите сударь! (*нѣмая сцена*).

Луковицынъ (*Тряпкѣ*).

Здѣсь ужь никакъ не получите! а вотъ ступайте въ кіятеръ-съ обратно. Говорятъ, что брошенные букеты можно иногда покупать у сторожей. Иной разъ одинъ букетъ раза три швыряютъ.

Тряпка.

Пробовалъ, братецъ, да не удалось. Я-было даже на сцену забрался, капельдинеръ меня только.... Этакъ, неучтиво даже выпроводилъ. Не велѣно пущать говорить.

Луковицынъ.

Ну, а мнѣ помочь не чѣмъ. (*Особо*) Пойду взглянуть, чай уже очнулась.

(*Уходитъ въ глубину лавки*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

МИЛКОВА, ТРЯПКА и прежніе въ глубинѣ лавки.

Милкова.

По дѣломъ вамъ, Иванъ Иванычъ! вотъ, повадились ходить въ эту италіянскую оперу... а къ намъ въ театръ перестали совсѣмъ.

Лындина (*вполголоса*).

Что это? Тряпка съ кѣмъ это говоритъ...

Вишнинный (*также*).

Съ актрисой, Марья Семеновна. Сжальтесь надъ нами! мы любимъ другъ друга!

Лындина.

Ахъ, отвяжитесь, пожалуйста! дай-ка послушать, что это за актрисы такія?

Милкова.

А позвольте спросить: чѣмъ же театръ нашъ не хорошъ? актеры и актрисы, кажется, хорошіе: Мартыновъ, Григорьевъ, Каратыгинъ...

Тряпка.

Да-съ, пріятные люди.

Милкова.

А вотъ, не-бось, про своихъ забыли.

Трянка.

Помилуйте-съ.

Милкова.

А еще притворялись влюбленнымъ.

Трянка (*особо*).

Чтó это она? отъ-роду не говорилъ. А! можетъ быть я ей понравился!

Лындина (*дочери*).

Вишь онъ смиренникъ какой!

Влюбленный.

Слышите-съ.

Милкова.

Я всякій разъ, какъ выйду на сцену, смотрю въ кресла: нѣтъ ли его? нѣтъ! видно, измѣнилъ.

Трянка.

Некогда... все...

Милкова.

Всѣ вы, мужчины, такіе. Право, вамъ только повѣрь.

Трянка.

Я не изъ такихъ-съ...

Милкова.

Ну, хорошо же, хорошо. Помиримтесь. Только послушайте-же: завтра у насъ будетъ полька...

Лындина.

Это чтò такое?

Влюбленный.

Это тоже актриса.

Милкова.

Вы придете для польки!

Тряпка.

Непремѣнно! я безъ ума отъ польки!

Вивлицкій (*Лындиной*).

Слышите?

Лындина.

Ахъ, онъ гадкой человѣкъ!

Милкова.

Ну, такъ смотрите же. Приходите не съ пустыми руками. Мы увидимъ, кто вамъ нравится?

Тряпка.

Да, да, да! (*особо*) неужли и ей букетца захотѣлось? (*ей*) Принесемъ, сударыня.

Милкова.

Смотрите же (*протягиваетъ ему руку*) до свиданія...

Тряпка (*цѣлуя руку*).

Какая хорошенькая у васъ ручка! (*Милкова уходитъ*).

Лындина (*показываетъ лице изъ-за кустовъ*).

Хорошъ, батюшка! хорошъ! нечего сказать, разодолжилъ! вишь какой! съ актрисами, съ польками! ай-да дѣловой человѣкъ! секретарь, батюшка!...

Тряпка.

Марья Семеновна....

Лындина (*выходя*).

Молчите, сударь! стыдно вамъ: беззащитную вдову обманули кругомъ. А я, старая дура, вамъ повѣрила... не бывать Машенькѣ за вами!

Трина.

Да выслушайте....

Лыкина.

Слышать не хочу! чтобъ ноги ваша не была у меня въ домѣ!

Трина.

Да я объясню вамъ....

Лыкина.

Еще объяснить хотите? вотъ только этого недоставало, чтобъ вы объясняли мнѣ ваши похожденія съ польками! ваше мѣсто, сударь, въ Дѣтскомъ Театрѣ съ антиками, а не въ дворянскомъ домѣ. Я не столичная, слава Богу.

Трина.

Да я-съ....

Лыкина.

Молчите!

Трина.

Да я вамъ....

Лыкина.

Я вамъ говорю молчите.

Трина (*кричитъ съ отчаяніемъ*).

Помилуйте, да это ни на что не похоже! Этакъ съ людьми не поступаютъ; это нечестно, неблагородно! Вы дочь свою сосватали, вы не можете отказать, я буду жаловаться.

Лыкина.

А вамъ вы сѣѣете?

Тряпка.

Да она моя невѣста! я ей женихъ! оно всѣмъ извѣстно. Ей послѣ этого партіи нельзя будетъ найти.

Анидина.

Такъ-то-съ! такъ вотъ же вамъ! Машенька, поди сюда... вотъ тебѣ мужъ! (*подводя ее къ Влюбленному*) открылъ мнѣ глаза добрый человѣкъ!

Марья Андреевна.

Ахъ, маменька!

Лыпдина.

Ахъ, Машенька!

Влюбленный.

Ахъ, Машенька! ахъ, маменька!

Марья Андреевна.

Маменька! (*обнимаются*).

Влюбленный.

Машенька! (*обнимаетъ обѣихъ*).

Тряпка.

Это что́ за анекдотъ?

Лыпдина.

Ну, не душите только, не душите.... благослови васъ Господи! Уфъ! какъ-то безъ Тряпки стало легче. Поѣдемъ домой, дѣти. (*Тряпкѣ*). А чтобъ вашей фигуры я никогда не видала. Да впрочемъ, вамъ съ долькой-то, я думаю объ насъ и вспомнить не придется. Стыдно, сударь! ну, въ добрый часъ поѣдемъ, дѣтушки.

Тряпка.

Что станешь дѣлать? Сила Ѳедоровичъ гнѣвается, Марья Семеновна прогнала. Ни мѣста, ни невѣсты! вотъ тебѣ и букеты! (*хочетъ уйти*).

Сторожъ *(входитъ)*.

А что, хозяинъ.... не дашь ли по гривенничку? вотъ съ кіятера букетцовъ принесъ, къ вечеру могутъ опять пригодиться.

Трянка *(отскакиваетъ въ бѣшенствѣ)*.

А? что? букеты? что за букеты? какія опять букеты? да кто ихъ выдумалъ, эти букеты? да какъ ихъ позволяютъ, эти букеты? что въ-самомъ-дѣлѣ! повадилась эта публика кидаться букетами въ людей! на что это похоже? А что бы она сказала, если бы въ нее самую стали кидать букеты? *(беретъ корзину у сторожа)* а? да что на это скажутъ? такъ вотъ же ей.... *(хочетъ бросить — но останавливается)*. Нѣтъ страшно!... Достанется за это (капельмейстеру). Вы дирижируете оркестромъ.... такъ позвольте-съ *(подаетъ букетъ)*.—Не стоитъ благодарности.

Трянка *(къ публикѣ)*.

Теперь бы слово молвить вамъ
Мы безъ свидѣтелей хотѣли:
Расходы вѣчные цвѣтамъ
Вамъ, вѣроятно, надоѣли?
По крайней мѣрѣ, господа,
Великодушно поступайте:
Въ награду нашего труда
Букетовъ нашихъ не бросайте.

ХОРЪ.

Цвѣтетъ здѣсь опера у насъ;
Но если оперы вамъ мало,
Не худо, право, чтобъ отъ васъ
И наша сцена процвѣтала.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Стр.

Сибирскій театръ. 3
Черты петербургской жизни 1847 года:
I. Маскарадъ въ Большомъ театрѣ . 16
II. Гимнастика.—Маскарадъ Благороднаго Танцовальнаго Общества. — Художественный Базаръ . . . 31
III. Музыкальныя утра Вьетана.—Нашествіе журналовъ 41
IV. Концерты, концерты и концерты . 49
V. Э. И. Губеръ 59
VI. Еще нѣсколько словъ объ Э. И. Губерѣ 66
VII. Весна. — Похвальное слово райку. — Невскія кареты. — Новости.—Невеселое заключеніе . . 78
VIII. Нѣчто о пѣтухѣ и, кстати, о критикѣ.—Духовъ день.—Послѣдній маскарадъ 88
IX. Община Сестеръ Милосердія . . 95
X. Мой портретъ 101

Стр.

III. ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОПЫТЫ.

Мѣстники. Драма въ пяти дѣйствіяхъ 109
Ящикъ или шалость гусарскаго офицера. Драматическая картина въ одномъ дѣйствіи . 310
Бѣда отъ нѣжнаго сердца. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи 369
Букеты или петербургское цвѣтобѣсіе. Шутка въ одномъ дѣйствіи 424

Stanford University Libraries
3 6105 004 706 920

3361
.S7
1855
v.3

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

F/S JUN 30 1994